

Сумские гусары

1651 - 1951

СУМСКИЕ ГУСАРЫ

1651 - 1951

БУЭНОС - АЙРЕС

1 9 5 4

LOS HUSAROS DE SUMI

1651 - 1951

BUENOS AIRES

1 9 5 4

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

Сумские гусары

1651 - 1951

1954

Посещение Государем Императором Николаем II Копенгагена; встречают Король Датский Христиан IX, в форме Свёвского драгунского полка и Наследный Принц Датский Фредерик в форме 3-го драгунского Сумского полка.

Сын Николая Николаевича
А. А. А. А.

Генерал - Лейтенант
Александр Никитич
Сесславин
Командир Сумского гусарского полка
1812—1815
Именем которого полк стал именоваться с
26 августа 1912 года

МАРШЪ
СУМСКОГО ГУСАРСКАГО ПОЛКА.

The image displays a handwritten musical score for a march, titled "МАРШЪ СУМСКОГО ГУСАРСКАГО ПОЛКА." (March of the Sumsky Hussar Regiment). The score is arranged in six systems, each consisting of two staves (treble and bass clef). The time signature is 2/2. The music features a variety of rhythmic patterns, including eighth and sixteenth notes, and rests. Dynamics such as *f* (forte) and *ff* (fortissimo) are indicated. The notation includes various musical symbols, such as slurs, accents, and articulation marks, typical of a handwritten manuscript. The paper shows signs of age, with some discoloration and wear.

First system of musical notation, consisting of a treble and bass staff. The treble staff features a melodic line with eighth and sixteenth notes, while the bass staff provides a harmonic accompaniment with chords and moving lines.

Second system of musical notation, featuring a treble and bass staff. A dynamic marking of *p* (piano) is present in the treble staff. The treble staff continues with melodic development, and the bass staff maintains a steady accompaniment.

Third system of musical notation, consisting of a treble and bass staff. The treble staff shows a melodic line with some rests, and the bass staff continues with a consistent accompaniment pattern.

Fourth system of musical notation, featuring a treble and bass staff. The treble staff has a more active melodic line, and the bass staff continues with a steady accompaniment.

Fifth system of musical notation, consisting of a treble and bass staff. The treble staff features a melodic line with some rests, and the bass staff continues with a consistent accompaniment pattern.

Sixth system of musical notation, featuring a treble and bass staff. The treble staff has a melodic line with some rests, and the bass staff continues with a steady accompaniment.

Seventh system of musical notation, consisting of a treble and bass staff. The treble staff features a melodic line with some rests, and the bass staff continues with a consistent accompaniment pattern.

The first system of music consists of two staves. The right-hand staff features a melodic line with eighth and sixteenth notes, while the left-hand staff provides a rhythmic accompaniment with chords and eighth notes.

TRIO.

The second system of music continues the piece. The right-hand staff has a more active melodic line with sixteenth notes, and the left-hand staff features a steady eighth-note accompaniment.

The third system of music shows a change in texture. The right-hand staff has a melodic line with some rests, and the left-hand staff has a more rhythmic accompaniment with eighth notes.

The fourth system of music continues with a melodic line in the right hand and a rhythmic accompaniment in the left hand, featuring some chords and eighth notes.

The fifth system of music includes a dynamic marking of *p* (piano) in the right hand. The right-hand staff has a melodic line with some rests, and the left-hand staff has a rhythmic accompaniment.

The sixth system of music features a dynamic marking of *f* (forte) in the right hand. The right-hand staff has a melodic line with some rests, and the left-hand staff has a rhythmic accompaniment.

The seventh system of music is a repeat section with two endings. The first ending is marked with a '1.' and the second ending is marked with a '2.'. The right-hand staff has a melodic line with some rests, and the left-hand staff has a rhythmic accompaniment.

СУМСКИЕ ГУСАРЫ

1651—1951

Светлой памяти незабвенных товарищей однополчан, За Веру, Царя и Отечество живот свой положивших, в гражданской смуте убитых и от рук большевиков в застенках Чека погибших, посвящается эта книга.

ПРЕДИСЛОВИЕ

”Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим“.

А. С. Пушкин.

В 1901 году Сумский полк, тогда 3-й драгунский, торжественно и в полном составе отпраздновал свой 250-летний юбилей, и к этому сроку была издана история полка, составленная ротмистром Голодололинским. После этого полк продолжал жить своей нормальной жизнью, и, казалось, ничто не предвещало той бури, которая через несколько лет разразилась над Россией и привела ее к гибели.

В 1951 году уцелевшие от этой бури офицеры тихо и скромно отпраздновали 300-летний юбилей своего полка. Глубоко верят они, что полк их, как один из старейших полков Русской Армии, имеющий за собой трехсотлетнюю славную боевую историю, возродится снова, конечно, в других, более современных, формах. Вера эта побудила ознаменовать свой последний юбилей выпуском настоящей книги и передать будущему поколению все пережитое полком в эту грозную и трагическую эпоху, рассказать ему, как жили, служили, воевали за Царя и Родину их предки, рассказать, как бились они за честь России против ненавистного ига большевиков-коммунистов, и как уцелевшие из них скитались по чужим странам, всегда и везде объединенные любовью и привязанностью к своему полку.

Все события за последние 50 лет восстановлены, главным образом, по памяти, ибо никаких документальных данных или дневников почти не сохранилось. Но все добытые сведения строго проверялись под общей моральной ответственностью писавших.

Книга не претендует на документ большого исторического значения: полк для этого слишком малая единица, и кругозор его весьма ограничен, но некоторые штрихи историческо-

го характера в ней несомненно имеются и, может быть, смогут когда-нибудь послужить подсобным материалом для будущего военного историка.

Авторы этого труда отдают себе полный отчет в недостатках литературного характера, допущенных ими при его составлении. Все они строевые гусарские офицеры, не искушенные на литературном поприще.

Не увидит в нем читатель красочных батальных картин, громких фраз, ярких сравнений, не найдет он ни "обнаженных сабель, сверкающих на солнце", ни "гусарского строя, сметающего все на своем пути", но найдет он то, что было положено в основу этого труда, а основа эта — ПРАВДА.

В составлении этого труда принимали участие генерал-майор Говоров, полковники Швед и Соколов, ротмистры Снежков, Водо, Вярвьильский.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

1651—1901

Три столетия тому назад, при гетмане Богдане Хмельницком, городское малороссийское казачество, не видя конца нестерпимого польского ига, стало покидать свою родину по Днепру и селиться на южных окраинах Московского государства. Таким образом казачество заняло места в нынешней Харьковской губернии. Поселившиеся здесь казаки получили в 1651 году название слободских казаков (от слова слободно — свободно селиться).

Образовавшиеся таким образом поселения формировали полки, носившие названия по этим селениям. В северной части, на "диком шляховом поле" поселившиеся казаки по рекам Песлу, Суме, Вырге и Ольшавке получили название Сумских слободских казаков. Образовавшийся военный поселок получил название Сумы. По преданию, название это дано по трем кожаным сумам, найденным на берегу речки. Таково название полка и одновременно города Сумы.

Основателем полка был полковник Герасим Кондратьев. Полковник избирался всеми казаками. При Петре Великом выборный полковник — командир полка утверждался Царем и имел почти неограниченную власть. Как символ власти ему вручались "пернач" и полковая "хоругва". Должностных лиц в полку назначал полковник. Важные вопросы решались полковой радой. В 1682 году Сумский казачий полк перешел в ведение Московского Приказа и с этого времени считается частью Московского войска. Служба полка была конная. Формы одежды вначале не было — одевался кто как хотел и мог. Походную одежду казака составляли: низкая овечья шапка, с суконным верхом, "свита" или "кобеняка" грубого сукна, синий суконный кафтан, широкие шаровары и смазные сапоги "чоботы". Однообразная форма одежды для слободских казаков установлена была лишь Императрицей Елизаветой Петровной. Форма Сумского казачьего полка была следующая:

голубая черкеска с откидными рукавами, обшитая серебряной тесьмой и шнурами, голубые шаровары, барашковая шапка с голубым верхом. Главным украшением казака было оружие. Ценная сабля, обыкновенно турецкая, украшенная золотой или серебряной насечкой и драгоценными камнями. Огнестрельное оружие — пистолеты немецкой и пищали турецкой или Тульской работы, носившиеся в кобурах или как тогда называли, "ольстерах", украшенных золотым или серебряным шитьем.

Кроме постоянных отражений набегов татар и других кочевников, Сумские казаки принимали участие в подавлении мятежа Разина в 1668 году; в Турецкой войне в битве под Чигирином в 1677 году; в осаде Азова 1696 года; в войне со шведами в 1700 году; в усмирении Астраханского бунта в 1703 году; при взятии Перекопа в 1736 г., где штурмующие укрепления казаки, взбирались при помощи пик; во взятии крепости Очаков в 1737 году, в котором Сумские казаки по взятии крепости оставлены были в гарнизоне крепости.

В 1746 году полк несет сторожевую службу в Лифляндии. В Семилетнюю войну полк особенно отличился в бою у Гросс-Эгерндорф 19 августа 1757 года. Здесь все слободские полки были под командой бригадира Василия Петровича Капниста 1 и были расположены на нашем левом фланге. Когда прусская кавалерия его атаковала, бригадир Капнист со своими слобожанами кинулся навстречу ей, но, несмотря на всю стремительность атаки, не имевшие понятия о регулярном строе казаки, были смяты прусскими кирасирами. Слобожане храбро защищались, командир их Капнист рубился с ожесточением, но удар прусского палаша поверг его мертвым на землю. Когда увлеченная успехом прусская кавалерия попала под жестокий огонь нашей пехоты и повернула обратно, пришедшие в себя казаки бросились ее преследовать. Сумцы отрезали часть прусских кирасир и изрубили всех до одного человека.

С вступлением на престол Императрицы Екатерины II заканчивается эра казачества Сумского полка и начинается служба в регулярной русской армии уже как гусар. В 1756 году был сформирован Сумский гусарский полк на место упраздненного сумского слободского казачьего полка. Одновременно с этим области Украины, называвшиеся полками, поименованы были провинциями; полковые канцелярии обращены в провинциальные канцелярии; на место сотен учреждены были комиссарства. В состав новосформировавшегося Сумского гусарского полка вошли люди Черного, Молдавского, Сербского и Грузинского гусарских полков. Недоставших до комплекта людей было приказано взять набором из войсковых обывателей и вербовкой охотников. В полку положено было иметь шесть эскадронов. Первый командир Сумско-

Рядовой и обер-офицер
Сумского гусарского полка
1776—1783

го, уже не казачьего, а гусарского полка и не выбранный, а назначенный Указом Императрицы был полковник Ланов. Форма установлена новая, гусарская. Черный ментик, шнуры голубые, офицерам полагалась белая лисья выпушка, доломаны и штаны голубые с черными у гусар и золотыми у офицеров шнурами, сапоги парадные — желтые. Вооружение у гусар составляли: карабин, возимый на седле в бушмате, короткий пистолет с кремневыми курками и сабля. Седла в полку, как у всей кавалерии того времени, были венгерские с тремя подпругами.

За этот период полк участвовал в Турецкой войне 1768—1774 г. и принимал участие в боях за крепость Бендеры в 1770 году.

В 1771 году полк участвовал в покорении Крыма и особенно отличился при взятии Перекопа, который Сумцам пришлось брать в пешем строю. После покорения Крыма и окончания войны с турками в 1774 году, Императрица пожелала отпраздновать успехи русского оружия особенно торжественно в Москве. Для этого приказано было отправить туда части особо отличившиеся, в их числе направлен был и Сумский гусарский полк. Из Москвы, в 1777 году, полк вернулся на свою стоянку в город Сумы и простоял там до второй Турецкой войны.

В 1783 году полк был переименован из гусарского в Сумский легко-конный полк. По проекту Потемкина была преобразована вся русская кавалерия, одежда для солдата и офицера была упрощена, уничтожены были у солдат коса, букли, парики. Сумцы получили форму: синий мундир с алым лацканом и широким белым поясом, красные штаны у солдат и белые у офицеров, головной убор — каска с двумя сзади ее лопастьями, застегивающимися так, что служили наушниками. Вооружение, седловка остались прежние.

В Турецкую войну 1787—1788 г.г. полк под общим командованием Потемкина принимает участие при взятии крепости Очакова, где Сумцы в полтора часовом рукопашном бою разбили своего противника наголову. Историк говорит, что "убитые турки лежали в 8-9 рядов".

При взятии Измаила полк участия не принимал; в этом бою принимали участие лишь отдельные офицеры, награжденные за штурм крепости Георгиевскими крестами.

По заключении мира с турками полк направлен был в 1791 году на стоянку в Липцы, где, простояв зиму, ушел в лагерь при местечке Ивва.

В 1794 г. полк был расположен в Меджибоже и оттуда был отправлен для подавления польского мятежа к г. Холму. Находясь в корпусе Дарфельдена, принимал участие в боях у этого города: атаковал противника с такой быстротой и на-

тиском, что последний был совершенно смят и расстроен, а затем преследовал его на шесть верст за Холм по Люблинской дороге.

По окончании польской кампании в 1796 г. полк был размещен по квартирам в городах Туле, Богородицке и Веневе.

В этом году на престол вступил Император Павел I, который, будучи еще Наследником, за 20 лет до вступления на престол, посетил Берлин и лично познакомился с постановкой военного дела у Прусского Короля Фридриха Великого. С этих пор он неустанно трудился над составлением русской военной системы и над проектом устройства российских войск. В первый же месяц своего царствования им были установлены новые штаты полков, введены новые уставы и проч., в полках установлено шефство. Сумский легко-конный полк был снова переименован в гусарский и получил шефа генерал-лейтенанта Шевича. Полк стал называться Сумский генерала Шевича полк. На шефе полка лежали обязанности нынешнего командира полка. Кроме шефа, был и командир полка, обязанности которого походили скорее на обязанности помощника командира полка по строевой части нынешнего понятия. С переменой названия полка была изменена и форма: пальевый доломан с белыми шнурами, голубой ментик с белой обшивкой, штаны лосиновые, сапоги без розеток черные, шапка и кивер с белым шлыком и белым султаном. Офицерам полагалась длинная венгерка — пальто и треугольная шляпа. Полк был преобразован в 10-тиэскадронный.

В Швейцарском походе 1799 года полк состоял в корпусе генерал-лейтенанта Римского-Корсакова. Отличился полк в этом походе в сражениях при Цюрихе, Шафгаузене, Эглизау и Шлате. Возвращаясь на родину, полк проделал 1194 версты в 48 переходов с 15-тью днями и был расквартирован в Волынской губернии. В декабре 1801 г. полк был направлен в С. Петербург, но на марше получил приказание следовать в г. Смоленск, где простоял до июля 1802 года, когда получил приказание следовать в г. Сумы, в котором и оставался до начала французской кампании 1806—1807 г. г. Здесь, в Сумах, в 1803 году полк получил приказание выделить из своего состава два эскадрона на формирование Одесского гусарского полка, позднее лейб-уланского Цесаревича Константина Павловича полка, положившего начало существованию в русской армии уланских полков. В 1806 г. полк выделил один эскадрон на формирование Гродненского гусарского полка. Командиром этого эскадрона был Кульнев, известный впоследствии кавалерийский начальник.

В кампании 1806—1807 г. г. полк принимал участие в сражениях при Лопачине, Голытине, Морунгене и Прейсиш Эйлау. При отходе наших войск к Пултуску, Сумский полк вместе с

Унтер-офицер
Сумского гусарского полка
1797—1801

другой конницей был отрезан от своей армии, и ему пришлось долго блуждать разными дорогами, чтобы соединиться со своими частями. У Цеханова французы напали на наш арьергард; три эскадрона Сумцов под начальством майора Потапова (потом генерала от кавалерии) с успехом отразили атаки французов. 13 января 1807 года шесть эскадронов Сумских гусар под командой генерала графа Палена ворвались в Морунген и захватили весь корпусный обоз Бернадота, взяли при этом в плен 10 офицеров и 350 рядовых. Продвинувшись затем вперед, граф Пален наткнулся на авангард корпуса Бернадота, возвращающегося в Морунген. Отослав взятые в Морунгене трофеи в тыл, Пален отошел назад и оставил для наблюдения за противником лейб-эскадрон Сумцов, командиром которого был граф Крейц. Ночью эскадрон зашел слишком далеко вперед и был окружен французами, но прорубился и присоединился к свосму отряду.

В дальнейшем движении на Прейсиш Эйлау полк имел небольшое дело при Токендорфе.

27 января 1807 года произошла знаменитая битва при Прейсиш Эйлау. Французская армия была расположена перед Прейсиш Эйлау, русская — по холмистой равнине Эйлау. Едва французские войска начали движение, Главнокомандующий русскими войсками Беннигсен открыл огонь из 60 орудий, французы отвечали из 80-ти. Артиллерийский бой продолжался около двух часов, но в ходе сражения перемен не было. Около 10-ти часов утра началась метель, несшая комья снега прямо в лицо французам. Корпус Ожеро в метели сбился с дороги и неожиданно для себя оказался перед нашей артиллерией. Орудия ударили картечью, наша пехота кинулась в штыки. Кавалерия, производя лихие атаки, способствовала пехоте. Сумский полк несколько раз ходил в атаку, действуя на левом фланге неприятеля. Подполковник Линев, командир первого батальона (дивизиона), лихой атакой отрезал часть наступающего врага и выручил 1-ый и 24-ый Егерские полки, которые были отрезаны от своих, и им грозила неминуемая гибель. Во время этой атаки штабс-ротмистр Обозников со своим эскадроном взял в плен два взвода французской кавалерии. Под Прейсиш Эйлау обе стороны приписывали успех боя себе.

В 1807 году Император Александр I и Наполеон заключили мир. Сумский полк для стоянки был отправлен в Грабин (9 верст от Либавы), где простоял до 1808 года. В этом году начались осложнения с Швецией, поддерживаемой Англией. Опасались английского десанта. На полк была возложена задача охранения Балтийского побережья. Для выполнения этого полк занял сторожевыми постами линию от границы Литовской губернии до реки Виндавы; 4 эскадрона полка были пе-

реправлены на остров Эзель. Английского десанта не последовало.

В 1809 году полк получил новую форму: серый ментик на алой подкладке, серый доломан с серебром и красные рейтузы. Уничтожены были парики, косы и пудра, введенные вновь в русской армии Императором Павлом I. В этом году полк в составе 10-ти эскадронов был направлен в Новогрудск, Гродненской губернии, где и простоял до Отечественной войны 1812 года.

В апреле 1812 года в м. Каменец-Литовск, близ г. Гродно, был сформирован из 40 эскадронов кавалерийский корпус генерала графа Палена. Сумцы вошли в состав корпуса.

Наполеон перешел Неман, началась Отечественная война и великое отступление. Корпус графа Палена во все время отступления находился в арьергарде. 4-го июля наша армия оставила Дрисский лагерь и 11-го достигла г. Витебска. Незнание о судьбе армии Багратиона заставило генерала Барклая-де-Толли задержаться на позиции за рекой Лучесой до получения известий о второй армии и, не давая генеральному сражению, задерживать неприятеля малыми отрядами, пользуясь лесистой местностью. С этой целью Барклай-де-Толли выдвигает 12-го июля к городу Островно отряд генерала Остермана, в состав которого вошел и Сумский гусарский полк. 13-го июля в 6 утра завязался горячий бой с наступающими французами. В этом бою Сумцы поддержали атаку Лейбгусар, понеся при этом значительные потери. К 11 часам ночи бой затих. Остерман остался на своей позиции.

После боя отряд генерала Остермана в ночь с 14-го на 15-ое июля отошел за реку Лучесу, а полк присоединился к своему отряду-арьергарду графа Палена, который занимал в восьми верстах впереди Витебска позицию, прикрывающуюся с фронта небольшой речкой. Бой начался с рассветом. Сумские гусары заодно с казаками атаковали французских конноегерей. Егеря встретили атаку залпами, но атакующих это не остановило. Гусары с поднятыми к атаке саблями, а казаки с гиком смяли егерей и кинулись на стрелков. К вечеру бой на всей позиции затих. Русская армия продолжала отступать. Отряд Палена двигался к Витебску. Сумцы, следуя в арьергарде последними, перейдя последний мост у Витебска, сожгли его.

20-го июля к Смоленску подошла 1-я Армия, и 22-го — вторая. В Смоленске армии пробыли 4 дня. 6-го августа было отдано приказание оставить Смоленск. Сумский полк, следуя в арьергарде барона Корфа, имел незначительное дело у Геденова. Далее полк присоединился к 1-му кавалерийскому корпусу, поступив под общее командование графа Орлова-Давидова, и имел дело на позиции на реке Стоогань.

Офицер Сумского гусарского полка
времен Отеч. ственной войны 1812 года

При отступлении наших армий от Смоленска на Московскую дорогу, благодаря славным подвигам конницы, французам не удалось отбросить русскую армию от Московской дороги.

В Бородинском сражении Сумский полк, на левом фланге нашей позиции у села Бородина и Семеновского, лихой атакой опрокинул кирасир Сан-Жермена. В этом сражении, кроме этой атаки, Сумцы принимали участие в конных атаках и в центре позиции. В Высочайшем приказе о награждении полка за Бородинский бой сказано: "ОСОБЕННО ОЗНАМЕНОВАЛ СОБЫТИЕ В ЧИСЛЕ ПРОТЧИХ СУМСКИЙ ГУСАРСКИЙ ПОЛК".

После оставления Москвы полк вошел в состав арьергарда Милорадовича, ставшего по выходе французов из Москвы авангардом русской армии. По окончании горячего сражения под Малоярославцем, переходившим несколько раз из рук в руки, французы стремительно пошли к Смоленску.

3-го ноября Сумские эскадроны под командой подполковника Покровского атаковали у села Красного французскую пехотную колонну и, как говорит историк, "произвели полное расстройство ее и захватили большое количество пленных и несколько орудий".

Для пресечения путей сообщения армии Наполеона с корпусами, оставленными на Двине, в Курляндии и на Воляни, фельдмаршал Кутузов отрядил во все стороны партизан. Отряды партизан составлялись из казаков и гусар. Так появились наши прославленные партизаны Давыдов, Дорохов, Сеславин. Два последних вышли из рядов Сумского полка. Сумские эскадроны входили в партизанские отряды. Сеславин со своим отрядом наводил такой страх на противника, что тот бежал при одном его появлении. Русский поэт Жуковский не забыл Сеславина в своем поэтическом произведении: "Певец во стане русских воинов" и воспел его словами:

"Сеславин где не пролетит
С крылатыми полками,
Там брошен в прах и меч и щит,
И устлан путь врагами".

16 ноября Сеславиным был занят г. Борисов, в этом бою было взято в плен 3.000 французов. Взятие Борисова приписывает себе партизан Денисов с казаками. Сеславин в донесении генералу Витгенштейну о взятии Борисова между прочим пишет: "за что отымать дела нашего отряда".

29 ноября было взято Вильно. Форсированные марши с боями от Малоярославца сильно измотали конский и людской состав армии. В полках была громадная убыль от развившихся повальных болезней, происходивших от недостатка в пище и употребления воды, зараженной гниющими трупами. Осо-

бэнно трудно было для конницы: фуража не было, кормом служила солома с крыш, за которой к тому же приходилось ездить верст за 10—15. Насколько тяжлы были потери полка можно судить по тому, что по приходе в Вильно, в полку имелось не более 120 лошадей, годных идти в атаку..

2 декабря был взят город Ковно. Французы отступили к Висле и тем вышли из пределов России. Отчужденная война закончилась. Государь приехал к армии в Вильно. В ознаменование пребывания Своего в армии всем нижним чинам Высочайше пожаловано было по рублю серебром на человека.

За это время в организации армии были произведены некоторые изменения. Кавалерийские полки были переформированы в шесть эскадронов, каждый эскадрон должен был иметь 208 человек и 179 лошадей. В гусарских полках карабины были отменены, и каждый эскадрон получил 16 мушкетов.

Желая увековечить воспоминания об Отчужденной войне, Император Александр I постановил соорудить в Москве храм Христа Спасителя, на стенах которого были вырезаны названия и потери полков, принимавших участие в войне. Храм-Памятник в 1926 году был уничтожен большевиками.

С изгнанием остатков "Великой армии" из пределов России Государь Александр I решил продолжать военные действия, и с переходом русских войск через Неман открывается новая кампания 1813—1814 г. г.

С началом военных действий Сумцы назначаются в главную армию Витгенштейна, в которой принимают участие в боях у г. Лоцен, у с. Строзднелъ 20 апреля. Здесь эскадроны Сумцов быстрым налетом останавливают частично наступление французов.

9 мая, когда Наполеон атаковал союзные войска у г. Райхенбаха, нельзя не отметить смелую атаку штабс-ротмистра Орлова, который, командуя эскадронам Сумцов, врубился в центр неприятельской конницы, произвел этим ударом большое замешательство в рядах неприятеля и своей храбростью воодушевил другие части, участвовавшие в бою. Противник был опрокинут.

В мае 1813 года один эскадрон Сумского полка вошел вновь сформированный отряд партизана Фигнера.

В июне 1813 года была сформирована гусарская дивизия, которая поступила под команду генерала Клейста. Под командой Клейста полк в составе этой дивизии в конце июня перешел границу Богемии, где около Праги имел несколько дней отдыха. В начале августа полк опять перешел в Саксонию и шел к Дрездену. Вел полк Сеславин. У деревни Гутлеби два эскадрона Сумцов атаковали из засады французский драгунский полк; 17 человек было изрублено, 30 взято в плен, остальные бежали. Ночь с 13 на 14 августа, т. е. накануне боя у Дрездена,

полк ночевал в Гросс-Гартене. 14-го с рассветом войска стали принимать боевой порядок. Витгенштейн решил атаковать Дрезден. Вначале бой проходил с успехом. Части дошли до самого Дрездена, ядра и гранаты ложились уже на улицах города, но французы оправились и перешли в контрнаступление, и союзникам пришлось отходить. Чтобы спасти критическое положение, Витгенштейн приказывает Сумскому полку атаковать наступающих французов. Полк искусным движением, угрожая неприятельскому флангу, задержал неприятеля, и положение было спасено. При дальнейшем движении Витгенштейна Сумцы имели дело у с. Госпиц. Здесь 24 сентября Сумцами была атакована колонна французской кавалерии; французские эскадроны рассыпались в сторону своей пехоты и вместе с ней отступили в деревню. В тот же день Сумцы неожиданно встретили "Краковских казаков" (поляки), которые и были моментально опрокинуты; было взято 60 человек пленных и много лошадей.

2 октября полк в составе отряда графа Палена участвовал в Лейпцигском сражении, где французская кавалерия в числе 10.000 драгун атаковала нашу артиллерию. С криком "ура" Сумские эскадроны ринулись в атаку. Неприятельская конница атаку приняла и завязался рукопашный бой, продолжавшийся около двух часов. Французская кавалерия отошла только тогда, когда на нашем правом фланге показались пять свежих эскадронов Кленау, который атаковал левый фланг французов. Мюрат отвел свою конницу назад. Сумцы в этом бою потеряли 11 офицеров. Бой за Лейпциг продолжался несколько дней. Самым тяжелым был день 4 октября. Сумский полк в этот день был в прикрытии артиллерии и стоял все время под сильным артиллерийским обстрелом. Наша артиллерия несла большие потери. Сумские офицеры и гусары должны были заменять артиллерийскую прислугу. Когда появилась французская кавалерия, было отдано приказание об атаке, но французы, не приняв атаки, отошли.

5 октября конница графа Палена была в резерве и в бою непосредственно участия не принимала. 6 октября граф Пален со всей своей конницей расположился у с. Мейсдорф, т. е. между наступающими колоннами Барклая-де-Толли и Бенигсена. В этот день Сумцам и Гродненцам пришлось выручать свою пехоту, атакованную французской кавалерией. На другой день 7 октября после кровопролитного боя Лейпциг был взят союзниками. Сражение под Лейпцигом получило название "Битвы народов". Сумцам с 4 по 7 октября выпала немалая доля участия в делах, предшествовавших взятию Лейпцига.

Французская армия, уступив союзникам Лейпциг, продолжала отступление. Сумцы, находясь в авангарде графа Палена, шли через Рету, Ангафорнбург, Аморбах, Якстгауз; здесь полк

имел несколько дней отдыха. Отсюда полк шел на Штуттгарт и далее через Ахерн, Ботофойет и Ратштат. В Ратштате полк получил пополнение людьми и лошадьми, ибо к этому времени вследствие понесенных потерь полк был сведен в 5 эскадронов и имел в своем составе всего 338 человек.

22 декабря 1813 года у форта Луи русская конница, переправившись через Рейн, вошла во Францию. Тут же на берегу был отслужен благодарственный молебен.

23 декабря полк занял город Гогенау, откуда, продолжая быть в рядах конницы графа Палена, наступал через Саварн на Нанси. В авангарде шел отряд Сеславина, который, следуя через Ножен, Провен, захватил Орлеанский канал, где Сеславиным были уничтожены захваченные суда и испорчены шлюзы. Этим Сеславин отрезал сообщение южной французской армии с севером и лишил Париж одного способа доставки продовольствия.

7 февраля Сеславин, наступая с полком к Парижу, отрезал французский отряд численностью около 1.000 человек, разбил его и гнал почти до самого Оригона.

18 февраля полк быстрым налетом захватил Виндвер.

8 марта, в день сражения при Арсис, Сумцы в отряде графа Палена были передвинуты к Труа; когда сражение разгорелось, были направлены в Обитер, на дороге в Арсис.

13 марта, в день боя русской конницы с молодой гвардией Наполеона, Сеславин с полком находился у с. Плёр, что на дороге Седан-Фершампенуаз. Здесь им был встречен неприятельский отряд, который был им атакован; разбив его, преследовал до Фершампенуаза. У Фершампенуаза три эскадрона Сумцов под командой полковника Аблова атаковали пехоту, другие два эскадрона атаковали неприятельскую артиллерию, прикрытые было смято, и молодецкие эскадроны захватили три пушки. Преследуемые Сеславиным расстроенные французские части отошли к дер. Аллеман. Во время этого преследования Сумцами было взято еще две пушки. Сражение под Фершампенуазом, в котором полку пришлось при самых неблагоприятных условиях атаковать несколько раз во всех случаях превосходного неприятеля, решило участь Парижа.

17 марта Париж был обложен союзными войсками. Сумцы в отряде графа Палена следовали за 5-й пехотной дивизией к Рашенвиллю. Рашенвилль был взят и противник оттеснен к Бельвилю, где произошел упорный бой. Кавалерия в этом бою участия не принимала. С высот Бельвиля Сумцы впервые увидели Париж. Это было 18 марта 1814 года. В этот день около 2-х часов дня обнаружился успех русских войск в центре позиции на Рашенвильском плато; это заставило французскую конницу, прикрывавшую свой правый фланг, отойти. Граф Пален перешел из Бельвиля в с. Венсен. В это время француз-

Обер-офицер Сумского
и рядовой Ольвиопольского гусарских полков
1828—1833

ская батарея, стоявшая у Тронной заставы, выдвинулась и открыла огонь по кавалерийскому авангарду. Это была батарея Политехнической школы в Париже, прислуга которой состояла из студентов этой школы. Сумцы с Чугульцами атаковали батарею, студенты мужественно защищались, и лишь после упорного боя атакующие, изрубив всю прислугу, захватили 14 орудий. Передовые пункты обороны Парижа захватывались постепенно русской пехотой. Последним оборонительным пунктом французов был Монмартр, который был взят штурмом. По окончании сражения полк ночевал в Нуази ле Сек. Французские войска, оставляя Париж, отходили к Фонтенебло.

19 марта 1814 года Сумский полк в голове авангарда кавалерии графа Палена вступил в Париж, но, назначенный для преследования отступающих французов, пройдя Париж, 22 марта подошел к Гиль и выдвинул от себя охранение в сторону Монтеро. 25 марта Наполеон отрекся. Военные действия прекратились. Полк расположился по широким квартирам около Парижа, заняв деревни Самлегранд, Аврри и Шуази; в последней расположился и командир полка Сеславин со своим штабом.

18 мая между королем Людовиком XVIII и союзными монархами был заключен мир.

Сумский полк, через Лангжимо, Версаль, Сан Жермен, был направлен в Понтуаз. Простояв неделю на отдыхе, полк отправился походным порядком на родину.

Стоянка полку была назначена в местечке Друи Минской губернии.

По окончании Наполеоновских войн, наша кавалерия подверглась различным коренным изменениям. Введена была мажоранская эзда, посадка требовалась по системе Цесаревича Константина Павловича, посадка, хотя и красивая, но недостаточно устойчивая. Плечо, колено и носок всадника должны были быть на одной линии. Изменено было и вооружение: карабины были заменены конноегерскими ружьями без штыка.

15 сентября 1819 года полк под Динабургом (Двинском) представлялся Государю. Смотр прошел неудачно, и Государь отстрелил от командования полком командира полка полковника Покровского.

Началось польское восстание 1830 года. Восстание застало полк в м. Россизнах, Ковенской губернии в составе 1-й Кавалерийской дивизии. С открытием военных действий не было дня, чтобы полку не пришлось высылать разъезды, выставлять сторожевые охранения, занимать переправы и пр. 7 февраля 1831 года полк у корчмы Вавр заодно с Новоархангельским вланским полком удачно атаковал поляков, которые после этого отошли к Грохову. 16 февраля полк принимал участие

в Гроховском сражении. 23 апреля Сумцы имели небольшое дело у Зимних Вод и 1 мая у Калушина, где четыре эскадрона преследовали поляков. 14 мая полк принял участие во взятии г. Остроленко. 3 августа у с. Тополева Сумцы и Лубенцы, находясь в отряде генерала Лидерса, были атакованы польской кавалерией, но успех сабельного боя остался за Сумцами и Лубенцами. 26 августа Варшава была взята штурмом русской пехоты. С окончанием военных действий полк расположился по квартирам в Новогрудском уезде Минской губернии.

В 1833 году 1-ая гусарская дивизия была переименована в 1-ую легкую кавалерийскую дивизию. Взамен Лубенского и Ольвиопольского гусарских полков вошли в Санкт-Петербургский уланский и уланский Цесаревича Александра Николаевича (будущий Курляндский) полки, которые и составили 1-ую бригаду дивизии. Во второй бригаде остались Сумский и Клястицкий гусарские полки. Гусарские полки стали 8-эскадронными, 9-й был резервным. 7-й и 8-й эскадроны назывались "фланкерскими". В этом году на вооружение конницы были введены пистолеты, и сабельному эфесу был придан более удобный вид. В этом году к Сумскому полку были присоединены два эскадрона упраздненного Дерптского конно-егерского полка. Эти два эскадрона перешли в полк со своими штандартами.

С 1834 года для русской кавалерии утвержден был лэнчик венгерского образца с широкой тесьмной подпругой. Практика показала неудобство этого лэнчика, и он вскоре заменен был лэнчиком, предложенным полковником Станкевичем. Лэнчик этот оставался до 1885 года, когда был заменен лэнчиком последнего образца.

Юбилейный 1851 год — 200 лет со дня основания полка — полк праздновал в Новогрудске. Старые штандарты трем дивизионам были заменены георгиевскими штандартами с Александровскими лентами с надписью под орлом "1651—1851". Нижним чином пожаловано Государем по полтине серебром на человека.

19 апреля 1853 г. полк получил новое наименование: вместо Сумского гусарского стал называться гусарский генерал-адъютанта графа фон дер-Палена полк. Вместе с этим полк получил новую форму: белый доломан, голубой ментик, серо-синие рейтузы, красный кивер, золотой прибор. Несмотря на красоту новой формы, Сумцам было жалко расставаться со своим мундиром дымчатого цвета и серебряным прибором. Этот мундир Сумцы носили в самые лучшие годы своей боевой гусарской службы, и он всегда служил памятником славной боевой жизни полка.

В 1853 году Турция объявила войну России. В виду возможности английского десанта полк был отправлен на Балтий-

ское побережье в Либаву. Оставив там 7-й эскадрон со штабом, полк расположился в Газенпотте, Палангене, Нейборшау, Сакенхаузене и Альшвиллене. Служба полка ограничивалась выставлением аванпостов вдоль побережья. Отсюда, получив разрешение Государя, 7 офицеров перевелись в пехоту Крымской действующей армии и приняли участие в героической Севастопольской обороне.

В 1855 г. вооружение гусарских полков было изменено. Первые шеренги были вооружены пикой, саблей и пистолетом; вторые короткими штуцерами и саблей. Офицеры — саблей и двумя пистолетами.

19 марта 1857 г., в годовщину занятия Парижа, был издан Высочайший приказ, в котором было сказано: "Для увековечения памяти военных подвигов, оказанных полками с первоначальными их наименованиями, тем из них, кои носят имена своих шефов, возвратитъ прежние коренные названия". Таким образом полк снова стал называться Сумским гусарским, генерал-адъютанта графа фон дер Палена полком.

В начале 1861 года полком, находившимся в то время на стоянке в м. Россиенах, получено было приказание свернуться в 4 эскадрона и выступить в Царство Польское в г. Седлец.

В польском мятеже 1863 года Сумцам, расположенным в то время в г. Сувалках, пришлось иметь незначительные дела, которые главным образом сводились к преследованию и уничтожению повстанческих банд.

25 марта 1864 года Высочайше было повелено армейским как пехотным, так и кавалерийским полкам, удерживая свои старые названия, именоваться кроме того по номерам. Сумский гусарский графа фон дер Палена полк стал именоваться 1-м гусарским Сумским фон дер Палена полком. Этим же приказом 1-ая легкая кавалерийская дивизия, в которую входил полк, была переименована в 1-ую кавалерийскую дивизию, в состав которой вошли:

1-ый Лейб-драгунский Московский Его Величества полк.

2-ой Лейб-драгунский Псковский Его Величества полк.

1-ый Уланский С.-Петербургский полк.

2-ой Лейб-Уланский Курляндский Его Величества полк.

1-ый Гусарский Сумский графа фон дер Палена полк.

2-ой Лейб-гусарский Павлоградский Его Величества полк.

В 1865 году форма была вновь изменена. Мундир оставался попрежнему гусарский, но без ментика, шитье на доломанах упрощено. Доломан стал голубой, рейтузы-чакчиры краповые, прибор золотой. Для гусар введена была "бескозырка" с алым околышем, голубым верхом и тремя желтыми кантами.

В этом году полк в составе 1-ой кавалерийской дивизии должен был отбывать лагерный сбор под С. Петербургом в Красном Селе, для чего из г. Ковно и был переправлен туда

по железной дороге, навсегда расставшись с Западным краем, где простоял более 60 лет.

За время пребывания в Красном Селе 22 мая 1865 года Высочайшим приказом шефом полка был назначен брат будущей Императрицы Марии Феодоровны Наследный Принц Датский Фредерик. Полку повелено было именоваться 1-м гусарским Сумским Его Королевского Высочества Наследного Принца датского полком.

Из Красного Села полк был направлен в г. Бежецк Тверской губернии, где простоял до 1876 года. В этом году полк был переведен на стоянку в Москву, где расквартировался в Хамовнических казармах.

Высочайшим приказом от 27-го июня 1875 года 6-типоловые кавалерийские дивизии были переформированы в 4-х-полковые. Кавалерийскую дивизию должны были составить один драгунский, один уланский, один гусарский и один казачий полки. 1-ую кавалерийскую дивизию составили:

1-ый лейб-драгунский Московский полк,

1-ый уланский С.-Петербургский полк,

1-ый гусарский Сумский полк,

1-ый донской казачий полк.

Для участия в кампании против турок 1877- 1878 годов полк в составе 4-х эскадронов 23 августа 1877 года выступил из Москвы и 24 сентября по железной дороге был доставлен до станции Бирзула. От Бирзулы походным порядком полк проследовал дальше. Подойдя к Дунаю, полк вошел в состав Каларашского отряда, начальником которого был назначен начальник 1-й кавалерийской дивизии генерал Дохтуров. На отряд была возложена задача охранять район по Дунаю от г. Ольтенау до д. Шокоричи против г. Черноводы. 4 октября полк занял сторожевую линию протяжением в 10 верст. На противоположном берегу Дуная находилась турецкая крепость Силистрия. Турки все время поддерживали артиллерийский огонь, не жалея снарядов. Бывало так, что стреляли из орудий по отдельным гусарам. 14 ноября турки силою табора произвели вылазку, которую Сумцы совместно с Омским пехотным полком отбили. 17 ноября вылазка повторилась, но была также отбита. 11 декабря повторилось то же самое, и турки третий раз были загнаны обратно в свои траншеи. 3-го января полк, сдав линию своего охранения румынским войскам, отправился в село Перашане, куда прибыл 14-го января. 8 февраля ночью при свете факелов полк на понтонах перешел через Дунай и тронулся через Твердицкий проход Балкан на Сан-Стефано. В ночь с 19 на 20 февраля полк перешел Балканы и 24-го дошел до Ени Загры, где расположился в с. Картене, а 15-го апреля 1878 года был уже в пути на родину на свою стоянку в Москву, где и простоял до 1-й Мировой войны 1914 года.

*Эскадрон 3-го драгунского Сумского полка
выделенный на формирование
52-го драгунского Нежинского полка*

13 мая 1882 года Государь Император Александр III повелел армейские уланские и гусарские полки переименовать в драгунские. 1-ый гусарский Сумский Наследного Принца датского Фредерика полк стал именоваться 3-м драгунским Сумским Наследного Принца датского полком. Гусарская форма была заменена драгунской. Темнозеленый мундир без пуговиц с обшлагами и бортом, обшитыми розовыми кантами, с розовым клапаном на воротнике. Погоны у офицеров золотые с розовой выпушкой, и у драгун розовые. Кушак розовый. На шинели розовые петлицы, обшитые темнозеленым кантом. Фуражка без козырька у драгун с розовым околышем, темнозеленым верхом, обшитая розовыми кантами. Рейтузы саросиние.

Итак, Сумский полк, если вычесть 13 лет пребывания на службе легкочленным полком, 103 года был гусарским. Гусарский мундир полк носил в лучшие годы своей боевой жизни, с этим мундиром были связаны воспоминания выдающихся его подвигов.

С переменой названия и формы офицерский состав переменялся почти наполовину. Многие офицеры не желая стать драгунами, уходили со службы. Все же командир полка того времени полковник Клюге-фон-Клюгенау на вопрос военного министра генерала Ванновского, сожалеет ли полк о своем гусарском мундире, ответил: "Хоть полк и сожалеет о своем старом мундире, но дух гусарский останется в нем навсегда, и если бы Сумскому драгунскому полку пришлось быть в деле, то противник узнал бы в нем старый гусарский полк".

В 1883 году последовал приказ о преобразовании полка из четырехэскадронного в шестиэскадронный. Для полка учреждена была однообразная вороная масть лошадей, до этого полк сидел на лошадях разных мастей. 1-ый эскадрон был гнедой, 2-ой рыжий, 3-ий серый и 4-ый вороной.

В 1885 году на Театральной площади в Москве полк впервые представлялся Государю в 6-тиэскадронном составе и на вороных лошадях. Полк представился блестяще и получил Царское спасибо.

20 октября 1894 года в Ливадии скончался Государь Александр III. На престол вступил Император Николай II.

Инспектором кавалерии был назначен Великий Князь Николай Николаевич. Требования службы повысились. Великий Князь лично проверял обучение в кавалерийских частях. В 1895 году Великий Князь два раза был в полку. Первый раз смотрел эскадронное учение и благодарил. Второй раз производил проверку одиночного обучения драгун и остался недоволен.

Весной 1896 года полк начал готовиться к коронационным торжествам. При въезде Государя для коронации в Мос-

кву полк в конном строю был расположен шпалерами вдоль Петербургского шоссе. В день коронации все офицеры были в Кремлевском дворце. Во время торжеств Сумцы впервые увидели своего Шефа Наследного Принца датского Фредерика, который 17-го мая этого года приехал в лагерное расположение полка в подмосковном селе Владыкино. Шеф сделал полку смотр, после которого офицеры приветствовали его в офицерском собрании чашей вина.

В 1896 году командующим войсками Московского Военного Округа был назначен Великий Князь Сергей Александрович. С этим как в строевой, так и во внутренней жизни полка произошли некоторые перемены. Так, полк начал праздновать свой полковой праздник несколько иначе, чем прежде. С этого времени в день полкового праздника, 26 ноября, полк стал ходить на общий парад по случаю Георгиевского праздника в Московский городской манеж в полном составе, когда от прочих частей гарнизона для участия в этом параде высылались лишь взводы. Офицеры полка в этот день приглашались на обед к Августейшему Командующему войсками во дворец, а затем в 12 часов ночи собирались у себя в офицерском собрании в Хамовнических казармах, куда приезжали старые Сумцы и гости полка.

В августе 1896 года Великий Князь Николай Николаевич в Москве произвел смотр всей 1-ой Кавалерийской дивизии. Смотр был бы удачен, если бы не неудовлетворительные тела молодых лошадей во всех полках дивизии.

В 1898 году Государь Николай II посетил Москву для открытия памятника Императору Александру II. Для встречи Государя полк в полной парадной форме был расположен по Мясницкой улице. В дни пребывания Государя в Москве от полка в Кремлевском дворце выставлялись внутренние караулы. Командир полка полковник Дерфельден, как флигель-адъютант, был несколько раз назначаем держурным при Особе Государя.

В конце 90-х годов драгунская форма была видоизменена. Мундир остался темнозеленого цвета, но застегиваться стал не на крючках, как прежний, а пуговицами в два ряда. Розовый цвет на кантах, клапанах, петлицах и погонах был заменен белым. Фуражка с белым верхом и темнозеленым околышем. Прибор золотой. На погонах у офицеров и драгун цифра "3". Рейтузы остались серосиними. Парадная шапка каракулевая с белым верхом.

В 1900 году полку были возвращены его старые шесть штандартов, хранившиеся в Рижском, а потом Петербургском арсенале.

В мае 1901 года с переходом полка на лагерную стоянку начались приготовления к празднованию 250-летнего юби-

лея полка. В селе Владыкино, где был расположен штаб полка, была устроена красивая арка, флагами и зеленью был украшен въезд на Лихоборское поле, где должно было происходить торжество. Вечером, в канун празднования, отлужена была панихида по Царю Алексею Михайловичу, по Сумцам, "живот свой на поле брани положившим", и всем умершим, служившим в Сумском полку. На панихиде полк присутствовал в полном составе. На другой день, т. е. 27 июня, на Лихоборском поле было отслужено благодарственное молебствие. После молебствия начальник дивизии генерал князь Васильчиков провозгласил здравицу Верховному Вождю Армии и поздравил полк с юбилейным днем. В этот день драгунам была выдана чарка водки и бутылка пива. Кроме того, каждый драгун на память о торжестве получил краткую историческую памятку о полке, образок Св. Георгия Победоносца, покровителя полка, и красивую металлическую кружку с портретами царствующего Императора и Царя Алексея Михайловича. Гости и офицеры полка после молебствия были приглашены на завтрак в специально для этого построенный павильон. За завтраком было произнесено много тостов и приветствий полку. Особенно интересен был тост городского головы города Сумы. В этом тосте он прекрасно охарактеризовал кровную связь полка с городом Сумы и передал полку подарок от города — серебряную вызолоченную громаднейшую братину с 8-ю большими чарами. Обратила на себя внимание также речь Е. А. Кондратьева, который просил полк принять от него в подарок "пернач", саблю и патронную сумку-лядунку своего предка полковника Герасима Кондратьева, первого командира Сумского полка.

Последний тост в стихах был сказан известным в то время в Москве журналистом В. А. Гиляровским:

"Когда-то полк сторожевой
Хранил родной Руси границы.
Там полк гусарский удалой
Предстал пред грозною стеной
Наполеоновской столицы.
Все было! Кровь лилась рекой,
Сверкали сабли боевые...
Всегда за честь страны родной
Пойдут геройски в славный бой
Сумцы драгуны удалые!"

НАГРАДЫ

1. Царская "грамата" от 28 июня 1668 г. (7176 г.).
2. Царская "грамата" от 5 мая 1669 г. (7177) .
3. Царская "грамата" от 11 мая 1681 г. (7189) с похвалой полку за службу и с предписанием совершить "благодарное" молебствие за перемирие с турками.
4. Царская грамота от 21 февраля 1695 г. с подтверждением привилегий Сумскому полку.
5. Указ Царя Петра Алексеевича от апреля 1706 г. с распоряжением о порохе и лошадях.
6. В 1775 г. за Турецкую войну 1768—1774 г. г. назначение полка, как наиболее отличившегося, на торжества в Москву.
7. За Французскую кампанию 1806—1807 г. г. за Прейсиш Эйлау специальный крест всему полку на Георгиевской ленте.
8. 22 Георгиевских трубы с надписью "Сумскому полку за отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 году". Пожалованы 13 апреля 1813 года. Высочайшая Грамота от 4 июня 1826 года.
9. Георгиевский штандарт с надписью "В воздаяние отличных подвигов, оказанных в благополучно оконченную кампанию 1814 года". Высочайшая грамота от 4 июня 1826 г.
10. Знаки на шапки с надписью "За отличие" за подвиги в войну с французами 1812—1814 г. в особенности в сражении под Лейпцигом. Пожаловано 30 мая 1814 г.
11. За Польскую кампанию 1830—1831 г. г. всему полку специальный крест.
12. За 200-летний юбилей новые Георгиевские штандарты с надписью под орлом "1651—1851" и с сохранением существующих на прежних штандартах надписей. Высочайшая грамота от 27 июня 1851 г.

13. За 200-летний юбилей Александровские ленты к штандартам. Ленты остаются без изменения до пожалования нового штандарта. Высочайшая грамота 27 июня 1851 г.
14. Гусарские шнуры гвардейского образца за отличие в Турецкую войну 1877—1878 г. г. Пожаловано Высочайшим приказом от 11 апреля 1879 года. Высочайшая грамота 24 апреля 1879 года.
15. Петлицы за военное отличие на мундиры штаб- и обер-офицеров, присвоены при изменении обмундирования в 1882 году взамен гусарских шнуров гвардейского образца.
16. В 1912 году в ознаменование славных подвигов полка в кампанию 1812 года полку приказано именоваться 1-ым Сумским генерала Сеславина полком.
17. Икона-складень — благословение Государыни Императрицы Александры Феодоровны, лично переданная полку Государем Императором Николаем II на Высочайшем смотре в Красном Селе в июле 1915 года, с соизволением, чтобы икона всегда носилась на груди штандартного унтер-офицера.
18. В память попытки группы офицеров полка спасти Государя Императора Николая II и Его Семью из заключения в г. Тобольске — Великий Князь Владимир Кириллович зачислил Себя в списки полка. Рескрипт от 12 августа 1939 года.
19. В ознаменование 300-летней годовщины полка Глава Российского Императорского Дома пожаловал полку Свой Вензель с Андреевскими лентами, с тем, чтобы оное передавалось от одного председателя Объединения Сумского полка другому и, когда будет сформирован полк, должно быть прикреплено к штандарту полка. Рескрипт 29 сентября 1951 г.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ А. Н. СЕСЛАВИН

Александр Никитич Сеславин, генерал-лейтенант, Сумским полком командовал с 1812 по 1815 год. Родился в 1780 году, происходил из дворян Тверской губернии. Воспитание получил во 2-м кадетском корпусе и вышел офицером в гвардейскую конную артиллерию. Блестящие военные способности скоро выдвинули его по служебной карьере. Будучи совсем молодым поручиком, он обратил на себя внимание Императора Павла I и был "во изъявление особого благоволения" награжден орденом Св. Иоанна Иерусалимского. Годы 1805—1812, командуя конно-артиллерийскими частями, почти непрерывно проводил на театре военных действий, и лишь раны, полученные им в сражениях, заставляли его на время покидать армию. Особенно отличился Сеславин, как талантливый артиллерист, в сражениях при Гейльсберге, Фридрихсвальде, при осаде города Разград и у с. Чаушкиной (война с турками).

В 1812 году получает в командование Сумский гусарский полк. С этого времени талантливый артиллерист становится "отважным" и "неутомимым" партизаном и делается одним из народных героев.

Его биографу М. И. Семевскому неоднократно случалось видеть на постоянных дворах, станциях, в избах у крестьян его портреты. Народные картины изображали его в самые различные моменты партизанской жизни. Особенно характерна одна такая картина, которая и описана М. И. Семевским. Рисовал ее с натуры художник Витберг, издал Логинов в Москве. Интересна на этом портрете надпись: "Храбрый генерал-майор Сеславин, командир Сумского гусарского полку, отличившийся в достопамятнейшем походе 1812-го года партизанскими делами. Он первый известил господина главнокомандующего армией о намерении неприятеля идти из Москвы в Калугу и тем содействовал к предупреждению его под Малоярославцем, которое имело следствие постыдную и гибельную для французов ретираду".

В Бородинском сражении Сеславин проявил изумительную храбрость и был ранен. За этот бой он награжден орденом Георгия 4-ой степени.

2 сентября французы занимают Москву. Кутузов отступил на Рязанскую дорогу и оттуда предпринимает свое знаменитое фланговое движение на старую Калужскую дорогу. 20 сентября русские войска занимают позицию у села Тарутино. Здесь Кутузов в самых широких размерах организует партизанские отряды. Главная цель этих отрядов — "истребление транспортов

зненного и военного продовольствия французской армии", ворит известный партизан Денис Давыдов. Заняв все доги в тылу неприятеля, партизанские отряды быстро переходят с места на место и самыми разнообразными способами наносят вред неприятелю. Каждый транспорт делается их добычей, о каждой фуражировке они узнают заблаговременно, и неожиданно нападая на французских фуражиров лишают их следнего продовольствия.

Действия партизанских отрядов, по большей части, происходили независимо друг от друга, но бывало, что два, три партизанских отряда действовали соединенными силами. Частков Славин и Фигнер соединяли свои отряды и действовали заново. Сеславин производил поиски между дорогами Смоленской и Боровской.

6 октября французская армия покинула Москву, имея намерение, заняв раньше русской армии Малоярославец, двинуться на Калугу и дальше на Юхнов и Рославль на Днепре, по аю, не тронутому войной, изобилующему съестными припасами.

В этот решающий момент Отечественной войны на долю Славина выпало большое дело, которое составляет его главный подвиг и которое повлияло на весь ход дальнейших бытий.

Из колонн главной французской армии Сеславин берет пленных и ему становится ясным намерение Наполеона. Немедленно он дает об этом знать генералу Ермолову, начальнику штаба 1-й армии, находящемуся в это время в селе Ариове и, как прямое доказательство, пленных отправляет Кутзову. Ермолов спешит занять Малоярославец и немедленно ввещает обо все Кутзова. Кутзов направляет армию туда же к Малоярославцу, заслоняя этим Наполеону калужский путь изобильному краю, к которому Наполеон намеревался следовать, и заставляя его повернуть свое отступление на путь к опустошенный войной — Смоленск и дальше.

В своих записках об этом подвиге Сеславин пишет: "Я оял на дерсве, когда открыл движение французской армии, которая тянулась у ног моих, где находился сам Напол: он в прете. Несколько человек отделилось от опушки леса и дорожки, были захвачены и доставлены светлейшему в удостоверение в таком важном для России открытии решающем судьбу течения, Европы и самого Наполеона..."

28 октября под Ляховым партизаны Сеславин, Фигнер и агылов заставили положить оружие бригаду генерала Ожего 2.000 рядовых и 60 офицеров. В донесении Государю об этой победе, Кутзов между прочим пишет: "...победа сия ем более знаменательна, что в первый раз в продолжении

нынешней кампании неприятельский корпус положил перед нами оружие. . . “ За дело под Ляховым Сеславин произведен в полковники. 16 ноября Сеславин, заняв с боем г. Борисов и взяв 3.000 французов, открыл сообщение армии адмирала Чичагова с графом Витгенштейном; это имело большое значение для всей русской армии. За дело под Борисовым Сеславин пожалован званием флигель-адъютанта.

29 ноября по главе своего отряда Сеславин ворвался в Вильно. В этот день он был тяжело ранен, пуля попала ему в левую руку, раздробила кость и прошла навывлет. В 1810 году точно такую же рану он имел в правую руку.

При последующем наступлении русской армии через Европу, к столице Франции Парижу, удачная боевая деятельность Сеславина продолжается. Командуя Сумским гусарским полком, принимал участие в многочисленных передовых стычках и в целом ряде сражений. С небольшим отрядом Сеслаину удалось отрезать сообщение Парижа и прекратить туда подвоз продовольствия. В своих записках по этому поводу Сеславин пишет: “Во Франции я заставил голодать Париж с двумя миллионами жителей. Вскоре я получил от Благословенного рескрипт: стараться не наносить вреда мирным жителям. . . “

По окончании кампании 1814 г. Сеславин получает отпуск и отправляется за границу лечиться от последствий полученных им 9 ран. Побывал он в Марсели, Париже, Барселоне, Бате и Лондоне. В Марсели у него явился план, которому он решил посвятить свои силы и который должен был принести России огромную пользу. В 1819 году он просил разрешения Государя отправиться в Калькутту и оттуда через Делли, Агру, Лагор, Кабул, Великую Бухарию, Самарканд, Хиву и Киргизские степи проехать в Оренбург, чтобы этим путешествием выяснить: “. . . может ли Россия внести оружие свое в Ост-Индские английские владения, может ли она повсюду находить себе нужное продовольствие и уничтожить владычество англичан в Индии. . . “, как об этом он писал графу П. А. Толстому.

По возвращении из-за границы Сеславин уехал в свое имение в Тверскую губернию, Ржевский уезд, село Есёмово, которое он назвал Сеславино и зажил здесь совершенным бобылем, внимательно следя за всеми новыми сочинениями, посвященными Отечественной войне.

В 1831 году граф Толстой, управлявший тогда главным штабом, запросил Сеславина, может ли он отправиться в армию, командование которой лично хочет принять Государь. “Не колеблясь ни мало после такового лестного для меня предложения, я дал свое согласие. Войны не последовало“.

Отшельником прожил Сеславин до самой своей смерти. Единственными его друзьями оставались любимые его авторы

Массион, Боссюэт, Фенелон, Руссо и Песталоцци. Желание его было быть похороненным в храме Спасителя или под колонною в Малоярославце.

В апреле месяце 1858 года на 78 году жизни его не стало. Высочайшим приказом 26 августа 1912 года в годовщину Бородинского сражения, чтобы сохранить на вечные времена имя одного из наиболее видных героев Отечественной войны, 1-ый гусарский Сумский полк стал именоваться 1-ый гусарский Сумский генерала Сеславина полк.

ЖИЗНЬ ПОЛКА В МИРНОЕ ВРЕМЯ

1901—1914

В в е д е н и е

Празднование 250-летнего, со дня основания полка, юбилея совпало с началом Нового Века.

Журналы, газеты были полны статей о достижениях науки, литературы, искусства и о политических событиях за истекшие сто лет.

Среди последних, привлекало особенное внимание провозглашенные в Версале Германской Империи, которому предшествовали блестящие победы немцев в Австрии, Дании и Франции.

Были статьи, посвященные войнам во всем мире и отдельно войнам, в которых принимала участие Россия — борьба с Наполеоном, войны с Персией, Турцией, героическая защита Севастополя, покорение Кавказа, Туркестана и последняя война с Турцией на Балканах и в Закавказье. Упоминались имена Кутузова, Барклай-де-Толли, Багратиона, Сенявина, Корнилова, Нахимова, Истомина, Скобелева и многих других, своими победами прославивших русское оружие. Среди генералов, занял видное место, не как полководец, а как реформатор армии последний русский фельдмаршал, генерал-адъютант граф Д. А. Милютин.

По вступлении на престол в 1855 г. Государь Александр II поспешил закончить Крымскую кампанию, обнаружившую отсталость России по сравнению с западно-европейскими государствами.

Общегосударственные реформы логически вели к реформам в армии. Военным министром был назначен генерал Д. А. Милютин. Составленный им проект реформ был утвержден Го-

сударем и проведение его в жизнь было поручено ему же. 1-го января 1874 г. была введена всеобщая воинская повинность, дававшая государству большую армию и кадры обученных запасных солдат (вооруженный народ). Срок службы был уменьшен с 25-ти до 5-ти лет (1878). Образованы военные училища, выпускавшие офицеров. Россия была разделена на военные округа (децентрализация). Суровая система поддержания дисциплины и обучения солдат, основанная на жестоких телесных наказаниях, была заменена воспитанием, разумным и гуманным. Коренным образом меняя устройство армии, исправляя, что возможно, отбрасывая все ненужное и вредное, была основана армия, которая вышла на войну 1914 г.

Реформы полк переживал "на походе", постоянно меняя стоянки: с Балтийского побережья в Сувалки, оттуда в Ковно, не надолго в Красное Село, несколько лет простоял в Бежецке Тверской губернии и в 1876 г. стал, наконец, на постоянные квартиры в Москве.

Зародившись в необъятных степях "Дикого поля", находясь постоянно в движении, участвуя чуть не во всех войнах, которые вела Россия, переходя из украинских хуторов в грязные польские местечки, полк перешел в центр Великой России.

Придя в Москву, Сумцы попали в непривычную обстановку. Высокие, просторные казармы, прекрасные конюшни, крытый манеж, плац. Было где учить солдат, осенью в непогоду и зимой в трескучий мороз.

1 марта 1881 года люди, присвоившие себе право судить и казнить, убили Государя Александра II.

В Армии этот трагический день был отмечен приказом: "В трубы не играть, в барабаны не бить". Приказ строго выполнялся во все последующие годы — ни одна сигнальная труба не звучала в этот день.

На престол вступил Император Александр III. История России пошла по другому пути.

Давно уже подготавливалась и в 1882 году осуществилась очень важная в жизни кавалерии реформа. Уланские и гусарские полки были переименованы в драгунские.

По уставу вооружение кавалерийского солдата состояло из "коня, шашки и винтовки". Винтовке, пешему строю и ружейным приемам уделялось слишком много времени, превращая драгун в "ездящую пехоту".

Прошло минувшее, как сон.

И станет ротой эскадрон,

пелось в "Школьной Звериаде". Позже ружейные приемы были сведены до минимума.

Больше ста лет Сумцы носили доломан, с ним связаны воспоминания всей боевой жизни полка.

Офицеры гусарских полков были в большинстве из дворянских семей. Это была традиция: служили деды и отцы. Альбомы были полны фотографиями, а стены усадеб портретами предков в гусарских доломанах.

Художественная литература в романах и повестях часто избирала героями гусар. У Пушкина — "Выстрел", "Станционный смотритель", "Метель"; у Толстого — граф Ростов, Денисов ("Война и Мир"), "Два гусара". Лучшие друзья Пушкина были гусары. Лермонтов, Грибоедов, Давыдов служили в гусарских полках.

Герои Отечественной войны Сеславин, Дорохов, Кульнев, Фигнер и др. были офицерами гусарских полков и первые три вышли из рядов Сумского полка.

Не по душе было новое наименование и форма. Много офицеров покинуло полк. Как последний молчаливый протест, фотография у надломленного дуба: на левой стороне офицеры в венгерках, а с правой — в том же порядке, но уже в драгунских мундирах.

Форма одежды была упрощена не только в кавалерии, но и во всей армии. На мундире пехотных офицеров и солдат не было ни одной металлической пуговицы. Вне строя офицеры носили длиннополый сюртук, а дома тужурку в виде обрезанного коротко пальто.

С упрощением формы Русская армия на много лет обогнала своих западных соседей. В 1910 г. можно было видеть французскую кавалерию в кирасах. В 1915 г. мы брали в плен немецких гусар в меховых шапках, обтянутых защитными чехлами. В 1914 г. мадьярские гусары в доломанах с ментиками за спиной атаковали Бородинцев и дорого заплатили за свою безумную храбрость.

В последние годы царствования Императора Александра Третьего была введена винтовка системы полковника Мосина, так называемая "образца 1891 г.", просуществовавшая на вооружении многие годы, и с ней армия вышла на войну 1914 г. Винтовка легкая, удобная. В строю носилась на спине за левым плечом, штык помещался в гнездах, приделанных к ножнам шашки.

После Турецкой войны 1877--1878 г. г. все царствовавшие Императора Александра III и начало царствования Государя Николая II до 1904 г. Россия не вела войн ни с западными соседями, ни с азиатскими. В эти 27 лет мирной жизни развитие громадной по своей площади и населению России, быть может, шло нормально, но очень медленно по сравнению со всеми европейскими государствами. Экономическое могущество Германии росло с необыкновенной быстротой. Заводы Круппа, вырабатывавшие оружие и строящие военные корабли, не имели соперников во всем мире; все другие много-

численные заводы в случае войны мобилизовались и работали для нужд войны. Военный флот соперничал с английским. Густая сеть железных и шоссейных дорог покрыла всю Германию и Австрию, в случае войны облегчая перегруппировку войск.

На Дальнем Востоке появился новый, грозный противник — Япония, 26 января 1904 г. без объявления войны начавшая военные действия против России. Армия и флот Японии оказались лучше подготовленными и вооруженными, применив впервые новую тактику огневого боя, скрытых артиллерийских позиций и т. д. Россия потерпела поражение на суше и на море.

Всеобщим недовольством проигранной войной и общим упадочным состоянием государства воспользовались революционные партии. Вспыхнуло восстание. Верные Государю и присяге войска подавили бунт, да и народ, в массе, не шел за революционерами. Были объявлены политические реформы.

Россия стала быстро возрождаться. Армия учла жестокие уроки проигранной войны и лихорадочно готовилась к всегда возможной войне.

ГЛАВА I

КАЗАРМЫ, СОСТАВ ПОЛКА, КОМПЛЕКТОВАНИЕ

Все историческое прошлое России связано с Москвой, ее Кремлём, гробницами Царей, их теремами и дворцами уже Императорской России.

В Москве короновались Государи и останавливались в Кремле, в Большом Дворце, во время приездов по каким-либо торжественным случаям.

Москва, второй по величине город России. Здесь находились штабы округа, корпуса, дивизий, военноокружной суд и т. д.

Сумский полк был единственный регулярный кавалерийский полк, размещенный в Москве. Наряды, смотры, парады, внутренние дворцовые караулы во время приездов Императорской Фамилии требовали от полка особой подтянутости, безукоризненного внешнего вида и дисциплины. Полк отвечал этим требованиям и справедливо считался одной из лучших частей Московского гарнизона.

Командирами полка за последнее десятилетие назначались офицеры гвардии: флигель-адъютант полковник Дерфельден, полковник Шарпантье, флигель-адъютант полковник Петрово-Соловово, полковник Нилов и флигель-адъютант полковник Гротен. Служба в гвардии была поставлена образцово, такими были и командиры Сумского полка.

В 1863—1864 году корпуса, выпускавшие молодых людей прямо в полки офицерами, были преобразованы в военные гимназии. Одновременно были основаны военные и юнкерские училища, куда поступали юноши из военных гимназий и гражданских средних учебных заведений. В военные училища принимались юноши с законченным средним образованием, в юнкерские — требования были значительно ниже. Офицеры военных училищ и по своему общему культурному уровню и по образованию были выше офицеров из юнкерских училищ, что и отмечалось значительными преимуществами по службе.

В те далекие времена было три кавалерийских училища: Николаевское военное, Елизаветградское и Тверское — юнкерские. Елизаветградское училище было переименовано в военное в 1903 г., а Тверское в 1908 году.

Все старшие офицеры Сумского полка, в период, о котором мы говорим, были из Николаевского училища: полковник Нилов, полковник Данилов, полковник Константинов, Муханов и более молодые Рахманинов, Рот и др.

Чтобы получить вакансию в Сумский полк нужно было при окончании училища быть или портупей-юнкером или иметь очень высокие баллы. Между 1906 и 1914 г.г. в полк вышли 4 вахмистра (Янковский-Руссин, Никольский, Крейтер, Маньян). Исключение составляли переведенные из других полков; это те, которые не были портупей-юнкерами и не имели достаточно высоких баллов. Они брали вакансии в другие полки и заручившись согласием командира Сумского полка подавали рапорт о переводе. Главный штаб запрашивал, "не встречается ли препятствий к переводу такового", и если препятствий не встречалось, то переводили.

Перевод офицеров из пехотных полков встречал недовольство и старших и младших. В Сумском полку было два случая: подпоручик Бунаков (в полку пробыв не больше года) и подпоручик Щуровский Николай. Последний по окончании в 1913 г. Александровского военного училища взял вакансию в один из пехотных полков и немедленно подал рапорт о переводе в Сумский полк. Командир полка полковник Гротен отклонил его просьбу. Перевод Щуровского все же состоялся после личного свидания Гротена с военным министром генералом Сухомлиновым и настойчивой просьбы последнего. "Что же я мог ему ответить?" делился своими впечатлениями об этом разговоре полковник Гротен.

В мирное время Щуровский себя показать не успел, во время войны это был храбрый офицер. Он умер от тифа в начале войны.

В 1901 году и много раньше Сумский полк комплектовался молодыми людьми 21 года из губерний Харьковской, Полтавской, Пермской, Гродненской и Седлецкой.

С 1908 г. начала проводиться в жизнь территориальная система — новобранцы стали прибывать из Московской, Владимирской, Ярославской, Гродненской и Седлецкой губерний.

Командиру эскадрона нужен был новобранец, сжившийся с лошастью с детства, знавший ее нрав, умевший к ней подойти, ее окликнуть, убрать, почистить, накормить и напоить. Новобранцы Харьковской, Полтавской, Гродненской и Седлецкой губерний были в громадном большинстве крестьяне, то, что и нужно было командирам эскадронов. Люди этих губерний не были испорчены трактирами и чайными, трудолю-

бивы, неприхотливы, покорны, легко и охотно воспринимали военную науку.

Харьковцы, кроме того, знали г. Сумы, само название Сумский их сближало с полком. Выделялись гродненцы — вахмистра 1-го эскадрона Сидорович, 3-го Чучелович, 4-го Пазинич, учебной команды Роголя, сверхсрочные унтер-офицеры Рогочий, Ярошинский; много взводных унтер-офицеров и вестовых были Гродненской губернии.

Поляки Седлецкой губернии, а последнее время их было до 30%, были хорошие гусары, в большинстве грамотные "польску", как они говорили. Иногда выделялись в смене на езде, барьерах, рубке, но попадались и очень тупые и пьяницы.

Среди новобранцев Московской, Владимирской и Ярославской губерний был большой процент призывных, побывавших на фабриках и заводах, коробейников и детей купцов, испорченных жизнью больших городов. Попадались и такие, вслед за которыми приходила бумага об их политической неблагонадежности.

Лошади они не любили и шли на конюшню неохотно, по принуждению. Неграмотных среди них было мало, но командиры эскадронов говорили: "Не нужно мне грамотных", подразумевая под грамотными слишком уж "развитых".

Полк был размещен в отдельной части города, в так называемых Хамовниках (хамовники в древние времена были люди, вившие веревки).

Недалеко Москва-река, на другом берегу Нескучный дворец, видны Воробьевы горы, откуда любовался Москвой Наполеон; с другой стороны Новодевичье поле, дальше Новодевичий монастырь, где была заключена царица София и кладбище, на котором похоронено много знаменитых людей. В 1912 году в Новодевичьем монастыре был похоронен последний русский фельдмаршал граф Д. А. Милютин, так много сделавший для реорганизации армии в царствование Государя Александра II. На его торжественных похоронах в лютый мороз участвовал и Сумский полк в полном составе.

Подъезжая по Остоженке к расположению полка город как бы кончался. Затем аккуратный, новый в три этажа дом. В нем было пять квартир, предоставленных в распоряжение офицеров Сумского полка. Остальные были заняты офицерами Несвижского и Перновского гренадерских полков. Дальше большой белый барский особняк с большими окнами; сзади тенистый сад, это так называемый шефский дом — квартиры командиров полков. Сейчас же влево новый манеж, и от него длинное чистое здание — конюшни 6-го, 4-го и 1-го эскадронов.

Между конюшнями и Москва-рекой обширные, хорошо возделанные огороды Пушкина. Несмотря на свое богатство

Пышкин жил в просторной избе с многочисленными образами в среднем углу, с широкими лавками вдоль стен, ходил в русской рубашке; сын его образования не получил и отбывал в 1913 г. повинность в Сумском полку.

Одной из причин процветания огородов был навоз, который огородник забирал в эскадронах (чистый доход вахмистров). Благодаря этому навозу улаживались недоразумения между соседями: то конь сорвется с коновязи и потопчет капусту, то во время сменной езды или взводного учения что-нибудь напортят.

Перед конюшнями большой плац, затем улица с граммовой линией, и с другой стороны улицы чуть не на восток длинное здание — казармы Несвижского и Перновского гренадерских полков.

В двух местах казармы прерывались воротами, где стоял дневальный Сумского полка. За казармами был вымощенный булыжником двор, где учились гренадеры. Немного дальше стояло здание в форме буквы П — казармы четырех эскадронов Сумского полка, трубаческая команда, офицерское собрание, коннопулеметная команда, помещение учебной команды, а посередине маленький домик — полковая канцелярия, кабинет командира полка, адъютанта и лазарет. Сзади лазарета под навесом денежный ящик; рядом с помещением учебной команды караульное помещение. 2-й и 5-й эскадроны и конюшни 2-го, 3-го и 5-го были отдельно на другом конце двора.

В конце плаца небольшая красивая, вся ввысь церковь Сумского полка.

Казармы в три этажа, высокие, светлые, с электрическим освещением и электрическими вентиляторами, достаточно было несколько минут, чтобы очистить воздух.

Прямо с лестницы умывальник. По уставу взводный обязан был следить за чистотой рук. По субботам все гусары обязательно ходили в баню. Каждый месяц медицинский осмотр врачом.

Недостаток казарм был тот, что столовой и отдельного помещения для занятий не было (кроме учебной и трубаческой команды). Люди ели и учились там же, где спали.

В каждом эскадроне на видном месте, на аналог стояла эскадронная икона, по стенам портрет Государя, командующего войсками, начальника дивизии. Рядом картины подвигов русского воинства: майор Горталов, погибший на турецких штыках, Архин Осипов, взрывающий пороховой погреб, — "Погиб во славу русского оружия при защите Михайловского укрепления", Агафон Никитин, замученный такинцами, Василий Рябов, расстрелянный японцами, и др.

Русские типы - Types russes

Рядовой

3-го Сумского Драгунского Полка

Un soldat de cavalerie.

Рядовой 3-го драгунского Сумского полка

Висели и картины нравственного содержания. В 4-м эскадроне пользовалась известностью картина о вреде пьянства, в нее две картины. На первой, на нескольких маленьких рисунках, была изображена жизнь спившегося рабочего, под каждым стихок такого рода:

Поток порока льется шире,
Достатков нет, и наш герой
Проводит дни свои в трактире
За биллиардную игрой.
Спустился он на дно столицы.
Он не подвластен никому.
Давно погибшие девицы
Вскружили голову ему.

На другой картине изображена жизнь степенного крестьянина. Апофеозом его трезвой хозяйственной жизни было:

Он в Думу выбран депутатом
И провожать его пошло
С большим почетом все село.

Надо сознаться, что зрители больше задерживались перед картинкой, где на фоне фабричных труб парень прижимал "давно погибшую девицу", чем над проводами депутата.

Одеты гусары были хорошо. Доломаны, кителя, шинели, полушубки и непромокаемые брезентовые пальто. Кителя походили на офицерские, но из более грубого материала.

Оружие в полку было в отличном порядке. Заведующий оружием был представлен к очередному ордену "За трехкратное представление оружия в прекрасном виде". Ножны для пашек быстро изнашивались, их заменяли новыми, затрачивая экономические суммы.

Ремонт молодых лошадей шел в 7-й запасный кавалерийский полк, размещенный в Тамбове и пополнявший 1-ю Кавалерийскую дивизию. После года пребывания в запасном полку молодые лошади направлялись в полк, где разбивались по эскадронам. В 1-й эскадрон попадали лошади самые рослые и чисто вороные, во 2-й со звездой во лбу, в 3-й и 4-й караковые, в 5-й с чулками на ногах и в 6-й рослые со звездой и чулками. Трубачи были на серых лошадях.

У офицера обязательно должна была быть собственная лошадь, кроме того, полагалась казенно-офицерская.

В эскадронах молодые лошади доезжались в отдельной смене "молодых лошадей" лучшими наездниками эскадрона. Особо дурноезжих, а также молодых собственных офицерских лошадей, по желанию владельца, доезжали и выезжали наездники — сверхсрочные унтер-офицеры, окончившие специальный курс в офицерской кавалерийской школе. В полку наездников было два — унтер-офицеры Рыков и Кузнецов. За

выездку офицерской лошади собственник платил 5 рублей в месяц.

На особом положении и прекрасно была поставлена учебная команда. Это были лучшие люди призыва, будущие унтер-офицеры.

Трубаческая команда: по штату полагалось 16 трубачей, выбранных из общего состава полка. Нужны были большие усилия со стороны капельмейстера, чтобы такой оркестр что-нибудь сыграл.

В Сумском полку было иначе. Капельмейстер Август Карлович Марквардт организовал большой хор трубачей. Состоял этот хор из вольнонаемных, больше половины их были ученики консерватории. Хор играл на сцене Большого Императорского Театра, когда в опере или балете нужны были трубачи на сцене ("Фауст", "Конск-Горбунок" и др.). Вольнонаемные жили на частных квартирах и в обычное время ходили в штатском.

В театре приходилось играть не каждый день, и заняты они были не каждый вечер. В свободное от театра время играли на балах, вечерах, на скэтинге, одно время в саду у Яра. В конном строю хор значительно сокращался: умеющих ездить верхом среди вольнонаемных было не так уж много, но в пешем строю на параде 26 ноября и в собрании был полный и большой оркестр.

Однажды трубачи после спектакля в Большом Театре шли в гусарской форме не в строю, расходясь по своим квартирам. Комендантский адъютант, который здесь как на грех случился, подал рапорт. Рапорт от коменданта попал Командующему войсками генералу Плеве. Приказом по округу трубачам Сумского полка было запрещено играть где бы то ни было. Директор Императорских театров в отчаянии: в середине сезона театр без трубачей. Телеграмма в Петербург. Запрещение сняли. Страдал не только театр, капельмейстер и трубачи, лишившиеся заработка, страдал материально и полк, т. к. львиная доля заработка шла в полковые суммы. Из этих сумм и производились "расходы без расходов для казны" (Егор Егоров). Средства эти помогли построить полковой манеж, в 1907 году сшито новое обмундирование, "построены" непромокаемые плащи, оказавшие неоценимую услугу полку на войне и ман врах, наконец, приобретен второй комплект труб.

Август Карлович Марквардт поступил в полк до Турецкой войны, в этом походе награжден орденом с мечами и бантом. Находясь в полку, он в то же время был профессором Московской консерватории и носил звание артиста Императорского театра. В полку к нему относились с большим уважением, молодые офицеры делали ему визит. В 1910 г. он праздновал

свой 50-тилетний юбилей службы в полку. Офицеры преподнесли ему жетон с голубой эмалью и с бриллиантовой цифрой 50.

Когда вспыхнула война с Германией, старик собрался идти с полком. "Куда ты, Август Карлович? Ведь ты же немец", шутили офицеры. Обиделся старик: "Я родом немец, но всю жизнь служил Государю и не должен уклониться и теперь".

Его сын Оскар Августович Марквардт был офицером полка из вольноопределяющихся .

ГЛАВА 2

СТРОЕВЫЕ ЗАНЯТИЯ

В начале сентября полк возвращался с маневров. Этим заканчивался учебный год, и начинался месяц заслуженного отдыха.

Лошади после деревенских сараев с дырявыми крышами, где было легко захватить чесотку, вернулись в свои конюшни.

Регулярные легкие поездки заменили большие, утомительные маневренные переходы, гонку разездов, конные атаки.

Пришло время букве ремонта "такой-то" итти на покой. Командиры эскадронов и вахмистры хлопочут оставить коня, он еще вполне работоспособен (главное, тело держит, "хозяйственный конь"), но начальник дивизии редко поддается уговорам — "в брак". Случалась и подтасовка — лошадь, предназначенная в брак, была еще крепкой, годной к службе, а другая, срок которой для выбраковки еще не пришел, была слабая, худоконная, вот и заменяли их, переменив названия.

Назначается комиссия — собираются покупатели и продают за гроши коня, хорошо, если крестьянину — хоть ходить будет по мягкой земле, а если извозчику?

Господа офицеры разъезжаются в отпуск.

В эскадронах с нетерпением ждут дня увольнения в запас гусары, отслужившие свой срок. Четыре долгих года! Редко кто побывал за это время в отпуску. Что ждет их дома? Время жениться, обзаводиться хозяйством.

Наконец, запасные получили свои бумаги и отправились: одни на Виндавский вокзал, другие на Курский. Сундучки и вещи на артельной эскадронной повозке, сами строем при провожающем офицере и с хором трубачей. Некоторые под хмельком, но пьяных нет.

В эскадронах назначили новых взводных, произвели в унтер-офицеры окончивших учебную команду. В казармах стало свободнее.

В начале октября отдых кончается. Пришли новобранцы с сундучками, где хранится родительское благословение и куда они завтра уложат свою "вольную" одежду, все получают казенное.

Вид распушенный, волосы длинные, движения угловатые, улыбок не видно, озираются во все стороны. Разбивка по эскадронам в манеже. Разбивку делает сам командир полка и цифру эскадрона, в который он назначает молодого, обозначает мелом на спине. Группу разбили по эскадронам, в эскадронах по взводам и каждому назначили "дядьку". Обязанность дядьки — научить молодого жизненному обиходу и не дать его в обиду. Две недели никаких занятий, пусть отъедятся и осмотрятся, но на конюшню немедленно.

С 6-ти утра уборка и чистка лошадей, выдача фуража, в 11 часов вторая выдача, в 5 вечера опять уборка и выдача фуража. В промежутках пригонка обмундирования, аммуниции, оружия.

В конюшню ходят в строю, стараются итти в ногу. Унтер-офицеры, поддельвая голос под голос начальства, здороваются с новобранцами, добавляя: "отвечать как начальнику дивизии, как командиру полка, как командиру эскадрона", издали кажется, что и в самом деле здоровается начальник дивизии. Слышится ответ, но не очень стройно, что ни день, то лучше, все более уверенно.

Понемногу стали привыкать, трудно с седловкой. Ленчик с потником тяжелы, нужно подтянуть подпруги, чтобы были не слишком свободны или узки, пригнать стремяна.

Началась сменная езда—"разбери поводья", "приверни колено", "подбери зад", "локти к телу". Потом вольтижировка, гимнастика, шашечные и ружейные приемы. С непривычки болят косточки.

Рядом занимают гренадеры, их учат маршировать, правильно ставить ступню ноги — все это медленно, по разделением. Скучно, нудно, но не утомительно — нет конюшни, нет уборки. Когда шутник унтер-офицер в субботу появился в эскадроне и вызвал: "Кто хочет в пехоту, собирай сундучки и стройся!" Чуть не все молодые в минуту были готовы и стояли в строю. "Так вы в пехоту хотите?" и под хохот всего эскадрона бедным молодым с сундуками за плечами делали учение "пеший по-конному".

Кто к знамю присягал единожды у
оного и до смерти стоять должен.

Петр Великий

В конце октября назначалась присяга молодым гусарам. Обстановка торжественная — выстраивался весь полк. Выносился штандрт. Трубаچی играли "под штандарт". Затем встре-

чали командира полка полковым маршем. Старший полковник ему рапортовал.

День этот ждали и к нему готовились. До присяги молодой солдат считался "вольным", хотя и надел военную форму: после присяги он становился солдатом, подлежащим строго военному суду.

Для присяги новобранцев выстраивали не по эскадронам, а по вероисповеданиям. Собирались священнослужители всех религий — православный священник, ксендз, пастор, раввин, язычников и старообрядцев-беспоповцев приводил к присяге адъютант.

К аналою подходил адъютант с книгой, по которой читал выдержки из законов, язык старинный, для молодых почти непонятный. Говорилось о награждении Георгиевским крестом за совершенные подвиги: "кто при взятии ретраншемента или какого иного укрепленного места взойдет первым" или "кто возьмет в плен двухбунчужного или трехбунчужного пашу"; шло перечисление случаев, за кои полагалась награда. После чтения о наградах читалось о наказаниях, налагаемых на воинских чинах за проступки, совершенные главным образом во время войны — измена, дезертирство. Строй плохо разбирал, какие преступления караются, но зато ясно слышал заключительные слова, после каждого пункта, которые адъютант произносил с особым ударением: "смертная казнь".

После адъютанта место у аналоя занимал священник и внятно, громко и медленно читал текст Петровской присяги:

"Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Святым Его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому и Его Императорскому Высочеству Всероссийского Престола Наследнику верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к Высокому Его Императорского Величества Самодержавству силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности исполнять.

Его Императорского Величества государства и земель Его врагов телом и кровью в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление и во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может.

Об ущербе же Его Императорского Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаяю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать потщуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предпоставленным надо мною начальникам во всем,

что к пользе и службе государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства и дружбы и вражды против службы и присяги не поступать; от команды и знамени, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному солдату надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий. В заключение сей клятвы целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь“.

Вслед за священником все присягающие, подняв правую руку вверх и сложив пальцы для крестного знамения, слово за слово повторяли величественные слова присяги. Одновременно служители других религий читали тот же текст своим единоверцам.

По прочтении присяги каждый подходил к аналою, целовал Крест, Святое Евангелие, штандарт и громко говорил: "Клянусь". Присяга производила на присягавших и присутствовавших сильное впечатление.

Занимались с молодыми солдатами по большей части корнеты, под постоянным наблюдением командира эскадрона, помощника командира полка по строевой части (старший полковник) и самого командира полка. Между офицерами было соревнование, чей эскадрон лучше.

Манеж крытый один на весь полк. Преимущество учебной команде и офицерской смене, остальное время распределяется между эскадронами. Ранний манеж в 7 утра считался самым неприятным; зимой еще темная ночь, холодно, пар от лошадей в холодном воздухе превращается в густой туман — не видно ни всадников, ни обучающего офицера. Нормально езда начиналась в 9 утра, поэтому ранний манеж изменял в очередном эскадроне все расписание дня.

Зимой на плацу каждый эскадрон устраивал свой открытый манеж, т. е. попросту посыпали дорожку соломой с навозом, чтобы лошади не скользили и чтобы им было мягко ходить по мерзлой земле. На зиму лошадей в эскадронах на задние ноги расковывали.

Гусары в полушубках, перчатках, стремени обернуты свкном — в движении не так уж холодно. В сильные 20—25-градусные морозы езда на плацу отменялась.

Утомлялись молодые особенно в утренние часы. Первый час после обеда почти всегда отводился под "словесность". Молодой солдат должен был сознательно и без запинки отвечать главные сведения из устава: "дисциплина состоит в строгом и точном исполнении приказаний начальства...", "часовым называется всякий солдат поставленный на пост с огнестрельным или обнаженным холодным оружием". "Часовой

есть лицо неприкосновенное". "Что такое жалоба". "Покажи на портрете командира корпуса, начальника дивизии." И для обучающего и для молодых этот час был мукой. Уставшие люди смотрели на офицера осоловелыми глазами, и добиться от них разумного ответа было трудно, а особенно когда нужны были слова необычные: "Государя Цесаревича и Великого Князя...". Сбивались на вопрос: "Какие обязанности часового?" Вместо того, чтобы ответить, как гласит устав: "Часовой должен бдительно охранять свой пост и все порученное ему надзору", отвечал: "Часовой не должен ни пить, ни курить, ни свистать и ни отправлять естественных надобностей". Были к тому ж и очень неразвитые. "Покажи командира корпуса". — "Оцей у сирой шапци", показывает на портрет пальцем, а на другой день он же встречает командира корпуса во дворе и не становится ему во фронт. Командир корпуса был в фуражке, а не папахе, как на портрете.

Благодаря разнообразию занятий день проходил быстро. Езда, рубка в конном и пешем строю, рубка на мертвом барьере, владение пикой, гимнастика, вольтижировка, теория стрельбы — прикладка, прицелка, словесность, отдавание чести, ружейные приемы и т. д. — все это за каких-нибудь полгода надо было внедрить в простую бесхитростную голову.

В конце апреля назначался смотр молодых гусар. Смотрел командир полка, часто присутствовали начальник дивизии и командир бригады. Результаты смотра отдавались в приказе по полку.

Успех смотра зависел главным образом от педагогических способностей обучающего офицера и его помощников унтер-офицеров.

"Смотр молодых гусар 4-го эскадрона прошел для меня очень удачно. Кончился он по приказанию полковника Гротена полевым галопом. Смена на пять лошадей дистанции обошла весь плац и всадники на той же дистанции, как один, прыгали через "мертвый" барьер. Точность так понравилась командиру полка, что он бежал за сменой и кричал: "Отлично, четвертый!" После смотра командир полка поблагодарил командиров эскадронов и заведующих молодыми солдатами, никого не выделяя. Позже в приказе по полку был объявлен результат смотра с проставленными баллами, лучшие получил 4-й эскадрон. Лазарев (командир эскадрона), радостно размахивая руками, сказал мне: "Я знал, что твои новобранцы лучшие" (Соколов).

Бывали случаи и трагикомические: "Я представлял смену молодых солдат 5-го эскадрона. На смотре присутствовал начальник дивизии генерал-лейтенант Литвинов, командир бригады генерал-майор Косов. Смотр проходил блестяще. Начальник дивизии все время благодарил — хорошо. И вдруг я

Русские типы - Types russes
Вахмистр 3го Сумского Драгунского Полка
Des soldats de cavalerie.

Вахмистр и унтер-офицеры
3-го Драгунского Сумского полка

вижу, что один из молодых гусар, еврейчик, после спешивания на галопе и команды "садись" сует в стремя не левую ногу, а правую. Я с ужасом показываю это стоявшему рядом со мной вахмистру подпрапорщику М. Щ. тинину, который, увидя эту картину, молнией оказался около еврейчика и последний непостижимым образом сел в седло правильно, а не лицом к хвосту. Начальство случая не заметило" (Швед).

Смотром кончались физические и умственные напряжения молодого солдата. Его ставили в строй вместе со старыми. Начинались учения "пеший по конному", т. е. в пешем строю делали те перестроения, которые производятся в конном.

Параллельно с молодыми солдатами велись занятия с разведчиками и старослужащими.

Хорошо грамотных среди новобранцев было мало. После маневров в ожидании ухода запасных этих хорошо грамотных брали в полковую канцелярию, других назначали в учебную команду. Оставались малограмотные, их назначали в разведчики.

Внешнее отличие разведчика — продольная нашивка на поgone. Полагалось 16 разведчиков на эскадрон, на деле было меньше. Их учили читать карту, разбираться в масштабе, знать главные принципы разведки, составлять донесения. Офицеры, заведующие разведчиками, должны были обладать большим терпением, выдержкой и желанием передать свои знания, чтобы объяснить разведчику и заставить его запомнить, что такое масштаб, горизонталь, в какую сторону течет река, почему она вливается в озеро, а не выливается, где север, юг, лес, дороги, полярная звезда, ориентировка карты по местности, как писать донесение, что в нем главное и т. д.

Кроме личных качеств разведчика — способный, неспособный, ленивый, тупой, препятствием часто была и сама жизнь. Приходит офицер на занятия, полный доброго желания, думает повторить вчерашний урок, но разведчиков и половины нет: в наряде, в командировке и пр.

В феврале назначалась двухдневная поездка с разведчиками. В апреле четырехдневная, и та и другая под руководством одного из штаб-офицеров, полковников Рахманинова или Рот.

Пословица говорит: "Солнце на лето, зима на мороз; погода в феврале всегда изменчива; казалось, весна, но неожиданно ударит такой мороз, похуже, чем на Крещение. Так часто бывало в этих поездках, отходили от Москвы вост на сорок в ясный, солнечный, теплый день, а на другой день к вечеру возвращались в такой мороз, что было не до занятий, быть бы живу. Отогревали людей в чайных по дороге, отогревались сами офицеры, одетые обычно легкомысленнее, чем гусары. В Хамовниках уже ждали командир бригады, коман-

дир полка, командиры эскадронов, нет ли обмороженных людей, подбитых лошадей. Офицеры, едва передвигая заочевшие ноги, шли в собрание, где по совету опытного буфетчика Львова, пили чай с одной ложкой рома, греясь у печки.

В 1908 году генерал Литвинов назначил поездку Москва — Тверь в феврале. Команда разведчиков должна была совершить пробег и атаковать Тверь, занимаемую 1-м Лейб-драгунским Московским полком. Несмотря на наступившие морозы, пробег отменен не был.

Четырехдневную поездку делали по заранее установленному маршруту, иногда забирались далеко.

Полковник Рот, руководя сводной командой разведчиков, разрабатывая маршрут, больше руководился расположением гостеприимных имений.

Гусары любили эти поездки, отвлекались от монотонной казарменной жизни, получали на руки суточные и устраивали обед по своему вкусу.

Фураж покупали в деревнях, сено "чохом", без веса, на этом выгадывали пуд, два и долго об этом шел разговор. Офицеры смотрели на поездки, как на пикник, один штаб-офицер должен был составить отчет и разбор поездки.

Со старослужащими занятия были не трудны и не сложны, но собрать их на занятия было не легко — одни отдыхали от наряда, другие в наряде, дневальные и дежурные по конюшне, эскадрону, в карауле, в штабе дивизии, корпуса, округа и т. д., редко собиралось больше одной трети, не имея ни одного, кто бы отсутствовал без законной причины. Командир полка и старшие полковники, только формально выражали свое неудовольствие, не так давно они сами командовали эскадронами и все это переживали сами.

Занятия в учебной команде велись с особым вниманием под руководством начальника учебной команды и двух офицеров. Старший из них был поручик или штабс-ротмистр. Командир полка подбирал офицеров умевших и хотевших заинтересовать своих учеников. Учителями в команду назначались особо выбранные сверхсрочные унтер-офицеры. Дисциплина царила железная и внешний вид гусар учебной команды был не хуже юнкеров.

В учебной команде гусара учили быть безупречным в строевом отношении, он должен был знать уставы, им делали диктовки, он должен был знать все, чему учили разведчиков, но в более широком масштабе. Самое главное, выходы от туда люди, умевшие приказать и настоять на исполнении приказа. Люди учебной команды напрягали все силы, чтобы достигнуть благоприятного результата, так как унтер-офицер имел выгоды моральные и материальные. Взводный не чистил, не убирал и выбирал себе коня, младший унтер-офицер

убирал только своего. Унтер-офицеры жалования получали больше и одеты были лучше. В наряде командовал он, а не им. Лучшие из них назначались в помощники к офицеру заведующему молодыми солдатами, их называли учителями.

День в учебной команде распределялся не то, что по часам, а по минутам. Каждую субботу уходили в поле, нередко еще вечером в пятницу и возвращались к 12 часам в субботу.

В учебной команде проходили службу и вольноопределяющиеся. Молодые люди, окончившие высшее или среднее образование, отбывали воинскую повинность вольноопределяющимися и служили не 3 года 8 месяцев, а только год. После окончания учебной команды они держали при штабе дивизии экзамен на чин прапорщика и уходили в запас. Желающие избрать военную карьеру, держали экзамен на чин корнета при училище. Такими в Сумском полку были штабс-ротмистр Тишенинов, корнеты Марквардт и Будзко.

Евреи по закону того времени не могли быть офицерами (все же в русской армии были исключения, был даже генерал еврей).

В Сумском полку у вольноопределяющихся было отдельное помещение, столовая, которая называлась "собранием". Им разрешалось носить собственное обмундирование, чем они и пользовались, полушубки у них были крыты синим сукном, воротник на полушубке доломанный.

По уставу им, как и нижним чинам обязаны были говорить "ты", непосредственно обучавшие их офицеры так и делали. Вольноопределяющиеся Сумского полка по большей части были дети состоятельных и даже очень богатых родителей. Этот год они не только служили, но и веселились перед тем, как выйти на самостоятельную дорогу.

С объявлением войны вольноопределяющиеся Тоболин, Токмаков и Бибииков были произведены в прапорщики прямо в полк. Прапорщики Калачев, Берг, прибывшие с маршевыми эскадронами, первое время носили форму по общей кавалерии, а затем по представлению полковника Гротена были зачислены в полк, где пробыли всю войну. После революции Василий Николаевич Калачев умер в Китае, Берг погиб во время Гражданской войны, Бибииков расстрелян в Екатеринбурге, Токмаков не расстался с полком, проделав всю Гражданскую войну, был в Сербии и сейчас с расстроеным здоровьем доживает свои дни в одном из городов Австрии.

Трагична судьба вольноопределяющегося — еврея Александра Абрамовича Виленикина. "Эх вы, господин Виленикин, два факультета окончили, а одного поворота сделать не можете", говорил презрительно с упреком и с чувством превосходства, унтер-офицер учебной команды Рогочий запотевшему, в очках, вольноопределяющемуся. Отбыв воинскую повин-

ность Виленкин вскоре стал известным в Москве адвокатом и членом политической партии КД (конституционно-демократическая). Связи с полком не терял, приезжал время от времени в собрание, а встретив в театре или ресторане своего офицера подходил к нему как к своему однополчанину.

Объявление войны застало Александра Абрамовича в Лондоне, преодолев формальности и трудности пути, 20 августа он был уже в полку в Восточной Пруссии. Полковник Гротен, поговорив с господами офицерами, разрешил ему остаться в собрании. По внешнему виду Виленкин своего штатского происхождения скрыть не мог и был тот же адвокат, переодетый в гусарскую форму. Тяготы войны переносил безропотно, Георгиевские медаль, кресты и раны были свидетельствами его доблести. Виленкин не был поэтом, но постоянно кто-нибудь напевал какой-нибудь избитый мотив со словами Виленкина на злобу дня, где три удачных слова заменяли целые страницы прозы. В Арслане разыграно написанное им целое обозрение на жизнь полка. Он был в отчаянии, когда ему говорили, что стихи великолепны, но их надо переделывать на другой размер.

Во время революции Виленкин был незаменим, помогая офицерам в вопросах политики и партий, о которых они имели очень смутные понятия.

До последней минуты своей жизни Виленкин не расстался с полком. В его квартире, в трагической обстановке, преследуемые большевистскими шпионами, офицеры полка заколотили гвозди в крышку ящика, где был похоронен штандарт.

В книге "Памяти погибших", Париж 1923 г., издание партии КД, в статье Тесленко о Виленкине, автор давая характеристику его во время войны, пишет: "Виленкин был уже не тот, его не интересовали ни адвокатура, ни политика, ни общественность, полк был для него все" и далее "он не мог нахвалиться офицерским составом полка".

Состоя деятельным членом одной из организаций, боровшейся с большевиками Александр Абрамович был арестован, замучен чекистами и расстрелян. Сидя в Таганской тюрьме, он знал, что его ждет смерть — друзьям он переслал свои последние стихи:

От пуль не прятался в кустах
Не смерть, а трусость презирая
Жизнь прожил с шуткой на устах
И улыбался умирая.

Смерть его описана в книге Ветлугина "Авантюристы Гражданской войны".

Наступала весна -- прошел смотр молодых солдат, экзамены разведчикам и учебной команде, начинались взводные и

эскадронные учения на Ходынке. Около часу туда и столько же обратно шли шагом, обратно с пёсельниками.

Понемногу после зимнего отдыха конский состав втягивался в ожидании полковых учений. Нужен большой, многолетний опыт, чтобы "втянуть" лошадей.

"Конь", главное оружие кавалерийского солдата, был предметом самого большого внимания всех, начиная от Генерал-Инспектора Кавалерии. В истории полка отмечен один из случаев смотра Великого Князя Николая Николаевича — "Великий Князь был очень недоволен телами молодых лошадей 1-й Кавалерийской дивизии". Выводки Командующего войсками, начальника дивизии и командира полка чередовались одна за другой. Результаты смотров отмечались в приказах и движение по службе командира эскадрона зависело от состояния "тел". Понятно, с каким вниманием командиры эскадронов следили за состоянием конского состава, иногда даже в ущерб обучению молодых солдат.

В первых числах мая полк уходил из Москвы в лагерь, в подмосковные деревни. Для гусар это была большая радость "на деревня!" Кончалась однообразная казарменная жизнь, впереди несколько месяцев относительной свободы, близость к земле, к природе, к той обстановке, в которой они родились.

Полковая жизнь от начала мая до первых чисел сентября была разделена на три периода:

1) Лагерное расположение под Москвой.

2) Кавалерийские сборы в селе Клементьево — район Можайск—Бородино.

3) Маневры с пехотой в Московской, Владимирской и Ярославской губерниях.

Во время лагерных сборов эскадроны размещались по деревням — до 1908 года в стороне Петровско-Разумовского — Владыкино, Лихоборы, Дегушино, Марфино. Деревни эти благодаря удобному сообщению с Москвой превратились в излюбленные москвичами дачные места и были значительно удалены от Ходынского поля, где производились эскадронные и полковые учения и поэтому с 1908 г. полку были даны:

д. Хорошово — штаб полка, 4-й, 6-й эскадроны, трубаческая команда и команда связи,

село Троицкое — 1-й и 5-й эскадроны,

д. Татарово — 2-й эскадрон и конно-пулеметная команда,

д. Щукино — 3-й эскадрон.

В 1914 г. 1-й эскадрон перешел в д. Мневники. С преобразованием полковой конно-пулеметной команды в дивизионную с 8-ю пулеметами системы Максима, команда перешла из Татарова в Мневники.

От Пресни (окраина Москвы) до Хорошово шло отличное шоссе, расстояние приблизительно 5 верст, столько же через

пехотные лагеря до Петровского парка. Из Москвы можно было приехать на извозчике, но из Хорошова только верхом.

По своей природе, богатству сел и деревень место для лагерного расположения лучше найти было трудно. Москва-река, местами проходима вброд, дуга, перелески, чудный, так называемый Серебряный Бор, где можно было отдохнуть после полкового учения.

Деревни расценивались по-разному. Хорошова близко от Ходынки, здесь же собрание, но слишком на солнцепеке, мало зелени и очень переполнено. По природе лучше было село Троицкое с красивым парком Корзинкиных (богатая Московская купеческая фамилия), но далеко от Ходынки и собрания. Из Троицкого на учение надо было проходить через Серебряный Бор, где жило не мало дачников, и через гренадерский лагерь на Ходынке. В летний зной, когда дождей почти не бывало, проходящий эскадрон поднимал такую пыль, что дачники спешили закрывать окна, а пехотные солдаты свои палатки. Жалобы дошли до Командующего войсками, эскадронам пришлось искать других путей. 1-й мимо стрельбища, 5-й через Татарово, что удлиняло путь. После учения проходили мимо собрания, хорошо было заскочить пообедать — удерживала перспектива возвращения в Троицкое пешком, лошадей берегли. Пробовали питаться из котла, не умели наладить. В этом отношении хуже других было Щукино, отрезанное от Хорошова стрельбищем. Как-то корнет Померанцев, пообедав в собрании, возвращался верхом в Щукино, уж очень был большой соблазн проскочить через стрельбище, всего какую-нибудь версту, вместо 3-х в объезд. Кстати стрельба как будто приостановилась. Рискнул и поскакал. Оцепление заметило скачущего всадника, запели пехотные горны, замахали сигнальные флаги. Стрельбу остановили. По приказу Командующего войсками Померанцев отсидел 30 суток под арестом за свою неосторожность.

Летний день в эскадроне начинался рано. В 7, 7½ нужно было выйти, чтобы попасть на сборный пункт к 8-ми. Перед выходом делали рубку, т. к. в один из дней, среди полковых учений, командир полка назначал рубку всему полку. Эскадроны проходили по одному с офицерами во главе. Результаты отмечались в приказе по полку. Каждому эскадрону хотелось быть лучше других.

Стрельба начиналась еще раньше, выходили почти в темноте. Стрельбище находилось на Малой Ходынке.

Во время эскадронных и полковых учений делали всевозможные перестроения на все более живых аллюрах. Спортивный дух учений захватывал, горячились лошади, волновались люди. Грузный и флегматичный в обычное время командир 1-го эскадрона князь Меншиков приходил в азарт. "Будз-

ко! Будзко!“ слышался крик командира 4-го эскадрона ротмистра Лазарева. Будзко, молодой офицер 4-го эскадрона, всегда что-то путал. Каждый переживал учения по своему темпераменту. В эскадронах требовалось абсолютное молчание, даже шопот вызывал раздражение командира эскадрона.

Конные учения производились "по знакам" шашкой и головным убором, трубачи не были отменены, но сигналами пользовались редко.

В полковое учение входило и спешивание. На широком галопе, после сигнала "к пешему строю готовься", "к пешему строю — сл зай", из облака рассеявшейся пыли появлялись спешенные цепи, а вдали были видны уходящие галопом конноводы. Перестроение очень эффектное, часто применявшееся на показательных учениях — американской, японской и другим миссиям.

На полковых учениях по сигналу "сбор всех начальников" — "соберитесь, разъясните все учение" командир полка собирал командиров эскадронов или всех офицеров, говорил задачу и объяснял перестроения, которые он хочет сделать. Период полковых учений кончался действиями (маневрами) против обозначенного противника — флагами обозначалась пехота, артиллерия, кавалерия или их комбинация (полковник Гротен называл эти флаги "Петрушками").

Утро в лагере было утомительно и для людей и лошадей. Вставали рано, рубка, полковое учение, переход в туче пыли на Ходынку и обратно, перед обедом расседлать, зачистить, поставить коня, и только тогда обед и заслуженный отдых.

Послеобеденные занятия были много спокойнее. Выводили лошадей на Москва-реку, купали, мыли, а в промежутках между послеобеденным отдыхом и вечерней уборкой занимались в пешем строю полковым уставом. Взяли занятия младшие офицеры. Выставляли сторожевое охранение, главную заставу и от нее три номерных учили, как нужно выставлять часовых, подчасков, секретов, высылать дозоры. Объясняли движение разезда, резведывательного эскадрона. Устав на вопрос, какой силы бывает разезд, отвечал — от отделения до эскадрона, т. е. каждый младший унтер-офицер должен был свыкнуться с мыслью, что и он может быть начальником разезда; рассыпали цепь, делали перебежки. Определяли расстояние на глаз, последнее считалось важным, и в конце лагерных сборов устраивались состязания и выдавались призы (часы) "за глазомер". Затрачивали силы и энергию главным образом офицеры; гусары, лежа по уставу "укубыто" в сторожевой заставе, конечно, не уставали. Офицеру помогали выдержавшие к этому времени экзамены, хорошо знавшие уставы будущие унтер-офицеры из учебной команды.

После обеда старшие офицеры, а вечером и младшие уезжали в Москву или в гости в соседние эскадроны или в собрания. В расположении эскадрона оставался обязательно один офицер.

Полковые учения кончались в начале июля, после чего полк уходил в село Клементьево (артиллерийские лагеря и полигон) на кавалерийские сборы. Там собирались 1-я Кавалерийская дивизия и две отдельных бригады — гусарская, 17-й гусарский Черниговский и 18-й гусарский Нежинский полки и уланская — 16-й уланский Новоархангельский и 17-й уланский Новомиргородский. К этому времени полевая пешая артиллерия уходила на присоединение к своим частям, а конная, оставаясь на месте, присоединялась для предстоящих учений к своим кавалерийским частям.

Офицеры, в громадном большинстве, особенно молодежь шли на эти сборы охотно. Привлекало уже самое название "кавалерийские сборы". Учение такой массы конницы, дивизионные скачки, пробеги, маневры, походная жизнь, балы во время дневок в захолустных городах, мимолетные встречи, романы. Москва пустела, друзья и знакомые разъехались, кто на Кавказ, кто в Крым, кто в деревни.

Гусары к "сборам" относились по-разному. Одни уже жили с Троицким или с Щукино, вернее с хозяйками дворов, где они были расквартированы, других ничто не связывало. В деревне у гусар было больше "частной жизни", чем в казарме. Как-то один из командиров эскадронов получил письмо, полное жалоб на гусара, он ее бросил, "прельстился другою — я страдаю, а он роскошно живет". На другого обратился с жалобой "вольный", обвиняя гусара в нанесении побоев. На вопрос командира эскадрона, гусар ответил: "вышло дело из-за бабы, он меня ругает и так и сяк, я молчу, но когда он назвал меня "краснож... дьяволом, я не стерпел...". Третья жаловалась, что ее предмет редко ходит в отпуск — приказали пускать чаще. Подобных любовных историй было много.

Полигон, где производились конные учения всей дивизии, во много квадратных верст поле, был изрыт разрывами снарядов, пересечен канавами, ямами для мишеней и кочками болотистой местности. Поле представляло большую опасность для всадников и лошадиных ног.

Приблизительно до 1910 года учения и маневры производились по старине. За полком следовал "баульчик", экипаж античной постройке, где Львов возил чай, водку, пирожки и бутерброды. В 1910 г. обстановка резко изменилась. Стали предъявляться в обучении, как в казармах, так и в поле, новые требования. Проведение в жизнь этих требований в 1-й Кавалерийской дивизии было в руках людей культурных, образованных и настойчивых. Одними из них были начальник дивизи-

зии генерал Гурко, командир 1-го уланского Петербургского полка полковник Абрамов и другие. Они разрабатывали задачи, сами работали и заставляли работать всех, кончая самыми юными корнетами. Особое напряжение началось с применением нового полевого устава, одним из нововведений которого являлись разведывательные эскадроны, ставшие на войне обычным явлением.

Отжил свой век "баульчик", правда, его заменил "60 копеек" — предприимчивый торговец, "шакал", как их называли в кавалерийских училищах, всюду следовавший за полком и как из земли выраставший в самых неожиданных местах. За все он драл 60 копеек, потому его так и прозвали.

Кавалерийские сборы кончались финальной атакой дивизии против дивизии на полигоне. Генерал Плеве всегда приезжал из Москвы и присутствовал при финале и делал разбор маневра. Во время атаки участники не жалели своих животов и лошадиных ног.

Дальше шли маневры с пехотой. Добирались до Ярославля и Калуги. К маневрам относились серьезно. Генерал Плеве и генерал Мрозовский одним своим присутствием держали и старших и младших в большом напряжении. Постепенно с боями отходили к Москве.

Вот и она! Большой хор трубачей встречает полк полковым маршем и утомленные, загорелые веселые офицеры и гусары "под звуки лихих трубачей" шли в Хамовники, где их ждал заслуженный отдых.

ГЛАВА 3

КОМАНДИРЫ ПОЛКА

Полковник Петрово-Соловово

В 1901 году полковник Шарпантье был назначен командиром Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. На должность командира, тогда 3-го драгунского Сумского полка назначен флигель-адъютант полковник Петрово-Соловово, офицер Лейб-гвардии гусарского Его Величества полка.

Как и его предшественник, Петрово-Соловово был холост, но по характеру они не походили один на другого. Шарпантье был замкнут, неразговорчив и любил уединение. Петрово-Соловово был общителен, бесконечно весел и не терпел одиночества. Простотой обращения и доступностью он расположил к себе весь полк.

Мало знавший Москву командир часто засиживался в собрании, окруженный старшими и молодыми, слушавшими неистощимый запас его интересных и веселых рассказов. Обязательные по субботам завтраки еще больше объединяли офицеров и, начинаясь в 12 часов, бывало затягивались далеко за полночь.

Бывший в его время хозяином офицерского собрания полковник Г. А. Муханов в своем дневнике пишет: "раз я обратился к новому командиру с вопросом, что он пьет, и получил ответ: "все, кроме чернил и к осина". Полк принимал он в новом манеже, только что отстроенном. Привыкший с первых дней своей службы носить гусарскую форму, Соловово в нашей форме был как-то несуразен. Драгунку надевал не наб'крень, а совершенно прямо, вместо рейтуз — шаровары. Однако вскоре он к драгунской форме привык и изменил свой наружный вид.

В лесах громадного имения Петрово-Соловово под Рязанью была прекрасная охота — водились лоси, волки, медведи, не говоря о куропатках, тетеревах, диких утках и т. д. Петрово-Соловово приглашал туда офицеров охотников. Охоты

продолжались до самой войны 1914 г., когда Петрово-Соловово уже покинул полк, получив другое назначение. Генерал Говоров в своих воспоминаниях пишет: "на охоту ездили Нилов, Данилов, Рот, фон Ланг, я, позже Вишняков и барон де-Норман. Гостеприимству милых хозяев не было предела. Сама охота, горячий завтрак на снегу, а потом вечера в уютном помещицком доме незабываемы. Раза два на охоту приезжал генерал Гурко со своей супругой, страстно любившей охоту".

В эти годы пост Московского генерал-губернатора и Командующего Войсками Московского Военного Округа занимал Великий Князь Сергей Александрович.

Отношение Великого Князя к полку было исключительно доброжелательное. Делая смотры полку, Великий Князь всегда заходил в собрание, а иногда приезжал и с Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной.

В спокойной обстановке мирного времени проходили первые годы командования полком Петрово-Соловово. На должности помощника по строевой части был подполковник Нилов — впоследствии командир своего же полка и командир 2-й бригады, — надолго связавший свою жизнь с полком. Помощник по хозяйственной части — подполковник Данилов, впоследствии командир 10-го уланского Одесского полка, расстрелянный большевиками в Киеве. Командиры эскадронов: Якубовский, братья князя Вадбольские, ушедшие в отставку с штаб-офицерским доломаном, Кучин, получивший эскадрон Тверского Кавалерийского училища, братья Гарденины, променявшие впоследствии шумную жизнь полка на спокойную должность штаб-офицера при одном из штабов в Москве, Зворыкин, Голодолинский, талантливый составитель Истории полка со дня основания до 1901 г. и многие другие, оставившие по себе память, как отличные строевые офицеры и товарищи. Воспитанные в традициях Сумского полка они уделяли "делу время, потехе час", умели загулять, повеселиться, но это не отражалось на службе в эскадроне и в полку.

27 января 1904 года Россия объявила войну Японии. Жизнь резко изменилась. Наступило тревожное время. Москва являлась центром передвижения войск, отправляемых на Дальний Восток. Город наполнился офицерами в новой амуниции и высоких папахах, солдатами действительной службы и запасными. Скоро стали прибывать поезда с ранеными. Многочисленные вокзалы Москвы были забиты толпой военных и штатских. Уличное движение стало беспорядочным.

Неудачи на войне вызвали неудовольствие во всех слоях общества, что прежде всего отразилось в печати, не только левой, но и правой. Начались так называемые "студенческие волнения", с уличными манифестациями, забастовки рабочих. Участились случаи, когда полиция требовала содействия войск для

поддержания порядка в городе. Обычно вызывали сотни 1-го Донского казачьего полка; если казаков не было достаточно, вызывали эскадроны Сумского полка.

В конце 1904 г. на войну была послана конно-пулеметная команда полка под командой корнета Висс. Команда прибыла в Манджурию в конце войны и в военных действиях участия не принимала. Кроме корнета Висс, на Дальний Восток были командированы по собственному желанию корнеты Прибыль и Кохно, пробывшие всю войну в одном из казачьих полков.

1-го января 1905 года Великий Князь Сергей Александрович покинул пост генерал-губернатора, но остался в Москве Командующим Войсками Округа.

9-го января в Петербурге была разогнана, с применением оружия, небывалая рабочая манифестация, гвардия стреляла в толпу, были убитые.

4-го февраля при проезде Великого Князя из города, в Кремле революционер Каляев бросил бомбу. Великий Князь был убит. Революционное движение возрастало. Летом вспыхнули беспорядки в Черноморском флоте, затем в Кронштадте. 5-го сентября нового стиля в Портсмуте был заключен мир с Японией, но революционное настроение не только не улеглось, но все более увеличивалось, к недовольным присоединились запасные, требовавшие освобождения от службы.

В это тревожное время полковник Петрово-Соловово был назначен командиром Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка и покинул Москву.

Полк с сожалением расстался со своим командиром, который оставил о себе память, как отличный кавалерист, спортсмен, блестящий офицер и заботливый начальник. Петрово-Соловово не прервал связи с полком, проезжая через Москву, он всегда считал своим долгом заехать в полк, сохранив самые хорошие воспоминания о годах пребывания его в полку.

В командование полком вступил полковник Нилов (1905 год).

Полковник Нилов

Полковник Иван Димитриевич Нилов не был коренным офицером полка. Выпущенный из Николаевского Кавалерийского Училища в Лейб-Гвардии Уланский Его Величества полк, он перевелся в Сумский полк еще до юбилея 1901 года. Прокормив эскадрон и пробыв в штаб-офицерской должности, сжился с полком и с его особенностями и, если можно так выразиться, врос в полк.

Женатый, общительный, имел много друзей и знакомых в городе, а как радушный и гостеприимный хозяин любил и умел принять у себя. Видя ежедневно на службе и принимая у себя офицеров полка, имел возможность с ними близко позна-

комиться; знал вахмистров и, присутствуя на занятиях и экзаменах в учебной команде, знал отлично всех унтер-офицеров. Пробыв много лет помощником командира полка по строевой части, полковник Нилов был ответственным за моральное состояние полка и был в нем уверен.

Наездник полковник Нилов был исключительный, а в умении произвести полковое учение у него не было соперников; в этом отношении он был художник. Благодарности в приказах по Округу и по дивизии достигались многочисленными учениями, постепенным втягиванием конского состава до самых больших аллюров и напряженным вниманием офицеров и гусар.

После удачных учений Нилов благодарил гусар: "Спасибо, молодцы, — по бутылке пива", а раньше, когда еще чарка не была отменена, "по чарке водки". Как-то оговорился и вместо по "бутылке пива" крикнул "по бутылке водки". Всем стало весело — поняли ошибку.

Полковник Нилов умел использовать для нужного ему дела все возможности и подобрать способных помощников, каковыми были подполковник Константинов и адъютант поручик Тишенинов. Капельмейстер А. К. Марквардт, конечно, не мог бы развернуть маленький хор трубачей в громадный оркестр, не имея поддержки со стороны Нилова.

Во время его командования в полковом манеже устраивались небольшие "concerts hiprique" для офицеров и гусар. Призами для офицеров были недорогие вещи, для гусар — предметы обмундирования, доломаны, сапоги и т. д. и небольшие суммы денег. Конкуры пользовались большим успехом и вносили оживление в монотонную жизнь гусар.

Жили Ниловы в Шефском доме, в прекрасно обставленной, большой квартире. Супруги были гостеприимными, радушными хозяевами. Устраивали по воскресеньям завтраки, на которых бывали офицеры полка и гости из города. По вечерам играли в винт и преферанс. Иван Димитриевич любил молодежь, и молодежь на своих пирушках в собрании его не чуждалась. Нилова можно было встретить и в театре и у Яра, он любил общество, знакомство его было разнообразно и обширно.

На плацу перед Шефским домом зимой устраивали ледяную горку для катания детей полковника Нилова и командиров Гренадерских полков. На конкурсы и катание с гор Нилов иногда приглашал гостей — дам, барышень. День обычно заканчивался танцами у него на квартире. Эти скромные вечеринки были полны веселия и непринужденности.

**

В 1905 году Москва была центром всего революционного движения — уличные манифестации, митинги, студенческие вы-

ступления, забастовки на заводах усиливались с каждым днем.

В рабочем квартале Пресня, где были две мануфактуры Прохорова и Мамонтова, а также и бельная фабрика Шмидта, формировались вооруженные дружины, в последней под руководством самого владельца. Дружины, строя баррикады, постепенно захватывали районы города, вступая с войсками в перестрелку и бросая самодельные бомбы.

В начале декабря организовался Совет Рабочих Депутатов со стачечным комитетом, и 7 декабря была объявлена всеобщая российская политическая забастовка. Остановились железные дороги, трамваи, город погрузился в темноту. В опустевших улицах слышны были ружейные выстрелы. 9 декабря к ним присоединился гул артиллерийской стрельбы — дом Фидлера на "Чистых Прудах", откуда войска обстреливались революционерами, был уничтожен. 11 декабря была разбита снарядами типография Сытина, где собрались революционные деятели, отказавши ся разойтись и встретившие войска выстрелами. 13 декабря было разрушено артиллерией четыре дома на Садовой Кудринской, откуда революционеры обстреливали войска, находившиеся на сборном пункте во дворе здания, занимаемого Штабом Гренадерского корпуса. 13 декабря войска атаковали дом на Миусской площади, где засела боевая дружина.

Несмотря на такие, казалось бы, радикальные меры, восстание не только не угасло, но разгорелось еще больше.

Гренадерские полки были не совсем надежны. На митингах и в толпе манифестантов было не мало солдат этих полков, были случаи вооруженного выступления (Ростовский Гренадерский полк). Верными присяге и вполне надежными были Сумский драгунский и 1-й Донской казачий полки, несколько сотен последнего были на охране губернии.

Вся тяжесть поддержания порядка легла на Сумский полк. Дежурная часть была не в Хамовниках, а в Большом городском манеже. Офицеры и драгуны неделями не раздевались, выступая по тревоге и днем и ночью "для содействия полицейским властям".

15 декабря в Москву прибыли Лейб-Гвардии Семеновский и Ладожский пехотные полки. Главный удар был направлен против Пресни. Шмидт был арестован, его фабрика сожжена и разрушена артиллерийскими снарядами. Прохоровская мануфактура, главная цитадель сопротивления, сдалась. Окончательный перелом обозначился лишь в двадцатых числах декабря.

Эскадроны полка, участвуя в разгроме дома Фидлера, Шмидта, занятии Пресненского района, не считая бесчисленных мелких атак, разборки баррикад, столкновений с толпой — действовали решительно, не даром революционеры распространяли

прокламации "Бейте Сумских драгун" (экземпляр ленточки хранился в музее полка). Люди были измучены, озлоблены и нервничали.

Положение Сумского полка осложнялось тем, что казармы находились в расположении пехотных полков, а в этих полках было неспокойно.

Однажды, когда все эскадроны были в наряде и в казармах оставалась только учебная команда, к мостику через канаву к расположению полка направилась толпа гренадер с криком и гамом, с целью присоединить к себе драгун. Подходивший в это время к воротам полковник Нилов приказал надвигавшейся толпе остановиться. Услышав шум и крик своего командира, вахмистр учебной команды Чучелович выбежал с командой и построил ее сзади полковника Нилова. Толпа солдат остановилась, полковник Нилов вновь приказал гренадерам разойтись. Окрик не подействовал и вахмистр Чучелович командовал: "прямо по пехоте, постоянный, пальба командой, команда. . ." Толпа бросилась бежать, и вместо "пли" Чучелович командовал: "Отставить! Вынь патрон".

В другой раз на плац, со стороны Остоженки, двигалась большая толпа манифестантов с музыкой и красными флагами. Два эскадрона и учебная команда построились поперек улицы в конном строю, а вперед было выслано несколько унтер-офицеров с приказанием предложить толпе разойтись. Толпа не разошлась. После сигнала предупреждения эскадроны бросились в атаку, рубить было запрещено, действовали обухом клинка. Толпа разбежалась, побросав трубы и флаги.

Долго еще после мятежных дней продолжалась напряженная служба — охрана дома Генерал-Губернатора (Дубасова, Гершельмана), охрана арестованных бунтовщиков Ростовского Гренадерского полка и наряды по помещениям полицейских участков.

Сумский полк был надежен, все же при постоянном соприкосновении с революционерами пропаганда могла проникнуть и в полк.

Известно, с какой заботливостью все начальствующие лица следят за доброкачественностью пищи, за чистотой и порядком в кухне. Солдаты это ценят, но и принимают как должное. На этой почве в одном из эскадронов произошел случай, который мог вызвать неприятные последствия. Находчивость и мужество корнета Говорова (Константина) в критический момент спасли положение и предотвратили возможный беспорядок.

Дежурному офицеру (корнету Говорову) доложили, что один эскадрон отказывается разобрать пищу, т. к. в борще оказалась мышь. Корнет Говоров пришел в эскадрон. Люди внешне были спокойны и ничем не выражали своего недовольствия. Дежурный по кухне подал Говорову котелок с борщом, в кото-

ром была разваренная мышь. Корнет Говоров спокойно ложкой подцепил мышь и . . . проглотил ее, сказав, что это кусок мяса. Драгуны разобрали пищу и инцидент был исчерпан.

Беспорядки парализовали уличное движение. Из дома в полк и обратно офицеры ездили верхом в сопровождении вестового. Такие поездки были опасны, так, на Плющихе в корнета Хоецкого, ехавшего в полк, из подворотни большого дома стрелял какой-то человек. Лошадь корнета Хоецкого была уби-та. Вестовой Хоецкого, соскочив с коня, выпустил из винтовки всю обойму в ворота дома. Обнаружить стрелявшего не удалось.

Понемногу наступило успокоение, и город принял нормальный вид. В июле 1906 года вспыхнули аграрные беспорядки в Воронежской губернии. Туда был отправлен дивизион (3-й и 6-й эскадроны) под командой подполковника Рахманинова. Особенно сильные волнения были в Валуйском уезде — появление драгун внесло успокоение, никаких эксцессов не было.

В 1909 году полку вновь пришлось нести полицейскую службу и участвовать в подавлении, так называемых, Толстовских беспорядков в Москве. От полка высылались один, два эскадрона. Главную службу несли казаки.

Во время одной из манифестаций, когда на помощь полиции был вызван 6-й эскадрон, курсистка, участница манифестации, вонзила шляпную булавку в круп лошади корнета Слепцова. Лошадь от боли взметнулась на дыбы и передними копытами ударила вблизи стоявшего студента и проломила ему череп. Студент вскоре умер. "Жертве революции" устроили торжественные похороны.

В декабре 1909 года 4-й эскадрон ротмистра Муханова со взводными офицерами: штабс-ротмистром Висс, корнетами Спечинским, князем Оболенским и Захаровым был командирован в Воронеж в помощь гражданским властям. В Воронеже ожидался беспорядки. За свою 4-месячную командировку эскадрон ни разу не был вызван.

Из Воронежа младших офицеров вернулось три. Корнет князь Оболенский был убит лошадью, ударившей его в верхнюю часть живота. После произведенной операции корнет Оболенский скончался. Потеря в полном расцвете сил отличного офицера, товарища и друга сильно огорчила всех офицеров полка.

Не считая корнета князя Оболенского, погибшего от несчастного случая, за все время Московских беспорядков было убито революционерами один драгун 3-го эскадрона и около 30-ти лошадей.

После Японской войны материальное положение офицеров и солдат было значительно улучшено. Жалование офицеров увеличено, сыновья могли учиться в кадетских корпусах, дочери в институтах на казенный счет. В полках был устроен, так называемый, заемный капитал, офицер имел возможность "перехватить" небольшую сумму (200 рублей), выплачивая долг небольшими взносами. В кавалерии, кроме того, был ремонтный капитал, предназначенный в помощь офицеру для покупки собственной лошади. В Военных Округах отлично функционировали Офицерские Экономические Общества. В магазинах Общества офицер и его семья могли купить все, чем богаты самые лучшие европейские магазины. Качество товаров безупречное и дешевле, чем в городских магазинах; там же были портные и сапожники. У Экономического Общества была своя гостиница, где могли останавливаться приезжающие офицеры. Офицеры, члены Общества, пользовались ограниченным кредитом, который погашался вычетом из жалования небольшими суммами.

Все это привлекало в ряды офицеров, а т. к. юнкерские училища к этому времени были заменены военными, то состав офицеров был достаточно высок по своему интеллектуальному уровню.

Положение солдат тоже улучшилось. Жалование с 37½ копеек в два месяца было увеличено на 50 копеек в месяц. Стали выдавать чай, сахар, мяса не ½ фунта в день, а ¾. Начали выдавать постельное белье, одеяла, раньше шинель служила и тем и другим.

После 1905 года все обмундирование выдавалось казенное и разделялось на "три срока": 1-й, совсем новое, никогда не носимое — запас, 2-й, носимое в город, на парады и 3-й повседневный. Были предметы и бессрочные — так, пуговицы или костыльки на доломане. Потерял? Доставай, где хочешь. Хуже было с конскими щетками, которые быстро изнашивались, а заменялись с трудом. Взводные подсовывали молодым солдатам совсем изношенные и те волей-неволей должны были щетку покупать. Это была одна из темных сторон в закулисной жизни солдат. Более серьезно — рукоприкладство.

При государе Александре II, при введении всеобщей воинской повинности, телесные наказания были отменены и заменялись нарядами не в очередь, стоянием под шашкой и арестом. Последние два применялись редко, — весь день был занят уборкой коня и занятиями, да и авторитет начальника был достаточно велик. Все же последнее время попадались люди, поведение и нравственные качества которых были очень низки.

Таким был гусар 4-го эскадрона Мишин из зажиточной московской купеческой семьи.

Поручик Лебедев, выведенный из терпения вызывающими ответами Мишина, ударил его. По словам Мишина удар пришелся в левое ухо и был так силен, что барабанная перепонка лопнула.

Мишин был отправлен в госпиталь, а поручик Лебедев предан Военно-Окружному суду.

На суде свидетельскими показаниями и медицинской экспертизой было установлено, что Мишин сам себе проковырял барабанную перепонку с целью освободиться от военной службы, за что и был осужден судом. Поручик Лебедев, освобожденный от обвинения в нанесении увечья, был осужден за побой. Это был печальный и, к счастью, единственный случай.

В 1906 году скончался король Датский Христиан IX. На похороны была отправлена от полка делегация в составе командира полка полковника Нилова, полкового адъютанта штаб-ротмистра Тищенкова, командира 1-го эскадрона ротмистра Кучина и вахмистра того же эскадрона Сидоровича. На Датский престол вступил наследный Принц, Шеф полка. Полк стал именоваться 3-й драгунский Сумский Короля Датского Фредерика VIII полк. Погоны были украшены накладными вензелями Короля.

Следует напомнить, что Наследный Принц Датский, ставший Королем Фредериком VIII, был родным братом Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны. Шефом полка назначен в то время, когда Государыня была еще невестой Императора Александра III — во время пребывания полка на лагерных сборах в Красном Селе 25 мая 1863 года.

Приказ по Военному Ведомству Декабря 6-го дня 1907 года:

Государь Император Высочайше повелеть соизволил армейским драгунским полкам именоваться впредь: (перечисляются полки) — 3-й драгунский Сумский Короля Датского Фредерика VIII полк — 1-м гусарским Сумским Короля Датского Фредерика VIII полком.

Далее в том же приказе — Декабря 6-го дня № 641.

В Высочайшем приказе сего числа объявлено о переименовании части драгунских полков в уланские и гусарские. Вследствие чего форма обмундирования, ныне установленная для армейской кавалерии, будет подлежать изменению, соответственно новым именованиям полков. Описание новой формы будет объявлено дополнительно по утверждению для него образцов. Военный Министр Ридигер.

Вскоре были утверждены образцы: Прибор золотой, доломан голубой — шнур филиграновый (Шнур гвардейского образца, пожалованный за отличия в Турецкую войну 1877-1878 г. г. — Высочайшая грамота 24 апреля 1879 г.). Чакчиры кра-

повые. Фуражка: околыш алый, верх голубой, три желтых канта. Парадная шапка — черная барашковая с алым шлыком и белым султаном. Сапоги с розетками. На офицерских пальто и кителях золотые погоны с продольным золотым зигзагом. На солдатских шинелях и гимнастёрках погоны алые.

Согласно расписанию форма распределялась на парадную, обыкновенную, походную и бальную.

Парадная: доломан, лядунка, пояс серебряный с такими же кистями, шапка с султаном. Обыкновенная отличалась от парадной тем, что султан заменялся помпоном. В строю шапка, вне строя сабля (офицеры). Походная форма: однобортный китель защитного цвета с 5-ю шаровидными пуговицами (гобочки), шапка и револьвер.

Голубой цвет не практичный. Доломан, провисевший лето в шкафу, в чехле из плотной материи, выцветал и принимал грязный, сероватый оттенок. Фуражки выдерживали не больше двух месяцев. Интендантство, где служили люди практические, выдавало для гусарских доломанов сукно синее — более прочное. На темном фоне гусарских доломанов 4-5 офицеров в голубых доломанах, были резкими некрасивыми пятнами.

Заведующим хозяйством и деятельным помощником полковника Нилова во время перемены формы и постройки нового обмундирования был подполковник Константинов, впоследствии командир 16-го уланского Новоархангельского полка, человек исключительной энергии и широкой натуры. Благодаря его жизненному опыту и экономическим суммам, обмундирование было построено блестяще — доломаны, китель, шинели, полушубки и непромокаемые брезентовые пальто. Кителя походили на офицерские, но из более грубого материала. Полковник Нилов и подполковников Константинов получали неоднократно благодарности в приказах по дивизии и округу.

Как часто бывает в таких случаях, обмундирование не было установлено сразу — первый доломан был с алым воротником и алыми обшлагами, что почти сейчас же было отменено. В 1908 году выпуску молодых офицеров (6 человек) было приказано полковником Ниловым шить себе доломаны синего сукна под цвет солдатских, но месяца через два приказ был отменен. Доломан остался голубой.

Цвета обмундирования Сумского гусара голубой, желтый и алый были цветами и полкового флюгера на пике.

Возвращение полку старого именованья и формы, связанных с лучшими, блестящими страницами истории полка, было встречено восторженно. Все же это не была темно-синяя венгерка и ментик, которые похоронили Сумские гусары в 1882 году.

В 1907 году между Шефским домом и конюшней 6-го эскадрона был построен большой, светлый манеж. Манеж и на самом деле был достаточно велик, чтобы его назвать большим,

так он назывался в отличие от малого, находившегося между конюшнями 6-го и 4-го эскадронов, занятого фуражем, неисправная крыша которого не допускала в нем конных занятий.

Постройку большого манежа, который так ценили в зимнюю стужу и осенью в непогоду, нужно приписать энергии полковника Нилова и подполковника Константинова, добившихся от города отпуска необходимых сумм.

В 1908 г. полк преподнес своему Шефу, Королю Датскому Фредерику VIII, полное генеральское гусарское обмундирование, для чего полковник Нилов, штабс-ротмистр Тищенко, командир 1-го эскадрона Светлейший князь Меншиков-Корейша и вахмистр Сидорович были отправлены в Копенгаген.

К тому же времени надо отнести закладку на Хамовническом плацу новой полковой церкви.

Сначала церковные службы совершались в помещении малого манежа. В ознаменование чудесного спасения от смерти Императора Александра III церковь была украшена новым резным дубом иконостасом.

Обыком радетелем в постройке церкви был ротмистр князь Трубецкой, который и был ее первым старостой.

Деньги на постройку церкви были собраны среди служащих и бывших офицеров полка, были и частные пожертвования — особенно щедрый дар внес известный в Москве фабрикант Якунчиков.

На церемонию закладки фундамента храма, которая была в июне, полк прибыл из летней стоянки. После молебна и соответствующего чина, был заложен первый камень, под который были положены золотые монеты.

По окончании церемонии, гостей пригласили на завтрак в собрание. В собрании шумно отпраздновали день закладки, и ротмистр Голодолинский отметил это событие четверостишием, написанным карандашом на обоях столовой:

Колбаса . . . сосиски . . . сладко . . .

Много водки, как всегда . . .

Настоящая закладка

Здесь, в собрании, была . . .

Строил церковь архитектор Бони, строил почти безвозмездно, за что полк преподнес ему полковой значок. Осенью 1910 года, когда церковь была готова, на освящение из Петербурга прибыл Протопресвитер Военного и Морского духовенства.

Внутренность церкви была вся отделана мореным дубом и туда был перенесен иконостас из старой церкви и над ним надстроен второй ярус. Церковная утварь представляла ту или иную историческую ценность, связанную с жизнью полка. Иконы четырех Евангелистов и купол церкви были работы одного из гусар 2-го эскадрона, фамилия, к сожалению, забылась — это

его дар полку. Вахмистр 2-го эскадрона, Иван Стрюк, подарил большую икону, которая находилась у левого клироса. Много было и других ценных подношений.

И были службы Божьи богато справлены,
Икон подножья — свечами уставлены.

Настоятелем церкви был отец Афанасий Лепорский. Ктиторм — А. П. Якунчиков.

Службы в церкви совершались во все праздничные дни. В Великом посту полк говел и причащался в своей церкви. Гусары присутствовали на богослужении обязательно. Из офицеров каждую субботу бывал полковник Гротен и редко кто из офицеров.

В 1909 г. был утвержден проект полкового значка, в основу которого был положен ополченский крест 1812 года. Значок носился согласно "общих оснований для значков" на левой стороне доломана или кителя всеми чинами полка, с внесением в послужной список. Каждый гусар при увольнении в запас получал после молебна полковой знак. Значок подносили лицам оставившим по себе добрую память в полку: ротмистру Абелову (Офицерской Кавалерийской Школы) в 1911 г. по окончании командования эскадронам для ценза Генерального Штаба капитану Брандт, командовавшему для ценза 5-м эскадронам и написавшему памятку полка к юбилею 1812—1912 г., архитектору Бони и др.

В конце 1911 г. старший полковник Данилов был назначен командиром 10 уланского Одесского полка, а в начале 1912 г. полковник Нилов был произведен в генерал-майоры с назначением командиром 2-й бригады 1-й Кавалерийской дивизии. В лагерь полк вышел под командой временно исполняющего должность командира полка полковника Рахманинова.

Прощальный обед бывшему командиру был устроен в Хорошово. Проводы прошли весело, для печали не было причины — генерал Нилов оставался в Москве, командиром своей же бригады.

Полковник Гротен

Полк принял полковник Павел Павлович Гротен (1912-1915) — офицер Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка, выпуска Николаевского Кавалерийского училища 1893 года.

В группе офицеров полковник Гротен выделялся высоким ростом, хорошим сложением, отчетливым отдаением чести, несколько более чем нужно надетой на бок фуражкой и черной как смоль бородой. Красивый был офицер.

Выдающийся командир эскадрона и отличный, исполнительный строевой начальник был известен во 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии и лично Государю. Назначение его ко-

**Состав полковых депутатов, прибывших
в Копенгаген на погребение Короля Датского
Христиана IX в апреле 1909 г.**

Слева направо.

Сидят на полу: 1) адъютант Кавалергардского полка штабс-ротмистр маркиз Паулучи, 2) адъютант Гвардейского экипажа лейтенант барон Врангель, 3) адъютант Северского драгунского полка поручик Сакварелидзе-Бсжанов, 4) адъютант Псковского драгунского полка корнет Пуцковский.

Сидят: 5) ротмистр Северского драгунского полка князь Абашидзе, 6) командир Чугуевского драгунского полка полковник Белоградцев, 7) командир Сумского драгунского полка полковник Нилов, 8) командир Переяславского драгунского полка полковник принц Шафи-Хан, 9) капитан 1-го ранга граф Толстой, 10) командир лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка барон Жирарде-Сукантон, 11) адъютант Переяславского драгунского полка поручик Булацель, 12) лейтенант Гвардейского Экипажа Л. вшин, 13) военный агент Генерального Штаба полковник Алексеев, 14) лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка ротмистр Мордвинов, 15) адъютант Чугуевского полка поручик Немсадзишв.

Стоят в 1-м ряду: 16) подполковник Переяславского драгунского полка Хачатуров, 17) датский

ротмистр Реннинг, 18) адъютант Сумского драгунского полка штабс-ротмистр Тишенинов, 19) ротмистр Псковского драгунского полка Протопопов, 20) ротмистр Сумского драгунского полка Кучин, 21) командир Псковского драгунского полка полковник Фальковский, 22) командир Северского драгунского полка полковник Надерваль, 23) командир Кавалергардского полка Свиты Его Величества ген-рал-майор князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, 24) датского флота капитан Твермес, 25) Российский вице-консул Лассен-Эренфельд, 26) адъютант лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка поручик барон Гойнин-Гюне, 27) ротмистр Кавалергардского полка флигель-адъютант Скоропадский, 28) ротмистр Чугуевского драгунского полка Ивков.

Стоят во 2-м ряду: 29) датский вахмистр-гусар Мэйме, 30) вахмистр Псковского драгунского полка Мерчин, 31) вахмистр Чугуевского драгунского полка Нудченко, 32) вахмистр Сумского драгунского полка Сидорович, 33) вахмистр Переяславского полка Пантелеев, 34) вахмистр Кавалергардского полка Елисеев, 35) датский вахмистр Гергольт, 36) вахмистр лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка Токаренко, 37) фелдфебель роты Ее Величества Гвардейского Экипажа Гаврилов и 38) вахмистр Северского драгунского полка Терешенко.

полковника Нилова. Назначенное в сентябре учение, которым командовал уже полковник Гротен, прошло неудачно. Всего 3-4 месяца как новый командир принял полк, новый устав был только что введен, его дух и требования были иные, а может быть и сам генерал Плева не мог отвыкнуть от перестроений "на пяточке" на живых аллюрах.

Осужденный к лишению воинского звания и многим годам тюрьмы за попытку изнасилования женщины в Клементьево трубач Склимович находился после суда, до отправки в тюрьму, на полковой гауптвахте. Выведенный ранним утром, еще в темноте, конвойным в отхожее место Склимович бежал через другие двери. Склимовича знали где искать, и в ту же ночь арестовали свои же трубачи, но все же полковнику Гротену был объявлен выговор в приказе по округу за непорядок в полку.

В начале мая полк выходил в лагери. Москва-река широко разлилась, вода поднялась и доходила до настила моста, что у д. Татарово, деревни 2-го эскадрона. Из-за предосторожности командир эскадрона ротмистр Марков спешил эскадрон, мост проходили в поводу. Испугалась нервная молодая лошадь быстрого, бурного течения, взбунтовалась и упала в воду в сторону течения, ее подтянуло под мост и лошадь утонула. Только успели донести об этом, как конь 4-го эскадрона сорвался во время уборки с коновязи (в Хорошове), прыгнул через забор и напоролся брюхом на кол.

Чашу несчастий переполнил побег арестованного гусара в Хорошове. Арестованный сделал руками подкоп в песчаной почве. Полковник Гротен, не ожидая разноса генерала Плева в приказ по округу, подал рапорт об увольнении в запас и уехал в отпуск.

На общем собрании офицеров обсуждался вопрос о поднесении обычного подарка уходящему командиру — исторонились. Через месяц полковник Гротен вернулся в полк фингельадъютантом.

Понемногу в полку стали привыкать к характеру полковника Гротена, к его манере говорить, да и Гротен присмотрелся к полку и увидел его таким, каким он был на самом деле. Подтягивать и искоренять было нечего. Много было шума из-за бритых усов — корнета Слепцов и Чеботарев получили строгие внушения. Сажали офицеров и под арест, в те времена это было обычное явление. Сажали все, начиная от генерала Плева. Все, кроме генерала Gurko. За что же? — Петрашкевич и Вишняков удрали без разрешения в П.т. рбург, граф Борх нарвался на скандал в загородном ресторане, не рекомендованном офицерам. Уже во время войны, когда полк был на отдыхе в Красном Селе, штабс-ротмистр Елизаров сидит за то, что сбрил усы; Леонтьев, возвращаясь из отпуска, наспех сшил с б. модный тогда френч с широкими карманами, Дмитриев в

Вильно или в Гродно не в меру на шумел в гостинице — всех не упомянешь.

Арест был неприятен не только в моральном отношении. Наказание заносилось в послужной список, который всю жизнь следовал за офицером. Этим объясняется, что четыре офицера, не бывшие в Царский день в Храме Христа Спасителя, получили и безропотно приняли по три, в не очередь, наряда на дежурство по полку, — наказание, непредусмотренное уставом.

Располагающего в "Пал Палыче", как называли полковника Гротена офицеры между собой, было все-таки много.

Можно с уверенностью сказать, что он сначала пожалел утонувшую лошадь, а потом уже подумал о неприятности, которая угрожала ему. Он так хотел отдать молодежи малый манеж, но Трубецкой не умел найти необходимые средства для ремонта. При первой же возможности Павел Павлович исправил ошибку Нилова и произвел в подполковники, незаслуженно обиженного Ниловым, ротмистра Адамовича. Полковник Гротен был холост, в своей квартире в Шефском доме занимал одну комнату, где стояла походная кровать, стол и два стула. Когда город вынужден был отобрать у офицеров половину собрания, Гротен предложил под собрание свою квартиру. Не желая стеснить командира и себя, офицеры отказались. Можно привести сколько угодно случаев, где Гротен показал себя человеком сердечным и справедливым.

Во время войны встречал каждый разъезд, кто бы им ни командовал — офицер или унтер-офицер. Сначала расспрашивал, все ли живы люди, лошади, нет ли раненых, а потом уже о разведке. 12 января 1915 года, в бою под Бладзев, казаки днем понесли большие потери и должны были оставаться на позиции до утра. Гротен, видя крайнее физическое и моральное утомление казаков и их командира полковника Грекова, сменил их гусарами. 13 января, когда был убит корнет Соколов старший — борьба между долгом и просто человеческим чувством. С одной стороны, на кого оставить эскадрон, а, с другой, как же не отпустить брата с телом убитого в Москву, где ждала убитая горем мать. Ломал голову, нашел выход — отпустить.

На походе, на постое Гротен ничем не выделял себя, был в тех же условиях, что и другие офицеры и часто в халупе командира спало несколько человек вповалку.

В бою командир был всегда в цепи, даже когда это могло псередить управлению боем. Много раз командиры эскадронов говорили адъютанту: "да уведи ты отсюда командира, ему здесь не место". Но не таков был Гротен, чтоб я его можно было увести. Он и ранен был не случайно залетевшей пулей, не разорвавшейся где-то далеко шрапнелью, а в цепь, рядом с другими офицерами и гусарами. И на вопрос командующего дивизией

генерала Лео: "Павел Павлович, как Вы?" — ответил: "я-то ничего, а вот зачем Вы мне там людей портите?"

Во время войны, по приказу Верховного Главнокомандующего, офицеры, бывшие по каким-либо причинам в отсутствии из части больше 3-х месяцев, могли быть отчислены в резерв. Полковник Гротен, после ранения был на излечении несколько дней больше 3-х месяцев. Генерал Пльве, командующий в это время 5-й Армией, воспользовался своим правом и отчислил в резерв боевого командира. Это была обида прежде всего полку.

Не любил его старый генерал. Вспомнил московские мелочи и то, что Гротен сделал по приезде в Москву визит его супруге не в приемный день, не был принят, но возобновить визита не считал нужным.

Не долго пробыл в резерве полковник Гротен, был произведен в генерал-майоры и назначен командиром Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка, а затем помощником Дворцового коменданта.

Главными помощниками командира полка в эти годы были: по строевой части полковник Рахманинов, по хозяйственной — полковник князь Трубецкой, адъютант, шесть командиров эскадронов и начальник конно-пулеметной команды.

ГЛАВА 4

ШТАБ-ОФИЦЕРЫ И КОМАНДИРЫ ЭСКАДРОНОВ

С гордостью и большим достоинством носил свой штаб-офицерский доломан полковник Александр Феодорович Рахманинов. Большая, пожалуй, слишком грузная для кавалерийского офицера фигура, борода, как носил Наполеон III, и даже то, что он слегка прихрамывал — внушали уважение.

К своим обязанностям Александр Феодорович относился очень добросовестно. Его голос был слышен то в одном, то в другом конце плаца, то в конюшне, то в эскадроне. По характеру он был неровный и раздражительный, разбранит не в меру, а то расцелует за удачный ответ какого-нибудь разведчика. Таков же был и с офицерами, но здесь его раздражительность извинялась тем, что Рахманинов был старый Сумец, как говорят, родился и вырос в полку, да и самое начало его речи "мой дорогой" было подкупающим.

Прямой, честный Александр Феодорович болел душой, когда видел и слышал от других, что командиры эскадронов в Восточной Пруссии забирали фураж и еду в покинутых фольварках, ничего не платя. "Ты, дорогой мой, оставь деньги на столе, если никого нет в доме". Гусар же в занятом немецком городе разгонял из магазинов, где можно было чем-нибудь полакомиться.

К вечеру Рахманинов, вероятно, очень уставал. Кроме наблюдения за занятиями в эскадронах, на нем лежали занятия с младшими офицерами, он был председателем суда Общества офицеров и полкового суда, а в последнем число дел в ближайших годах перед войной увеличилось. Дела не серьезные — самовольная отлучка, побег с промотанием или без промотания казенного имущества. Александр Феодорович был и "немного юрист", как он называл себя в спорах, это было решающим аргументом: в молодости, выдержав экзамен в Военно-Юридическую Академию, пробыл там несколько месяцев.

Человек был вежливый и в деревнях бабам, говорившим ему "ты, барин", неизменно отвечал "вы".

В военных вопросах старался проникнуть в тайны стратегии, "треугольники" и "Канны" видел даже в действиях немецких разведывательных эскадронов и разъездов.

На нем лежала обязанность председательствования на общих офицерских собраниях для выбора суда Общества офицеров, хозяина собрания, библиотекаря и прочих, а также он должен был делать офицеру отеческое внушение и направить отклонившегося на правильный путь. Рахманинов был основателем и хранителем полкового музея.

Александр Феодорович был обидчив, но не злопамятен. Его лошадь, злая, нервная, не раз била и кусала вестовых, входивших к ней без предосторожностей. Еще полковник Нилов запретил назначать к ней вестового, и лошадь убирал вестовой доброволец. Встретившись с полковником Рахманиновым перед завтраком, полковник Гротен сказал ему: "Опять Ваша кляча искалечила вестового" (схватив зубами в стового за плечо, лошадь скорее его напугала, чем искалечила). "Позвольте, господин полковник, почему Вы мою лошадь называете клячей?" вскипел Рахманинов. Гротен, конечно, не хотел его обижать, это было просто "словцо", которых у Гротена было достаточно. Говоря, например, с князем Трубецким или Тишениновым об их лошадях, Гротен говорил: "Ваша четвероногая опасность", правда, ни один, ни другой спортивным духом заражены не были и на лошадей смотрели с некоторой опаской.

Водки Рахманинов не пил, вино пил в торжественных случаях больше для того, чтобы посидеть с молодежью и к ней присмотреться. В театрах бывал, ужинал в ресторанах редко, но у Яра в день полкового праздника был обязательно.

Пробыв всю жизнь в полку и в Москве, Рахманинов думать не хотел о том, что ему когда-то придется принять какой-то полк и переменить стоянку.

Служил честно, с интересом и с сознанием лежавшей на нем ответственности.

Полковник Рот был немного моложе Рахманинова по выпуску из Николаевского Кавалерийского Училища.

Высокий, стройный, с черными усами Владимир Феодорович в молодости был дамским кумиром и бывало во Владыкино, в него, когда он как адъютант шел во главе полка, дачницы бросали цветы.

Через три года после выпуска из училища он был уже в Академии Генерального Штаба, окончить ее по первому разряду ему, к сожалению, не удалось; второй разряд не давал никаких преимуществ и Рот вернулся в полк.

Быстро пролетели годы — адъютант, командир эскадрона и в 1908 г. приказом по Военному Ведомству ротмистр Сумского полка Рот произведен в подполковники с переводом в Рижский драгунский полк, где был недостаток старших офицеров

и где он мог бы быстро продвинуться. Владимир Феодорович сделал все, что было в его силах, чтобы не покинуть полк, с которым сжился, Москву и привычный образ жизни; это ему удалось и в том же приказе, несколько ниже, другим параграфом — подполковник Рижского драгунского полка Рот переводится в Сумский полк.

С переводом подполковника Константинова на должность старшего полковника в 16-й уланский Новоархангельский полк, освободилась вакансия помощника командира полка по хозяйственной части, которую подполковник Рот и занял, а в 1913 г. был произведен в полковники. Обязанности Владимира Феодоровича после того, как он сдал заведывание хозяйством князю Трубецкому, были ограничены. Заведывал стрельбищем, когда полк вел стрельбу, руководил поездками разведчиков, был членом полкового суда, членом суда Общества офицеров и т. д.

В полку любили Рота за его живой, веселый характер с неистощимым запасом воспоминаний "к случаю" из недалекого прошлого полка. Перед завтраком Владимир Феодорович, любя выпить одну, другую рюмку водки, забегал в собрание и до завтрака. Выпить мог много и редко пьянел. Вино или вернее водка было его слабостью. Среди штаб-офицеров полка Владимир Феодорович в этом отношении был исключение — Данилов и Трубецкий совсем не пили, Константинов и Рахманинов очень умеренно.

Во время войны, когда водку доставать было трудно, Рот дружил с врачами и ветеринарами, у которых в лазарете водился спирт. В Восточной Пруссии, в один редко жаркий день, артиллерийский офицер, как средство от жары, предложил взять глоток водки в рот, а потом ее выплюнуть — Владимир Феодорович покачал головой, не представляя себе человека, который, взяв водку в рот, ее бы выплюнул.

Офицеров, обычно водки не пивших, но не отказывавшихся от рюмки во время войны, когда водку так было трудно достать, называл презрительно "портачами" — только портят. Раз командуя полком в разгаре боя, когда снаряды рвались над головой и пули простреливали лесок, где он сидел, Владимир Феодорович приказал адъютанту вызвать командира 1-го эскадрона Петрашкевича. Рот знал, что у Петрашкевича была водка, об опасности думал мало. Во время одной из пирушек, среди других тостов был один, обращенный к Владимиру Феодоровичу, удачно характеризовавший его самого и отношение к нему офицеров:

Свой бокал я выпью просто
За того, кто всем нам мил,
И кто часто и без тоста
Что попало с нами пил.

После нескольких рюмок водки Рот любил покритиковать и даже ругнуть командира бригады, начальника дивизии, в то же время в их присутствии всегда с ними быстро соглашался: "ну, конечно, конечно, я всегда так говорил".

Владимир Феодорович никогда не жаловался на тяжелые условия жизни на войне. В отпуск ни полковник Гротен, ни Рот до прихода в Красное Село не ездили, хотя другие офицеры под различными предлогами успели побывать и в Петербурге и в Москве. Понимал тяжелые условия жизни солдат; "не забывай, что он на шинели спит и сю укрывается", говорил Рот заботливому командиру эскадрона.

После ранения полковника Гротена, полковник Рот командовал полком в самый тяжелый период боев в Курляндии — Даудзевас, на реке Нейменек — прикрытие отхода 15-й Кавалерийской дивизии — до ноября 1915 г. Полк был то в составе дивизии, то в отделе. Выдержка и хладнокровие Рота были примерны, полк оставался все тем же, что и при полковнике Гротене. До самой революции Рот оставался старшим полковником, заменяя командира полка (Леонтьева и Жукова) во время их отпуска.

Полковнику Рот предложили принять один из вновь формирувавшихся, на Балтийском побережье кавалерийских полков, он отказался, ожидая один из действующих.

В феврале 1917 г. полковник Рот взял свой очередной отпуск и уехал в Москву, здесь его застала революция и в полк Владимир Феодорович больше не вернулся.

После долгих тринадцати лет командования эскадронам был произведен в подполковники и назначен на должность заведующего хозяйством князь Сергей Трубецкой. Вступив в должность, князь прочел наставление для заведующего хозяйством и первую страницу, где говорилось о материальной ответственности заведующего хозяйством и командира полка, крепко запомнил, она на него произвела неизгладимое впечатление. От природы был скуп, педантичен и недалек, поэтому не только ничего не строилось нового, но и старое чинилось с трудом.

Князь не только боялся ответственности, но и вообще был не храброго десятка и притом суеверный, что давало повод для насмешек.

Во время маневров заведующий хозяйством обычно оставался в Москве и в полк приезжал редко для доклада командиру полка. По железной дороге князь приехал в Ярославль, полк был в деревушке в нескольких верстах от города. К вечеру князь собрался к отходящему поезду — подали ужин, разговор зашел о Волжских разбойниках, о Стеньке Разине. Темнело, принесли свечи, и вдруг, к концу ужина, кто-то заме-

тил, что свечей на столе три, а другой — нас тринадцать. Не поехал князь на вокзал, отложил отъезд на утро.

Во время войны обозы 2-го разряда всех полков дивизии были сведены под общей командой князя Трубецкого.

Дивизия где-то далеко впереди. Никакой охраны у обоза не было, а между тем какой-нибудь немецкий эскадрон или разъезд легко мог бы пройти в тыл и атаковать обоз. На ночь князь строил повозки, как в старину запорожцы. Князь ни разу за долгую стоянку обоза в Вержболово не был на вокзале, хотя там можно было хорошо пообедать — кто-то ему сказал, что немцы, уходя, минировали вокзал.

В собрании около стойки лежал лист, на котором буфетчик Львов отмечал, кто что выпил и съел (по Егору Егорову были и такие, что пили водку, а записывали пирожками, цена одна и та же). Князь в часы, когда все были на занятиях, нет-нет да и заглянет — кто сколько водки выпил. Любопытный был. Доложить было некому, ни Гротен ни Рахманинов наушничества не терпели, но в их присутствии можно было подшутить про "Ротиньку" или "Виссеньку" (Рот и Висс).

Ни водки, ни вина князь не пил. Ни с кем не дружил, ни с кем не был на "ты".

Из отношений князя к молодежи вспоминается характерный эпизод. Здороваясь с молодыми корнетами, князь протягивал для пожатия только два пальца. Молодежь разозлилась, сговорились и начала его два пальца пожимать тоже двумя пальцами. Князь понял и с тех пор, здороваясь, протягивал всю ладонь.

Часы хронометры, секундомеры были его страстью, у него была недурная коллекция. Князь был отличный фотограф и, рассматривая фотографии Рота, говорил, что его снимки лучше.

Канцелярия—строевая и хозяйственная—помещалась в большом (сравнительно с окружавшими казармами) доме через дорогу от собрания, выходя своими окнами на пехотный плац и казармы Гренадерских полков. У задней стены канцелярии, против окна дежурной комнаты под навесом стоял денежный ящик и при нем часовая.

Внутри канцелярии вдоль стен большие стеклянные шкафы, полки, столы, на которых лежали аршинные книги.

Много лет, сначала при Нилове, позднее при Гротене канцелярией, как адъютант полка, заведывал штабс-ротмистр Александр Николаевич Тишенинов. В высшей степени преданный своему делу, прекрасно его знавший, Александр Николаевич был совершенно поглощен "штатами, личным составом, списками людей, описью лошадей", подготовкой доклада командиру полка, составлением "приказа по полку" (приказ рассылался во все высшие штабы для сведения), изучением

приказов по дивизии, корпуса, округа. Это брало много времени. В период формирования новых команд и пробной мобилизации случалось, что переутомленный Александр Николаевич засыпал с телефонной трубкой в руках. Резвостно отдавшись служебному долгу, Тишенинов разрушил свою семейную жизнь, разошелся с женой. Несмотря на свое богатство, совершенно не пользовался жизнью, которую вели его товарищи по полку.

Для командира полка Тишенинов был просто клад — всегда на пять минут раньше, но никогда ни на одну минуту позже "доклад" готов для подписи командира полка. Бумаги изучены, справки подобраны и резолюция подсказана.

Работа Александра Николаевича безусловно принесла большую пользу полку, и по его уходе с должности полкового адъютанта в приказе по полку были отмечены его исключительные заслуги по делопроизводству и отличной постановке строевой канцелярии.

Непосредственный помощник адъютанта, старший писарь Петенко все помнил, чуть ли не наизусть знал все приказы и где найти, без затраты времени, нужную бумагу. Называл по имени и отчеству старших писарей штаба дивизии и округа и был с ними в большой дружбе. Дельный, спокойный, рассудительный и очень дисциплинированный, он сумел передать свою подтянутость другим писарям, явление, не всегда обычное в канцеляриях.

Во время войны строевая канцелярия, бывшая все время при полку, с незаменимым Петенко во главе, продолжала оставаться той же, какой она была при Тишенинове.

Хозяйственная канцелярия, состоявшая из казначея штабс-ротмистра Марквардт, делопроизводителя — военного чиновника (Орлова и потом Жмаева) и единственного писаря, горьчайшего пьяницы Дзева, работала отлично. За всю войну не было никогда задержки в выдаче жалованья офицерам и гусарам, Марквардт появлялся в самых неожиданных местах, рискуя иногда и жизнью. Все виды довольствия полк получал своевременно. Никаких жалоб никогда не было.

Деятельными помощниками командира полка были командиры эскадронов. Считая пулеметную команду, их было семь.

В казармах эскадрона было размещено более ста человек, в конюшнях столько же лошадей, за несение службы, обучение и содержание был ответственен командир эскадрона. На его руках было громадное имущество — обмундирование, оружие, седла, вьюки и т. д. Недаром в гусарской песне пелось: "Он не спал, не дремал, эскадрон свой обучал".

Результаты смотров молодых солдат, эскадронных учений, рубки, стрельбы, глазомерного определения расстояний, состояние тел лошадей — отдавались в приказе. Бывало по-разному: на одном смотре 4-й эскадрон лучше 1-го, на другом ху-

же, но могло быть и так, что 3-й что ни год во всем в голове. Нет в этом эскадроне арестованных за серьезные антидисциплинарные проступки, нет осужденных по суду, моральное состояние отличное, люди выглядят молодцевато, пища всегда хорошая. Начальник дивизии и Командующий войсками за время своих многочисленных приездов в полк видели эскадроны — обучение идет отлично. Командир полка, аттестуя командиров эскадронов, командира 3-го называет "выдающийся" и "вне очереди" и на открывающуюся вакансию штаб-офицера проходит командир 3-го эскадрона. Другие ждут следующей вакансии и попадают в разряд "засидевшихся". 13 лет были командирами эскадронов князь Трубецкой и ротмистр Адамович. У более энергичных не хватало терпения — они находили службу вне полка или уходили в запас.

Кроме нормального пути, была еще возможность продвигнуться, получив "вакансию командующего войсками". Выдающийся командир эскадрона мог быть произведен в штаб-офицеры вне очереди на открывающуюся вакансию в один из полков округа по представлению Командующего войсками.

В эскадроне было три, четыре офицера, которые вместе со своим командиром составляли дружную семью, жившую общими интересами и стремившуюся к одной цели. Если, как говорят, "не сходились характерами", офицер мог перейти в другой эскадрон. Такие переводы случались редко, иногда офицер начинал службу в эскадроне, а потом им же и командовал.

По своему происхождению три четверти офицеров были из военной среды, отцы и деды были офицерами и генералами, часть из них была из дворян-помещиков, другие — дети инженеров, чиновников, просто состоятельных людей. По образованию — окончившие кадетский корпус, гимназию, реальное училище, а в годы 1911—1914 вышли в полк 4 офицера, окончившие высшие учебные заведения.

С "душевным трепетом" молодежь приближалась к Хамовническому казармам. В училище ходило много фантастических рассказов о полках, офицерах, строгих не в меру командирах. Офицеры их встречали приветливо, гусары улыбались глазами и старались услужить.

Все же часовые, дневальные, гусары, пехотные солдаты, всадники, звуки сигнальных труб, дежурный офицер, дежурный унтер-офицер, приходящий с рапортом, оглушали "молодого" и нужно было некоторое время, чтобы все это усвоилось и стало обычным и привычным.

Командиры эскадронов были люди опытные, одних назначали к молодым солдатам, других к разведчикам, третьих к старослужащим — редко ошибались.

До полкового праздника молодежь была тиха и скромна, каждый чувствовал, что к нему присматриваются. После пере-

ходили на "ты", что молодыми почиталось за честь, все же старший всегда оставался старшим и в строю и в собрании. Выйдя в полк, молодые офицеры попадали под покровительство своих "корнетов" по училищу, которые знакомили их с жизнью в полку и в городе.

После производства князя Трубецкого и ротмистра Адамовича, старшим из командиров эскадронов был Светлейший князь Меншиков-Корейша, принявший эскадрон от полковника Кучина в 1908 году.

По внешнему виду князь, благодаря широким плечам и плотной фигуре казался небольшим, хотя был на самом деле роста выше среднего. При объезде войск 25 августа 1912 г. в Бородино, Государь обратил внимание на князя и на другой день во время завтрака спросил полковника Гротена — "кто это у Вас такой толстый командир эскадрона?"

Житийски умный, много видевший на своем веку, Светлейший разбирался в людях и умел к ним подойти, держа себя независимо и авторитетно.

Эскадрон у него был в блестящем порядке, дисциплина образцовая. Вахмистр и взводные боялись его и не любили разговора с глазу на глаз.

Офицеры эскадрона ценили расположение своего командира, все погрешности серьезные и несерьезные Иван Николаевич брал на себя—неудачный ли смотр, "загулял" ли офицер дня на два, или в отпуск нужно поехать—все к князю, и видно было, что ему доставляло удовольствие сделать приятное другому. Такой же он был с гусарами. Не все же эскадрон и собрание, пользуясь случаем, когда офицерской езды почему-либо не было и офицеры эскадрона были свободны, князь приглашал своего друга ротмистра Адамовича и офицеров эскадрона завтракать в город в какой-нибудь ресторан. Несколько раз в году приглашал к себе на Поварскую, где он жил с княгиней в небольшом особняке. Обстановка, фамильное серебро и хрусталь сохранились с далеких времен. Княгиня, как и ее муж, уже немолодая была высокая, статная русская красавица, к своим офицерам относилась трогательно, по-матерински. Княгиня была председательницей многих благотворительных обществ и попечительницей школ для бедных детей. Во время войны она была одной из ближайших помощниц Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, собиравшей во дворце московских дам и барышень, исполняя работы для армии и раненых. Княгиня служила связью полка с Великой Княгиней, память убитого Ее мужа Великого Князя Сергея Александровича полк так чтит.

Ротмистр Николай Евгениевич Марков, командир 2-го эскадрона, выдержанный и спокойный, редко возвышал свой голос. Происходя из офицерско-помещичьей среды, знал крестья-

ян, из которых главным образом комплектовался полк. Эскадрон был в отличном порядке. Его хозяйственные способности сослужили большую службу; когда полк занимал болотистый, непроходимый лес на Двине (Арглан — 1915 г.), Николай Евгенич в рекордное время построил дома для сторожевых застав.

Командир 3-го эскадрона ротмистр Феодор Евгениевич Висс маленького роста, с длинными усами и подусниками не мечтал о блестящей карьере. В его эскадроне жизнь была налажена, текла гладко. Провидение послало ему вахмистра подпрапорщика Чучеловича, саженного роста великана, державшего эскадрон в ежовых рукавицах. Висс был доволен.

Мечтою молодого командира 4-го эскадрона ротмистра Ивана Лазаревича Лазарева было выбиться на дорогу, сделать карьеру, добившись вакансии Командующего войсками. Иван Лазаревич жил скромно в офицерском доме в Хамовниках и редко удалялся из расположения полка, разве на скачки или к Нилову в карты играть. Друзей своих принимал в собрании, был очень радушен, гости его уходили из собрания еле живыми, так как к широкому московскому гостеприимству присоединилось особое, кавказское.

Тишенинов только в 1914 г. получивший 5-й эскадрон, явно был не в своей тарелке. Несомненно его эскадрон был бы одним из лучших, но он так привык к своей канцелярии, к "входящим" и "исходящим", к Петенко, растолстел, отяжелел. Никто не удивился, когда он покинул полк и получил место комендантского офицера в Москве.

6-й эскадрон был самый красивый по конскому составу — высокие воронные лошади со звездочкой во лбу и в чулках выглядели много наряднее лошадей 1-го эскадрона, где было много лошадей упряжного типа, больших и тяжелых. Люди в 1-м и в 6-м были на подбор рослые и красивые. С такими эскадронами, как 1-й и 6-й, было приятно заниматься и ими командовать, если бы... не тела. Дачка фуража была одинакова, как в 1-м, так и в 4-м, требования, предъявляемые на смотрах, тем же, а накормить громадного коня 6-го эскадрона было труднее, чем какую-нибудь низкорослую "Елатьму" 3-го эскадрона.

Командир 6-го эскадрона ротмистр фон Ланг без шума умел справляться с недостатком фуража. Его гусары отправлялись в столовые Гренадерских полков с мешками и собирали оставшиеся после обеда корки хлеба.

Ротмистр фон Ланг в молодости повредил себе ногу, так что потом всю жизнь не мог ездить облегченной рысью. На маневрах большие переходы были для него мукой. Как и Марков, очень расчетливый, хозяйственный, такими же у него были вахмистр и взводные.

Ротмистр Лазарев, командир 4-го эскадрона, убит 1-го августа 1914 года в бою под Маркграбово. Ротмистр Висс, командир 3-го, убит 26-го января 1915 г. под Лассдененом. Подполковник Адамович 1-го августа 1914 г. тяжело ранен. Ротмистр Марков ранен в районе Лассденена 25 января 1915 г. и сдал эскадрон ротмистру Говорову, который в свою очередь был ранен двумя пулями в бою под д. Даудзевас 18-го августа 1915 г.

Ротмистр Поляков, командир 4-го, был ранен в бою под д. Бладзэн и вскоре умер в Петербурге. Ротмистр Слепцов, командир 6-го, раненный в область сердца, непостижимо как выжил и снова командовал эскадронам. Ротмистр Алферов, командир 5-го, был тяжело контужен и остался в строю, контузия сказала через год — потерял слух. Ротмистр Казаков, командир 3-го, умер во время войны от туберкулеза. Полковник Швед уже в Крыму был ранен пулей в рот и каким-то чудом остался жив. Князь Меншиков был убит коммунистом комиссаром в Москве. Только два командира мирного времени вышли благополучно из войны — да командира 4-го эскадрона ротмистра Панкова судьба сохранила, и он скончался в Нью-Йорке. Судьба Тишенинова и фон Ланге неизвестна.

Проливали кровь, гибли один за другим, исполняя долг и подавая пример стойкости, храбрости и доблести.

ГЛАВА 5

УСТАВЫ. НОВЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ. ГОДЫ ПЕРЕД ВЕЛИКОЙ ВОЙНОЙ

Уже не в первый раз в жизни полка вводились новые уставы, ружья, пули. Но годы, начиная с 1911, совсем не походили на все предыдущие. Работа кипела. Мало кому из молодежи в голову приходило, что это есть ускоренная, лихорадочная подготовка к войне. Ускоренное, в сокращенный срок обучение молодых солдат, зимний курс стрельбы, учения и маневры по новым строевым и полевым уставам, формирование пулеметной команды, команды связи, подрывные выюки в каждом эскадроне, введение пики. Тактические занятия с офицерами в собрании полка, военные игры, полевые поездки командиров эскадронов и решения задач под руководством начальника дивизии; лекции офицеров Генерального Штаба в полку или в собрании Грнадерского Ростовского полка; наконец, пробная мобилизация — все на то указывало.

Громадная сила ружейного, пулеметного и артиллерийского огня заставила пехоту действовать рассыпными строями, окопываться, выработать одиночного бойца, артиллеристов — искать укрытых позиций.

В Главном Штабе шла работа по выработке новых, соответствующих новым требованиям, уставов.

В кавалерийских училищах была изменена программа. Изгнали ненавистные кавалерийскому юнкеру химию и механику. Юнкера эти науки называли "сугубыми" и в виде протеста учили их в манежных перчатках. Расширен был курс тактики, артиллерии, стрелкового дела, конно-саперного дела (взрывчатые вещества и их применение), пулеметы.

В конце 1911 г. уставы были выработаны, Высочайше утверждены и вскоре изданы для руководства.

Уставы, небольшого формата в 200-300 страниц книжечки, руководили всей жизнью военнослужащего. Главных было шесть: Внутренний — служба на дежурстве, дневальств-

ве, и т. д. Гарнизонный — служба в карауле. Дисциплинарный — определяющий взаимоотношения подчиненных и начальства, степени и права наложения взысканий. Строевой — обучение солдата и различные построения. Полевой — действия в поле, разведка, сторожевое охранение, бой. Затем шли: Стрелковый устав, Наставление по инженерному делу со специальным отделом для действия конно-саперных команд. Наставление для вызки строевой лошади, Положение о полковых судах и пр. "От сна восстав, прочти устав, ложась спать, прочти опять".

На основании опыта Японской войны и технических изменений ведения боя пехотой и артиллерией — стрелковый, строевой и полевой уставы кавалерии были пересмотрены, переработаны, изменены и изданы к руководству и исполнению в 1911—1912 годах.

Молодые офицеры последних выпусков были подготовлены к восприятию новых уставов училищной программой и знали уставы уже в школе. Старшие должны были уставы "переучивать", и это было труднее.

Строевой устав делился на две части: 1) Одиночное обучение и 2) Взводное, эскадронное, полковое и дивизионное учение в конном строю. По старому уставу все перестроения делались, имея конечной целью атаковать противника сомкнутыми строями, компактной массой. Новый устав ставил "задачи" — атака на пехоту, на артиллерию, кавалерию и приближение к атакуемой цели. В уставе были введены соответственно одношереножные, двухшереножные строи, лава, спешивание и сохранена атака сомкнутым строем. Движение развернутого полка в колоннах. Дух устава изменился, "твоих полков однообразная красавица" сохранилась только на парадах. Принцип "каждый воин должен знать свой маневр", инициатива отдельного солдата (бойца). Одиночное обучение начиналось проводиться уже в сменной езде, кончая маневрами с пехотой.

Монотонная сменная езда с ее переменами направлений по головному номеру, "приниманием" — словом, классическая маневренная езда заменилась, по возможности, движениями одиночного всадника и на большем пространстве. Занятия были более живые и требовали большего внимания молодых гусар. Выработывался отдельный боец, а не массовый, как раньше.

Много было волнений в 1912 г., когда был введен новый строевой устав, особенно трудно он давался старшим офицерам, многолетней практикой привыкшим к другим командам. Кроме рассыпных строев, в взводном учении вместо команды "взвод направо жай", по новому уставу полагалось командовать "взвод поворот направо". Старые офицеры, испокон привыкшие к "жай" (заезжай), никак не могли освоиться с "поворотом".

”В конце сентября 1912 г. полк был назначен показывать учение Американской военной миссии. Полком командовал полковник Рахманинов. Желая построить из развернутого строя взводную колонну, заехав взводами, Рахманинов подал команду ”полк поворот направо“. Что тут случилось, трудно представить. Кто захал эскадроном, кто взводами, кто отделениями. Рахманинов растерялся и не зная, как восстановить строй, командовал ”ну становитесь по местам“. Начали пятить и ломать лошадей и кое-как восстановили фронт. К счастью, это произошло далеко от американцев. Рахманинов хотел подвести к ним полк развернутым строем на галопе, это ему никак не удавалось. Полк носился по полю и каждый раз проскакивал на заездах мимо американцев. Американцы сидели на так называемых ”свитских“ лошадях — самые спокойные в эскадроне, на которых можно было сидеть без риска, они сами все знали. Одному американцу видимо надоело видеть вместо полка облако пыли, и он решил подъехать ближе. На несчастье он попал как раз перед серединой полка, делавшего заезд на широком галопе. Боясь быть смятым, американец повернул обратно, но ”свитская“ лошадь потянула его к строю как раз перед державшим направление 4-м эскадроном. Американец попал сначала в линию офицеров, потом скакал долго в передней и задней шеренге и наконец отстал. Полковнику Рахманинову, хотя с трудом, все же удалось произвести задуманное перестроение там, где он хотел“ (Соколов).

Полевой устав — разведка (разъезды, разведывательные эскадроны), сторожевое охранение, походное движение, его охрана и бой.

Стрелковый устав — стрелковое дело стало занимать много времени в обучении молодого солдата. Требовалась не только сборка и разборка затвора, прикладка, стрельба со станка дробинками, но и теория, определение расстояний, умение быстро указать цель, прицел, траекторию и т. д. Офицер должен был все это объяснить и заставить солдата дать ясный ответ своими словами.

В эти зимы для инспектирования постановки обучения по стрелковому делу приезжали генералы, командированные Офицерской Стрелковой Школой. Смотры были в обычное по расписанию занятий время. Всегда были удачны и в приказах отмечалась благодарность инспектировавших за толковые и сознательные ответы гусар. В связи с благоприятными смотрами нужно отметить, что в эту зиму в офицерском собрании, после занятий, капитан Гренадерского Несвижского полка Полянский, прочел ряд лекций о постановке стрелкового дела в пехоте, преподавание его и лучшие способы заинтересовать солдат. Капитан читал лекции талантливо, просто и понятно, увлекая слушателей

такой непопулярной в кавалерии темой. По окончании курса лекций командир полка, в присутствии всех офицеров, преподнес капитану золотые часы со знаком полка. Полянский был растроган и ожиданным подарком, а г. г. офицеры были рады выразить ему свою признательность.

Лекции эти очень помогли офицерам вести занятия с гусарами в эскадронах.

В то же время была введена новая остроконечная пуля. Пристрелка винтовок, как обычно, была поручена заведующему оружием штабс-ротмистру Говорову и оружейному мастеру чиновнику Смолянинову. Пристрелка велась лучшими стрелками эскадронов. Отдача была сильнее, чем при тупой пуле, и потому пристрелка вызывала боль в плече, да и холодно было (ноябрь, декабрь). Службу скрашивал веселый и общительный характер Говорова: всегда он во-время расскажет что-нибудь интересно, во-время рассмежит, не было натянутости, и гусары охотно отправлялись с ним на стрельбище в специальный для пристрелки тир. Пристрелка шла быстро, каждый гусар получал свою винтовку с новой карточкой, указывавшей ее особенности.

Несмотря на жестокий мороз и метели в конце января 1914 года с вновь пристреленными на остроконечную пулю винтовками был пройден курс стрельбы. Гусары были одеты тепло — под шинелями подшубки, башлыки, перчатки, на ноги накручивали теплые портянки. Обмороженных не было. Офицеры в своих драповых щеголеватых пальто без башлыков, в узких сапогах сильно страдали при 20-25 градусах мороза.

Обычно об успешной стрельбе судили по числу попаданий в мишени, и в приказе отмечался процент попаданий каждого эскадрона. На зимней стрельбе процент был не велик.

В 1912 году была введена пика, которой в конном строю была вооружена передняя шеренга. Металлическая, полая внутри, длинная пика была не тяжела, никаких особых приемов с пикой не делалось — "пика в руку", "пика на бедро", "пика к бою". Владение пикой, упражнение и уколы (в висящее кольцо) не были трудны, но обучение требовало затраты времени. Во время войны пики часто терялись, чтобы не сказать бросались, как предмет, сильно стесняющий и утомляющий.

В том же 1912 году окончившие службу запасные, с нетерпением ожидавшие отправки по домам, были задержаны на несколько месяцев. Задержка была вызвана внешними политическими событиями. В полку задержка создала большие неудобства. Казармы были расчитаны на определенное по штату число людей и с приходом новобранцев стало совсем тесно.

Зимой 1913 года в полку была объявлена пробная мобилизация. В эскадронах она коснулась главным образом должностных лиц. Много было работы адъютанту и заведующему хо-

зьяством, который вывел свой обоз 2-го разряда. Была проведена укладка повозок и сбруя. Командиры эскадронов хлопотали с укладкой вьюков и переметных сум. Было выдано и уложено все, что полагалось по мобилизационной раскладке в седельные вьюки. Некоторые младшие офицеры получили свои секретные пакеты для исполнения тех или других обязанностей (теоретически), приемка мобилизованных лошадей, мобилизация в пунктах и пр. Завершилась пробная мобилизация проездой эскадронов по городу с полной седельной укладкой.

Еще до Японской войны в кавалерийских полках были сформированы небольшие пулеметные команды (25 драгун и 32 коня), вооруженные ружьями-пулеметами Мадсена (обойма 25 патронов). В 1912 году эта команда была расформирована и сформирована Дивизионная конно-пулеметная команда, вооруженная 8-ю пулеметами Максима (лента 250 патронов).

Формировалась команда из людей трех регулярных полков дивизии и должна была состоять при гусарском полку. Исполняющим должность начальника команды был назначен 1-го Лейб-драгунского Московского полка штабс-ротмистр Василев. Поручик гусарского полка Швед, ранее заведывавший пулеметной командой в полку, был командирован в Ораниенбаум в Офицерскую Стрелковую Школу для детального ознакомления с пулеметами Максима, прохождения курса стрельбы и применения пулеметов в бою.

Москва предоставила для вновь формируемой команды помещенье, недалеко от полка в сторону Ново-Девичьего монастыря, — в полку и без того было тесно. Вскоре из Ржева и Твери и Хамовнических казарм стали прибывать сюда и люди и лошади.

Полки, не придавая значения тому, какую помощь могут оказать пулеметы в бою, дали все худшее: "что нам не гоже" — худшие люди, худшие лошади. Штабс-ротмистр Василев своим отношением к солдату положение усугубил. Новые пулеметчики, в виде протеста этому отношению, этих худших, худоконных лошадей кормили, лишь бы были живы. Овсяная "дача" чуть не полностью высыпалась в навозные кучи. Слух о сверххудоконности лошадей достиг до командира корпуса, грозного генерала Мрозовского. Им был неожиданно послан в команду корпусный ветеринарный врач осмотреть лошадей. Результатом вывода лошадей штабс-ротмистр Василев был отрешен от командования и вернулся в свой полк. Начальником команды был назначен кончивший курс Стрелковой Школы поручик Швед, человек с твердым характером, сумевший в короткий срок привести команду в блестящее состояние. В полку команду называли "Шведское войско". Младшие офицеры в команде были: 1-го уланского Петербургского полка корнет Рубцов и 1-го Лейб-драгунского Московского полка корнет Белоярцев. Ко-

манда носила форму своих полков — один взвод драгунский, один уланский, два гусарских. При встрече Государя в 1913 г. в Москве, люди команды были в парадной форме своих полков. Позже все 4 взвода одели форму гусарского полка.

В 1912 г. была сформирована полковая команда связи. Кроме шести телефонных аппаратов для связи штаба полка с эскадронами, она была снабжена каучуковыми плотами, прожектором и искровыми аппаратами. Начальником команды был назначен корнет Чеботарев. По уставу и смыслу, люди команды должны были быть грамотны, даже хорошо грамотны. Кроме сборки и разборки аппаратов и установления линии, что возможно чисто механически, нужны были теоретические знания и умение принять и записать телефонограмму. Нервный и вспыльчивый полковник Рахманинов требовал, чтобы и плот плавал по Москва-реке и прожектор светил. Во время войны, все имущество команды связи возилось в обозе 2-го разряда, как совершенно ненужное. Работали лишь телефоны, но так как проводов было недостаточно, то корнет Литтауэр, бывший во время войны начальником команды связи, подбирал провода на полях сражений и русские и немецкие. Командиры эскадронов на свой счет купили небольшие аппараты для связи командира эскадрона с заставами и постами, эти аппараты сослужили большую службу.

Последние годы ремонт лошадей, поступавший в полк из 7-го Запасного Кавалерийского полка, был значительно лучше, чем предыдущие. Объяснялось это тем, что Военное Министерство нашло средства и стало платить по 400 рублей за ремонтную лошадь. Конские заводы нашли эту цену приемлемой.

Для облегчения офицерам приобретения собственных лошадей, вместе с ремонтом присылались отборные лошади, которых офицеры могли покупать по ремонтной цене.

Вообще покупка собственной лошади была сопряжена для молодого офицера с большими трудностями — нужно было поехать, поискать лошадь по заводам, что вызывало расходы, или обращаться к барышникам. В Москве был известный кавалерии барышник Гвоздев. У Гвоздева была большая конюшня и манеж. Сумский полк его хорошо знал. Были случаи, когда лошадь из полка попадала к нему, а потом снова возвращалась в полк. Корнет Спечинский продал кобылу, полковник Гротен купил ее, у Гвоздева же купили своих лошадей корнеты Снежков, Елизаров и другие. С офицерами Сумского полка Гвоздевы (их было два брата) были корректны — откровенно говорили про недостатки лошади, никогда не продавали слепую за зрячую, и цены были разумные.

Покупка лошадей на заводе была сопряжена с известным риском еще и потому, что полк, т. е. командир полка, мог ло-

шадь не принять, что случилось в 1911 г., когда англо-араба "Уранию", завода графини Браницкой, корнет Снежков привел из Киевской губернии, а полк не принял ее за малый рост.

Как правило, молодые лошади 3-х лет, приобретенные ремонтной комиссией, направлялись в Запасные полки для выездки и оставались там в течение года, после чего поступали в полки. Здесь они числились "молодыми лошадьми", и лучшими ездоками эскадрона производилась "доездка". По истечении года лошадь становилась в строй. Все лошади данного года, во всей кавалерии носили клички, начинавшиеся на одну и ту же букву — Елатьма, Еж, Елифань, говорили "ремонт на букву "Е".

В 1914 г. очередной ремонт на букву "О", минуя Запасный полк, прямо прибыл в полк для выездки и доездки.

Дело было не совсем обычное. Конный спорт в Сумском полку в это время был высоко развит. Среди спортсменов полковник Гротен нашел добросовестных, преданных любимому делу и самоотверженных офицеров. Выбор пал на корнетов Елизарова (Константина) и Соколова (Константина). Последний к тому же недавно, на подготовке к скачкам, вывихнул себе руку и поэтому не пошел в лагери и остался в Москве. Молодые лошади в лагерь не ушли. Подобрали соответствующих унтер-офицеров и гусар. Прибывший в Хамовники ремонт превзошел все ожидания — это были не лошади, а звери. Если лошади из заводов Тамбовской губернии были сравнительно ручными, то большинство неизвестного происхождения из донских табунов были совершенно дикими — их приходилось приучать к торбе, попоне, недоуздку. Нужно было несколько гусар, чтобы такого зверя вывести из станка и посадить. Держа лошадь на корде, с хитростью, сноровкой и большим риском всадник садился на лошадь, она становилась на дыбы, переворачивалась на спину, падала на землю, для того, чтобы сбить седло и человека. Понемногу с большим терпением и смелостью, не обладая опытом, кое-как составили смену, но как только из-за угла появлялся трамвай, всадники рассыпались, как горох, в разные стороны. Как то ни было трудно, молодость, упорство и сознание долга победили, и к назначенному сроку "выезженный" ремонт был готов. Полковник Гротен не ошибся — корнеты Елизаров и Соколов и их сотрудники получили благодарность генерала Гурко в приказе по дивизии и по полку.

В период 1912-1914 г. г., состав командиров эскадронов обновился и омолодился. Ушел на спокойную штабную должность командир 6-го эскадрона ротмистр Кохно, его эскадрон принял фон Ланг. Произведен в подполковники и назначен заведующим хозяйством князь Трубецкой, его эскадрон принял рот-

мистр Лазарев. Произведен в полковники Рот и в подполковники ротмистр Адамович, командиром его эскадрона назначен штабс-ротмистр Тищенко.

День офицера, в последние перед войной (1914 г.) годы, был занят с раннего утра занятиями в эскадроне, офицерской ездой в манеже и вечером тактическими занятиями и лекциями, присутствие на которых было обязательно.

Ранний манеж начинался в 7 утра. К этому времени собирались командир очередного эскадрона и два младших офицера. Смена вводилась в предманежник, гусары подтягивали подпруги, осматривали себя, "оружие оправь, себя осмотри", как говорил один из сигналов (Тревога) — затем смена выстраивалась в манеже, командир эскадрона здоровался с молодыми гусарами, и рабочий день начинался. Из освещенного манежа слышно было в темноте движение смены и позвякивание металлических частей амуниции. Нередко на ранний манеж приезжал, точно к 7-ми часам, Командующий войсками генерал Плеве.

В других эскадронах занятия начинались несколько позднее, во всяком случае, не в ночной темноте. В 8½ было уже светло. Колебания зависели от уборки, раздачи фуража, после чего людям давали время выпить чай (утренний завтрак), привести себя в порядок, переодеться в соответствующую занятиям одежду (езда—полушубки, гимнастика и п. ший строй — рубашки, шинели).

Расписание занятий составлялось заранее, отдавалось в приказе по полку и рассылалось в штабы дивизии, корпуса и округа.

Офицеры знали, где ждет их смена и прямо направлялись или на плац или в помещение эскадрона.

Опоздание офицера на занятия не допускалось, "непредвиденные" обстоятельства все же случались. Командиры эскадронов, как полагалось по уставу, "не оставляли проступков подчиненных без взысканий". Каждый по-своему. Князь Меншиков говорил, не ожидая извинения, "ничего, со всяким случается". Ротмистр Марков (командир 2-го эскадрона) молча вынимал часы и показывал опоздавшему. Ротмистр Лазарев (командир 4-го эскадрона) — "ты уж меня, приятель, не подводи".

Занятия продолжались до 11-ти. Проголодавшийся и продрогший корнет, бежал в собрание отогреться. Одного часа было достаточно, чтобы позавтракать, прислуга была опытная, подавали быстро, но посидеть отдохнуть после завтрака, времени не было. В 12 часов каждый день, кроме субботы и воскресенья, офицерская езда. В 1 час дня надо быть уже в эскадроне на занятиях с гусарами.

В 4-5 часов назначались тактические занятия для младших офицеров. Учились по австрийским картам, под руководст-

вом одного из командиров эскадронов. Состоялись занятия по изучению полевого устава, действия разведывательного эскадрона, разъезда, расположения сторожевого охранения и ведения боя. На тактических занятиях иногда присутствовал командир корпуса генерал Мрозовский.

Один раз в неделю под руководством старшего полковника устраивалась военная игра. Полковник Рахманинов принимал близко к сердцу свою роль посредника и судьи. Если не было "игры", приезжал один из офицеров Генерального Штаба читать лекцию или доклад. Время было тревожное — не так давно в 1908 г. была аннексирована Босния и Герцеговина, в 1912—1913 г. г. шла война на Балканах. Приезжали офицеры, побывавшие на этой войне, передавали свои впечатления. На докладах часто бывал генерал Гурко, задавал вопросы лектору — тот отвечал.

Собрание Гренадерского Ростовского полка было в центре города, с большим залом, в нем собирался слушать лекции весь гарнизон. Лекции читались на самые разнообразные темы, вплоть до движения армейских обозов. Лекции были очень содержательны, но мало привлекали молодежь.

Вечер кончался в гостях у друзей, в театре или развлечениями, которыми богат каждый большой город.

ГЛАВА 6

ПОЛКОВОЕ СОБРАНИЕ. ПРАЗДНИКИ

Офицерское собрание Сумского гусарского или какого-нибудь другого полка — было частным клубом, членами которого были только офицеры полка. Военные чиновники (доктора, ветеринарные врачи, делопроизводитель) не были членами собрания и заходили туда, разве по какому-нибудь делу.

Содержалось собрание за счет офицеров. В собрании офицер мог питаться, провести вечер со своими однополчанами — поиграть на бильярде, в карты, вызвать трубачей с разрешения адъютанта или уединиться в библиотеке.

Существовало "Общее положение", которым собрания руководились, но внутренний распорядок у каждого полка был свой.

Помещения собрания строились одновременно с казармами инженерным ведомством, дарились Шефами, нанимались или давались городом. Казармы и офицерское собрание Сумского полка принадлежало городу.

Нижний этаж, между казармами (1-й и 3-й, 4-й и 6-й эскадроны), занимало собрание. Одной стороной выходя на Трубецкой переулок, другой на полковой двор. Парадный подъезд был в Трубецкой переулок; в 1905-1906 г. г. вход был уничтожен и дверь переделана в окно, вход остался лишь со двора.

Лекции, доклады, военные игры, завтраки в день полкового праздника и другие собрания с большим числом приглашенных, происходили обыкновенно в зале.

На стене против окон висел портрет, масляными красками, Шефа полка Короля Датского Фредерика VIII. В 1912 г. после кончины Короля, снятые с офицерских погон вензеля были вделаны в рамку, а возвращенный из Дании доломан Шефа с ментиком, был уложен в небольшую застекленную витрину, под портретом.

В такой же витрине хранились: сабля, пернач и сумка первого полковника Сумского полка Герасима Кондратьева, подаренные полку одним из его потомков.

На короткой стене, над роялем, висела большая картина, около 2 на 3 метра, художника Жаба, изображавшая атаку Сумских гусар у Островно в 1812 году.

Художник Жаба, читая в "Войне и Мир" описание атаки графа Ростова во главе эскадрона, заинтересовался сюжетом и решил выяснить подробности, форму, и т. д. Роясь в архивах, Жаба без труда разыскал атаку, описанную Л. Н. Толстым, оказалось, что это были эскадроны Сумского полка. Картина была куплена бывшими офицерами полка (братья Гарденины, Тишенинов, братья князя Вадбольские, Кучин) и поднесена полку.

В промежутке между окнами, в застекленных шкафах были выставлены вещи большой художественной ценности. Подарок города на 250-летний юбилей полка — серебряная, громадных размеров братина с 8-ю большими чашами. На наружной стороне были изображения гусар в разнообразных формах, которые полк имел за свою долгую историю. Серебряные канделябры на 7 свечей, вышиной в 1 метр, на основании канделябра надпись: "Да льется свет на славный полк", подарок полку братьев Гардениных. Чудной работы братина для крышона — приз на Императорских скачках поручика Зворыкина. Братина позолоченная с чарками — подарок корнета Б. Н. Говорова. Гладкое серебряное блюдо в 50 сантиметров диаметром с выгравированным полковым значком, на обочинах вделаны рубли всех царствований с основания полка — подарок А. И. Якунчикова. Хрустальная ваза для крышона с ободом из серебра, вместо ручек две головы богатырей, на блюде 12 хрустальных стаканов, на другом блюде стопки для водки — подарок полковника князя Гагарина. Трудно вспомнить и перечислить все кубки, вазы, чаши, ценные не только, как художественные вещи, но и по воспоминаниям, с ними связанным.

С каждого произведенного в полк офицера из первого жалованья вычиталось 25 рублей на "серебро" — нож, вилку и ложку. Хранилось серебро в нижних ящиках шкафов. На каждом предмете была выгравирована фамилия владельца.

Из зала одна из дверей вела в гостиную, хорошо обставленную старинной мебелью, с зеркалом и камином, по стенам портреты старых командиров полка. Дарили портреты сами командиры.

При переименовании гусарских полков в драгунские (1882 г.) офицеры снялись в гусарской форме и тут же в драгунской на фоне "надломленного дуба". В 1907 г., когда полк снова получил гусарскую форму, офицеры снова снялись в драгунской и гусарской форме, но уже у "воспрявшего дуба".

Кроме этих двух фотографий, с интересом рассматривавшихся молодыми офицерами, пользовался большим вниманием стереоскопический аппарат. Через увеличительные стекла, можно было смотреть на передвигавшиеся фотографии — малая история последних лет, рядом со Зворыкиным на чистокровном скакуне, Марков у ног живописной группы цыганок и другие.

Один из небольших столиков служил письменным столом старшего полковника. К этому уголку офицеры относились с уважением и некоторой опаской.

Столовая, большая в два окна комната, украшенная олеографиями в красках, гусары Сумского полка в форме различных эпох и несколькими подлинными картинами художника Сверчкова, изображающих чистокровных лошадей.

Во всю длину комнаты, справа — стойка, уставленная всевозможными закусками, начиная с окорока ветчины, блюда с пирожками, селедкой, различных консервов и кончая металлической этажеркой с шоколадом и фруктами. Центральное место стойки занимал миниатюрный, с краником, стеклянный боченок и рюмки установленных размеров. Параллельно стойке стол, за которым помещалось человек 30. За небольшим исключением, все офицеры завтракали в собрании. На выбор было несколько блюд обильных и вкусно приготовленных.

По сравнению с соседями Гренадерами, столование в собрании было дорого. Дорого стоила главным образом стойка с ее соблазнительными закусками. Каждый подходящий к стойке говорил "господа офицеры — рюмку водки". Затем очередь другого, третьего, иногда 16-го. Буфетчик точно, безошибочно следил, чья очередь, и заносил выпитую водку в соответствующую графу большого листа, тут же лежавшего на конторке.

Под словом "вино", которое часто упоминалось в этой книге, подразумевалось шампанское. Были в собрании вина красное, белое, херес, мадера и т. д., но в таком случае уточнялось — красное вино, белое вино, но "вино" — это шампанское хороших марок.

Прислуга была вольнонаемная, Львов и Николай. Львов ходил с полком еще в поход в Турцию. Хлопотливое хозяйство столовой и всего собрания, вел избранный на общем собрании "хозяин собрания" по большей части это был один из командиров эскадронов.

Одно время собрание пришло в упадок и чтобы его поднять на должную высоту, заведующим был выбран поручик Старынкевич — тонкий гастроном, хорошо разбирающийся в винах.

Через несколько дней собрание было неузнаваемо — отличный повар, прекрасные закуски... Не могли нахвалиться. "У каждого человека есть свой талант, иногда скрытый", сказал полковник Нилов, тогда командовавший полком, намекая на нерадивость Старынкевича к строевым занятиям. Прошло некоторое время и со всех сторон посыпались такие счета, что привыкший ничему не удивляться полковник Нилов, от неожиданности уронил на стол пенсне. Долги заплатили, а Старынкевича заменили другим, более скромным хозяином собрания.

Последним был командир 2-го эскадрона ротмистр Марков, человек хозяйственный, своей расчетливостью он приводил в ужас молодежь, проверяя счет, где-нибудь в большом ресторане, что считалось "неудобным". Рассудительным Николай Евгеньевич был не всегда, в молодости любил кутнуть, но "женисься, переменишься" — после женитьбы Марков стал домоседом и делил свое время между эскадронам и имением.

Во время завтрака, за столом, на месте хозяина, сидел командир полка, рядом старший полковник, командиры эскадронов и, наконец, молодые офицеры. Не то, чтобы так было установлено, но просто молодому корнету нечего было делать среди старших. В обычное время приходили, садились, завтракали, уходили, никаким этикетом не связанные, если не считать офицеров учебной команды, часто запаздывавших и обходивших здороваясь всех офицеров, заставляя тем каждого вставать. Во время войны, по общему соглашению, вошедший ограничивался общим поклоном. После завтрака, командиры с командирами эскадронов продолжали свой разговор, оставаясь в столовой, а молодежь, одни играли на биллиарде, другие отдыхали в дежурной комнате на диване, вмещавшем человек десять, делились впечатлениями о вчерашнем вечере. Было о чем поговорить, вспомнить, поспорить.

"В старину живали деды веселей своих внучат". 1911 год можно отнести к старине, в 1912 г. жизнь в собрании резко изменилась. Не было уже больше обязательных завтраков по субботам, цыган по вечерам. Лазарев и Висс засиживались редко, вызывая псалельников и объединяя вокруг себя молодежь. Не видно иностранных миссий — французской, датской, американской, японской, с показательными учениями и шумными завтраками.

Еще не так давно полковник Нилов пригласил к себе в собрание, на кавалерийских сборах у с. Клементьева, своего друга, командира драгунского полка князя Енгальчева и всех офицеров драгун. До вечера гремели гусарские и драгунские трубы и пели псалельники. Пора бы и разъезжаться, но в это время вернулись с поля бабы впрягом на своих крестьянских лошадаках. Мужчины на заработках в Москве. Угостили баб. "Едем в Клементьево, в Кукушку" (гарнизонное собрание). В Клементьеве в это время жили начальник дивизии, командир Отдельной бригады и командир Черниговского гусарского

полка Великий Князь Михаил Александрович. Поехали — впереди командиры, офицеры, и справа по три, подгулявшие бабы, замыкали шествие трубачи, все в конном строю. На счастье, кто-то догадался позвонить по телефону начальнику штаба сборов, тот выехал навстречу и уговорил гостей и хозяев разъехаться по домам — поехали к драгунам.

Началась борьба с алкоголизмом среди офицеров армии. Из Петербурга предлагалось в гвардейских и армейских полках заменить иностранное шампанское своим русским — Абрау-Дюрсо. Кончилось приказом уничтожить стойку, что и было сделано в 1914 г., незадолго перед войной. В Сумском полку "загубленных" алкоголем было мало. В 1912 г. поручик Панков должен был покинуть полк. Рассказчик анекдотов, остроумный собеседник, он последнее время быстро хмелел и в мрачном настроении уходил в темный зал, откуда неслись звуки похоронных маршей. Играл он на рояли отлично. Усадили Панкова в поезд, отправили к отцу, в Петербург. Во время войны Панков вернулся в полк, не пил ни капли вина, принял эскадрон, которым командовал до самой революции.

Врагом пьянства был полковник Данилов и нередко он распекал провинившихся в гостинной собрания. Данилов понимал, что одними словами не поможешь, и старался ввести молодых офицеров в светскую жизнь.

В собрании в карты играли очень редко, а в последние годы и совсем не играли. Собирались у Нилова или у Говорова составить партию в винт, преферанс или в покер.

Дамы в обычное время без особого приглашения в собрании не бывали. Полковник Нилов, после конкурсов в полковом манеже, приглашал гостей к себе, в Шефский дом, устраивая скромные, но оживленные вечера. Если офицер венчался в полковой церкви — поздравления принимались в собрании. Случаи приглашения дам были очень редки. Если же старший полковник находил у себя на столе в гостинной рассыпанные дамские шпильки или пудру, значит кто-то разделял одиночество дежурного офицера, и последнему приходилось выслушивать много неприятных слов от старшего полковника.

Ежегодно, приказом по полку назначались выборы в Суд Общества Офицеров, хозяина собрания, заведующего библиотекой. На собрании устанавливались обязательные вычеты на содержание собрания, церкви, подарки, венки, на полковой праздник, обязательные обеды. В полку был капитал, подаренный старым Сумцом, подполковником князем Гагариным. Проценты капитала должны были быть использованы на воспитание детей офицеров, на общем собрании решался и этот вопрос.

В Суд Общества Офицеров обычно выбирался председателем старший полковник и членами штаб-офицеры или коман-

диры эскадронов. Голосование тайное, это случай выразить кому-нибудь из штаб-офицеров свое неудовольствие. Выбрать вместо Данилова Рахманинова, слишком уж Данилов строг и резок. Выборы эти командиром полка не утверждались, но Данилову все же было неприятно. Князь Меншиков любил прикинуться ретроградом, "не люблю грамотных", — "чтоб зло пресесть, взять книги все да сжечь" — выбрать его библиотекарем. И покорялся князь Меншиков.

Много времени занимал доклад хозяина собрания о полковом празднике, какое вино, да сколько, и т. д. Голоса молодежи, более широкой и менее расчетливой, побеждали.

Покидавшему полк офицеру делали подарок: каминные часы на мраморной доске с литой из серебра фигурой конного гусара, ящик для сигар с погоном полка, золотые часы со значком полка. Подарки делались не только офицерам полка, но и лицам, которых полк хотел отблагодарить или отметить свое дружеское расположение — архитектор Бони, А. И. Якуничков, ротмистр Абелов, Ставицкий, делопроизводитель Орлов, вахмистра. Все расходы по собранию делились между офицерами поровну, командир полка платил столько же, сколько молодой корнет. Вычет производился казначеем из жалованья. Редко кто из молодых офицеров получал что-нибудь на руки из жалованья. Вычеты в собрание, в Экономическое Общество, в Заемный капитал и пр. поглощали все — расписаться же в получении казначей требовал обязательно.

Для выхода в полки Гвардии от юнкера требовали согласия господ офицеров, — была некоторая гарантия его моральных качеств. В армейских полках согласия командира полка и офицеров не требовалось. Понятно, что случаи "несоответствия" по моральным причинам в армейских полках могли быть чаще, чем в гвардейских. Замеченный в каком-либо неблагоприятном поступке офицер немедленно и беспощадно изгонялся Судом Общества Офицеров. Суд обсуждал вопрос о предварительном разрешении жениться на девушке, которая должна соответствовать кругу полка. Разбирался вопрос о поединке — предлагалось или разрешалось вызвать на дуэль. Суд был скорый, строгий и тайный, о его собраниях и решениях, если иногда и догадывались, но не говорили, даже между собой.

Стена библиотеки была уставлена высокими, до потолка, шкафами с книгами. Книг было много. На столе лежали "Новое Время", "Русское Слово", "Русский Инвалид", "Вестник Русской конницы", "L'Illustration", и "Le Sport". Библиотека была собрана с большой любовью. На ее создание были затрачены и продолжали тратиться большие средства.

В дежурной комнате молодые офицеры начинали службу и узнавали полковую жизнь, получив три дежурства вне очереди.

Первое время забавляли, а потом изводили звонки по телефону. Дамы и барышни, которым было нечего делать, звонили в канцелярию и узнавали от дежурного писаря фамилию дежурного офицера, как его зовут, а затем звонили в собрание, называя по имени и отчеству молодого корнета, вели игривые разговоры.

В 1913 году город урезал часть собрания. Поговаривали о постройке новых казарм для полка на Ходынке, где был размещен 1-й Донской казачий полк. В Хамовниках становилось тесно. Казармы 2-го и 5-го эскадронов, требовали постоянного ремонта. Район Петербургского шоссе, еще недавно пустынный, застраивался большими, с современным комфортом, домами. Трамвай доходили до Петровского парка. Места для учений много. Проект остался неосуществленным, в 1914 году грянула война.

Музей. С давних времен Украинские казаки лишь "отчасти вели оседлое, полевое хозяйство" (История Платонова), а больше охотились, "казаковали" в степях, ведя постоянную борьбу с Крымскими татарами и поляками. Позже, уже на службе Российскому Государству, полк продолжал кочевать, прерывая короткие мирные стоянки, войной и походами.

Лишь с размещением полка в 1876 г. на постоянных квартирах, офицеры смогли осуществить свою мечту — описать и прославить славное прошлое полка. К 250-тилетнему юбилею была написана История Сумского полка. Отлично изданные три тома, с грамотами Царей и множеством олеографий в красках. Составил историю строевой офицер полка ротмистр Голодолинский, мало подготовленный для исторической работы. Материалы, кроме государственных архивов, использованы не были. Достоинство книги — хронологическая точность событий. Недостаток — крупные события, имена, описание часто менявшихся форм, заслоняют быт. В книге мало мелких штрихов, бытовых мелочей. Голодолинскому негде было их взять.

В книге "Росписание Гренадерских и Драгунских полков с показанием старшинства и знаков отличия, которые им должны быть присвоены", подписанное Военным Министром генералом Ванновским, издание Главного Штаба 1884 г. сказано: "Старшинство со времени основания полка значится 1651 г. Сумский казачий полк. Юбилей праздновать 27 июня 1951 г. 300-летний".

За время стоянки в Москве стены собрания украсились картинами, портретами, фотографиями.

В Москву стали стекаться письма, мемуары, рисунки, доломаны, когда-то принадлежавшие дедам и всевозможные предметы, имевшие отношение к прошлому полка. Не оцененное сокровище — "сабля, пернач и сумка" Герасима Кондратьева, братины, кубки и т. д. Весь материал тщательно разбирался и

бережно хранился заведующим музеем полковником Рахманиновым.

В 1912 г. издание Голодолинского разошлось. Следующее, значительно дополненное собранным обширным материалом, ждало нового историка. Война прервала разговоры об этом. Во время мобилизации, упакованный в ящики музей был передан на хранение отцу корнета Будзко и, вероятно, погиб.

Праздники. Установленный Императрицей Екатериной II орден в честь Св. Великомученика Георгия Победоносца праздновался 26 ноября.

Для награждения этим исключительным военным орденом, требовалась совокупность данных: 1) во время войны, 2) опасность при совершении подвига, 3) достигнутый успех, 4) польза.

Представления к награде орденом, в сопровождении свидетельских показаний, обсуждались и утверждались или отвергались Георгиевской Думой, состоявшей из Георгиевских кавалеров. Имя награжденного и подвиг высекался на мраморных досках Георгиевского зала Зимнего дворца.

Награжденные Георгиевским крестом пользовались преимуществами по службе и особым вниманием, не только среди офицеров полка, но и всей армии.

26 ноября Георгиевские кавалеры съезжались в Петербург, где после парада и молебна, приглашались на обед в Высочайшем присутствии.

В Москве в бытность Великого Князя Сергея Александровича генерал-губернатором и Командующим войсками, после парада в Большом манеже, для Георгиевских кавалеров устраивался обед во дворце, на который приглашались офицеры Сумского полка.

Полки особо отличившиеся в боях, награждались Государями Георгиевскими знаменами и штандартами. Награда редкая и высокопочтимая, в период 1819 по 1869 г. г. было всего 217 полков, имевших эту награду. Награждались полки и Георгиевскими трубами.

Сумский полк был награжден Георгиевским штандартом и трубами за Отечественную войну.

В этот, чтимый всей Российской Армией, день праздновался полковой праздник.

После трагической смерти Великого Князя Сергея Александровича, с исключительным и неизменным вниманием относившегося к Сумскому полку — 25 ноября, вечером, офицеры полка собирались в Малом Кремлевском дворце, в усыпальнице Великого Князя на панихиду.

Надо было спуститься по мраморной лестнице в небольшую круглую часовню, посреди которой стояла мраморная плита, а перед нею алтарь. Неслышно появлялась в монашеском одея-

нии Великая Княгиня Елизавета Федоровна. Полковой священник отец Лепорский служил панихиду по усопшем. После панихиды Великая Княгиня говорила тихим голосом несколько слов командиру полка и стоявшим около него штаб-офицерам, которых быть может знала еще при жизни Великого Князя.

26 ноября в Городском манеже собирались роты Гренадерских полков с Георгиевскими знаменами и хорами музыки. Сумский полк в полном составе со своим штандартом и шестью старыми штандартами, Георгиевскими трубами и хором трубачей.

Полк в пешем строю, в зимней парадной форме, шинели в пути были в "накидку", а в манеже складывались в углу.

Командующий войсками, обходя части, здоровался, поздравлял с праздником, после чего пропускал войска церемониальным маршем. Первые проходили Гренадерские полки своим ровным, медленным темпом марша. Но вот раздалась команда командира полка — всколыхнулась стройная масса гусар, трубачи заиграли быстрым темпом марш из балета "Конек Горбунок". Церемониальным маршем пошли Сумские гусары, звеня шпорами в такт музыки.

Полковым дамам, присутствовавшим в ложе, подносили цветы. После парада у гусар полный отдых и праздничный обед и ужин.

К завтраку в собрании готовились задолго. Полковник Рахманинов с командирами эскадронов внимательно просматривали список приглашенных, не забыли ли кого, могли быть перемещения начальствующих лиц, мог кто-нибудь из старых однополчан умереть, было бы бестактно послать приглашение покойнику. Больше всех хлопотал хозяин собрания, для него это было своего рода экзаменом. Еще на общем собрании офицеров, была установлена сумма ежемесячных взносов, для устройства праздника, какое вино подавать. В других полках было в моде "Абрау Дюрсо", патриотично и вдвое дешевле, но буйная молодежь требовала "Монополь". Стол украшался дорогими братинами, кубками, канделябрами. Чистилось столовое серебро и раскладывалось, не придерживаясь порядку, кому попадет. На каждой вилке, ноже и ложке было выгравировано имя и фамилия офицера, вышедшего в полк. Читая их вспоминались старые офицеры, давно ушедшие из полка, символизировалась связь со старшим поколением. Нужно было умело рассадить гостей, играли роль чины и личные свойства гостя. Были любители поесть и выпить, такому нужно было посадить соответствующего соседа и внимательного хозяина. За завтраком произносились тосты, читались многочисленные телеграммы. В гостиной, подальше от начальства, стоял "корнетский" стол, где царило шумное, неподдельное веселье.

Гости понемногу разъезжались, а за ними хозяева. Часам к 7 вечера все замирало. Поздно вечером, неутомимые головы собирались у Яра, немного отдохнув у себя дома.

27 ноября занятий не было. Часов в 12 собирались за столом, заставленном оставшимися закусками и холодными блюдами, помянуть вчерашнее.

Не так шумны, но веселее, приятнее, уютнее были эскадронные праздники, праздновавшиеся тесной, дружной полковой семьей.

В каждом эскадроне была икона, перед которой теплилась неугасаемая лампада. День иконы, был днем эскадронного праздника. С какого времени, случайно ли была икона в эскадроне или это было связано с каким-нибудь памятным событием, установить трудно.

После молебна перед иконой в помещении эскадрона, выносился маленький столик, где на своем эскадронном, серебряном блюде стоял графин водки и скромная закуска. Вахмистр наливал чарку. Первую чарку поднимал командир полка: "За здоровье Вашего командира, за Ваше здоровье, братцы" и клал на блюдо деньги. За командиром, по старшинству, подходили другие офицеры.

Собранные деньги делились гусарами между собой, причем вахмистр и взводные получали больше. Командир эскадрона утверждал распределение денег.

Гусары получали улучшенный стол и бутылку пива. В помещении вахмистра шел пир горой, веселились вахмистры других эскадронов, старший писарь и другие "нужные" лица.

Устраивался праздник командиром эскадрона, приглашались офицеры полка и друзья, чем-либо связанные с эскадроном.

Праздник 1-го эскадрона праздновался 22 октября. Князь Меншиков приглашал гостей в собрание. По размаху праздник отличался от полкового лишь меньшим количеством гостей и не таким количеством серебра, украшавшего стол.

Другие эскадроны праздновали скромнее. Праздники их приходились летом, в лагере, на лагерных сборах и на маневрах. Простые деревянные столы ставились на чистом воздухе.

Эскадроны праздновали свои праздники в следующие дни:

1-й эскадрон — 22 октября в День Казанской иконы Божией Матери.

2-й эскадрон — 9 мая в День Св. Николая Чудотворца.

3-й эскадрон — 21 мая в День Св. Константина и Елены.

4-й эскадрон — 15 июля в День Св. Князя Владимира.

5-й эскадрон — 29 июня в День Свв. Апост. Петра и Павла.

6-й эскадрон — 15 августа в День Успения Пресвятыя Богородицы.

Конно-пулеметная команда — 23 апреля в День Св. Великомученика Георгия Победоносца.

Штаб полка и трубаческая команда — 6 декабря — в День Св. Николая Чудотворца.

В Царские дни для парада у полковой церкви назначался очередной эскадрон. После богослужения, командир эскадрона принимал парад, командовал старший офицер. Все другие офицеры должны были быть на богослужении в Храме Христа Спасителя или в Успенском соборе, о чем объявлялось в приказе по полку "присутствовать всем офицерам".

26 декабря праздновалось "Освобождение России от нашествия двенадцати языков" — Крестный ход вокруг Кремля в сопровождении войск, по взводу от каждой части.

Приходилось полку принимать участие в церемониях и иного характера. На похоронах всех генералов, офицеров и нижних чинов кавалерии, умерших в Москве, назначался для отдания почестей наряд от взвода до полка. Большой Лефортовский Военный госпиталь обслуживал весь Московский Округ. Случаи смерти солдат других полков, жандармов и офицеров, были ежегодно. Наряды на похороны были утомительны. Лефортово было на противоположной окраине города от Хамовников, а кладбище далеко от госпиталя. Летом тяжело лошадям, зимой холодно гусарам.

ГЛАВА 7

ТОРЖЕСТВА В МОСКВЕ

Открытие памятника Императору Александру III и так называемые Бородинские и Романовские торжества выходили из рамок обычных парадов: сопровождалась они "Императорскими выходами с Красного Крыльца в Успенский Собор" при громадном стечении народа. Газеты посвящали целые страницы описанию приезда Государя в Москву и Бородино, и не было такого медвежьего угла в России, где бы не читались эти газеты.

В царствование Александра III, Россия не вела кровопролитных войн, не знала революционных выступлений и политических убийств — за это Россия была Ему признательна, и 30 мая 1912 г. в Москве было назначено открытие Императору Александру III памятника.

Памятник был воздвигнут возле Храма Христа Спасителя, обращен лицом в сторону Москва-реки, на широкий простор, открывавшийся с холма.

За несколько дней до торжества город оживился. В Москву стали прибывать взводы от полков гвардии и тех армейских частей, где Александр III был Шефом, генералы Свиты, придворные сановники и дамы.

28 мая день был солнечный и очень жаркий. Прибытие Императорского поезда ожидалось в 5 часов вечера, но уже за час, а может быть и раньше, войска в зимней парадной форме заняли шпалерами назначенные им места. У вокзала стояли юнкера Тверского Кавалерийского училища, затем взводы Гвардейской Кирасирской дивизии в белых колетах, в цветных мундирах казаки Его Величества, Атаманцы, Сводного Его Величества полка, уланы Ее Величества, драгуны, гусары Его Величества и Гродненские, Гвардейская Конная артиллерия, взводы 1-го лейб-драгунского Московского, 2-го лейб-уланского Курлянского, 2-го лейб-гусарского Павлоградского, 3-го уланского Смоленского, 15-го драгунского Переяславско-

го, дальше в полном составе 1-й гусарский Сумский и 1-й Донской казачьи полки, после них Гренадерские полки и, наконец, юнкера Александровского и Алексеевского училищ. По другую сторону улицы разместились учащиеся учебных заведений, начиная с воспитанниц Московского Дворянского института в белых пелеринках.

Колокол с Ивана Великого, подхваченный звоном колоколен всех церквей, возвестил о прибытии Государя в Москву, и вскоре спровождавшиеся громогласным ура показались экипажи — в первом Государь, Государыня и Наследник, во втором Великая Княгиня Елизавета Федоровна и Великие Княжны. За ними другие экипажи.

29 мая, по древнему обычаю, Царь и Царица поклонялись Московским святыням. С 8-ми утра начался в Большом Кремлевском Дворце съезд всех лиц, имевших проезд во дворец, сановники с супругами, генералы, офицеры, административные чины, предводители дворянства, представители земств, купечества, сельские старосты и т. д. В 11 часов начался Высочайший Выход. Шествие через Красное Крыльцо прошло в Успенский собор.

Сумский полк стоял в пешем строю, лицом к Александровскому дворцу, спиной к Москва-реке. По усилившемуся движению в окнах дворца можно было заключить, что служба в церкви кончилась, и Государь вернулся во дворец. Несколько раз к окнам подходили Великие Княжны и Наследник, так продолжалось около получаса. Неожиданно Государь открыл окно, к нему подбежал корнет Соколов (Владимир), и громкий голос Государя был слышен всем: "Скажите полковнику Гротену, что он может вести полк домой".

30 мая. Настал день открытия памятника Царю Миротворцу. В 8 утра с Тайницкой башни Кремля пять пушечных выстрелов возвестили Москве о начале торжества. Уже до этих выстрелов с 7 утра началось движение. Какая изумительная, красивая, не поддающаяся описанию картина открывалась с паперти Храма Христа Спасителя. Перед собором, на площади высится громадный памятник Царю Миротворцу, еще обернутый серым полотном. Перед ним белеет Царский шатер, убранный зеленью.

Перед памятником, внизу по набережной и кругом площади, выстроены войска. Их стройные линии составляют, как бы внушительное кольцо или живую раму картины. Сколько здесь блеска, красоты красок, обильно политых солнцем. Красные, малиновые, желтые лацкана, блеск медных касок, белые султаны гусар и улан, малиновые, синие папахи казаков, картинные формы гвардейских и армейских гусарских полков. Трубы музыкантов блещут яркими бликами и целой рощей высятся на фоне этой пестрой картины знамена и штандарты

частей войск. Здесь представители всей Гвардии, всех войск Московского гарнизона и всех полков, в которых Александр Третий был Шефом.

В исходе 11-го часа все полны ожидания и вот вдали, от Кремля движется и растёт народное "ура". Из Боровицких ворот выезжает Государь. Недалеко от Каменного моста, Государь вышел из коляски и встреченный рапортом генерала Плёве, пошел по фронту войск, здороваясь с частями. Бьют барабаны, трубят горнисты, свистят флейтчики и гремит встречный марш хоров музыки. Знамена и штандарты склоняются перед Государственным Вождем.

По обходе войск, Государь поднялся на паперть собора. Прошло несколько минут и ударил колокол Ивана Великого. Еще удар, еще раз — и тут уже вся Москва загудела медным звоном. На лестнице собора показался крестный ход, следовавший к памятнику. Все обнажили головы. Войска взяли на караул, музыка играет величественный "Коль славен". Музыка смолкла. У подножья монумента, митрополит, совершив молебен, провозгласил "Вечную память" Императору Александру Третьему. Матросы, стоявшие у памятника, сдергивают занавес. Вот обнажились громадные орлы, но статуя Александра еще закрыта. Минута общего напряжения. Падает тяжелое полотно и перед всей площадью, перед Москвой предстала из бронзы мощная фигура Царя Миротворца.

Государь командует всему параду "Слушай на караул". Музыка играет Преображенский марш. Государь салютует памятнику. Идет повсюду колокольный звон и смешивается с народным "ура", с Тайницкой башни гремят салюты пушек. Снова команда "На молитву, шапки долой". Молебен заканчивает, своим громовым голосом, протодьякон Розов "Христороливному, Российскому, Победоносному Воинству — Многая лета". Дан отбой. Государь стал во главе войск обнажив шапку. Сам повел их мимо памятника, салютуя Родителю Царю.

1 июня Государь уехал из Москвы. К 11 часам утра, войска вступили в линию шпалер. Войска были в летней парадной форме и стояли в том же порядке, как и при въезде.

Говорили, что Государь обратил внимание и выразил Свое неудовольствие, что войска выводились задолго до назначенного срока и бесполезно утомлялись в жару, да еще в зимней форме. Так ли это или нет, сказать трудно, но впрямь, до самой войны, да и на самой войне делался точный расчет времени и полк или эскадроны прибывали не ранее, как за 10-15 минут до назначенного срока.

**
**

И умереть мы обещали
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

26 августа 1912 года Русская Армия собралась на полях Бородино, почтить память героев Отечественной войны, в дни Славы Русского оружия, патриотизма Русского народа и "отдать воинскую честь" погибшим в этом кровопролитном сражении.

1-й эскадрон, назначенный для участия в торжествах, вернулся в Москву из Ярославской губернии, где он был на маневрах. В Хамовниках оставили лошадей, захватили обмундирование 1-го срока и 20 августа эскадрон прибыл в лагерь, назначенный для армейской кавалерии, верстах в 5-ти от Бородино. Со всех концов России сюда собрались эскадроны, полуэскадроны, взводы, роты от полков, принимавших участие в Бородинском бою. Каждое утро войска собирались для репетиции у Царского валика.

25 августа в 11 утра, на станцию Бородино, подошел Императорский поезд. В 3 пополудни Царский въезд в Бородинский монастырь. Осмотрев монастырь Государь проехал на Бородинское поле. На обширном поле, тремя громадными фасадами стояли войска. На правом фланге в медвежьих шапках, в парадных мундирах Дворцовые Гренадеры, далее в пешем строю Собственный Его Величества Конвой в синих черкесках, а там стройные колонны полков, в кителях защитного цвета, оживлявшихся цветными фуражками и околышами.

Прибыв на поле, Государь сел на коня, Государыня в экипаж. Государь принял рапорт генерала Плеве и последовал в объезд войск. В 4.30 на шоссе показался крестный ход, шедший из Смоленска и из храма Бородинского монастыря. С крестным ходом прибыла чудотворная икона Смоленской Божьей Матери. Крестный ход подошел к Бородинскому памятнику — здесь в походной церкви Императора Александра I была отслужена панихида. Необычайной торжественностью отличалась панихида в открытом поле, над братской могилой многих десятков тысяч русских воинов. По окончании панихиды, Государь и все Великие Князья последовали за святой иконой Смоленской Божьей Матери, которую обнесли вдоль фронта войск. Войска держали винтовки на молитву, музыка играла "Коль славен".

Эскадроны стояли по степени участия в бою. Эскадрон Сумского полка был первым на правом фланге армейской кавалерии, правее стоял хор трубачей Митавского гусарского полка. Трубачи играли свой полковой марш, который лишь несколькими тактами отличался от марша Сумского полка.

На правом фланге эскадрона командир полка полковник Гротен, рядом с командиром эскадрона князем Меншиковым, на взводах — поручик Никольский, корнеты Онгирский, Гувовский, Снежков.

В 7 часов утра 26 августа, пятью пушечными выстрелами, с батареи, расположенной на холме, близ памятника Бородинского сражения, население возведено о начале торжественного празднования столетия Бородинского боя.

Великолепная погода благоприятствовала торжеству. Торжество началось с литургии в Соборном Храме Спасо-Бородинского монастыря. Литургия началась в 10 утра. Крестный ход двинулся к Бородинскому памятнику. Войска построены вокруг памятника покоем, тремя фасадами в 4 линии. В первой линии — рота Дворцовых Гренадер, Собственный Его Величества Конвой, военные училища, кадётские корпуса, гвардейская пехота, Гвардейский экипаж. Во второй — гвардейская кавалерия, гвардейская артиллерия, гвардейский саперный батальон, гренaдeры, части армейской пехоты, предки которой участвовали в Бородинском бою. В третьей линии — армейская пехота и остальные части гренaдeрcкoгo кoрпyca. В 4-й — армейская кавалерия, Офицерская Кавалерийская Школа, Крымский Конный полк, казачьи полки.

Был совершен благодарственный молебен по поводу избавления от нашествия двенадцати языков, с коленопреклонением. После многолетия Их Величествам, протодьякон возгласил "вечную память" Императору Александру I и павшим в Отечественную войну вождям и воинам. В это время грянул салют из 8-ми орудий, батарея дала три залпа, отдавая честь погибшим.

У Бородинского памятника Государю подают лошадь. Государыня, Наследник и Великие Княжны садятся в экипаж. Начинается объезд войск. Склоняются знамена, звуки встречи сменяются народным гимном. По окончании объезда Государь останавливается у Царской палатки, у которой занимают места Государыня, Наследник, Великие Княжны. Войска перестраиваются к церемониальному маршу. Парадом командует Командующий Войсками Московского Военного Округа генерал Плеве. Проходили по-ротно, части представленные взводами по-взводно.

Во время прохождения церемониальным маршем и весь парад 26 августа, 1-м эскадром командовал полковник Рахманинов, а на взводах были ротмистра князь Меншиков, Марков, фон Ланг и Лазарев. Офицеры эскадрона поместились у Царского валика в толпе министров, сановников в гражданской летней форме и лиц свиты.

Молодым офицерам чаще приходилось бывать участниками парада, а не зрителями, понятно с какой жадностью они смотрели на стройные колонны войск.

Государь благодарил каждую проходящую часть: "Спасибо Сумцы, Митавцы, Смоленцы..." В руках у Него не было никакой записки — непостижимо, как Он не ошибался.

27 августа Москва праздновала столетие своего освобождения от нашествия иноплемеников. Дивная картина Царского въезда. Солнце обливает своим теплым светом разукрашенные Московские улицы. Вся Тверская сплошь убрана флагами, драпировками, вензелями, зеленью и живыми цветами. Гирлянды цветов протянуты по улице, обвивают балконы. С одной стороны улицы шпалеры учащихся школ, приютов, воспитанницы институтов, гимназий с цветами в руках. С другой стороны шпалеры войск, за шпалерами народ.

В 10½ утра подошел Императорский поезд. Приняв почетный караул Лейб-Гренадерского Екатеринославского полка, Государь в экипаже отбыл в Кремль. Сотни тысяч народа стояли по длинной Тверской и их крики "ура" порой заглушали оркестры игравшие гимн.

В 2 часа Высочайший Выход в Успенский Собор. Величественные, изумительные по художественности залы Большого Кремлевского дворца наполнились блеском мундиров военных и гражданских лиц. Ровно в два последовал Высочайший Выход. Государь вышел на Красное Крыльцо и спустился по ступенькам, устланным красным сукном, к мосткам ведущим в Успенский собор.

В 5 часов вечера состоялся прием в Благородном Собрании. Вечером в городе иллюминация.

28 августа утром был дождь, но ко времени Высочайшего смотра на Ходынском поле, погода прояснилась.

Войска стояли тылом к скаковому ипподрому. Командующий парадом генерал Плеве объехал здороваясь войска и стал на правом фланге в ожидании приезда Государя. Войска были выстроены в шесть линий. Шестая линия — кавалерия под командой начальника 1-й Кавалерийской дивизии генерала Ромейко Гурко.

В 10 утра прибыли в автомобиле Государь с Государыней и Наследник, в другом автомобиле Великие Княжны. Государь сел на коня и, приняв рапорт генерала Плеве, с Великими Князьями и свитой поехал по фронту. Навстречу неслось солдатское "ура". Государь объехал все линии.

Началось прохождение войск. Прошли Гренадеры, идет 13-й Армейский корпус, далее 17-й, части 25-го, полки 3-й Гренадерской дивизии, за пехотой идет артиллерия. Двигается кавалерия, впереди генерал Ромейко Гурко, запестрело поле цвет-

ными фуражками. По окончании парада Их Величества отбыли в Кремлевский дворец.

29-ое августа. Сегодня Москва молится за почивших сынов своих и защитников, положивших жизнь в году нашествия вражеских сил.

Необычайно торжественно было богослужение в Храме Христа Спасителя, в этом памятнике 1812 года. Кругом флаги, гирлянды, многочисленное кольцо народа. Могучим "ура" встретили эти массы Царский приезд. От Кремля до Храма Христа Спасителя стоят шпалеры войск в зимней парадной форме, в пешем строю. На площади храма, красивым поясом, протянулась Московская кавалерия — Сумские гусары в голубых доломанах и краповых чакчирах и Донские казаки.

В Высочайшем приказе по Военному Ведомству, данном 26 августа 1912 г. объявлено: "В знаменательный день празднования столетнего юбилея Отечественной войны, Государь Император Высочайше повелеть соизволил, сохранить на вечные времена в рядах армии имя Императора Александра I, и имена наиболее видных героев этой войны: графа Милорадовича, Дохтурова, Раевского, Неверовского, Коновницына, Тучкова 4-го, партизанов Дорохова, Давыдова, Сеславина и Фигуря. Посему Его Императорское Величество повелеть соизволил, ниже следующим полкам, именоваться впредь: (перечислены полки) 1-му гусарскому Сумскому полку — 1-м гусарским Сумским генерала Сеславина полком".

Все офицеры и гусары полка были награждены бронзовыми медалями на Владимирской ленте и получили так называемые Бородинские рубли.

В эти же дни, было приказано армейским кавалерийским полкам, не имевшим шифа, на погонах носить цифру своего полка. Объяснялось это тем, что, например, 1-ый уланский Петербургский полк, ни фуражкой, ни погоном не отличался от улана Ее Величества, многие драгунские (из кирасирских) полки ничем не отличались от полков Гвардейской кирасирской дивизии. После смерти Короля Датского в 1912 году, вензель с погон Сумского полка был снят и погон был такой же, как погон Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка.

**
*

В мае 1913 года в Москве праздновался 300-летний юбилей царствования Дома Романовых.

25 мая в 4 часа дня, Государь и Государыня с Детьми прибыли на Александровский вокзал. Государь в форме Лейб-Гренадерского Екатеринославского полка принял рапорт генерала Плева.

На площади первыми Его встретили сотня Конвоя Его Величества, 1-й эскадрон Сумского полка и сотня 1-го Донского

казацкого полка в конном строю. Эскадрон был в зимней парадной форме, с флюгерами на пиках, что придавало ему еще более парадный вид. Государь сел на коня, поздоровался с сотнями и эскадроном и проехал по фронту. В это время Государыня с Детьми и лица с Ними прибывшие заняли места в экипажах.

Государь со свитой, впереди сотня Конвоя, затем экипажи двинулись по Тверской к Кремлю. За экипажами с лицами Императорской Фамилии следовал эскадрон Сумских гусар, шествие замыкала сотня Донских казаков.

Уже в час дня по Тверской трудно было двигаться. Трогуары, окна и балконы были заполнены нарядной толпой, дамы в белых платьях, мужчины в праздничных костюмах, цветы, флаги, ковры. На пути у всех церквей духовенство в парадном облачении.

Войска в зимней парадной форме шпалерами вдоль трогуаров — Сумский гусарский полк в конном строю у Триумфальных ворот.

26 мая Москва празднует день Царского пребывания и день рождения Государыни Императрицы Александры Федоровны. В Кремле торжественный выход в Успенский Собор. Ровно в 9 утра ударил большой колокол Ивана Великого и по всей Москве начался красный звон, несмолкавший до появления Их Величеств на Красном Крыльце.

В 11 утра в парадных покоях Большого Кремлевского Дворца стали собираться Особы Императорской Фамилии. За парадными, внутренними комнатами, где находилась Императорская Фамилия, первый зал Екатерининский, здесь стоят придворные дамы в белых платьях и придворные чины. Рядом Кавалергардский зал, где вытянулся караул Тверского Кавалерийского училища. Следующий зал Андреевский, где стоит Царский трон. Зал наполнен блеском эполет и военных мундиров, здесь только военные и моряки, стоит караул Дворцовых Гренадер. Рядом Александровский зал — здесь роскошь дамских туалетов (супруги дворян, городские дамы, супруги именитых московских купцов и иностранных консулов). Далее Георгиевский зал, здесь шитье и мундиры гражданских чинов — представители дворянства и земства.

Ровно в 11 утра, придворные арапы, распахнули двери внутренних парадных покоев и началось шествие в Успенский Собор. Государь в форме Астраханского Гренадерского полка, На следник в форме Киевского Гренадерского полка. Когда шествие вступило в Георгиевский зал, был дан знак остановиться, Государь и Государыня подошли к депутации дворян. Московский губернский предводитель дворянства Самарин преподнес художественный дарец с грамотой-адресом Московских дворян Царю.

На Императорский Выход были приглашены все офицеры полка, разместившиеся голубой группой, позади командира полка в Андреевском зале. Государь проходя мимо, милостиво кивнул головой, низко поклонившемуся полковнику Гротену.

В 8 вечера в залах Большого Кремлевского дворца был дан парадный обед. Во время обеда играл оркестр и пел хор Императорской оперы при участии хора трубачей Сумского гусарского полка.

27 мая состоялся бал в Благородном собрании, устроенный Московским дворянством.

Царская Семья помещалась в ложе у короткой стены зала, Государь был в форме Лейб-гусарского Павлоградского полка.

Бал открылся полонезом. Государь шел в первой паре с госпожой Базилевской, супругой уездного Московского предводителя дворянства. Государыня во второй паре с губернским предводителем дворянства Самариним.

После полонеза начался вальс — поручик Никольский танцевал с Великой Княжной Ольгой Николаевной, а в котильоне коон т Гуковский с Великой Княжной Татьяной Николаевной и с Великой Княгиней Викторией Феодоровной. Во время котильона танцующие получили жетоны — дамы золотые, мужчины серебряные.

28 мая Государь покинул Москву. По пути следования на вокзал, стояли шпалерами войска Московского гарнизона — Гренадерские полки, Сумские гусары и Донские казаки.

Внутренний караул во дворце в дни приезда Государя назначался и от Сумского полка. Караулы несла учебная команда под командой штабс-ротмистра Говорова, корнетов Колиева и Вишнякова. Караул высланный от полка во дворец был не велик. Один обер-офицер, два унтер-офицера и 18 гусар (начальник караула, его помощник, разводящий, три смены парных часовых — 12, три смены одиночных — 6, всего — 21).

Караул помещался в Кавалергардском зале. Гусары сидели на диване против окон, сидели тесно, вплотную. Сбоку стоял стол и кресло для начальника караула — офицера. Постов было 4: два парных у входа и выхода в Кавалергардский зал, два одиночных во внутренних покоях, один у подъемной машины, другой в коридоре, ведущем в зимний сад. Против одиночных часовых стоял солдат Сводного Его Величества пехотного полка, но не как часовой, а как дневальный, без оружия и при прохождении кого-либо мимо поста он говорил часовому, кто это и как его именовать.

Рапорт часового при смене: "Обязан охранять Августейшую Особу Государя Императора и Лиц Императорской Фамилии, проживающих в Кремлевском Дворце, для чего по тре-

бованию дворцовой охраны могу сойти с поста. Под сдачей коврик“.

День проходил в напряженном состоянии. Через зал проходил Государь и лица Императорской Фамилии, которым вызывался караул и офицер подходил с рапортом. Мучительна была ночь. У караульного офицера был с собой флакон с нашатырным спиртом, который он давал нюхать засыпавшим людям.

В память 300-летнего юбилея Дома Романовых все чины полка получили право на ношение медали на Романовской ленте.

ГЛАВА 8

ЖИЗНЬ ОФИЦЕРА ВНЕ ПОЛКА

Молодой человек, избирая военную карьеру, знал, что суровый военный закон запрещал офицеру многое, в чем был свободен чиновник или адвокат.

Офицер был всегда одет в форменную одежду — выделялся и был заметен в толпе. Форма связывала и обязывала, например: обязательное приветствие (отдание чести) старшему, равному и младшему; в театре в антрактах офицер должен был стоять; при входе старшего в чине младший должен был встать; не мог торговать в магазине, хотя бы ему принадлежал; в Москве Командующий войсками ограничил число загородных и ночных ресторанов, где офицеры могли бывать.

Более серьезно было запрещение принимать участие в политических партиях и каких-либо группировках с политическим оттенком, посещать политические собрания и голосовать в Государственную Думу. Без разрешения командира своей части нельзя было писать в периодической печати и даже в военных изданиях, как "Инвалид", "Разведчик", "Вестник Русской Конницы" и др.; нельзя выступать на сцене в публичных спектаклях и концертах; нельзя жениться без разрешения командира полка и многое другое.

Служил офицер не как чиновник с 9-ти утра до 4-х, а его могли призвать и днем и ночью, в праздник и в будни. Могли назначить, послать, командировать, не спрашивая его желания. Если занятия и ограничивались известными часами, то это вызывалось необходимостью дать отдых солдатам и лошадям, отнюдь не офицерам, которые после занятий с солдатами, оставались на тактические занятия или должны были присутствовать на лекциях.

Ограничения рядовых офицеров не стесняли, было чем заполнить свои досуги после службы и устроить жизнь по своим наклонностям и характеру.

Начиналось с квартиры. В этом отношении Москва представляла широкие возможности.

Командир полка жил в Шефском доме, где в его распоряжении была большая, барская квартира. Старшие офицеры или природные моквичи жили в своих домах или удобных квартирах. Часть молодежи жила с родителями. Пять квартир было в офицерском доме в Хамовниках. Два, три жили постоянно в гостиницах, не связанные ни с обстановкой, ни другими житейскими мелочами. Кто снимал комнату у знакомых

В лучших, более богатых условиях жили: штабс-ротмистр Судейкин в живописном особняке недалеко от полка; выделялся своим богатством дом Леонтьевых (построенный еще графом Zubовым и признанный историческим памятником), окруженный целой усадьбой.

В Каретном Ряду, дом штабс-ротмистра Тишенинова, с квартирой старинного стиля, с громадными комнатами, лестницами и неожиданными порогами. Зал был настолько велик, что вмещая в себя хор трубачей и много приглашенных, все же выглядел пустоватым, как кто-то пошутил — Хамовнический плац с одним взводом на учении.

На Садовой-Кудринской особняк Говоровых, где всегда было много гостей.

Другого типа была квартира поручика Старынкевича, в большом доме на Пречистенке, недалеко от дома, где жил когда-то гусар поэт Давыдов. В большой передней, оклеенной синими обоями, под карнизом шла надпись крупными, белыми буквами: "Эх Маша, что нам думать о завтрашнем дне, сегодня минута да наша" (Апухтин). Он так и жил. Супруга Старынкевича, энергичная, всеми любимая и уважаемая женщина, жила в имении, стараясь спасти состояние. Не удалось, и в начале 1912 года Старынкевич вынужден был покинуть полк.

На Никитском бульваре, в глубине сада, стоял большой дом, где жили родители корнета Вешнякова, а рядом маленький флигель, где они поместили сына и его друга корнета Петражкевича, с которым Вова провел всю свою жизнь и в корпусе и в училище. Квартира Вешнякова, холостяка и кутилы, вполне отвечала требованиям веселящейся молодежи. Там устраивались веселые пирушки, варили жженку на скрещенных саблях, поливали сахар коньяком V.S.O.P., стреляли из револьверов, пробовали из винтовки новую пулю. Бывали там веселая "Динь-Динь" и любвеобильная Надя.

В начале века в глубине Петровского парка, жил принц Мансур, страстный любитель собак и большой театрал.

Сейд Мир Мансур, один из сыновей Хивинского хана и претендент на Хивинский престол, был назначен русским правительством на службу в Сумский полк, подальше от родных степей.

Драгуны считали его чудаковатым, говорил он с ними, по большей части литературными цитатами. Приказывает он принести трубку из кабинета, денщик с некоторою грубостью, отвечает: "Да там ее нет, Ваше Сиятельство". Мансур кричит: "Молчи, презренный раб!"

Дежурный по эскадрону заканчивает рапорт. Мансур поднимает руку, приветствием гладиаторов и, указывая на дверь, произносит: "Иди туда, куда влечет тебя твой жалкий жребий".

Или правительство давало ему мало денег, или жил он "выше средств", только в конце месяца в доме денег не было, и собаки его выли от голода. Зимой, когда Петровский парк представлял собою снежную пустыню, это было терпимо, но с переездом москвичей из душного города на дачи, жалобам не было счету.

Помимо офицерского собрания и гостеприимных домов, где было так хорошо, развлечений в Москве было много. Лучшим это был театр. Императорские Большой и Малый были всегда переполнены. В Большом театре существовала система абонементов, 1-й, 2-й и позднее 3-й и 4-й. Ценился 1-й абонемент, более светский. В полку своей ложи не было, но если не удавалось достать билет, а быть в театре все же хотелось, всегда можно было получить приглашение в ложу баронесы де Норман, матери офицера полка или в ложу штабс-ротмистра Говорова. Бывали в опере, но чаще в балете блиставшем Гельцер, Балашевой, Федоровой 2-й, Трефильевой, Кандауровой и их партнерами Тихомировым, Мордкиным и др. Большинство смотрело просто балет, непревзойденный по постановке и исполнению, но были и такие, что разбирали "Pas de deux" от какого-нибудь другого. Оперетки с Шуваловой, Потопчиной, Монаховым и Вавичем и фарсы, бывали в Москве периодически — всегда полно. Художественный театр, о котором так много писали. Одно время театр Корша в день полкового праздника ставил пьесу по выбору полка и все офицеры старались быть в театре. Кинематографы были в зачатке и посещались мало. Лучшим считался у Арбатских ворот. После театра обыкновенно ехали ужинать.

Москва славилась своими ресторанами — лучшими были Яр, Стрельна загородные, в городе: Эрмитаж, Прага, Метрополь, Московская гостиница, Тестов. Ездили ужинать, чтобы "людей посмотреть и себя показать", увидеть интересную программу на открытой сцене, выпить бутылку вина. Приглашали полковых дам и их мужей, тем отвечая за гостеприимство, которым пользовались в их доме. Из одного "кабака" ехали в другой, по большей части, в Стрельну слушать цыган. В более отдаленные времена, когда автомобилей еще не существовало, брали тройку у Ечкина. От Яра неслись в Стрельну слу-

шать цыган, хотя и у Яра был хор, и кончали утро блинами у Жана в селе Всехсвятском. Времени спать не оставалось — ехали прямо на занятия — нужно было выдержать все занятия и не показать вида утомления после бессонной ночи.

Такой, сравнительно небольшой круг ресторанов, посещаемый офицерами, был установлен приказаниями Командующего Войсками, а в остальных бывать запрещалось.

Москвичи любили цыган, и нередко хор в богатых рядах, с монетами вокруг шеи цыганок, можно было видеть и на вечерах в частных домах.

Пели они у Яра и в Стрельне. "Работали" они от 12 ночи до 6-ти утра, заканчивая ночь песней "Спать, спать, пора нам на покой, целый день пляши да пой".

Под большие праздники рестораны были закрыты. В эти вечера мы брали с собой вино, всевозможной закуски, конфект, пряники для детей, бутылку Martel для "мужчин", и ехали в Петровский парк к цыганам, в занесенную снегом дачу, где нас ждали с распростертыми объятиями Тани и Маши.

"Что может быть прелестней,
Когда любовь тая,
Гостей встречает с песней
Цыганская семья.

За дружеской беседой,
Коль пир идет горой,
Примеру дедов следуя,
Мы льем вино рекой".

Приезжали они и к нам. Как было весело, как искренно радовались они несколькими часам свободы. Всех они называли по именам и на "ты" и были любимы за их величайшую чуткость и бескорыстность. Даша Мерхолоенко, Варя Панина, Настя Полякова, Шура Мышкова — эти незабываемые исполнительницы цыганских романсов, были нашими частыми гостями (Воспоминания Никольского и Снежкова).

"Эти чудные, вдохновенные, полные страсти и красоты вечера", не всегда проходили благополучно. Корнет Леонтьев, тайно от всех обвенчался с шестнадцатилетней, безграмотной Машей. Несоответствие между супругами было полное. После двух дней супружеской жизни Леонтьев понял это ясно, и не являясь в полк подал рапорт о выходе в запас. Много позже, после долгих хлопот, брак был расторгнут, священник венчал не имея разрешения командира полка, а главными свидетелями были братья невесты. Кроме случая с Леонтьевым, были и другие, кончавшиеся более благополучно.

С началом зимы начинались балы в Александровском и Алексеевском пехотных училищах, в Лицее, в институтах, в Дворянском Собрании и вечера в частных домах. Танцующая Сумская молодежь была желанными гостями.

Полковник Данилов, москвич, хорошо знавший Москву, старался всеми силами, втянуть молодежь в светскую жизнь и тем отвлечь от дурных влияний и дружбы с теми, которые по

его словам "только винище хлещут". Полковник Данилов был большой враг вина и как-то корнет Петрашкевич попросил его разрешения закурить, полковник Данилов ответил: "курите, только осторожнее с огнем, а не то вспыхнете". Танцующих полковник Данилов "вывозил в свет" в дома, где устраивались танцы, а других просто "passer le temps". Часто здесь же на вечере, офицер получал приглашение на другой вечер, значит, нужно сделать визит хозяйке "в среду" или "в пятницу", завязывалось знакомство.

Были гостеприимные дома, где танцевали до ужина и до утра после ужина. Увлечения, романы, и разбитые сердца, иногда кончались трагично — в 1908 году корнет Янковский-Русин застрелил ту, которую полюбил, и сам застрелился. Случай единичный. Браков было не так много, часть женились и уходили из полка из-за недостатка средств. Были случаи, когда офицеры женились вопреки решению Суда Общества Офицеров и тогда безропотно уходили из полка.

Мысль об Академии все больше и больше занимала умы. После Муханова, окончили Академию Лисовский, Крейтер, Никольский. Готовились Марквардт, Казаков, Соколов Владимир. Лебедев и Де Норман нашли время окончить Московский Археологический Институт. Были офицеры, интересующиеся живописью, скульптурой и литературой. Сергей Никольский, покинув полк, занял должность декоратора Московского Художественного Театра. Ротмистр Лисовский писал под псевдонимом Вадимов. Младший Слепцов увлекался поэзией. Писали шуточные эпиграммы, запомнилась одна:

"У барона Де Нормана
Есть в тужурке два кармана.
Слово скажет Де Норман,
За другим полез в карман".

Уже в эмиграции ротмистр Литтауэр своими трудами на английском языке о выезде лошади и посадке приборел известность в американских спортивных кругах. Одна из последних его книг выдержала шесть изданий.

Муханов писал масляными красками. Признанным скульптором был полковник Рахманинов. По его проекту был поставлен памятник генералу Дорохову в г. Верее, Московской губернии, а также памятник у Островно, на месте славной атаки Сумцов, описанной Л. Н. Толстым в "Войне и Мире", и приписанной им Павлоградцам, которых здесь и не было. В Ржевском уезде, по инициативе Александра Феодоровича, был реставрирован памятник генералу Сеслаину, командиру Сумского полка в Отечественную Войну.

Лучшим в художественном отношении считается памятник Дорохову, когда проект был одобрен и принят, Рахманинов на-

чал подыскивать модель. Корнет барон Кистер, подражая старым гусарам, носил черный плащ, отрастил бакенбарды такие, какие носили в прошлом столетии, на ногах низкие лаковые ботинки, всем своим видом он напоминал не то старинную гравюру, не то Германа из "Пиковой Дамы". Лучшей модели Рахманинов не мог желать. Барон был польщен предложением и согласился быть ему полезным. При накладывании маски, бакенбарды и усы очевидно были недостаточно смазаны жиром и пристали к гипсу. Нервный, нетерпеливый Рахманинов стал дергать и тянуть маску, причиняя сильную боль своей модели. Гипс пришлось разбить молотком. Барон долго не показывался в полку, а когда появился, был без бакенбардов и усов.

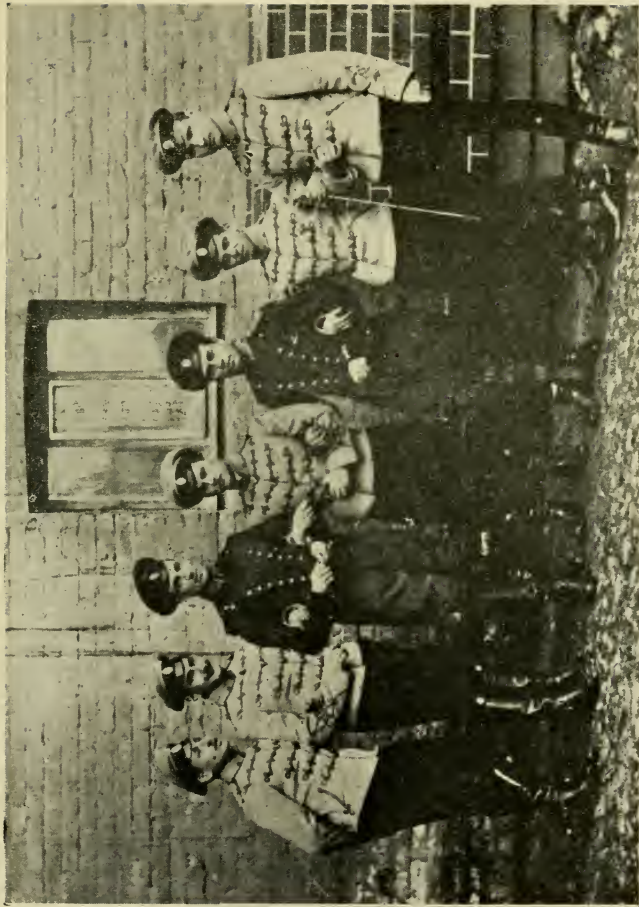
Памятник Дорохову был отлит и установлен в г. Верее, на горе, недалеко от собора. На торжество открытия из Москвы был командирован 1-ый эскадрон Сумского полка, а из Луцка прибыл командир полка и эскадрон Изюмских гусар, так как с 1812 г. генерал Дорохов был шефом их полка. Торжество открытия памятника было зафильмовано, фильм приобретен полком и хранился в полковом музее.

Последние годы сильно изменили внешний и внутренний облик Москвы, на месте старинных особняков вырастали доходные дома. Чистые, удобные трамваи (гордость Москвы) заменили выезды и извозчиков "Ванек". Хороших извозчиков стало мало, ездить же на лихачах с дутыми шинами офицерам полка считалось неприличным. Робко стали появляться автомобили — ротмистр фон Лауг приобрел себе, на него смотрели, как на пионера, присматривались, что из этого выйдет.

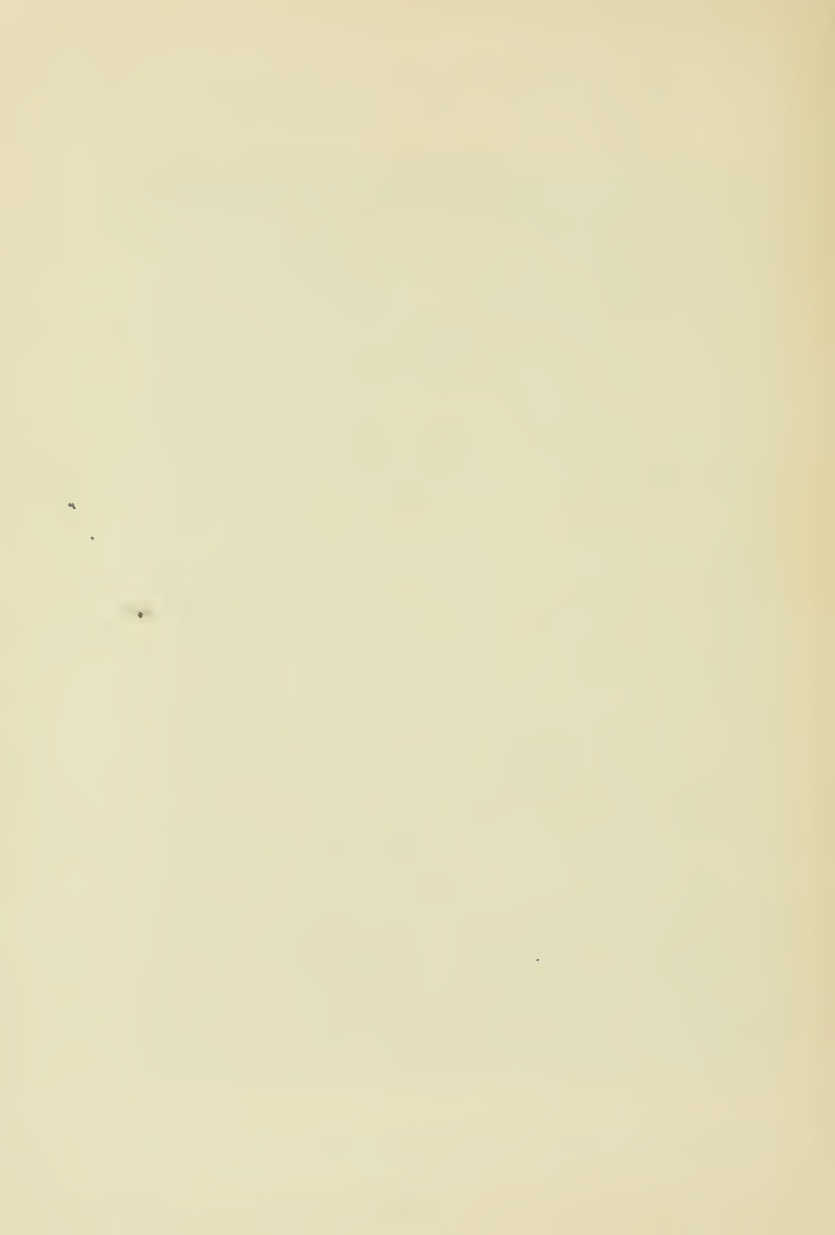
Жизнь в Москве была дорога. Квартиры, театры, рестораны, скачки, даже форма одежды — быстро выгоравший доломан, постоянно новая фуражка, вызвали расходы свыше тех сумм, которые офицер получал от казны, нужны были свои средства. Несомненно были офицеры, жившие только на жалованье, для чего надо было обладать очень сильным и твердым характером.

Список офицеров, перешедших в запасные полки, жандармы, или сделавшихся чиновниками особых поручений при губернаторах, или просто покинувших службу, был достаточно велик. Вообще же молодые офицеры, сколько бы им не давали родители, всегда нуждались в деньгах. Причиной была присутствующая юному возрасту жажда увидеть все, всюду поспеть, ничего не пропустить. С годами люди становились солиднее, более рассудительны в своих тратах и умеренней в своих желаниях.

В заключение можно сказать, что Москва имела благоприятное влияние на общую культурность офицеров, отвлекая их

Справа налево: Сумцы: корн. Соколов 1-й, Снежков, пор. Петражкєвич, корн. Соколов 2-й, пор. Слепцов 2-й. Петеробуржцы: поруч. Булатов и Политковский

в частной жизни, от мелких интересов "Маленького гарнизона"*)).

После 1905 года революционная пропаганда была направлена против офицеров, показавших в дни восстания свою непоколебимую верность Государю. Провокационные выходы против них случались в ресторанах, не только под влиянием не в меру выпитого вина. Известен случай, когда корнет запаса Окунев, бывший офицер Сумского полка, застрелил в Петербурге, в ресторане "Медведь", штатского, не пожелавшего встать при исполнении гимна.

В бульварной газете "Раннее Утро", в 1913 году, был описан случай, когда корнет граф Борх ударил стэком пьяного чиновника, который набросился на него. Борху пришлось отсидеться под арестом по приказу генерала Плэве; произошло это в ресторане "Победа", им не рекомендованном.

В "Искре", иллюстрированном приложении к газете "Русское Слово", газете серьезной, но с левым уклоном, печатали снимки офицеров на скачках и подписывали "жертвы тотошки". В 1913 году появилась газетка "Новь", в ней продергивались все, начиная с Командующего Войсками генерала Плэве, командира Гренадерского корпуса генерала Морозовского и кончая маленькими офицерами. Командира корпуса продергивали так, что он приказал своему начальнику штаба выписать "Новь" во все полки, чтобы все знали о напечатанном случае раньше, чем запросит генерал Плэве: "где случилось и в какой части".

*) "Жизнь маленького гарнизона, нравы Германской армии", Bilse (Oswald Fritz) и "Поединок", Куприна, описывают быт полков, стоящих в захолустьях и злобно подчеркивают темные стороны офицерского быта.

ГЛАВА 9

СПОРТ

В годы командования полковника Гротена, офицеры Сумского полка много занимались спортом, главным образом *concours hippique*.

Вообще спорт развивался медленно. Спортивная пресса ограничивалась бегами и скачками и только незадолго до войны, в 1910—1911 годах, появились хорошо изданные спортивные журналы. Джентельменские скачки, конкурсы и пробеги занимали в журналах целые отделы. Печатались отчеты состязаний, фотографии участников, их лошадей, среди них фотографии офицеров Сумского полка, не пропускавших малейшей возможности участвовать в состязаниях и бывших не раз победителями.

Полковник Гротен называл своих офицеров-спортсменов гладиаторами. Отличались они от древне-римских тем, что были люди свободные, но в приветствии “*Ave Imperator! Morituri te salutant*” было некоторое сходство. Падения со смертным исходом были редки, но ломали ноги, ходили с вывихами или лежали без памяти от сотрясения мозга.

Полковник Гротен спортсменам не мешал, помогал, не отказывая в просьбах, но инициативы не проявлял. Сам был молод, любил лошадей, знал в них толк, да и по характеру был человек доброжелательный.

Большое влияние на развитие спорта в полку имел штабс-ротмистр Николай Владимирович Поляков — имя его было хорошо известно в спортивных кругах кавалерии.

Блестящий офицер и такой же наездник, взявший больше ста призов на скачках, Поляков был близко знаком с владельцами конюшен Лазаревым, графом Рибольером и др., был в дружбе с полковником Носовичем, заведывавшем Деркульским заводом Государственного Коннозаводства. Николай Владимирович кроме бесспорного авторитета в вопросах конного спор-

Корнет Соколов 1-й на коне "Ярмуж" после выигрыша приза
Государственного Коннозаводства — рекорд в ширину
(март 1914 года)

та, своими личными качествами, располагал к себе сердца молодых офицеров.

Одно время полковник Гротен поручил Полякову смену младших офицеров. К сожалению, генерал Плеве признавал лишь строго классическую посадку, подобранную лошадь, мундштук. Поляков был склонен к Итальянской системе — естественное равновесие лошади, барьеры, уздечка. Смену передали старшему полковнику, но каждый вечер, после занятий, когда манеж был свободен, группа молодых офицеров, верных друзей Полякова, под его руководством, ездила своих лошадей и готовила их к очередным состязаниям. Результаты были отличные.

Самыми интересными состязаниями в Москве были конкурсы Скакового Общества 1-й Кавалерийской дивизии. Устраивались они в Городском манеже, по своим размерам мало уступавшем Михайловскому манежу в Петербурге.

С 1912 г. руководство делами Общества перешло в руки офицеров Сумского полка, полковника Рахманинова и энергичного корнета Елизарова. Работы было много. Ценность призов в последние годы повысилась, соответственно этому повысились и требования. Нужно было придумать разнообразные комбинации препятствий, их высоту, распределить по дням призы т. е. составить интересную и для участников и для публики программу. Много было хлопот с устройством трибун, барьеров и т. д. Штаб-офицеры давали директору, Елизаров работал и сам участвовал в состязаниях.

Общество имело большие средства, которые расходовались на устройство призов, кроме того были призы Императорского Скакового Общества, Командующего войсками, полковые.

Большое количество призов и крупная сумма каждого привлекали офицеров-спортсменов издалека — Финляндские драгуны Бунаков, Гросман; Новоархангельского полка Марков; Черниговец Фомишкин; Нежинец Мостовой и др. не говоря уже об однодивизионниках — драгун Золотарев, уланы Политковский, Булатов, Арнольд; конно-артиллеристы Селихов, Рождественский. Особенно запомнился корнет Гродненского полка Вершинин и его казенно-офицерский конь Барин. Громадный Барин брал препятствия безукоризненно. Спасло Москвичей от разгрома правило, по которому после каждого взятого приза, препятствия на следующий заезд для выигравшей лошади, повышались.

Генерал Плеве был решительный противник Итальянской системы езды и ревниво охранял уставную посадку. В своем призе, — "Приз Командующего войсками" не допустил к перескачке, прошедшего чисто все препятствия на двух лошадях, принадлежащих корнету Снежкову, Урании и Динь-Динь, корнета Соколова 1-го за итальянскую посадку, отдав приз корнету Не-

жинского гусарского полка Мостовому, сидевшему по строю.

В один из последних дней устраивались состязания в ширину. В "Вестнике Русской Конницы" за 1908 год находим: — "Приз 250 рублей для прыжков в ширину. К рекорду в 7 аршин осталось три лошади. Выиграл Эрнани, который под гром аплодисментов одолел 7½ аршин. Ездок корнет Говоров (Борис). Далее следовал приз 1-го гусарского Сумского полка для г. г. офицеров на фронтовых лошадях — 6 пониженных препятствий должны были пройти полевым галопом в норму 1 минута 10 секунд. Записано 12 лошадей. 1-й приз корнет Говоров (Борис), прыгнувший на выводной Мисс Маклейн корнета Захарова".

В марте 1914 г. рекорд в ширину поставил корнет Соколов Владимир на Ярмуже завода князей Любомирских — владелец корнет Соколов Константин, приз Государственного Коннозаводства. Соколов Владимир выиграл также рекорд в вышину на Кадиксе ротмистра Офицерской Кавалерийской Школы Губина. Участвовал в состязаниях в ширину поручик Слепцов на своей кобыле Корине. Один из прыжков был неудачен, кобыла поскользнулась. Упали и лошадь и всадник, после чего Слепцов долго пролежал в лечебнице с воспалением мозга.

Для того, чтобы развлечь зрителей, утомившихся долгими выездами одного всадника за другим (записывалось до 20 лошадей), среди призов устраивались карусели, лисички, джимханы, участниками которых были унтер-офицеры и гусары.

Нарядная толпа заполняла ложи и трибуны манежа и с интересом следила за красивыми состязаниями. В судейской ложе присутствовали генералы Плеве, Гурко, Нитов, командиры Отдельных бригад, полковник Гротен и командиры других полков.

В предманежнике было много волнений. Здесь вестовые водили только что окончившую состязание лошадь, готовили очередного всадника. Опытным взглядом осматривали седловку. Вахмистра, наездники, вестовые переживали успех и каждую ошибку офицера-участника. Оценивались шансы удачи и неудачи, искренно радовались успеху и не скрывали своей радости. Волнение передавалось лошадям, особенно когда очередной всадник садился и ждал сигнала выезда в манеж.

Кроме Скакового Общества 1-й Кавалерийской дивизии в Москве, было Общество Любителей верховой езды, у них на Цветном бульваре был свой манеж, в нем Общество два, три раза в сезон устраивало небольшие конкурсы. В 1914 г. Государь подарил Обществу Любителей верховой езды кубок для розыгрыша. Общество не желая расставаться с даром Государя, заменило кубок жетоном — государственный герб, осыпан-

ный бриллиантами. Приз этот, разыгранный в Большом манеже, выиграл корнет Чеботарев на собственной Гри-Гри.

Устраивались состязания также в частном манеже Гвоздева. В своем имении Черемушки, организовывал полевые состязания Якунчиков.

Всюду Сумцы были званными и желанными гостями. В основную группу "гладиаторов" входили Петрашкевич, Снежков, Елизаров, Казаков, Соколов 1-й, Соколов 2-й, Чеботарев, участвовали и другие, но реже, — Слепцов Василий, ротмистр фон Ланг.

В 1913 году исполнилась давнишняя мечта штабс-ротмистра Полякова. После долгих хлопот, ему удалось получить командировку в Итальянскую Кавалерийскую школу в Пинероле. Пробыв год, он вернулся в полк совершенно убежденный в преимуществах Итальянской системы.

Благодаря дружеским отношениям Полякова с полковником Носовичем в 1913 и 1914 г. г. корнету Казакову и братьям Соколовым удалось получить командировку на Деркульский Государственный Завод (Харьковская губ.), где с начала весны велась подготовка Государственной конюшни к скачкам. Там офицеры знакомились с жизнью образцового конского завода, тренировались и учились скакать.

"Я получил командировку на завод в 1914 г., после Казакова и брата. Когда я приехал в Деркул, там уже были Финляндского драгунского полка Плюцинский, Конно-гренадер Де Витт и два хорунжих 1-го Астраханского казачьего полка Срежников и Канов. Полковник Носович держал нас строго. Вставали в 5 утра и без еды делали галопы, сменяя 5-6 лошадей. После галопа обильный завтрак и затем шли на случку. В 12 обед и до 2-х отдых. Затем отправлялись пешком в г. Беловодск (12 верст), а чтобы не надули, полковник Носович давал какое-нибудь поручение — купить иголок, отправить письмо и т. д. Вечером ужин и крепкий сон до нового рассвета. Так подтянулись, что любо было смотреть. К сожалению падение и вывих руки помешали мне остаться на заводе до конца командировки" (Соколов).

Падения были постоянны, Соколов Владимир, говорил, что он был один из группы, который упал чуть ли не в последний день перед отъездом. Явление это было настолько обыденным, что в своей книге полковник Носович дает совет, как падать: "падать нужно в "комочке", иначе полом руки или ноги неизбежен".

Лошади Государственного Коннозаводства скакали в Петербурге и Москве. Камзол жокеев Романовских цветов — желтый и черный. За взятие приза конюшня денег не брала, получала следующая, по порядку, лошадь частного владельца.

Каждый год назначалась так называемая Окружная скачка, в ней принимали участие офицеры Округа (1-я Кавалерийская Дивизия и Отдельные бригады, уланская и гусарская). В 1913 г. Окружные скачки были заменены "Испытанием строевой кавалерийской лошади". Разница была та, что в Испытании были введены выездка и конкур. Испытание протекло три дня. 1-й день пробег, 30 верст в два часа. 2-й день выездка и конкур. 3-й — скачка. За каждое испытание ставились баллы, сумма баллов определяла право на приз. Занявшие платные места имели право участия в скачке на Императорский приз в Красном Селе. Испытания обычно во всех округах происходили в мае, чтобы выигравшие могли принять участие в Красносельской скачке в июле. В 1914 г. испытание в Московском округе было перенесено на начало июля.

(Соколов) — "Пробег и выездка прошли хорошо, но на конкурсе я получил много минусов. Скачку Ярмуж выиграл, оставив далеко сзади себя своих конкурентов, и я получил 2-й приз. Красносельская скачка была в тот же день. При получении награды я заметил генералу Гурко, что, назначив испытание в июле, он лишил меня возможности выиграть Императорский приз. Гурко ответил: "выиграете в следующем году", но больше Императорских скачек не было".

В 1907 году корнет Говоров Константин на скачках в Царском Селе выиграл ряд стипль-чезов на Фанданго, Шармез, Монте Кармель. В июне того же года на Коломяжском ипподроме стипль-чезы и барьерные на Фаруэль, Сатанело, Шармез, Сен Реми, Герцог Альба, Май Мери, Блю Джакет и Караваш.

Спечинский, фон Кеппен, Золотухин скакали на джентельменских скачках в Москве. Старынкевич был слишком грузен, скакать не мог, но лошади его скакали и брали призы. В 1902 г. корнет Колониус разбился на барьерной скачке в Москве. С 1912 г. джентельменские скачки в Москве были отменены.

Штабс-ротмистр Поляков и поручик Говоров имели постоянные скаковые конюшни. Спечинский, фон Кеппен, Старынкевич, Золотухин, Соколовы имели лошадей, которые скакали под жокеями.

ГЛАВА 10

МОБИЛИЗАЦИЯ

Лето 1914 года, полковые учения в разгаре. Начали делать показательные атаки на пехоту и артиллерию — "обозначенного противника". Скоро поход в Клементьево на кавалерийские сборы, оттуда на маневры с пехотой, в этом году в Рязанской губернии.

В Кронштадт прибыла французская эскадра. Восторженная встреча президента Пуанкаре и французских моряков в Петербурге отвлекла общественное внимание от Сараевского убийства и его возможных последствий. Предъявленный Австрией 10 июля ультиматум Сербии изменил настроение. Французская эскадра немедленно вышла в море, прервав свой дипломатический визит.

13 июля в армии объявлен "предмобилизационный период" (Уложение о предмобилизационном периоде 1913 года).

Полки из своих лагерных стоянок немедленно возвратились в казарменное расположение. Немногие в это время года отпускные вернулись в свои части. Командиром полка и старшими офицерами уже раньше был разработан план, как лучше и быстрее выполнить задачи предмобилизационного периода.

В эскадронах: перековка лошадей, проверка походной укладки вьюков, сдача обмундирования всех сроков — доломанов, чакчир, шапок и пр. В цейхаузах в ожидании возможной мобилизации оставались суконные походные рубахи с цветными погонами, серо-синие рейтузы, шинели, новая амуниция с добавочной патронной сумкой, фуражки, сапоги. Укладка и сдача в хозяйственную часть вещей ненужных для походной жизни: — эскадронная икона, картины, фотографии, казарменная и конюшенная обстановка, собственные гусарские сундучки с наклеенными ярлыками имени и фамилии владельца и адрес ближайших родственников.

В хозяйственной части: прием из эскадронов сдаваемого имущества, пересмотр обоза 2-го разряда, повозок, сбруи.

Канцелярия: пересмотр мобилизационных планов, укладка всего ненужного. Подготовка к укладке в повозку послужных списков офицеров, именные списки гусар и описи лошадей. Толстые книги месячных ведомостей, пишущие машинки, запас бумаги и канцелярские принадлежности.

Казначей готовил для подписи командира полка ведомости для получения больших сумм для хранения в денежном ящике, выдачи подъемных офицерам и других походных надобностей.

Заведующий оружием готовил ведомости для получения боевых патронов, сдавал излишнее оружие. В оружейной мастерской, оружейный мастер чиновник Смолянинов и его помощник унтер-офицер, спешно приводили в порядок неисправные винтовки.

Все были заняты. Меньше всего младшие офицеры, роль которых ограничивалась общим наблюдением.

Было о чем подумать и позаботиться -- оставляли матерей, жен, имущество. У Полякова, Говорова, Соколовых конюшни. Что делать с готовыми к скачкам лошадьми, кому поручить. В усадьбах Меншикова, Маркова вот-вот должно было начаться жнитво. У каждого было привязывающее к дому и к Москве.

Казармы принадлежали городу и очевидно сейчас же после ухода полка будут заняты какими-нибудь тыловыми частями. Вернется ли полк в Хамовники, вернутся ли офицеры в Москву, с которой так сжились и где было так хорошо? Имущество отправляли родным и друзьям, все, кроме того что полагалось по списку уложить в казенный чемодан, возимый в обозе 2-го разряда и во вьюке обоза 1-го разряда.

Прошло несколько дней в ожидании: -- либо мобилизация и война, либо останется все попрежнему.

15 июля Австрия объявила войну Сербии и немедленно начала бомбардировку Белграда.

В мирное время составление порядка мобилизации в полку, т. е. расписание кому, что, в какой час и день мобилизации делать, что и где получать или сдавать, наблюдение за переменами в личном составе, было возложено на полкового адъютанта, в помощь которому специально для этого дела был назначен корнет Ларюшкин.

В полку уже издавна вошло в обычай офицерам, уходя из дому, оставлять адрес, где его найти. 13 июля приказ этот был подтвержден и строго выполнялся. В ожидании возможного приказа о мобилизации полкового адъютант корнет Будзко и корнет Ларюшкин несли ночные дежурства в канцелярии. Корнет Будзко всего несколько месяцев как принял должность

адъютанта. Казалось, что командир полка не мог вполне на него положиться в столь ответственную минуту, однако Будзко со своей задачей справился. Помог старший писарь Петенко и чины канцелярии, образцово поставленной предыдущим адъютантом ротмистром Тишениновым.

Ночью 17-го июля 1914 года из штаба дивизии телефоном сообщили, что в полк отправлен ординарец с пакетом на имя командира полка. Через четверть часа, когда пакет прибыл в канцелярию, полковник Гротен был уже там. Вскрыли пакет: Высочайшим приказом объявлялась мобилизация Одесского, Киевского, Московского и Казанского Военных Округов, началом мобилизации приказано считать 12 ночи 17 июля.

В кабинете адъютанта хранились: 1) Топографические карты района, куда отправлялся по мобилизации полк (1-я Кавалерийская дивизия выходила из состава Гренадерского корпуса и шла на границу Восточной Пруссии, тогда как Гренадеры отправлялись на Австрийскую границу). 2) "Наставление для мобилизации кавалерии и конно-артиллерии 1912 года" и 3) Конверты из синей толстой бумаги с коленкоровой подкладкой, запечатанные пятью сургучными печатями. Конверты были именные, заготовленные заранее, возможны были перемены в личном составе полка. Следить за переменами было одной из обязанностей корнета Ларюшкина. Пакеты были предназначены: 1) Командирам эскадронов и начальнику пулеметной команды, 2) Начальнику Нестроевой команды штабс-ротмистру Струпову, 3) Адъютанту, 4) Казначее поручику Марквардт, 5) Поручику Слепцову, отправляемому с 18-ю гусарами в 7-й Запасный кавалерийский полк для формирования 1-го маршевого эскадрона, 6) Заведывающему оружием поручику Говорову, 7) Ротмистру Губину и корнету Полякову, назначенным членами комиссии по приему лошадей, 8) Старшим, медицинскому и ветеринарному, врачам.

В синих пакетах указывались точно по часам обязанности каждого должностного лица. Этим мобилизация отличалась от предмобилизационного периода, где ставились общие задачи. С 13-го по 17-ое было сделано много, но все же следующих 36-ти часов до погрузки первого эшелона в вагоны едва хватило.

Командиры эскадронов получили и роздали: индивидуальные пакеты (иод, вата, бинт), по 40 патронов на человека, мешок с попоной, чумбуром, парусиновым ведром, коновязным колом, торбой, сеткой для сена, новыми конскими щетками и скребницами, $\frac{1}{2}$ круга пригнанных на передние ноги подков, по банке консервов, сухарей и прочих продуктов в однодневный запас, так же по одной даче овса. Укладка с весом седла составляла 1 пуд 32 фунта.

Во второй день седельные вьюки были уложены и кроме перечисленного было добавлено по второй паре сапог, по две телных рубашки, исподние штаны, принадлежности для умывания, шитья и ухода за оружием.

Денщики получили по два коня, один для себя, другой под офицерский вьюк. Вес офицерского вьюка не должен был превышать $6\frac{1}{2}$ пудов.

Поручик Говоров получил из артиллерийского склада и уложил в патронные двуколки по 22 патрона на человека, что представляло около 25 пудов. Большие запасы патронов получила пулеметная команда — 80.000, которые надо было набить в пулеметные ленты.

Поручик Марквардт с раннего утра был в казначействе с подписанными ведомостями для получения "военного кредита" (в него входил большой запас рублевых бумажек). Точно в указанный час Марквардт выдал подъемные деньги офицерам и авансы командирам эскадронов.

Корнет Поляков, назначенный в комиссию по реквизиции лошадей на скаковом ипподроме, был в большом затруднении. Как он ни был молод, но понимал, что реквизировать чистокровных скакунов под вьюк было бы безрассудно и он забраковал все, что было возможно. Но все так поступали и на этой почве были злоупотребления.

Ротмистр Губин, командовавший в полку эскадронам для ценза, по окончании приемки лошадей был откомандирован в Офицерскую Кавалерийскую Школу.

Корнет Елизаров запаковал собранское серебро и все наиболее ценное и сдал на хранение в Государственный банк. Шесть старых штандартов были отвезены в Исторический музей.

Поручик Слепцов, получив необходимые бумаги и прогоны, отправился в Тамбов в сопровождении 18-ти гусар и наездников Рыкова и Кузнецова, которые там и остались на все время войны.

Трубачи укладывали в двуколку свой лучший комплект труб. Август Карлович Марквардт, капельмейстер, был стар, за него хлопотали штаб-трубач Бондаренко и старший трубач Цедер. Среди трубачей был вольнонаемный, "белобилетник", плохо разбираясь в своих правах, он отправился с полком. Удалось ему освободиться только в 1915 году в Красном Селе.

Прибыл из Академии Генерального Штаба поручик Крейтер, перешедший на 3-й курс, штабс-ротмистр Поляков, прикомандированный к полуэскадрону Академии и поручик Онгирский, год назад ушедший в запас и бывший чиновником особых поручений при губернаторе одной из губерний. Производство в офицеры в Военных училищах состоялось ранее обычного, т. е. не 6-го августа, а 12 июля. Выпущенные из Николаев-

ского Кавалерийского училища, корнет Фдлинпъзъ в прибѣл в полк еще в Москвѣ, корнет Хоружинскій догнал полк в Сувалках.

18 июля была объявлена "общая" мобилизация, поглощающая "частичную".

Из сараев, устроенных на подобие пожарных, выкатили двуколки обоза 2-го разряда. По мобилизации обоз получил 30 упряжных лошадей. Озабоченный князь Трубецкой наблюдал за выдачей и сдачей полкового имущества. Обоз должен был уйти через 48 часов. Князя можно было упрекнуть во многом, но он точно и аккуратно исполнял свои обязанности. Все было выполнено по минутам.

19-го утром полк, одетый во все новое походное обмундирование, построился на Хамовническом плацу.

После молебна, начальник дивизии генерал Гурко сказал несколько слов о предстоящем походе. Провожавших, пришедших проститься, быть может навсегда, было мало. Объяснялось это тем, что семьи офицеров и вообще горожан, в это знойное время были на дачах.

Раздалась команда: "1-ый эшелон . . ." — 1-ый эскадрон и полужэскадрон 2-го под командой полковника Рахманинова вытянулся справа по три в направлении на Виндавскій вокзал.

День был будний, жаркій, пыльный. Население было занято своими делами, движение небольшой части кавалерии никому не казалось необычным.

Виндавскій вокзал расположен на дальней окраине Москвы и движение пассажирских поездов здесь было слабое. Во время посадки 1-го эшелона на вокзале никого не было, кроме небольшой группы офицеров, княгини Меншиковой, Е. С. Говоровой и ее молоденькой родственницы, пришедших проводить своих мужей и друзей.

Посадка была делом непривычным, некоторые лошади упрямылись, боясь войти в вагон. Гусары в вагонах размещались со своими лошадьми. Походные кухни дымились на открытых платформах, кашевары готовили обед.

Экстренные выпуски газет способствовали тому, что сознание надвигающейся войны проникало в народ. Из небольших кучек прохожих, толпившихся на перекрестках, навстречу последующим эскадронам неслись крики "ура". Особый восторг вызывали в толпе, тавившиеся в хвосте эскадронов денщики с походными выюками; вероятно толпа предполагала в них новое, скрытое оружие. На одной улице навстречу пулеметной команде вышел человек. Высоко подняв над головой икону, благословил команду и передал икону поручику Шведу.

Последние эшелоны грузились поздно вечером при свете факелов. Люди и лошади грузились впервые, нервничали и суетились. Одна взбесившаяся лошадь ударила корнета Ла-

рюшкина в голову. Потерявшего сознание корнета отправили в госпиталь, где он пробыл около двух месяцев.

На станции Ржев, седой, но все еще стройный человек, со слезами на глазах встречал и провожал каждый эшелон. Это был вахмистр Шетинин — два года назад ушедший в отставку.

"21 июля 1-й эшелон подходил к г. Сувалки. На маленьких станциях уже был расклеен манифест Государя об объявлении войны Германии. Вдоль заборов сидели на своем убогом скарбе группы женщин и детей, по большей части евреев — беженцев. Чем больше было слез на лицах женщин, тем громче запевал лихую песню взводный Лобанов, а Петров заливался, играя на только что купленной кем-то из офицеров гармоники" (Снежков).

Поезда двигались быстро. 24 июля в Сувалках сосредоточилась вся 1-я Кавалерийская дивизия.

Начиналось то, к чему упорным трудом, последнее десятилетие, готовилась Русская Армия. В книге "Из Истории кампании 1914 г. на Русском фронте" генерал Головин, беспристрастно разбирая начало войны и боевые действия в Восточной Пруссии, говорит: "Наши перволинейные войска в отношении боевых качеств были на должной высоте. Неудачи Японской войны не поколебали традиций старых частей, знамена которых участвовали во многих победах прежних времен. Ценой крови на полях Манджурии, против первоклассного неприятеля, был куплен боевой опыт новой тактики. Кадры войск должны быть поставлены на первом месте по сравнению с нашими союзниками и противниками..."

На войну полк вышел со следующим офицерским составом:
Командир полка Флигель-адъютант полковник Гротен.

Помощник командира полка по строевой части
полковник Рахманинов.

Помощник командира полка по хозяйственной части
подполковник князь Трубецкой.

Младший штаб-офицер подполковник Рот.

Младший штаб-офицер подполковник Адамович.

Полковой адъютант корнет Будзко.

Полковой казначей поручик Марквардт.

Начальник команды связи корнет Кузнецов.

Полковой священник отец Афанасий Лепорский.

Врач доктор Чабров.

Ветеринарный врач Кинцлер.

Чиновники — по хозяйственной части,

делопроизводитель Жмаев.

Завед. оружием Смолянинов.

Начальник команды связи при штабе дивизии

корнет Чеботарев.

Начальник обоза 1-го разряда корнет Лефлер.
Начальник обоза 2-го разряда корнет Ветчинкин.

1-й эскадрон.

Командир эскадрона ротмистр Светлейший Князь
Меншиков Корейша.

Младшие офицеры: поручик Никольский.
поручик Онгирский.
корнет Гуковский.
корнет Снежков.
корнет Литтауэр.

2-й эскадрон.

Командир эскадрона ротмистр Марков.

Младшие офицеры: поручик Алферов.
поручик князь Ратиев.
корнет Елизаров.
корнет Иванов.
корнет Поляков Михаил.
корнет Георгиади.

3-й эскадрон.

Командир эскадрона ротмистр Висс.

Младшие офицеры: поручик Слепцов.
поручик Казаков.
поручик Петражкевич.
корнет Соколов Владимир.
корнет барон де Норман.
прапорщик Тоболин.

4-й эскадрон.

Командир эскадрона ротмистр Лазарев.

Младшие офицеры: поручик Лебедев.
корнет Дембицкий.
корнет Соколов Константин.
корнет Филиппьев.
корнет Хоружинский.
прапорщик Токмаков.

5-й эскадрон.

Командир эскадрона ротмистр Тишенинов.

Младшие офицеры: штабс-ротмистр Поляков Николай.
поручик Вешняков.
корнет Аршаулов.
корнет Ларюшкин.
корнет Головин Петр.

6-й эскадрон.

Командир эскадрона ротмистр фон Ланг.

Младшие офицеры: штабс-ротмистр Говоров.

поручик Крейтер Владимир.

поручик Колиев.

корнет граф Борх.

прапорщик Бибииков.

Конно-пулеметная команда 1-й Кавалерийской дивизии.

Начальник команды поручик Швед.

Младшие офицеры: корнет Патаракин.

корнет Язвин.

1-го уланского Петроградского полка

корнет Подбересский.

ВОИНА 1914 - 1917 г. г.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский. Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая...

Объявляем всем НАШИМ верным подданным:

Следуя историческим своим заветам Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на судьбу их безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились чувства русского народа к Славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии неприемлемые для державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные, в силу создавшихся условий, принять необходимые меры предосторожности, МЫ повелели привести Армию и Флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоинством НАШИХ подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений, союзная Австрии Германия, вопреки НАШИМ надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению НАШЕМУ, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную НАМ страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди Великих Держав. МЫ непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные НАШИ подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение ЦАРЯ с ЕГО народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокой верою в правду НАШЕГО дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, МЫ молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска НАШИ Божие благословение.

Дан в Санкт-Петербурге в двадцатый день июля в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствование же НАШЕГО в двадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

ГЛАВА 1.

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ НА ГРАНИЦЕ. НАСТУПЛЕНИЕ НА ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ

Стратегическое развертывание по варианту "А" согласно Высочайше утвержденным 1 мая 1912 года указаний намечалось следующее:

1-я Армия

образуется из 2-х корпусов Виленского Военного Округа (3-й, 4-й), 2-х Корпусов Петербургского Военного Округа (Гвардейский и 1-й), 7-ми второ-очередных пехотных дивизий (53, 54, 56, 57, 68, 72, 73), и 5½ кавалерийских дивизий (1-ая и 2-ая Гвардейские, 1-я, 2-я, 3-я Кавалерийские и 1-я Отдельная Кавалерийская бригада).

Армия сосредотачивается на Немане между крепостью Ковно и Друскеники. Задача — обход Мазурских озер с севера.

2-ая Армия

Район крепости Гродно—Ломжа.

Задача — обход Мазурских озер с запада.

В 1-ую Армию по объявлении войны вместо намечавшихся 2-х корпусов Петербургского Военного Округа вошли 20-й Армейский корпус и 5-я Стрелковая бригада.

В Высочайше утвержденным 25 сентября 1913 года "Основных соображениях по развертыванию наших вооруженных сил при войне с державами тройственного союза" — изменения касались, главным образом, задач, возложенных на армии:

1-й Армии указывалось наступление на Гумбинен-Маркграбово.

2-й Армии — Лык-Вилленбург.

Во исполнение вышеуказанного 1-я Кавалерийская дивизия по объявлении войны прибыла в г. Сувалки 24 июля 1914 года.

Сумский гусарский полк расположился вне города в прекрасных казармах 2-го лейб-драгунского Псковского полка.

Граница наблюдалась пограничной стражей в поддержку которой в д. д. Филиппово, Бакаларжево, Рачки были выдвину-

ты роты 5-й Стрелковой бригады. Несмотря на то, что Сувалки являлись глубоким тылом, в полку назначался дежурный эскадрон, находившийся в полной боевой готовности: лошади под седлом, гусары при оружии, офицеры при эскадроне. На ночь выставлялись сторожевые заставы.

Город жил вполне мирной жизнью, бойко торговали магазины, рестораны, "цукерни". Свободного времени у младших офицеров было много. Осматривали Сувалки, и познакомились с лучшим в городе рестораном Машевского и его польской кухней и получали из-под полы водку и вино, запрещенные в продаже в первый день мобилизации.

Близость границы и необычайность положения все же действовала на некоторых, более нервных офицеров, возбуждающе. Так поручик Патаракин, в то время, когда другие офицеры развлекались у Машевского, сидел на крыше казармы и в бинокль наблюдал дороги, ведущие к границе. Увидя по дороге пыль, поднятую по его мнению немецкой кавалерией, он сообщил об этом дежурному эскадрону. Через несколько минут на встречу "врагу" из ворот вынесся взвод 2-го эскадрона под командой корнета Полякова — врагом оказалось стадо овец и его пастухи.

Генерал Гурко получил от Штаба Армии сводку о неприятеле, согласно которой 1-й Германский корпус подошел к границе.

27 июля по приказанию начальника дивизии, были высланы разведывательные эскадроны, уланский, гусарский (4-й) и сотня 1-го Донского казачьего полка. Эскадронам были даны определенные направления и задача: выяснить расположение противника, силы его, и по возможности взорвать железную дорогу Маркграбово - Гольдап. На рассвете эскадроны перешли границу у д. Бакаларжево и должны были разойтись по данным им направлениям, но командиры их, считая, что главной задачей является взрыв железной дороги, решили, что для того, чтобы пробиться к ней, надо идти вместе, действуя в кулаке, а не разрозненно.

С первых дней войны набеги кавалерии на Восточную Пруссию чрезвычайно затруднялись мерами, предпринятыми немцами для облегчения своей мобилизации. Во всей пограничной полосе, у таможенных застав, узлов железных дорог и перекрестков, по объявлению "кригсфарцштанд", должны были собираться команды ландштурмистов и вооруженных местных жителей, численностью от 40 до 50 человек.

Импровизированный отряд, встретив сильное сопротивление в районе Барковинен-Битховен, дойти до железной дороги не смог и к вечеру вернулся в Сувалки. За то, что эскадроны избрали общий путь, а не пошли по указанным им направлениям, генерал Гурко отрешил всех командиров эскадронов от должности.

На счастье командира 4-го, гусарского, эскадрона ротмистра Лазарева, избранный им путь совпал с направлением, данным гусарам, и взыскание, наложенное на Лазарева, было снято.

Кроме разведки эскадроны начали посылаться в сторожевое охранение. Первым пошел 5-ый эскадрон, его сменил 6-й, а 30-го июля 1-ый.

Младший офицер 1-го эскадрона корнет Снежков так описывает свои первые впечатления о войне: "30 июля эскадрон построился, командир эскадрона Светлейший князь Меншиков произнес несколько простых, но сердечных слов, снял фуражку и перекрестился; его примеру последовали все офицеры и гусары. Эскадрон двинулся в Бакаларжево. Начинались долгие годы войны.

Пришли в Бакаларжево поздно вечером и разбудили офицеров 6-го эскадрона, спящих в сарае. На наши вопросы о немцах нам отвечали, что врага еще никто не видел. В деревне кроме гусар было немало пехоты 17-го или 18-го стрелкового полка.

Наутро князь назначил поручика Онгирского в разъезд, попросился в разъезд и я с корнетом Литтауэром. Прошли границу — узенькую канавку. По ту и другую сторону дома и шлагбаумы пограничной стражи. Дома пусты и разграблены. Немецкий орел разбит и валяется далеко в поле. Ожидая на каждом шагу неприятеля, идем с предосторожностями, с дозорами, и вдруг к нашему удивлению навстречу идет увешанный белыми гусями стрелок и совсем один. Осмотрев несколько деревень и не встретив противника, вернулись обратно.

Вечером я получил задачу отправиться со взводом на пограничный кордон, в 4—5 верстах от Бакаларжева, и выставить там заставу, что мной и было в точности исполнено.

Служба на заставе неслась тщательнее, чем когда бы то ни было.

Ночью получил от командира эскадрона пакет, в котором сообщалось, что около 4 часов утра через мой пост пройдет дивизия в направлении на Маркграбово. По ее проходе продолжать наблюдение. Действительно, рано утром мимо меня прошли уланы и казаки. Гусары проходили, видимо, по другой дороге. К вечеру весь горизонт покрылся дымом, повсюду были видны пылающие скирды и дома. Жуткая картина. Поздно вечером в обратном порядке прошли казаки и уланы. Говорили, что был жаркий бой, и что будто убит нашего полка ротмистр Лазарев. В этот момент во мне что-то перевернулось, и я мгновенно почувствовал разницу между маневрами и войной.

Сведения, поступившие от разведки, указывали о сосредоточении германских сил вблизи г. Маркграбово. Вследствие этого Командующий 1-ой армией генерал Ренненкамф прика-

зал генералу Гурко предпринять усиленную боевую рекогносцировку с целью определить, какие части и в каком числе занимают г. Маркграбово.

В своей книге "War and Revolution in Russia" генерал Гурко пишет про этот поход: "Имея в моем распоряжении 5-ую Стрелковую бригаду и мою 1-ую Кавалерийскую дивизию, я решил произвести демонстративное наступление в ту же самую ночь на фронте 20—30 километров. Мой план был послать кавалерию к югу и северу от Маркграбово, а пехоту прямо на город с расчетом, что кавалерия войдет в соприкосновение с противником на несколько часов раньше, чем пехота. Такое появление кавалерии на железной дороге Маркграбово-Гольдап, несомненно заставит немцев послать подкрепления из Маркграбово на линию железной дороги, что облегчит пехоте захват города. Дивизия накануне покинула Сувалки, и на рассвете перешла границу. Маркграбово было защищено с востока озерами, и подступы были возможны только по узким пешейкам".

Генерал Гурко отдал приказ: а) правый боковой отряд полковника Грскова — 1-ый Донской казачий полк с 4-мя орудиями направляется через Мирунскен на Монетен, б) Центр — группа генерала Лео — 9 эскадронов, 4 пулемета и 6 орудий 1-ой бригады от Ольшанки через Недришкен в тыл Маркграбово, в) Левый боковой отряд генерала Нилова — 5 эскадронов гусар, 2 пулемета и 2 орудия — от Сказуб через Бакаларжево и Крупинен на перешеек между озерами Большое и Малое Олетцко. г) Колонна 20-й Стрелковый полк полковника Тарановского — 2 батальона, 8 пулеметов, 4 орудия и 1 эскадрон из Сувалки через Матлак на Штабенрот, д) Конница должна пройти линию Бакаларжевских озер в 3 часа ночи, пехота ту же линию до рассвета, з) По выполнении задачи все возвращаются на прежние стоянки, причем кавалерия, прикрывая отход пехоты, соображается с ее движением. Начало отхода определяется отходом стрелков.

В ночь с 31 июля на 1 августа Сумский полк в составе 5-ти эскадронов (на 1-й эскадрон, бывший в сторожевом охранении, была возложена задача охранять левый фланг), с приданным ему взводом 2-й Конной батареи поручика Рождественского, под общей командой командира 2-й бригады генерала Нилова, отделился от главных сил и двинулся к озеру Олетцко.

Как только начало рассветать, всех поразило большое количество пожаров. В чистом воздухе дым поднимался густыми столбами. По этим дымящимся столбам можно было определить движение наших кавалерийских колонн. Сначала думали, что наши разъезды жгут фермы, но скоро убедились, что это дело рук немцев. Впоследствии, во время дальнейшего продвижения вглубь Восточной Пруссии, наблюдалась та же картина.

В авангарде шел 6-й эскадрон ротмистра фон Ланга. Головной походной заставой командовал штабс-ротмистр Говоров, левой штабс-ротмистр Поляков и правой поручик Крейгер (поручик Крейгер до войны находился в Академии Генерального Штаба и прошел уже двухгодичный курс. При мобилизации вернулся в полк)

Начальник отряда генерал Нилов лично отдал приказание головной заставе идти прямо на Маркграбово и двигаться быстро. Действительно, если начальник головной заставы иногда приостанавливался, чтобы ориентироваться по карте, то сзади уже несло приказание торопиться. Благодаря стремительности, передовые посты немцев были легко сбиты, и в 6.30 утра отряд подошел к озерам. Головная и правая заставы уперлись прямо в озеро, левая уклонилась довольно сильно к югу. Встречные огнем немецкой пехоты с западных берегов озер, заставы спешили и открыли огонь по противнику с прицелом 12. Южный перешеек, через который шел путь на Маркграбово, оказался не занятым. Туда был послан 4-й эскадрон. К заставам подошел и весь 6-й эскадрон с двумя пулеметами корнета Язвина. 3-й эскадрон занял перешеек севернее озера, 2-й и 5-й в резерве и в прикрытии артиллерии и коноводов.

Левифланговым дивизионом, 4-й и 6-й эскадроны, командовал подполковник Адамович. 4-й эскадрон повел наступление по перешейку, но встреченный сильным метким огнем залег, занявши ближайшие фольварки. Просили дать пулеметы, но командующий отрядом отказал и не поддержал наступления, держа в резерве два эскадрона на случай развития боя в зависимости от подхода главных сил. Полк ввязался в бой, а главные силы, вследствие медленного движения пехоты, только еще переходили границу.

Взводы 6-го эскадрона Говорова и Крейгера, находясь бесцельным вестн перестрелку через озеро, передвинулись на правый фланг 4-го эскадрона. Взвод конной батареи поручика Рождественского лихо на карьере выехал на открытую позицию, сделал заезд для снятия с передков, но осыпанный градом пуль, не снимаясь с передков, отошел назад на закрытую позицию у д. Постергут, не скрывая свой наблюдательный пункт.

Завязался оживленный стрелковый бой. Вскоре был ранен в живот подполковник Адамович. Еще в поезде, по пути следования полка из Москвы в Сувалки, Адамович говорил офицерам своего эшелона: "смерти я не боюсь, лишь бы не быть тяжело раненым" — точно предчувствовал. Подполковник Адамович в полк больше не вернулся.

С наблюдательного пункта было видно, как к Маркграбово подошел поезд. Очевидно, к немцам подошло подкрепление, так как огонь с их стороны значительно усилился. 4-й эскадрон снова пытался продвинуться вперед, но огонь противника

вновь принудил его остановиться. Выехавший в цель верхом командир эскадрона ротмистр Лазарев был убит. Не успев еще, принявший после него эскадрон корнет Соколов 2-й отдать распоряжение о выносе тела, как ему доложили, что тяжело ранен в голову корнет Хоружинский. Последний лишь три дня тому назад прибыл в полк из Николаевского Кавалерийского училища.

Орудия поручика Рождественского били главным образом по городу. К усиливающемуся огню немецкой пехоты присоединился огонь их батарей. Противник быстро нащупал наши орудия и заставил их спешно сняться с позиции, после чего перенес огонь по коноводам 4-го и 6-го эскадронов.

Около 4-х часов вечера было получено приказание отходить. 4-й эскадрон, как самый левофланговый, получил приказание последним и, стоя, не нашел своих коноводов, разогнанных обстрелом немецкой артиллерии. На месте остались лишь вахмистр подпрапорщик Роголя, вестовой корнета Соколова 2-го, гусар Подубочко и еще два-три гусара с лошадьми в заводу. На лошадей посадили гусара, державшего, как ребенка, на руках потерявшего сознание и стонавшего Хоружинского и раненого гусара Толчкова. Остальные двинулись пешком. Пройдя версты две-три, эскадрон встретил подполковника Рахманинова, ведшего коноводов крупной рысью. Обеспокоенный судьбой 4-го эскадрона, он отправился на розыски его, но предварительно собрал коноводов. Эскадрон присоединился к полку.

Бой у Маркграбово был первым боевым крещением полка. Настроение после боя было подавленное. Потеря трех офицеров, отсутствие видимости успеха, отход—все казалось чуть ли не поражением. Вечером стало известно, что Маркграбово было занято частями 5-ой Стрелковой бригады.

Задача дивизией была выполнена. Выполнили возложенную на них задачу и Сумцы, привлекая на себя главные силы противника, чем способствовали нашим главным силам, почти без потерь и после небольшого боя, занять город.

Ротмистр Лазарев и скончавшийся к вечеру корнет Хоружинский похоронены на кладбище г. Сувалки.

В эти же дни в г. Кальварию был послан корнет Гуковский для связи с отрядом полковника Комарова (105-й Оренбургский пехотный полк с батареей). В боях этого отряда корнет Гуковский был тяжело ранен.

Директива 1-й Армии от 2-го августа 1914 года.

- 1) 1-й Армии перейти границу 4-го августа на линии Владиславов—Сувалки и наступать на фронт. Инстербург—Ангербург в обход линии Мазурских озер с севера.
- 2) Коннице 1-й Армии перейти границу 3-го августа, отеснив передовые части неприятеля.

Во исполнении изложенных указаний Командующий Армией приказал:

- 1) Общим группам конницы двигаться по направлениям, соответствующим ранее данным задачам.
 - а) Правой группе на Инстербург, в обход Сталупенен и Гумбинен с севера.
 - б)левой группе иметь в виду обеспечение левого фланга со стороны Маркграбово, а впоследствии Летцена.
- 2) Корпусам армии главными силами овладеть 4 августа линией Вилонен—Сталупенен—Дубеникен—Ковален.

На группу генерала Гурко возлагалось: прикрыть выдвижения 4-го армейского корпуса, продвигавшегося от местечка Мареч-Друсkenики, разведка в прежнем районе, обеспечение левого фланга 1-й Армии, связь со 2-й Армией.

Сумский гусарский полк в составе 1-й кавалерийской дивизии перешел границу 3-го августа у д. Филиппово, а на германской стороне д. Мерунскен.

Был ясный, теплый день. Перейдена граница, и какая разница с Сувалкской губернией! Хорошие шоссе, обсаженные деревьями, бесчисленные телеграфные и телефонные линии, аккуратные дома, крытые черепицей, каменные фольварки, деревянные тригонометрические вышки. В Мерунскене был большой сыроваренный завод. Не прошло и получаса, как все повозки, пехотки орудий, зарядные ящики—все покрылось огромными кругами сыра.

Впереди слышалась перестрелка — авангард встретился с противником. Дивизия несколько раз перестраивалась из походного порядка в резервный, батареи открывали огонь. Немцы, не принимая боя, медленно отходили. Снова всюду вспыхивали пожары.

Генерал Гурко двинул 5-ю стрелковую бригаду двумя колоннами — правую на д. Бабкен, левую на д. Дроздовен-Ковален. Уланы, гусары и 1-я конная батарея в обход Дроздовен с юга на Ковален. 1-й Донской казачий полк на Маркграбово. 1-й эскадрон сбил немецкое сторожевое охранение, расположенное по железной дороге. К вечеру 4 августа согласно заданию дивизия с боем заняла д. Ковален. Гусары стали биваком к югу от Ковалена в д. Данилен.

Первые два дня за границей сопровождались небольшими, но частыми и неожиданными стычками. Создалось напряженное состояние. Это сказалось в Данилене. Прикомандированный со взводом пулеметов к 1-му Донскому казачьему полку, поручик Патаракин обладал на редкость звонким голосом. Рано утром полки были готовы к выступлению, кони поседланы. Патаракин, выйдя из дома, где он ночевал, позвал своего вестового, крикнув на весь бивак "Ма-хо-нин". В один миг ближайшие сотни сидели на конях, им послышалось "по коням".

Командир казачьего полка полковник Греков потребовал от Патаракина или переменить вестового или звать его по имени.

5 августа вечером полк получил задачу взорвать станцию Альтенбург на железной дороге Гольдап-Ангербург. Ночью были посланы три разъезда: поручика Казакова, корнетов Елизарова и Снежкова. Разъезды вышли в темноте, дорога шла лесом. На поддороге разъезды встретили русскую пехотную заставу. Решили остановиться и выждать рассвета, так как в лесу ничего не было видно и идти было трудно. С рассветом разъезды разделились. Разъезд Снежкова через час увидел двигающийся ему навстречу, на серых конях, немецкий разъезд. Одновременно подошли русские пехотные разведчики. Имея свою задачу, корнет Снежков указал разведчикам разъезд противника. Стрелки открыли огонь. Ждать результата Снежкову времени не было и он по кустам, без дорог, двинулся к видной уже железной дороге. Возвращаясь обратно, по той же дороге Снежков увидел убитых лошадей утреннего немецкого разъезда, они лежали в том же порядке, как шли. Седла не тронуты, переметные сумы не открыты, оружия не было, вероятно забрали пехотные разведчики.

Разъезды Казакова и Елизарова, выйдя на опушку леса, заметили приближающийся немецкий эскадрон. Разъезды спешили и обстреляли его, эскадрон рассеялся. Командир немецкого эскадрона был убит или ранен, лошадь его захватил разъезд 2-го эскадрона.

Разъезды приблизились к железной дороге и почти одновременно к станции Альтенбург подошла голова полка, двигавшегося очень быстро. Станция была взорвана. При уходе полка из поселка при станции, выстрелом из дома был убит один гусар. Дом сожгли, но стрелявшего не нашли. После набега полк отошел на ночевку в д. Рудзиены. Отсюда был отправлен взвод 3-го эскадрона с прапорщиком Тоболиным для установления летучей почты с 4-м армейским корпусом генерала Алиева. Вследствие подвижности фронта вообще и штабов дивизий и корпусов в частности, почта своего назначения выполнить не могла и на другой день приказом командира корпуса была снята.

7-го августа немцы, разбитые под г. Гумбиненом, начали общий отход. Если у дивизии и не было больших боев, то преследование и ведение разведки на фронте более чем 50 километров было делом не легким. Дивизия была не в полном составе. 2 августа 1-й лейб-драгунский Московский полк был послан в распоряжение 4-го армейского корпуса и вся тяжесть работы ложилась на три полка. Разъезды, разведывательные эскадроны отрывались от главных сил на 20-30 километров и потом должны были искать быстро продвигающуюся дивизию.

8 августа дивизия переходит в д. Грабовен. Идущий в го-

ловной заставе штабс-ротмистр Никольский атаковал в конном строю немцев, занимавших д. Грабовен и выбил их из деревни. Полк ночует в д. Грабовен. 1-й и 6-й эскадроны под командой полковника Рахманинова посланы на левый фланг 5-й стрелковой бригады, наступающей на г. Даркменен. Предполагалось, что путь дивизиона может проходить через расположение противника и прикрито было двигаться быстро. Дивизион совершил свой переход сравнительно благополучно, сбив по дороге две сильные немецкие заставы. В этих стычках тяжело ранены поручик Онгирский, подпрапорщик Ярошинский и 3 гусара.

4-й эскадрон под командой штабс-ротмистра Полякова, посланный в разведку на Летцен, дошел до Видминена. На основании его донесений, генерал Гурко доносил Штабу Армии: "Разведкой подтверждается отход противника на Летцен, как из района занимаемого мной, так и вдоль железной дороги Маркграбово-Лык. На этих путях видны следы биваков, окопов, засек. Разведка, дошедшая до Видминен, противника в 1 час дня 8 августа не застала".

9 августа высланная вперед усиленная разведка встретила сплошную завесу неприятельского охранения. Но 10 августа в Штабе 1-й армии выясняется, что армия противника отступает на запад к переправам реки Алле. Генерал Гурко в 10 утра запрашивает командующего армией, может ли он действовать более активно. В 17.30 получил ответ: "конечно, пришло время действовать более энергично, наблюдая Летцен, разведывайте в полосе от Даркменена до Ангербурга. Портите железные дороги в тылу у неприятеля, уничтожайте его парки, транспорты".

Генерал Гурко, не дождавшись еще ответа, двинулся на г. Ангербург. 10 августа дивизия подошла к Ангербургу, имея в авангарде Сумский полк. В голове шел 5-й эскадрон ротмистра Тишенинова. Подойдя к городу, эскадрон был встречен огнем со стороны спешенной немецкой кавалерии, поддержанной самокатчиками. На поддержку 5-го подошел 4-й. Дивизион, спешившись, повел энергичное наступление, немцы были сбиты и, продолжая отстреливаться, поспешно отходили. В перестрелке приняли участие и "мирные жители". Тому свидетельствовало ранение гусара 5-го эскадрона из охотничьего ружья. Ранение само по себе не опасно, но вид израненного мелкою дробью лица, всего залитого кровью, производил страшное впечатление. Гусары озверели, пострадало несколько человек жителей, в городе поднялась беспорядочная стрельба, опасная для самих гусар, наступавших к центру. Лишь выйдя на главную площадь, удалось взять в руки расходившихся гусар.

Полк расположился за городом в казармах 8-го конноегерского полка. К полку присоединяются 1-й и 6-й эскадроны, бывшие на левом фланге пехоты.

11 августа в 10 часов утра дивизия выступила в общем направлении на Инстербург. Дойдя до Гросс Бейкунен, дивизия остановилась на ночлег в районе Гросс Бенн-Спирлак. Обозу 2-го разряда приказано прибыть в г. Даркменен, в частях не было хлеба.

В разезде ранен корнет Георгиади. Дивизия 12 августа, выступив в 8 утра, сделала переход в 25 верст и без боя заняла г. Норденбург. Дальнейшее движение было приостановлено, так как не было карт. Обозу 2-го разряда, где хранились карты, было приказано доставить их не позже 13 августа.

При продвижении русских войск жители бежали на запад, увозя с собой наиболее ценное имущество. Часто передовые части находили приготовленную пищу еще теплой, скот привязанный в сарае.

Повсюду богатые запасы фуража. Гусары во время первого наступления на Восточную Пруссию питались курами, гусями и свиной. Хозяйственный вахмистр 1-го эскадрона Сидорович с болью в сердце, смотря на безудержное уничтожение живности, говорил: "Нам эти куры и гуся боком вылезут". Но хлеба, соли и табаку не было.

Занимая неприятельскую территорию, мы обнаружили, что немцы используют мирных жителей, особенно подростков, для получения информации. Эти подростки, пользуясь велосипедами, появлялись на фронте и на фланге наших наступающих частей. Сначала на них не обращали внимания, пока обстоятельства не показали истинную причину их появлений. Был отдан приказ расстреливать этих молодых велосипедистов.

Не зная языка, трудно было ориентироваться в чужой стране, если бы не было большого количества указателей на перекрестках и у селений, показывающих направление и расстояние в километрах. Позднее немцы, вероятно, сообразили, какую помощь нам сказывали эти указатели, и во второе занятие Восточной Пруссии многие указатели были уничтожены или, что еще хуже, повернуты, давая таким образом ложное направление. Наши карты были точные копии германских, и потому все названия были написаны латинскими буквами. Надо было удивляться, какими толковыми были наши унтер-офицерские разезды, пользовавшиеся этими картами.

13 августа в Штабе 1-й Армии получена телеграмма начальника Штаба фронта генерала Орановского: "Главкомандующий приказал — дальнейшей целью 1-й Армии становится:

- 1) Обложение Кенигсберга частью сил, примерно 2-мя корпусами;
- 2) Преследование всеми остальными силами той части войск, которая не укрылась в Кенигсберге и стала бы отходить к Висле.

Совместные действия 1-й и 2-й Армий должны иметь целью прижать отступающих к Висле германцев к морю и не допустить их к Висле.

Исполняя это приказание, генерал Ренненкампф продвигает свою армию к реке Алле, дав 1-й кавалерийской дивизии задачу — разведка южнее линии Даркменен-Бартенштейн.

13 августа дивизия выступила из Норденбурга в направлении на станцию Коршен и, пройдя 35 верст, заночевала. По дороге постоянные столкновения с самокатчиками и жителями, устраивавшими засады. 3-й эскадрон ротмистра Висса, высланный на разведку, дошел до г. Растенбург, где стояла немецкая запасная рота, одетая еще в штатское. Эскадрон связался с частями нашей 26-й пехотной дивизии 2-го корпуса, подошедшими на 5 верст северо-восточнее Растенбурга.

14 августа дивизия, имея в авангарде Петроградских улан, после боя с немецкой пехотой, захватывает железнодорожный узел Коршен, числящийся в военно-географических путеводителях, как один из самых важных пунктов Восточной Пруссии. Подрывные команды всех полков, в том числе гусарская под командой корнета Соколова 1-го, уничтожили узел, взорвав все станционные сооружения.

По прибытии в Коршен командир 6-го эскадрона ротмистр фон Ланг, человек весьма практической складки, узнал, что в подвалах станции имеется большой запас вина.

Туда отправились офицеры Ланг, Говоров, Крейтер и граф Борх. Пораженные видом тысяч бутылок, экспедиция решила вынести сколько возможно на руках и угостить офицеров полка. Началась проба. Чтобы отобрать наиболее ценное, "дегустаторы" за неимением времени и подходящих орудий для откупоривания, просто отбивали горлышки бутылок и какой сорт им казался лучше, брали с собой. Принесли "ценный" груз в собрание, они были встречены весьма враждебно командиром полка, но убедив его, что вино лишь "д. гкое, виноградное", получили разрешение (видимо данное скрепя сердце) подать его к столу. Конечно, для нескольких десятков гусарских глоток запас принесенного вина оказался мал. Решили повторить экспедицию, но увы, все запасы были разбиты конвойной сотней штаба дивизии. Подобрали что осталось и со скромной добычей вернулись домой.

Впереди работали три гусарских разведывательных эскадрона. Эскадроны доносили, что между 20 и 22 часами 1) по шоссе на Бишофшт. йн прошло 32 автомобиля с пехотой и не менее 12-ти орудий, 2) севернее г. Россел немцы выставили вдоль шоссе до д. Гудник сторожевое охранение фронтом на восток, 3) В лесу западнее Растенбурга замечены немецкие самокатчики и снуют н.приятельские дозоры.

Разъезд вахмистра 4-го эскадрона Рогали взял в плен немецкого солдата. В приказе о награждении Рогали Георгиевским крестом говорится:

"Сумского гусарского полка вахмистр, подпрапорщик Поликарп Рогалия, будучи старшим разъезда, встретил неприятеля силою в 15 кавалеристов и 5 велосипедистов, не дав им опомниться, бросился на них и захватил в плен одного велосипедиста".

Поздно вечером штаб армии получает от начальника Штаба фронта телеграмму № 3020: "Части, отступающие перед вами, увдены на фронт 2-й армии и упорно атакуют у Бишофсбурга, Гиленбурга и Сольдау. Алленштейн занят нами. Окажите содействие 2-й армии своим движением возможно далее вперед своим левым флангом на Бартенштейн и выдвиганием к стороне Бишофсбурга своей кавалерии".

Генерал Ренненкампф приказал начальнику 1-ой Кавалерийской дивизии двинуться на Зегбург—Бишофсбург, дабы действиями в тыл неприятеля задержать его атаки на 2-ю Армию.

Генерал Гурко получил это приказание в Коршене в 12.20 дня. В 15 часов дивизия выступила по дороге на Генрихсдорф.

Сумцы шли в авангарде, имея в голове 1-й эскадрон. В головной заставе штабс-ротмистр Никольский, в правой боковой корнет Снежков, в левой корнет Литтауэр. Около 19 часов дозоры и разъезды казаков донесли о двигающейся колонне по шоссе от д. Шеллен на Шенеберг. Так как в этом районе неприятеля не предполагали, то решили, что это части 2-й армии.

Войдя в д. Сантопен, где еще заранее предполагался ночлег, Никольский занялся распределением квартир. Деревня большая, скорее городок, с кирхой и трехэтажными домами и узкими улицами. Когда подошедший полк втянулся в деревню, с кирхи раздался колокольный звон, и сразу после этого над деревней начали разрываться шрапнели. Было ясно, что набат и внезапный артиллерийский огонь не случайное совпадение. Бросившийся на колокольню штаб-трубач Бондарович звонаря не нашел. По подозрению в подаче сигнала было задержано несколько человек, которых командир полка приказал расстрелять.

4-й эскадрон и два взвода 1-го спешились и заняли позицию впереди Сантопена. Сантопен был расположен в глубокой котловине, но противнику, как он, так и спускавшаяся в него с противоположного откоса дивизия и ее обозы, были видны, как на ладони.

Немцы перенесли огонь за деревню по колонне дивизии и обозам. Корнет Литтауэр и находящийся около него разъезд казаков галопом в гору пошли в атаку на немцев, засевших на хуторе, но были остановлены ружейным и артиллерийским огнем.

В штабе дивизии все еще не хотели верить в присутствие в районе Сантопена крупных сил противника (разъезды доносили "колонна в две версты") и, во избежание роковой ошибки, начальник дивизии вызвал трубачей и приказал играть отбой. Артиллерийский огонь только усилился.

Начальник дивизии вызвал штабс-ротмистра Крейтера и приказал ему, взяв небольшую разведку, галопом идти в сторону стрелявшей батареи и приказать ей прекратить огонь и войти в связь с предполагаемыми русскими войсками. Крейтер вынесся галопом и сразу же нарвался на стрелявшую по нему цепь. Сомнения быть не могло, это были германцы в своих остроконечных касках. После доклада Крейтера, наши батареи открыли огонь, а дивизия развернулась. Немцы, не приняв боя, отошли. Спешный отход противника наблюдал высланный с разведком на г. Россель корнет Соколов 2-й.

Дивизия в свою очередь отошла и заночевала в д. Генрихсдорф. Это столкновение дало вольноопределяющемуся Виленкину тему для стихотворения:

Серые от пыли
Мы уставши были
И хотели страшно спать.
Из-за ряда копен
Виден град Сантопен —
Ожидает нас кровать.

Грезятся портьеры,
Живо, квартирьеры,
Приготовьте нам постель,
Вдруг сюрприз неожиданный,
Сыплют "чемоданы",
Рассыпается шрапнель.

Генерал бригадный
В гневе беспощадном
Приказал отбой играть.
Прозвучали звуки,
Опустились руки,
Продолжают все стрелять.

Крейтер, поскорее
Мчитесь к батарее,
Прикажете ей молчать.
Точно после порки,
Мчится Крейтер с горки
И кричит в ответ:
Наши — это сказки,
Там мелькают каски,
Вот так камуфлет!

Стихи пелись на мотив польки "Два шага направо, два шага налево, шаг вперед и шаг назад" — характеризующей движение дивизии в Восточной Пруссии.

К вечеру 15 августа фронт 1-й русской армии находился на линии Растенбург—Шилпенбеил. 1-я Кавалерийская дивизия у д. Сантопен, к югу от станции Коршен.

На германской стороне обстановка складывалась так: 9-го августа был смещен командующий 8-й германской армией генерал фон Притвиц и на его место назначен генерал Гинденбург.

Германская 1-я Кавалерийская дивизия на широком фронте от г. Гердауен до реки Алле, прикрывала переход 17-го и 1-го резервного корпусов в район Бишофштейн-Зезбург. 13-го августа эти корпуса атаковали и принудили отойти наш 6-й армейский корпус в районе Бишофсбурга. 1-й германский корпус прорвался в тыл 2-й русской армии, сбив прикрывавший ее левый фланг — 1-й русский армейский корпус.

16-го августа в 7 утра штаб Армии генерала Ренненкампафа получил телеграмму от штаба Фронта: "Ввиду тяжелых боев, которые ведет 2-ая Армия, Главнокомандующий приказал Вам выдвинуть в поддержку ей два корпуса, а кавалерию направить в общем направлении на Алленштейн".

Генерал Гурко высылает сеть развозов в направлении на Бишофштейн, Лаутерн, Шеллен, Россель, Растенбург. Разведкой обнаружены значительные силы противника из трех родов оружия с автомобилями в районе Колишкен, Шеллен, Лаутерн. Немецкое охранение по линии Клакендорф, Шенеберг. К северу лишь мелкие кавалерийские части.

Разъезд корнета Соколова 1-го, подойдя к г. Россель, подвергся преследованию немецкого эскадрона. Удалось уйти, благодаря хладнокровию и спортивному расчету, приобретенному Соколовым в мирное время на скачках. Разъезд уходил без дорог. Впереди лежала широкая пахоть. Несмотря на наступающих немцев, Соколов перевел разъезд в шаг и лишь пройдя вспаханное поле, снова пошел галопом. Немцы же, увлеченные погоней, продолжали идти галопом по пахоте, к концу ее, кони немцев выдохлись и противник вынужден был откatzаться от преследования, сграницившись несколькими пулями, пуценными вдогонку.

17-го августа очередной офицерский разъезд был вызван к начальнику дивизии.

Начальник разъезда корнет Снежков рассказывает: "Я отправился за получением задачи. Принял меня сам Гурко. По его словам корнет Соколов старший был отправлен в разъезд на г. Россель и здесь его долго преследовал немецкий эскадрон. На измученных конях Соколов присоединился к полку.

Моя задача была разыскать штаб 2-й Армии, т. к. со вчерашнего дня ее станция беспроволочного телеграфа на вызовы не отвечала. На спичечной коробке я записал вызывные сигналы — буквы нашей станции. Направление было на Россель. Князь Меншиков дал мне взвод. Самый Россель я решил обойти, т. к. по разведке Соколова он был занят немецкой кавалерией. По дороге зашли в богатое имение, где нас отлично накормили. Когда двинулись дальше, на нас выскочил из леса небольшой немецкий разъезд, который сейчас же ускакал в направлении на Россель. Подойдя к другой деревне, мы услышали крики, вроде "ура" и выстрелы. Дозорные привели мне двух 16-тилетних мальчиков, вооруженных пистолетами и ружьями явно не военного образца. Мальчики мне сказали, что к ним прибыл разъезд и сказал о большой победе над русскими; выстрелами в воздух они выражали свое ликование. Посоветовавшись со взводным унтер-офицером Лобановым и другими гусарами, решили оружие сломать, а юнцам надрать уши.

Прошли расстояние значительно большее, чем задал генерал Гурко. Противника нет. Жители говорят, что не видели ни немцев, ни русских. Карта моя кончилась. Решил заночевать. Часть людей бодрствовала, другая спала, а в конце концов не спал я один. Уходя утром, дал Лобанову деньги расплатиться за ночлег, ветчину, кофе и овес. Хозяйка взяла полтинник на память и благодарила за порядок.

Пошли наугад на юго-запад. Не слышно ни отдаленной стрельбы, не видно сожженных деревень и вообще никаких признаков боев. К вечеру подошли к г. Зеенбург. Дозоры прошли через город и обнаружили присутствие немецких лазаретов. Это показало, что разъезд находится в глубоком тылу. Заблудился?!

Идя дальше по лесу, задержали двух штатских. Они мне указали путь: "там много "машин-гевар" (пулеметов) и русской пехоты". Пройдя по указанному направлению между озерами, я вышел на свою пехоту в районе Видминена.

После долгих поисков разыскал наш обоз 2-го разряда под командой подполковника князя Трубецкого. Там же оказались корнеты Будзко и граф Борх, разыскивающие полк со своими разъездами. Вечером втроем мы отправились осматривать ближайшее имение. Из-за кустов был произведен выстрел, которым был ранен корнет Будзко. Стрелявшего не нашли.

16-го августа в 11 утра генерал Ренненкампф получил вторую телеграмму: "2-я Армия отошла, потому Главнокомандующий приказал приостановить движение двух корпусов".

Генерал Ренненкампф остановил 2-й и 4-й корпуса, но 1-я кавалерийская дивизия, получив приказание, на основании первой телеграммы продолжала двигаться по направлению армии генерала Самсонова.

К этому времени вся трагедия 2-й армии была уже закончена: в ночь с 16-го на 17-ое августа генерал Самсонов застрелился, а с 17-го на 18-ое августа в 36-ти верстах к югу от Алленштейна в лесу Напивода, лежащем между г. г. Нейденбург и Вилленбург, положили оружие остатки центральных корпусов 13-го генерала Клюева и 15-го генерала Мартоса.

Генерал Гурко получил приказание двигаться на Алленштейн в 3 часа дня 17-го августа, т. е. тогда, когда ему еще не было известно о гибели 2-й армии.

В каком состоянии находилась дивизия, можно судить по разговору по прямому проводу начальника штаба фронта генерала Орановского с начальником штаба Армии генералом Милеантом 18-го августа, т. е. в день, когда дивизия подходила к Алленштейну.

Орановский: "Где конница?"

Милеант: "Гурко, имею точные сведения, ночевал у Генрихсдорфа, сегодня он двинулся на юг в направлении на Пассенгейм. Нужно признать, что конница достаточно измотана, и если ее не оттянуть, мы ее можем потерять".

В своей книге "War and Revolution in Russia" генерал Гурко так описывает набег на Алленштейн: "Без сомнения, наиболее характерный эпизод в первые месяцы войны, выполненный войсками под моим командованием, был прорыв на Алленштейн. Мне было приказано проникнуть в расположение противника и добыть сведения не получаемые Штабом Фронта уже два дня о положении Армии Самсонова. Приказ был получен 17-го августа в 3 часа дня. Накануне мои войска имели относительно продолжительную схватку с кавалерией противника, поддержанной пехотой, а на следующий день разведка выяснила, что вся местность в направлении противника занята германскими войсками.

Я отдал приказ моей дивизии, состоявшей из 3-х полков (1-й уланский Петроградский, 1-й гусарский Сумский, 1-й Донской казачий) и 1-й конной батареи, сняться с бивака ночью. Направление и задача будет сообщена, когда дивизия прибьет на сборный пункт.

После тщательного изучения карты стало ясно, что, чтобы достичь Алленштейна, где по предположению была Армия Самсонова, было необходимо пройти более 50 километров по неприятельской территории, и то беря кратчайший путь, а также пересечь по дороге несколько железнодорожных линий. Так как немцы всегда охраняли железные дороги основательно, мы не могли рассчитывать, что движение кавалерийской колонны останется незамеченным. Единственный шанс этого предприятия заключался во внезапном вторжении в неприятельские линии, пользуясь ночами, которые, к счастью, были в это время безлунными, и в быстроте.

Небольшие разъезды были посланы разыскать такую дорогу, которая давала бы лучшие шансы сокрытия под покровом ночи. Ночью дивизия прошла через немецкие линии без выстрела. Успех прорыва был обязан тому, что дивизия выбрала небольшую дорогу через лес, который почему-то не охранялся противником.

Дивизия выступила 18-го августа в 4 утра. В авангарде шли казаки. По одному эскадрону гусар справа и слева для охраны флангов дивизии. Всего 15½ эскадронов. 2½ не успели присоединиться, будучи в разведке.

Первое столкновение произошло у д. Флостенау. Авангард в пешем строю отбросил немецкую пехоту, занимавшую полотно железной дороги у д. Крамерсдорф. У д. Вартенбург головной отряд, встретив немцев, в пешем строю занял полотно железной дороги и, взорвал рельсы, заставил вернуться шедший из Вартенбурга поезд. У д. Фитингсдорф немецкая пехота заставила развернуться всю дивизию. Алленштейн был виден простым глазом. Наша батарея открыла по нем огонь. Немецкая гаубичная отвечала. Вскоре к ней присоединилась вторая, и обе особенно занялись нашей батареей. Спешенные уланы выбили немцев из их окопов, но последние, подведя резервы, перешли в контр-атаку. На поддержку улан были спешены 2-й эскадрон ротмистра Маркова, 3-й ротмистра Висса 4-й штабс-ротмистра Полякова, 5-й ротмистра Тишенинова, 6-й ротмистра фон Ланг и пулеметная команда поручика Швада.

Фронт боя расширился. Наступление немцев сдерживалось огнем спешенных улан, гусар, пулеметов и батареи. Бой продолжался около 2-х часов.

Генерал Гурко продолжает: "Около трех часов дня, пройдя более чем 50 километров ночью, имея мелкие стычки на железной дороге и более серьезный бой у Алленштейна и, не видя ни малейшего признака присутствия русских войск, я чувствовал, что сделал все, что было в моих силах. При этих обстоятельствах я считал своим долгом вывести дивизию из боя и найти дорогу к нашим главным силам, что являлось самой трудной частью нашей задачи. Я должен был считаться с необходимостью прекратить бой, чтобы люди и лошади получили отдых и корм, так как они провели в седле без еды весь день.

Первая часть отступления неизбежно должна быть выполнена по той же дороге, как кратчайшей и хорошо известной. К счастью, немецкие войска, направленные в обход нас по железной дороге поездом, встретив разрушенный нашими взрывами путь и будучи обстреленными огнем наших разъездов, вернулись к отправному пункту. Это дало мне возможность вывести полки из боя, оставив гусар с пулеметами под командой полковника Гротена в арьергарде, и начать отход".

Отходить приходилось через небольшую речку, прегражденную плотиной, являвшейся единственным переходом, так как вязкое дно не позволяло перейти речку в брод. Гусары должны были держаться до тех пор, пока дивизия не пройдет плотину. Разъезд штабс-ротмистра Алферова доносил о появлении немецкой кавалерии на нашем правом фланге. Полк медленно отходил к реке. Около 6-ти вечера дивизия миновала плотину, вместе с ней отошел 1-й эскадрон Светлейшего князя Меншикова, имея при себе штандарт. Шаг за шагом отходили гусары, сдерживая наступающих немцев. В цепь были введены пулеметы под командой поручика Шведа. Гурко, обеспокоенный задержкою Сумцов, послал штабс-ротмистра Никольского торопить их. Последним отошел 3-й эскадрон под прикрытием взвода корнета Секолова 1-го, взорвавшего за собой плотину.

Кони были еще свежи, так что первые несколько километров шли хорошей рысью. Начинались сумерки. Послав в авангард командира 1-й бригады генерала Лео, генерал Гурко остается с гусарами в арьергарде. Стало почти темно. Теперь по выходе из боя сказывались сутки, проведенные в седле без еды и сна. Требовался хоть короткий отдых. Заметь в стороне изолированную ферму Швенау, Гурко приказал свернуть к ней и, выставив круговое охранение, кормить лошадей не расседывая. Фураж достали, но людей накормить не удалось. В одинокой ферме, вокруг которой расположились три полка, достать было нечего. От усталости никто и не думал об еде, все легли спать. Отдых продолжался недолго. В 11 часов ночи дивизия двинулась в путь, попрежнему имея улан в авангарде, а Сумцов в арьергарде. Со стороны г. Зеебурга местность освещалась немецкими прожекторами. Начальник дивизии решает обойти Зеебург без дорог, и дивизия сворачивает сначала на пахотное поле, потом идет песчаной долиной. Двигаются с трудом: голодные, усталые люди засыпают в седле, кони еле идут. Особенно тяжело артиллерии—приходится претаскивать орудия через крутые овраги, вынимая для облегчения лотки со снарядами из зарядных ящиков. Частые остановки. Вот какая-то особенно продолжительная, гусары, уткнувшись в гривы лошадей, спят. Гротен посылает узнать, в чем дело. Оказывается, казаки заснули, оторвались и не знают, по какому направлению пошли впереди идущие части. Темнота, хоть глаза выколи, где-то стучат колеса орудий. Каким-то чутьем казаки находят правильное направление, и движение продолжается.

В 2 часа ночи подошли к д. Крокау, пройдя 8 верст в течение 3 часов. В д. Брсакау голова колонны в темноте пошла не по той улице, по которой прошел головной отряд, и была в упор обстреляна небольшой партией немцев, затем скрывшейся.

В 9 утра дивизия подошла к д. Блейнбарт, не встречая больше немцев, и, предполагая, что дивизия уже вне их досягаемости, начальник дивизии решил сделать привал, разрешив расседлать лошадей. Только успели расседлать, как разъезды донесли, что со стороны Бишофскитена появилась значительная колонна противника из 3-х родов оружия. Исключительная усталость лошадей не позволила генералу Гурко принять бой, и он приказывает продолжать движение, избегая схваток. Лишь Сумский полк, попрежнему идущий в арьергарде, прежде чем двинуться дальше, выдерживает сильный ружейный и орудийный огонь противника.

Преследуемый немцами, полк отходит на рысях. К нему подъезжает генерал Гурко, и как раз в это время на холмах справа появляются новые цепи, открывшие огонь по полку, идущему по шоссе. Полк сворачивает с дороги и рассыпается в лаву, чтобы атаковать, но внезапный сильный ливень совершенно скрывает нас от немцев, и полк той же лавой отходит к лесу, который уже прошла вырвавшаяся из окружения дивизия. Когда полк втянулся в лес, дождь прошел так же мгновенно, как начался. Немцы смогли только пустить несколько шрапнелей по 4-му эскадрону, прикрывавшему полк, не причинив ему вреда.

Дивизия в 19 часов 19-го августа пришла в д. Крелихгайм, сделал за 39 часов около 150 верст со стычками и боем под Алленштейном. Гусары, продолжая оставаться в арьергарде, заночевали в лесу, расположившись вокруг дома лесника. Кроме выставленных застав, все спало непробудным сном. На рассвете появились небольшие немецкие разъезды, легко отогнанные 5-м эскадроном. К вечеру 20-го августа Сумцы увидели, наконец, свою пехоту.

Прошло три недели, как дивизия оторвалась от главных сил армии. Начальник дивизии генерал Гурко пишет про этот период: "Никогда не отводил свои полки в глубокий тыл, а ночевал поблизости места боя, обязательно расседлывая, предоставляя противнику отходить, если моя близость его беспокоит". Дивизия, действуя самостоятельно одна на фронте более 50 верст, была как бы отрезана от мира. Изредка подходил обоз 1-го разряда. Вечное движение, некогда постирать белье, многие офицеры и гусары, бросая свое грязное, переезжали в белье из брошенных немцами домов, случалось и женское. Ни почты, ни газет, ни даже сведений о своих войсках. Вероятно, в штабе дивизии знали, но в полки эти сведения не проникали. Появилась какая-то своеобразная тоска по пехоте, как символу устойчивости и закрепления пройденного пространства. Присутствие пехоты давало надежду на давно заслуженный отдых. Перспектива поспать спокойно, вымыться, переодеться была одинаково приятна и офицеру и гусару.

О встрече с пехотой после набега на Алленштейн в воспоминаниях корнета Сн-жкова говорится: "Еще раньше кто-то говорил, что если он увидит, наконец, пехотного солдата, то даст ему три рубля. Уже смеркалось. Идем, и вдруг видим — сидит бородатый дядя с ружьем, с ним другой — оказалось сторожевое охранение пехоты. "На тебе три рубля". — "За что, Ваше Благородие?" — "Да уж очень рад тебя видеть". Гусары рассмеялись, а бородач так и остался в недоумении".

Генерал Гурко донес в Штаб Армии, что кони ране двух суток к серьезной работе не способны.

Полк получает несколько дней отдыха расположившись в д. Будзерен. Сюда прибыл 1-й маршевый эскадрон под командой штабс-ротмистра Слещова. Штабс-ротмистр Говоров привез первую почту — три мешка.

20 августа штаб армии получил директиву Штаба Фронта, предписывающую 1-ой Армии удерживаться севернее Мазурских озер и на путях к границе. Генерал Ренненкамф решил держать занятую линию Велау-Алленбург-Гердауен-Норденбург-Ангербург. Генералу Гурко приказано перейти в д. Гловкен (на ж. д. Ангербург-Гольдап) и вести разведку на крайнем левом фланге Армии в общем направлении на Летцен и Арис.

26 августа 1-й кавалерийской дивизии приказано выйти из состава 1-й Армии и перейти во вновь образуемую 10-ую. Во исполнение приказа генерала Ренненкамфа и временно командующего 10-й Армией генерала Радкевича, впоследствии подтвержденного командующим Армией генералом Флугом, дивизия двинулась по тылам нашей пехоты на фланг 10-й Армии, не имевшей достаточно кавалерии для ведения разведки. Пунктом назначения был г. Граево, куда пошли форсированным маршем.

Генерал фон Гинденбург, вытеснив из пределов Восточной Пруссии русскую 2-ую Армию и оставив против нее лишь слабые заслоны, приготовился всеми силами обрушиться на 1-ю Армию генерала Ренненкамфа.

К 25 августа войска 8-й германской Армии были расположены следующим образом: 1-й корпус на линии Рудканы-Николайкен, 17-й в районе г. Реин, 20-й, 11-й, 1-й резервный на линии Россель - Прейсиш-Эйлау.

В этот день Гинденбург приказал 1-му корпусу наступать на Арис-Видминен; 1-й и 8-й кавалерийским дивизиям пройти озерные дефиле у Летцен; 17-му корпусу продвигаться за кавалерией.

Утром 26 августа на всем фронте нашей 1-й Армии завязались бои. На левом фланге Армии ясно обнаружилось сильное наступление немцев в районе парашейков между главными Мазурскими озерами. Здесь на позиции у Поссесарн-Круг-

Лянкен-Видминен, с общим протяжением в 40 верст, находилась 43-ья пехотная дивизия 2-го армейского корпуса.

Командир корпуса генерал Слюсаренко, узнав о прохождении в его тылу 1-й кавалерийской дивизии, еще 25 августа уведомил генерала Гурко о том, что немцы начали наступление и что у него не хватает сил остановить их. Обещанная ему генералом Ренненкампом поддержка—пехотная дивизия,—не сможет прибыть ранее 2-х дней, и потому Слюсаренко просит кавалерию обеспечить его левый фланг.

Отдавая себе отчет в критическом положении 2-го корпуса и в особенности 43-й пехотной дивизии, генерал Гурко ночным переходом идет на левый фланг 43-й дивизии.

Снова утомительный ночной переход, люди засыпают, лошади останавливаются, все время приходится следить, чтобы из-за остановок не происходили разрывы колонны.

К утру 26 августа дивизия вышла на линию нашей пехоты у озера Круглянкен в районе д. Петрашен.

Уже с 4-х утра немцами был открыт по русским позициям массовый артиллерийский огонь, затем последовал ряд упорных атак. Высланные разъезды донесли, что противник занял д. д. Нейгоф и Грабник. По приказанию Гурко, спешенный 1-й лейб-драгунский Московский полк занял позицию, прикрывающую дорогу Видминен-Петрашен. Усилившееся наступление противника заставило спешить еще сотню казаков и 1-й эскадрон Сумского полка. Эскадрон с приданными ему 2-мя пулеметами занял кладбище у д. Карповкен. 2-я конная батарея, имея в прикрытии 4-й эскадрон, став на позицию, открыла огонь по немцам.

Дозорные донесли о появлении немецкой кавалерии силою в два эскадрона, двигавшейся по направлению нашей батареи. Светлейший князь Меншиков приказал офицерам и взводным унтер-офицерам не открывать огня без его приказа. Немцы развернулись одношереножным строем и, идя рысью, приближались к кладбищу. Гусары лежали в цепи затаив дыхание, цель была слишком заманчива. Нервное напряжение сказывалось даже в том, что унтер-офицеры передавали приказание "не стрелять" шопотом, несмотря на то, что немцы были еще далеко. Подпустив немцев на 500-600 шагов, князь, опершись на руки, грузно поднялся и скомандовал "огонь". На секунду немцы как бы остановились и потом бросились врассыпную, оставляя на поле десятки раненых и убитых людей и лошадей. Едва успел Меншиков поблагодарить эскадрон за выдержку, как появились густые цепи немецкой пехоты. Наступление ее было остановлено метким огнем наших батарей.

В 11 часов Гурко получил приказание временно командующего 10-й Армией генерала Радкевича идти с дивизией в

Ломжинскую губернию в Щучин, для прикрытия левого фланга 10-й Армии. Гурко ответил, что приказание выполнить может лишь по окончании боя против неприятеля, обходившего левый фланг 1-й Армии.

После 12 часов неприятельская кавалерия начала двигаться от Видминена и вдоль западного берега озера Шонстаг. Наши батареи метким огнем приостановили движение немецкой кавалерии и продвигавшуюся вслед за ней пехоту противника. Они же своим огнем поддерживали русский батальон, дравшийся севернее озера Габлик. Около 13 часов пришло донесение о движении у д. Нейгоф полка пехоты и полка кавалерии противника. Дивизия была принуждена отойти от перешейка между озерами несколько к востоку.

К вечеру немецкая кавалерия заняла оба перешейка к северу и югу озера Шонстаг. Дивизия отошла к д. Дунзйкен. Сумской полк остался в сторожевом охранении в д. Вронкен.

С наступлением темноты бой прекратился, лишь немецкая батарея продолжала стрелять, видимо в поисках наших биваков.

Ночью 2-й корпус получил приказание отходить к русской границе. Фланговые войска 1-й и 10-й армий, связанные ранее непосредственно, а за день неудач, притягиваемые к своим ядрам, оторвались, получилось пустое пространство.

Генерал Гурко, считая свою задачу охраны левого фланга 43-й пехотной дивизии, законченной, решает двинуться к месту своего назначения в Граево, но в ночь 27 августа был уведомен из г. Лыка, что 22-й армейский корпус на следующий день отойдет на линию Калиновен-Райгород. По просьбе командира 22 корпуса генерала фон Бринкен, генерал Гурко вместо перехода в Граево, учитывая серьезное положение, создавшееся на стыке армии, решил наблюдать это пустое пространство, примыкая непосредственно к 22 корпусу.

Дивизия отходит на широком фронте, выслав разъезды и разведывательные эскадроны на фронте Куковен-Маркграбово. Дивизия отходила, сообщаясь с движением пехоты.

Корнет Снежков вспоминает об отходе дивизии от Петрашен-Вронкен. "Отход дивизии прикрывал 1-й эскадрон, а эскадрон я со взводом. Долго мы наблюдали перебежки пехоты и движение немецких эскадронов и, наконец, перед нами появились немецкие конные дозоры. Мы их обстреляли с дистанции полверсты, может быть и меньше. Я не учел мертвого пространства, лежащего впереди, благодаря которому немцы приблизились, и внезапно из-за бугра появилась пешая цепь. Мы едва успели вскочить на коней, уходили под огнем, пули ложились рядом с нами, подымая пыль по вспаханному полю вправо и влево и стуча по камням шоссе. За ближайшим пригорком остановились, оказался раненным один гусар, он лежал недалеко на

шоссе. Взводный Лобанов с кем-то из гусар подобрали его. Дальше на опушке леса рассыпался взвод корнета Леонтьева. Я прошел мимо него. Немцы продвигались медленно и осторожно, вероятно предполагая, что опушка леса солидно занята. Противник, приблизившись к лесу, открыл по нему артиллерийский огонь. В это время мы получили приказание присоединиться к эскадрону. Догонять пришлось довольно долго, так как мы задерживали противника больше двух часов, а за это время князь, хотя и шагом, ушел далеко. Выйдя из леса эскадрон свернул с шоссе и по проселочным дорогам догнал полк недалеко от г. Райгорода.

ГЛАВА 2.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОЛКА В 10-й АРМИИ

25-28 августа генерал Гинденбург наносит армии генерала Рейзенкампа сильное поражение. Обойденная слева, со стороны Мазурских озер, 1-я Армия, понесла огромные потери, отступает к нашим пределам.

В это время, в промежутке между 1-й и 2-й армиями образуется 10-я Армия. К 29 августа в районе Осовца сосредоточился 3-й Сибирский корпус Генерала Радкевича и в районе Августова — 22-й Армейский корпус (Финляндские стрелки) Генерала фон Бринкен.

2-я бригада 22 корпуса для облегчения положения 1-й Армии была брошена навстречу наступающему врагу в район Лыка. Вначале бои развивались успешно, но затем 27-28 августа бригада потерпела чувствительную неудачу. Корпус, получив приказание отступить на Августов, отходит на линию Каличовен-Райгород. В последнем к нему присоединяется 1-я Кавалерийская дивизия. Здесь Генерал Гурко получает приказание принять под свою команду 4-ю Отдельную Кавалерийскую бригаду (полк Офицерской Кавалерийской Школы и 20-й Драгунский Финляндский полк).

Посланный на ее розыски разъезд корнета графа Борх находит бригаду в 1. Граево. Командир бригады генерал Хим ц, видимо, имея уже какую-то другую задачу и не желая почему-то входить в подчинение генералу Гурко, решает получить распоряжение считать запоздалым, и его Начальник Штаба отказался поставить на конверте час вручения приказа.

В ветренный, дождливый вечер входили Сумцы в Райгород. Городок маленький, весь забит отступающими войсками и обозами. Нигде расседлать коня, высушить потник и самому обсушиться. Дух у Финляндцев под влиянием неудач под Лыком низкий, в штабах растерянность.

Генерал Гурко в письме: Командующему Армией так охарактеризовал состояние 22-го корпуса: "4 дня я имел непосред-

ственное сношение со Штабом 22-го корпуса и такого хаоса, такого беспорядка я никогда не встречал“.

Настроение подавленное, теперь уже все знают, как погибла 2-я Армия, ползут слухи о катастрофическом положении 1-й, о ее поспешном отступлении. Где-то остановимся? Полковой священник отец Лепорский подбадривает офицеров: "под стенами Гродно стоимся". Очевидно, в глазах простодушного о. Афанасия крепость Гродно рисовалась чем-то вроде Троицко-Сергиевской Лавры времен Смутного времени.

30-го августа Главнокомандующий фронтом отдает приказание: дабы облегчить положение 1-й Армии, 22-му корпусу наступать на Маркграбово, и 3-му Сибирскому — на Лык. Тем временем немцы 31 августа заняли Сувалки и раньше чем наступление корпусов 10-й Армии успело оказать свое действие, последовала новая директива от 31 августа — наступление прекратить. 3-й Сибирский корпус был отведен за реку Бобер, а 22-й для преграждения прорывающемуся противнику путей на Гродно и к верхнему Бобру, занял линию Сопоцкин-Августов. Фронт его прикрывался 1-й Кавалерийской дивизией. Сумский гусарский полк был выдвинут к дер. Милевен, где и ночевал. Разъезды штабс-ротмистров Никольского и Слепцова, высланные на Маркграбово и получившие приказание возвращаться в штаб дивизии в Рачки, дивизии там не застали. Дивизия, прикрывая отход 22-го корпуса, по-brigадно отходила: 1-я бригада на д. Гибы, 2-я на д. Щербы. К вечеру 2 сентября 2-я бригада подошла к Августову.

3 сентября германская дивизия генерала фон Морген с приданной ей 1-й германской кавалерийской дивизией атаковала Августов. Занимая город 4-я Стрелковая Финляндская бригада, оказав незначительное сопротивление, отошла поспешно на г. Липск, открыв немцам важное направление на Штабин, к единственной, удобной для больших сил, переправе через Бобер. Это вызвало ряд распоряжений, которые потребовали со стороны войск большого напряжения сил в виде форсированных маршей. 2-я бригада, ведшая бой на правом фланге 4-й Стрелковой бригады и отошедшая в район д. Махорце-Сервы, была повернута и послана в район Черный Брод-Бялобржеги. Сумский гусарский и 1-й Донской казачий заняли позицию у Черного Брода. Противник обстрелял позицию 2-й бригады сильным огнем тяжелой артиллерии, главным образом, на участке казаков и 1-го эскадрона. Казаки отошли, бросив патронную двуколку. Вольноопределяющиеся Сумского полка Седаков и Виленкин, несмотря на рванувшиеся снаряды, вывезли двуколку.

Чтобы освободить конницу для выполнения ее прямой задачи на правом фланге, на смену 2-й бригады были посланы части Сибирского корпуса. 1-я Кавалерийская дивизия перебрасывается на правый фланг 10-й Армии и к 5 сентября занимает

участок Копциово-Тартак. Задача: связь с 1-й Армией и разведка до разграничительной линии между армиями. Дивизия заняла участки по-бригадно: 2-я бригада — правый (Копциово), 1-я — левый (Тартак). На передовой линии по одному полку со взводом артиллерии.

Трудно проходимые Августовские леса сильно затрудняли действия кавалерии. Сказывались и недочеты нашего вооружения, в частности, было брошено много пик, стеснявших всадников, в особенности в разведке в лесу. Отправлены в обоз за ненадобностью мундштуки.

Разведка из Копциово велась главным образом на Сейны. Разъезд корнета графа Борх, возвращаясь темной ночью с разведки, по ошибке въехал в деревню, занятую немцами, и своим появлением произвел панику. Поднялась беспорядочная стрельба, разъезд благополучно из деревни выскочил.

Немцы постепенно овладевали северными выходами из Августовских лесов. Последний из них у с. Копциово был занят немцами 11-го сентября после сильного обстрела тяжелыми снарядами. Сумский полк, с "комфортом" расположившийся в этом селе, ранним утром был разбужен рвавшимися снарядами. Несмотря на разрывы "чемоданов" на улице, кони были посажены и денщики, собрав походные кровати офицеров и вьюки, присоединились к полку, выстроившемуся в резервную колонну за деревней.

11-го сентября на Сейны был выслан разъезд от 2-го эскадрона под командой корнета Иванова. Двигаясь через лес, дозоры обнаружили немецкую колонну, двигающуюся по шоссе Сейны-Друскеники, о чем сообщили своему начальнику. Корнет Иванов скрыл разъезд в густом кустарнике и послал донесение в штаб дивизии. Сам лежа наблюдал за немцами, слышал их разговоры и тщательно отмечал их численность. Два, посланных им с донесением об этом гусара, встретили вторую немецкую колонну, двигающуюся между первой и Августовским каналом в общем направлении на Друскеники. Наличие этой колонны не позволило посланным с донесением гусарам продолжать путь. Один гусар остался за ней наблюдать, а другой вернулся доложить о виденном корнету Иванову. Последний назначил толкового унтер-офицера наблюдать вторую колонну и приказал ему следовать в штаб дивизии, как только представится возможность. Сам же остался на месте и продолжал вести наблюдение за главными силами.

Вечером донесения об обеих колоннах, указывающих на опасную угрозу, как 1-й, так и 10-й армии, были доставлены в штаб дивизии и сейчас же переданы по телеграфу в штаб армии. Особенно важно было сообщение корнета Иванова о количестве взводов, несших знамена. Это показывало, что части, ко-

им принадлежали знамена, шли впереди, и по количеству знамен можно было определить силу противника.

За эту разведку корнет Иванов был представлен к Орденом Св. Георгия, но благодаря частым переходам дивизии из одной армии в другую, представление где-то затерялось. В 1916 году, когда Государь производил смотр войскам под г. Двинском, корнет Иванов был вызван на смотр и Генерал Гурко, бывший в то время уже Командующим Северным Фронтом, доложил Государю о неполучении Ивановым заслуженной им высокой награды. Государь собственноручно прикрепил на грудь Иванова Георгиевский крест.

Действовавшая против нас 8-я германская армия генерала Шуберта была расположена следующим образом: 1) группа генерала Белова — у Тильзита, 2) 1-й армейский корпус — у г. Сувалки, 3) 3-я резервная пехотная дивизия — у Августова, 4) 1-я Кавалерийская — в районе Сувалок.

Высшее немецкое командование возложило на 8-ю армию задачу немедленно предпринять какую-либо диверсию, дабы вызвать у русских впечатление, что германское наступление по линии р. Неман возобновляется с прежней энергией.

Генерал Шуберт, растянув на широком фронте войска генерала Белова, направил 1-й армейский корпус вместе с 2-мя кавалерийскими бригадами наступать на линию р. Неман. Корпус должен был, переправившись через Неман у м. Друскеники, продолжать наступление на станцию Поречье, Варшавской железной дороги, для разрушения этой магистрали, идущей к линии средней Вислы.

Эту группу и обнаружил корнет Иванов. Попытки немцев форсировать 13 сентября реку, для чего были даже спущены понтоны, отбиты были частями гарнизона крепости Гродно и 26-м Армейским корпусом, коим для этого даны были приказания, основанные на донесениях корнета Иванова.

Потерпев неудачу на переправе у Друскеник, немцы, угрожаемые обходом с двух сторон, начали ночью отход, замаскированный оставленными у переправы и у д. Копчиово частями кавалерии с тяжелой артиллерией.

Если обнаружить наступление немцев удалось корнету Иванову, то весть об их отходе принадлежит также Сумскому гусару — корнету Полякову. Об этом свидетельствует, состоявший при штабе 22-го армейского корпуса, капитан Генерального Штаба Б. Н. Сергиевский в своей книге — "Пережитое. 1914 год".

"14 сентября у нас в штабе царил уверенность, что немцы вновь перешли в наступление и форсируют р. Неман у Друскеник. Между тем в наш штаб корпуса в Сопоткине явился с разъездом корнет одного из полков 1-й Кавалерийской дивизии — Поляков и доложил, что, будучи накануне в тылу противника,

он наблюдал общий отход противника по шоссе от Немана на Сейны. Командир корпуса приказал мне подробно расспросить этого офицера и составить донесение в штаб Армии. Доклад коренным образом менял наше представление об обстановке. Офицер едва держался на ногах от утомления и по его словам не ел три дня. Я взял его под руку и, приказав подать ему чаю и еще что-то, усадил его и стал просматривать его полевую книжку, в которой он удивительно толково по часам записывал свои наблюдения. После я просил Полякова продиктовать мне выводы из его наблюдений. Записав краткие и точные слова этого талантливого офицера (к сожалению, как я слышал, впоследствии убитого), я понес донесение Командиру корпуса... "

3-го сентября вместо смещенного генерала Жилинского в командование Северным фронтом вступает генерал Рузский.

14-го сентября Командующий фронтом отдает приказание о переходе в наступление с целью вытеснить немцев из Августовских лесов.

К этому времени сосредоточение корпусов 10-й армии закончилось. 22-й Армейский корпус в районе Сопоткин-Липск, 2-й Кавказский генерала Мищенко у м. Новый Двор, 3-й Сибирский по обе стороны Штабина на Бобре и 1-й Туркестанский у Осовца.

Для удара на правом фланге 10-й Армии назначается 2-й Кавказский и 22-й армейский корпуса. Для овладения Августовом — 3-й Сибирский, усиленный 2-й Финляндской Стрелковой бригадой. Промежуток между правофланговой и Августовской группой должен заполниться 1-й Кавалерийской дивизией.

14-го сентября 1-я Кавалерийская дивизия совершила трудный по болотистой местности, под сплошным дождем, переход к западу и заняла участок по Августовскому каналу от Стрелковизны (исключительно, стык с дивизией генерала Скоропадского) — озеро Сервы.

Наступление развивается успешно. К вечеру 15 сентября Сибиряки быстрым ударом взяли укрепленный г. Августов. Сумский полк, шедший в авангарде из района Стрелковизны на Августов, подошел к городу, когда он был уже занят русской пехотой. Дивизия занимает прежний участок. Сумский полк расположился в д. Чарны Брод.

16-го сентября в 7 ч. утра, дивизия, получив задачу прикрывать правый фланг группы генерала Радкевича, двинулась по дороге Темный Ляс-Мацкова, ведя параллельно преследование противника, отходившего от Гибы на Покровск.

Распространился слух, что немцы "бегут", — это не соответствовало действительности. Немцы отходили, часто переходя в контр-атаки.

Единственно, что было верно, это то, что из-за трудно подерживаемой связи в густых Августовских лесах наступающие русские части перемешивались с отступающими немецкими, получался, как говорили, "слоеный пирог".

16 сентября Сибирскому корпусу отдается приказание занять Сувалки, одновременно 1-я Кавалерийская дивизия подчинена генералу Радкевичу, ночью получено от него приказание: с рассветом перейти на его левый фланг. Дивизия по ближайшим тылам спокойно перешла к д. Конец-Бор.

17 сентября утром генерал Радкевич выступил по назначению, обеспечив свой марш боковым авангардом, направленным на с. Рачки и состоявшим из двух полков 8-й Сибирской Стрелковой дивизии и 2-й бригады 1-й Кавалерийской дивизии (Сумский гусарский и 1-й Донской Казачий полки).

Разъезд штабс-ротмистра Никольского, выйдя на шоссе Рачки-Райгород, обнаружил неприятельскую колонну, идущую от Сувалок. Артиллерия выехала на позицию, а вслед бегом подошла пехота и начался расстрел колонны. К вечеру 17 сентября гусары захватили много пленных из рассеявшейся по лесу 36-й ландверной бригады. Захваченные пленные были совершенно измотаны утомительными переходами и не ели, по их словам, два дня. Несмотря на то, что они просили хлеба, у каждого из них в ранцах находили банку мясных консервов, которую они, по их рассказам, не имели права есть без приказа ротного командира, в противном случае грозил расстрел. Мы же свои консервы съели из любопытства еще по дороге из Москвы в Сувалки.

Пользуясь своим охватывающим положением, немцы ожесточенно атаковали боковой авангард Сибирского Корпуса.

18-го сентября бой у д. Курьянки разгорелся с утра. К немцам подошли подкрепления со стороны Рачек и противник повел энергичное наступление, поддержанное сильным артиллерийским огнем. К вечеру немцы заняли дер. Курьянки и вышли на дорогу Рачки-Августов. Таким образом, Стрелковая бригада (28 и 31 Сибирские Стрелковые полки) и 2-я бригада 1-й Кавалерийской дивизии были окружены, имея в тылу непроходимый лес. Гусары и казаки, несшие охрану флангов, на ночь отошли в резерв пехоты. Все сосредоточилось на небольшом пространстве между д. Курьянкой и лесом. Ружейный огонь противника достигал до артиллерийских позиций и резерва. Поздно вечером в небольшом помещичьем доме состоялось совещание начальников... Старшим являлся Командир Стрелковой бригады генерал Редько, со стороны кавалерии — генерал Нилон.

Дом был полон ранеными и не ранеными офицерами и солдатами, забегавшими сюда, хоть на минутку укрыться от проливного дождя, лившего целый день.

Генерал Редько рассказал создавшуюся обстановку и сейчас же вынес свое решение: "Психота в крайнем случае, зарыв свою артиллерию (горная батарея), может уйти в лес, кавалерия же этого сделать не в состоянии и потому завтра на рассвете Стрелковая бригада внезапно, без выстрела атакует немцев. Кавалерия, воспользовавшись этим моментом, должна попытаться пробиться на Августов".

Генерал Нилев заявил, что в таком тяжелом положении кавалерия не может бросить пехоту.

На это генерал Редько спокойно ответил: "Дело не в том, что Вы нас бросаете, а в том, что кавалерия здесь больше ничего сделать не может, и, хотя я высоко ценю слова Вашего Превосходительства, мой приказ остается в силе".

Гусарские офицеры, присутствовавшие на совещании, ушли с чувством недовольства, с одной стороны, а с другой, с чувством восхищения перед геройским решением генерала Редько.

Тут же произошло столкновение командира 2-й конной батареи Полковника Корниловича с Командиром 1-го Донского полка Полковником Грековым. Последний предложил оставить 2-ю батарею в помощь пехоте. Корнилович усмотрел в этом желание Грекова отделаться от артиллерии как от обузы при прорыве окружения и сказал, что вызовет Грекова на дуэль. С трудом Нилев успокоил их.

В 3 часа ночи бригада была поднята. В авангард были назначены Сумцы. Ввиду тяжести положения в головную заставу послано два офицера, поручик Казаков и корнет Соколов 2-й. Последний вспоминает:

"Вышли в темноту. — Ну, Кот — обратился ко мне Казаков, — мы-то с разъездом проскочить сможем, а как будет с полком?"

"Ваше Благородие, — подскакал в это время дозорный, — там впереди немцы роют окопы". Разъезд продолжал двигаться вперед, ожидая стрельбы, по которой, обыкновенно, определяются силы противника. Подходим все ближе, стрельбы нет. Различаем уже, несмотря на темноту, цепь, роющую окопы, а в нескольких шагах взвод со знаменем и слышим русскую речь. Оказывается ночью немцы отошли, оставив тыловую дорогу на Августов свободной. Знаменная рота одного из Сибирских полков отряда сейчас же заняла эту дорогу.

Только послали об этом в полк донесение, как сзади нас грянуло "ура" и вслед за этим послышался беспорядочный огонь со стороны немцев и как-то сразу загорелась д. Курьянки. Сибиряки, выполняя приказание генерала Редько, без выстрела пошли в атаку".

Благодаря самоотверженности Сибиряков, полк вышел из окружения, потеряв лишь вахмистра 6-го эскадрона Резника, убитого пулей в голову. В эту же ночь Сибирский корпус вел

встречный бой у д. Новинки, противник под давлением Сибиряков отошел.

Бывший Командующий 10-й Армией Генерал Флуг, так пишет в "Военном Сборнике" (Белград 1923 г.) о бое у д. Курьянки: "Были моменты, когда полки 8-й дивизии были обойдены с обеих флангов, но стойкость Сибиряков и самоотверженная помощь, оказанная конницей Генерала Гурко, помогли выйти с честью из положения. Отойдя за реку Щеберку и отбив дальнейшие атаки противника, авангард выполнил свою задачу по обеспечению левого фланга Корпуса, который в это время атаковывал д. Ольшанку. Эта согласованная боевая работа увенчалась успехом и противник, сбитый повсюду, 19 сентября отступил, теряя пленных, орудия и пулеметы".

Полк присоединяется к дивизии в д. Яновка. Одновременно с этим, т. е. 17-го - 18-го сентября, 2-й Кавказский Корпус теснил немцев от Немана — на Сейны, а 3-й Сибирский Корпус вел бой у д. Ольшанки, где сбитый у д. Новинок противник занял сильные позиции.

Из перехваченного приказа стало известно, что сводному немецкому Корпусу Генерала фон Морген, находящемуся против 3-го Сибирского, было приказано — во что бы то ни стало удержать город Сувалки, имеющий значение важного узла дорог. Несмотря на это, 20 сентября 2-й Кавказский Корпус в 12 часов дня занял г. Сувалки. По отходе немцев Конница (1-я Кавалерийская дивизия, Сводная дивизия Генерала Скоропадского, 4-я Отдельная Кавалерийская бригада и 4-я Кавалерийская дивизия) бросилась вперед на фронт Гросс Чимохен-Маркграбово. Сумский полк, перейдя границу и заняв район д. Соболен, ведет разведку на Маркграбово.

22 сентября Штаб Армии получил приказание занять линию Сувалки-Августов-Райгород-Щучин.

Германские войска, действующие против 10-й Армии, значительно усилились, — высадился свежий 25-й резервный корпус, со стороны Граево подошла ландверная дивизия Генерала фон дер Гольца.

23-го сентября усилилось контр-наступление противника в общем направлении на Сувалки. 1-й Кавалерийской дивизии, совместно с 4-й отдельной бригадой приказано прорваться на Маркграбово через Велитцен. Дивизия Скоропадского также подчинена Генералу Гурко и должна принять участие в набеге, но кони оказались в таком отчаянном состоянии, что рейд был отменен. Задача: Не выдвигаться далее Маркграбово.

24-го сентября наступление противника отбито. 10-я армия вышла на линию Бакаларжево-Гросс Чимохен-Лык. 11-я Сибирская дивизия вела наступление на д. Велитцен. 1-я Кавалерийская дивизия на рассвете, обогнув с юга озеро Велитцен, двинулась вперед, сбивая мелкие партии пехоты и кавалерии про-

тивника. Справа была слышна артиллерийская и ружейная стрельба. Офицер связи донес, что наступающая севернее 1-я Финляндская стрелковая бригада встретила сильное сопротивление. Противник перешел в контр-атаку и принудил финляндцев к отходу. Гурко направил на поддержку 2-ю бригаду с 2-й конной батареей. Бригаде удалось выйти во фланг немцам и их приостановить. Все же стрелки отошли за д. Войнассен. Полк ночевал разбросанно по хуторам.

В ночь на 26 сентября противник отошел. Дивизия, почти не встречая сопротивления, вышла к самому Маркграбово. Здесь вошла в непосредственную связь справа с Финляндскими стрелками, слева с 3-м Сибирским корпусом. Конный отряд Гурко расформирован. 4-я Отдельная бригада отправлена к Лыку, 4-я Кавалерийская дивизия перешла на левый фланг армии. 1-я Кавалерийская дивизия подчинена 3-му Сибирскому корпусу и выслала по одному полку на берег озера Оленко, остальные части дивизии оставались на квартирах Войнассен-Марковскен.

Пять дней продолжались, если и не значительные, то утомительные бои, пока 27 сентября не последовал приказ Главнокомандующего Фронтom — наступление прекратить.

1-я Кавалерийская дивизия, смененная частями 3-го Сибирского корпуса, направляется в г. Кальварию. В г. Сувалки — дневка. Отслужили панихиду на могилах ротмистра Лазарева и корнета Хоружинского. Во время панихиды над кладбищем кружился немецкий аэроплан. Полковой священник отец Лепорский, провозглашая "Вечную память", все время поглядывал на небо, не сбросит ли бомбу. Не забыт был и ресторан Машевского, продолжавший, несмотря на невзгоды войны, свою деятельность.

К 13 октября в районе г. Кальвария сосредоточились: 1-я Гвардейская Кавалерийская, 1-я, 2-я, 3-я Кавалерийские дивизии. 1-я Кавалерийская дивизия опять перешла в состав 1-й Армии.

Состояние конского состава, изнуренного предыдущими боями и переходами, вынуждает Начальника дивизии настойчиво просить отдыха. Все запросы остаются без ответа. Вызванный из герпения Генерал Гурко посылает в Штаб Армии краткую телеграмму: "Будет ли отдых?" — на что получает такой же краткий ответ Генерала Ренненкампа: "Будет после войны".

Более недели полк стоял спокойно под прикрытием 27-й пехотной дивизии, занимавшей позиции от г. Выштинца до д. Капсиодзе. Высылались небольшие разъезды на фронте 27-й дивизии, вызывавшие недовольство пехоты, т. к. установилось сравнительное затишье, а при появлении разъездов на линии окопов немецкая артиллерия сейчас же открывает огонь. Разъезд быстро исчезал, а немцы продолжали бить по пехоте.

За три месяца войны убыль лошадей убитыми и главным образом ранеными и больными была очень велика. В д. Ландворово (под г. Вильно) был образован дивизионный конский лазарет под командой ротмистра Светлейшего князя Меншикова.

Прибыл 2-й маршевый эскадрон, приведенный ротмистром 7-го Запасного Кавалерийского полка Пеликаном, с эскадроном прибыли прапорщики запаса Берг и барон Кноп.

16-го октября 3-й Армейский корпус перешел в наступление и заставил немцев отойти за границу, дальнейшего успеха наступление не имело.

24 октября был выслан разведывательный эскадрон для глубокой разведки в направлении Тракенен-Косубен.

Пошел 4-й под командой штабс-ротмистра Крейтер, заменившего заболевшего Штабс-ротмистра Полякова. Выступил с рассветом. Пройдя г. Выштынец, были высланы разъезды, головной и боковые. Имея всего двух офицеров, Крейтер оставляет при себе корнета Соколова 2-го, коренного офицера эскадрона, знающего хорошо людей и назначает в правый боковой разъезд прапорщика Токмакова, а в головной унтер-офицера Соколовского.

Вскоре после перехода границы, головной разъезд был обстрелян сильным ружейным огнем и галопом отошел к эскадрону. Штабс-ротмистр Крейтер послал корнета Соколова с 5-ю гусарами выяснить обстановку. Отъехав с полверсты, Соколов поднялся на горку и сейчас же увидел отходящий немецкий эскадрон, причем голова эскадрона втягивалась в лежащую внизу деревню. Трудно было придумать более подходящий момент для атаки. Корнет Соколов начал махать фуражкой над головой. К его глубокому огорчению, на этот призывный знак к нему галопом прискакал только один Крейтер, оставив эскадрон на дороге. Момент атаки был упущен. На их глазах немцы вошли в деревню и, спешившись, заняли ее опушку. В свою очередь Крейтер, спешивши полуэскадрон, приказал Соколову наступать с ним на деревню, а сам, рассыпав другой полуэскадрон в лаву, пошел в охват деревни. Немцы быстро отошли, побросав пики и каски. Такой прием Крейтер успешно применял и в дальнейшем, при каждой попытке противника задержать эскадрон. Чем ближе приближался эскадрон к Тракенену, тем упорнее становилось сопротивление, недалеко от Тракенена эскадрон уже с трудом сбил неприятеля.

Корнет Соколов 2-й вспоминает: "Надвигались сумерки, эскадрон шел по шоссе крупной рысью. Насколько мог видеть глаз, всюду появились отдельные всадники и небольшие разъезды. Но вот справа мы увидели кавалерийскую колонну. Кто это мог быть? Справа должен был быть разъезд Токмакова, от которого давно уже не поступало донесений (как потом оказалось, Токмаков сбился с дороги и оторвался от эскадрона). По-

слали дозорных выяснить. "Должно быть уланы",— крикнул кто-то в эскадроне. Всмотриваясь в бинокль, увидели, что у "улан" винтовки приторочены к седлам, значит не уланы, а немцы. Это подтвердили возвратившиеся дозоры. Одновременно, тыловые дозорные прискакали с докладом, что вслед за нами идет немецкая кавалерия. Наш эскадрон шел по высокой насыпи, с обеих сторон болото, не свернешь. Вдруг сзади слышался крик: "Рубят!" Крейтер и я моментально перешли в хвост эскадрона. До рубки было еще далеко, но, действительно, мы увидели шагах в 500 идущую за нами по той же насыпи рысью немецкую кавалерию. Насыпь снизилась. Крейтер, свернув с нее, развернул эскадрон и решил атаковать противника, видя в этом единственный выход из трудного положения. Только эскадрон развернулся, как по правому флангу был открыт пулеметный огонь, к счастью из-за наступившей темноты взятый высоко. Ночь позволила выйти из окружения. Ранено было несколько гусар и лошадей. Сбитые с дороги, в темноте пошли наугад. Высланные головные дозоры все время жались к эскадрону, приходилось понукать, чтобы шли на должном расстоянии. Поздно ночью дозорные донесли командиру эскадрона: "Впереди немцы", но со стороны "немцев" слышалась русская ругань".

Эскадрон вышел на сторожевое охранение казаков нашей дивизии, занявшей линию д. Мелькемен-Ишлауден.

Захваченные каски, шинели давали возможность установить состав частей противника, сосредоточившегося у Тракенен.

Штабс-ротмистр Крейтер за разведку был награжден Георгиевским оружием.

В конце октября войска 1-й Армии и занимаемый ими фронт были переданы в 10-ю Армию Генерала Сиверса.

24 октября 3-й армейский корпус, перейдя границу у д. Капсиодзе, к утру 25-го достиг линии Герритен-Эйдкунен, где завязался упорный бой. Сумский полк со 2-й конной батареей прикрывал левый фланг 27-й пехотной дивизии у д. Герритен. С наступлением темноты обе стороны отошли в исходное положение.

29 октября полк в составе дивизии был переброшен на правый фланг армии и, перейдя границу у г. Владиславов-Ширвинт, двинулся на г. Пилькален.

Погода была сырая, дождливая. Дороги, в особенности, так называемые "privaten Weg" покрыты непролазной грязью. Разрушенные первым наступлением деревни уже не представляли прежних удобств. Фуража и продовольствия было еще достаточно. Ощущался недостаток свечей и керосина, освещались плашками, наполняя их свиным жиром. Вскоре настали

холода, снег еще не выпал, но мороз сковал грязь и можно было двигаться только по дорогам.

3-го ноября 3-й и 20-й армейские корпуса и конный корпус Генерала Гурко (1-я и 2-я кавалерийские дивизии) перешли в наступление. Сумский полк шел в авангарде дивизии по шоссе на д. Тулен.

Поручик Снежков рассказывает: "Полк шел, имея два орудия под командой Капитана 1-й батареи Селихова. Неожиданно нас обстреляла артиллерия противника. Разрывы, их было очень много, ложились параллельно нашему пути и очень близко. При каждом взрыве люди бросались в сторону, но сейчас же порядок восстанавливался. Прискакал Селихов и взволнованным голосом сказал мне, что надо просить Гротена, чтобы перешли в рысь, т. е. неприятельская артиллерия ведет пристрелку и что следующая очередь будет по нас. "Сам проси,— подумал я, зная характер Гротена. В рысь так и не перешли". . .

К вечеру после долгого боя дивизия вышла на линию Мальвишкен-Пилькален. На другой день бой возобновился, но без особой энергии и без успеха.

Командующий дивизией Генерал Лео вызвал разъезд от гусар. Назначен был корнет Соколов 2-й. Генерал Лео пояснил Соколову, что дивизия не смогла продвинуться и потому разъезду дается задача проникнуть через неприятельские линии и выснить количество войск в г. Инстербурге. Задача, в особенности во второй ее части, явно невыполнимая и сильно смутившая корнета. Выручил Генерал Нидов, с иронией спросивший: "Ну, что же, он там коменданта спросит, сколько там войск. . ." Разъезд был отставлен.

Приказ по Армии предписывал 3-му, 20-му и 22-му корпусам отеснить противника за реку Ангерап. Конница Генерала Гурко назначалось обеспечивать правый фланг Армии и вести разведку на Кенигсберг.

3-й корпус ни в этот день, ни в последующий продвинуться не смог. Произошел ряд боев местного значения, где полк принимал участие у д. д. Егленинкен и Китчен. За эти дни был ранен, посланный для связи с пехотой, корнет Ветчинкин.

Попытки пехоты продвинуться на участке против Гумбинена кончились неудачей. Штаб Армии приказал закрепляться на занятых позициях.

Вместо 2-й Кавалерийской дивизии, переброшенной на Варшавский фронт, в конный корпус Генерала Гурко вошла 3-я Кавалерийская дивизия.

К 24 ноября обстановка на фронте была такова: конный корпус занимал линию по дуге северо-западне г. Пилькалена, правым флангом упираясь в Шорельский лес, а левым выдвинувшись впереди Мальвишкена, где была связь с 3-им Армейским корпусом.

Полк расположился в д. Куссен, неся сторожевое охранение на линии д. д. Мальвишкен-Шпулен. Сравнительно спокойное стояние прерывалось поисками разведчиков. Поиски происходили ночью, а днем установилось какое-то неписанное соглашение — не мешать друг другу развозить по заставам пищу. Походные кухни разъезжали по линии сторожевого охранения, от деревни к деревне, где были расположены заставы и стрельбы по ним не было. Где и как сумели наши кашевары договориться об этом с немцами, так и осталось тайной. Через тех же кашеваров было передано приглашение немецких офицеров — встретиться с нашими. Встреча произошла: с нашей стороны были Штабс-ротмистр Поляков, Корнеты: Леонтьев, граф Борх и за переводчика вольноопределяющийся Виленкин. Со стороны немцев: офицеры 1-й германской кавалерийской дивизии. Обменялись рукопожатиями, пожелали друг другу победы и разошлись, условившись встретиться еще раз. С нашей стороны должны были доставить закуску, а немцы — коньяк. Начальство, узнав про "братание", категорически его запретило. С утра все заставы открыли огонь, давая понять немцам, что завтрак состояться не может. Острой ненависти к врагу не было, было только чувство долга, "братание" — это было лишь легкомысленным поступком с обеих сторон. Вероятно, так и посмотрел на это строгий Гурко, не наложив ни на кого какого бы то ни было взыскания.

17 ноября Генерал Гурко назначен был Командиром 6-го Армейского корпуса. Тепло простившись с дивизией, он отправился к месту нового назначения. Строгий, требовательный и справедливый начальник, кавалерист душой и телом, исключительной храбрости, вне службы — обаятельный человек, Гурко был любим его подчиненными. Дивизия гордилась своим начальником как в мирное время, так и в военное. Много спустя, Генерал Гурко, один из всех военачальников, после отречения Государя от Престола, послал ЕМУ сочувственную телеграмму, за что был арестован Временным Правительством и посажен в Петропавловскую крепость, а в дальнейшем выслан во Францию.

Начальником дивизии был назначен Генерал барон Майфельд, а конный корпус принял Генерал Леонтович.

Первый смотр Генерала Леонтовича произвел неприятное впечатление. К выстроенному полку он подъехал в автомобиле и пересел на коня. При объезде полка автомобиль следовал за ним, а в автомобиле сидела одетая сестрой милосердия известная певица Плевицкая. Гусарам это было не по душе.

26 ноября в Куссене отпраздновали скромно свой первый на войне полковой праздник. Половина полка была в сторожевке, многих уже и не было: убитые, раненые, больные. Из командиров эскадронов, вышедших на войну, остались только двое:

ротмистр Марков и ротмистр Висс. Кроме того, многие офицеры находились в различных командировках, в штабах армии, корпуса, дивизии и пр. За недостатком офицеров в 1-м Донском казачьем полку, туда были командированы корнеты Дембицкий и Кузнецов.

Затишье продолжалось недолго. В густом тумане 28 ноября немцы повели атаку против участка 1-й Кавалерийской дивизии д. Дауден-Мальвишкен. Потеснив сторожевое охранение, немцы дальше продвинуться не могли и на следующий день наступления не возобновили.

Части 3-го корпуса расширили свое расположение к северу, а 1-я Кавалерийская дивизия перешла в район северо-западнее Пилькалена. Сумцы разместились в д. Тулен, неся сторожевое охранение на линии Шпулен-Швербален.

С первых чисел декабря начались бои за обладание Лассдененскими лесами. Главное наступление на Лассденен велось 3-й Кавалерийской дивизией, 1-й Отдельной Кавалерийской бригадой и 1-й бригадой 1-й Кавалерийской дивизии. 2-я бригада, гусары и казаки, вели ежедневно демонстративные наступления на фронте Шпулен-Дауден. Бои начинались утром и прекращались с наступлением темноты. Как говорили — "выходили на занятия". Ограничивались перестрелкой, действия в конном строю осложнял выпавший глубокий снег.

6 декабря 1-я и 3-я кавалерийские дивизии приказом Командующего Армией были подчинены Командиру 3-го Армейского корпуса Генералу Епанчину. Для связи со штабом корпуса от конной группы Генерала Леонтовича командирован корнет Литтауэр.

Постоянная угроза иметь на правом фланге Лассдененские леса, занятые противником, заставили штаб 10-й Армии начать подготовку наступления с целью овладеть этим лесным пространством. Генерал Епанчин категорически возражал против этого плана, приводя доводы, что такая операция растянет и без того редко занятый фронт еще на 30 верст. Штаб Фронта поддержал штаб Армии и приказал Лассдененские леса все-таки захватить.

Была произведена перегруппировка войск. 73-я пехотная дивизия большей частью сосредоточилась против д. Лассденен, 56-я заняла участок южнее Шорельского леса до Гумбинена. 2-я бригада 1-й Кавалерийской дивизии, собравшись у д. Шпулен с приданным ей батальоном 73-й пехотной дивизии, должна была вести наступление на д. Драгупенен. На правом фланге бригады, по шоссе Шпулен-Рантенберг, расположились уланы 1-го Петроградского полка.

Утром 12 января весь отряд сосредоточился в д. Шпулен. Казаки в пешем строю заняли д. Бладзен, южнее дороги Шпулен-Драгупенен рассыпалась пехота. Гусары в резерве за Шпу-

лен, почти рядом заняла позицию 2-я Конная батарея. С рассветом бой начался. Впереди Драгуненен находилось кладбище, являвшееся очевидно опорным пунктом противника. После небольшой артиллерийской подготовки на кладбище начала наступать наша пехота. Наступление велось по откосу, спускавшемуся к немцам, и наши цепи были видны им, как на ладоши. Потери были большие, наступление было отбито. После полудня наступление возобновилось. Немцы обстреляли тяжелыми снарядами д. Шпулен, ранив несколько гусар и убив несколько лошадей. Пехота поднималась в атаку несколько раз, с ней одновременно шли казаки и каждый раз сильный огонь противника останавливал наступление. К вечеру батальон потерял более трети своего состава, а казаки в двух наступавших сотнях насчитывали несколько десятков убитых и раненых. С наступлением темноты бой прекратился. Полковник Гротен предложил Командиру казачьего полка Полковнику Грекову сменить его сотни в д. Бладзен, на что тот с радостью согласился. 1-й эскадрон был послан выносить убитых казаков. 4-й и 6-й эскадроны заняли д. Бладзен.

13 января бой начался около полудня. Наша батарея открыла огонь по кладбищу и очень удачно, шрапнели разрывались низко, над самыми окопами. Немцы выскочили из окопов и бросились бежать к д. Драгуненен. Ободренная этим бегством пехота поднялась и с криком "ура" быстро пошла вперед.

Корнет Соколов 2-й так описывает этот бой: "Д. Бладзен находилась в 800-1.000 шагах от немцев, ожидая ночью каких-либо сюрпризов. в сторожевом охранении никто не спал. Утром части людей было разрешено отдохнуть, остальные, рассыпавшись в цепь, заняли опушку деревни.

Когда пехота с криком "ура" поднялась, Штабс-ротмистр Поляков, увлеченный общим порывом, приказал эскадрону наступать. Гусары бросились вперед, отдохнувшие выбежали из хат и присоединялись к цепи. Пробежав несколько шагов, я увидел, что брата нет. Я вернулся в деревню и нашел брата спящим на соломе, разбудил его и сказал, что эскадрон наступает; не дожидаясь его, побежал к своему взводу. Цепь прошла шагов 150. Немцы уже оправались и открыли ружейный и пулеметный огонь, как по пехоте, так и по гусарам. Наступление остановилось. Гусары лежали на снегу, представляя прекрасную цель для немцев. Лежавший недалеко от меня Штабс-ротмистр Поляков поднялся и, крикнув мне "я ранен", прихрамывая и поддерживаемый одним гусаром, пошел к деревне. Огонь усилился, гусары лежали, уткнувшись головой в снег, несколько раненых ползли обратно. От Полякова эскадрон должен был принять брат. Я оглянулся, но его не нашел. Видя беспечность лежания на открытом месте, я передал приказ по цепи отходить.

Гусары продолжали лежать, сильный огонь не позволял им подняться. Перебегая от взвода к взводу, я с трудом принудил их к отходу. Вернувшись в деревню, я снова не нашёл брата. "Где корнет Соколов 1-й?" — спросил я. Гусары молчали и отворачивались. Почувствовав что-то неладное, я повторил вопрос. "Они убиты", — ответил кто-то. Я выбежал на край деревни и увидел брата, лежавшего шагах в 50-ти впереди. Подошедшие гусары хотели вынести тело, но я запретил, дабы избежать лишних потерь. Но когда я обходил взводы, выясняя потери, гусары несмотря на запрещение вынесли тело брата.

Огонь стих. Передав командование эскадроню корнету Филиппьеву, я пошел в сопровождении гусар, несших тело брата, в штаб полка и обратился к Командиру полка с просьбой разрешить мне отвезти тело брата в Москву. "А кто останется командовать эскадроню?" — строго спросил Гротен. Я опомнился. Действительно, в эскадроне оставался только корнет Филиппьев, выпущенный в полк в июле 1914 г.

Стемнело. Немцы кричали "хох!". Это был канун дня рождения Императора Вильгельма 2-го.

Вечером нас сменили, и полк вернулся в Тулен. За ужином в собрании собрались все офицеры. Гротен обратился ко мне: "Ваши бумаги готовы, поезжайте в Москву. Тело вашего брата находится в Пилькалене, там вам дадут автомобиль". Я вышел, за мной последовал Гротен. В темноте, не сказав ни слова, он крепко пожал мне руку.

При следовании тела по железной дороге, на ст. Вержболово, заботами гусар обоза 2-го разряда весь вагон был украшен еловыми ветками, а Светлейший Князь Меншиков вывел для встречи на ст. Лацборово всех гусар, находившихся в конском запасе. В Москве, в Комендантском управлении, в воинских почтах при погребении брата мне было отказано, т. к. слишком частые похороны павших в бою "удручающе действуют на население Москвы".

Принимая во внимание прежние боевые заслуги корнета Соколова 1-го, полк считал его достойным высокой боевой награды, и по представлению Командира полка он посмертно был награжден Георгиевским Оружием".

Штабс-ротмистр Поляков через 10 дней после ранения, скончался от заражения крови. В тот же день боя были сильно контужены Штабс-ротмистр Никольский и поручик Швед.

После боя у Шпулен-Бладзен, Сумцы простояли в Гросс-Тулен несколько дней, высылая разъезды в сторону Шорельского леса. В одном из разъездов был ранен корнет Аршаулов. Пуля на излете попала ему в ногу и, не причинив вреда, в ней застряла; вестовой Аршаулова вытащил ее зубами.

Штаб 10-й Армии упорно приказывал Вержболовской группе овладеть районом Лассденена и Шорельским лесом. Конница

Генерала Леонтовича переходила для действий вдоль южного берега Немана.

Русское командование назначило на 21 января концентрическое наступление на Лассденен.

По словам захваченных пленных на усиление 1-й германской кавалерийской дивизии подошла 5-я гвардейская пехотная дивизия. Кроме того, к Лассденену подтягивался 21-й армейский корпус, переброшенный из Франции.

Германское высшее командование предпринимало крупную стратегическую операцию, сосредотачивая на участке своей 1-й кавалерийской дивизии три армейских корпуса, сводимых в новую 10-ю армию. Задачей ей ставилось: путем обхода правого фланга русских войск, отрезать им путь отступления из Восточной Пруссии к линии реки Немана.

21 января конница Генерала Леонтовича перешла в наступление. 3-й гусарский Елисаветградский и 3-й уланский Смоленский полки, наступая вдоль южного берега Немана, дошли до д. Трапен. 1-й уланский Петроградский, 1-й гусарский Сумский и 1-й Донской Казачий полки прошли через Любонерский лес, сбив Гвардейский резервный уланский полк. Отряд полковника Бискупского (1-й лейб-драгунский Московский, 3-й драгунский Новороссийский полки и пограничники) занял д. д. Тульпеникен и Любинелен.

За день 22 января подошедшие части 21-го германского корпуса сбили конницу Генерала Леонтовича и отряд Бискупского. После горячих коротких боев, 1-я Кавалерийская дивизия отошла в район местечка Словики.

В самом начале боев за Лассденен полковой адъютант Штабс-ротмистр Крейтер получил назначение на должность Генерального Штаба в 3-ю Кавалерийскую дивизию. В первые же дни службы на новом месте Штабс-ротмистр Крейтер был ранен при производстве рекогносцировки.

Должность полкового адъютанта занял, только что прибывший и не вполне оправившийся после тяжелого ранения, поручик Онгирский. Рана открылась и Онгирский вынужден был снова эвакуироваться.

Поручик Снежков, вступивший на эту должность вместо него, вспоминает про бой у Лассденена:

"Из Тулена мы пошли прямо на север, встречая наши небольшие пехотные группы, прятавшиеся по домам, чтобы не быть обнаруженными неприятельскими аэропланами.

Мы обогнули Лассденен и пошли прямо на запад. 2-й эскадрон был послан на разведку Любонерского леса. Шли мы по широкой просеке, лес был крупный, густой, снег глубокий. Наконец, лес кончился, или это была большая поляна. Мы остановились в ожидании не то ночлега, не то движения дальше. В сумерки меня, еще совсем неопытного адъютанта, вызвали в

Штаб дивизии. Начальника дивизии Генерала Майделя и весь его штаб я нашел в сарае. Думал, будут обычные распоряжения о ночлеге, оказалось не то. Дали боевую задачу: из фольварка Юкнашен, уже занятого казаками, атаковать Лассденен по возможности в конном строю. С юга Лассденен атакует пехота (73-я пехотная дивизия). Нужно торопиться, а не то "Лассденен захватит пехота и получит все лавры и трофеи". С наступлением темноты мы пришли на ф. Юкнашен, занятый сотней есаула Конькова. Казаки ознакомили нас с обстановкой. Расстояние между Юкнашеном и Лассденен было версты 3-4, местность к нему постепенно понижалась, затем замерзший ручей (река Шешупа) и за ним окопы немцев и дальше уже на бугре Лассденен. Казаков подчинили Командиру гусарского полка и прислали еще эскадрон улан.

5-й эскадрон штабс-ротмистра Алферова, бывший во время движения дивизии как бы левым боковым отрядом, оказался на нашем левом фланге, туда же были посланы уланы с задачей совместно с 5-м эскадроном выбить противника из леса, в противном случае немцы могли нас атаковать с фланга и тыла, что потом и случилось, т. к. 5-й эскадрон и уланы немцев не выбили, а наоборот, немцы заставили их отойти.

1-й эскадрон в конном строю на правом фланге, пулеметы под командой юного прапорщика Лопухина, произведенного за боевые отличия из вольноопределяющихся в декабре 1914 года. В главных силах: 3-й эскадрон ротмистра Висса с единственным офицером прапорщиком Калачевым, 4-й эскадрон с младшим офицером прапорщиком Токмаковым, который после боя остался единственным младшим офицером в полку и которого из-за этого я гонял раза два-три подряд в разъезд. Бедный "отец", как звали Токмакова в полку, после волнений, пережитых в неудачном бою, с запотевшими очками, с картой, на которой вместо Лассденена была дырка, так как карта совершенно размокла от падавшего снега, безропотно и по мере сил выполнял задачи, на него возлагаемые, и 6-й эскадрон шт.-ротмистра Слепцова, без младших офицеров, так как корнет граф Борх был накануне в разведке ранен.

Штаб полка представлял из себя: Гротена, Рахманинова, меня и вольноопределяющегося Виленкина в качестве не то ординарца, не то военного корреспондента. В конце боя он мне много помог.

На основании сведений, полученных от есаула Конькова, о расположении и силах противника, занимавшего окопы по реке Шешупе и дальше на бугре укрепленную деревню Лассденен, командир полка решил ночью в конном строю немцев не атаковать, а спешиться, оставив штандарт и коноводов под прикрытием казаков. Спешились, рассыпались в цепь и пошли. Дошли до предполагаемых немецких окопов и залегли. Так и не было,

пули свистели со всех сторон. Цепи начали нести потери. Мы, т. е. штаб, лежали в пнях 3-го эскадрона. Впереди нас был убит гусар, который почему-то сгорел каким-то голубым пламенем — не то в него попала светящаяся пуля, не то пуля попала в его патронташ, и он взорвался.

Ждали сведений от улан и 5-го эскадрона, — там шла оживленная перестрелка. Впоследствии оказалось, что гусары и уланы отошли, а посланные ими с донесениями гусары были убиты. Огонь со стороны немцев все усиливался. Нас простреливали с трех сторон, мы слишком углубились в изгиб реки Шешупы. Лошадь патронной двуколки, которую мы взяли с собой в цепь, была убита. Пролежав всю ночь, с началом рассвета, видя невозможность идти в атаку с нашими тремя немногочисленными по составу эскадронами, Командир полка приказал отходить.

Рассвело, и к ружейному огню присоединился артиллерийский. Немецкие орудия нас на белом, блестящем снегу, на котором мы были видны, как клопы на подушке, просто расстреливали. Идти по глубокому снегу было трудно, я свалился без сил в какую-то канаву. Меня подобрал Гротен и Виленкин. Ротмистр Висс был убит, прапорщик Калачев ранен. Собрались в фольварке Юкнашен. Казаки уже ушли, их сменил наш 1-й эскадрон. Прикрылись за огромным деревянным сараем. Люди выбегали из сарая, чтобы вытащить раненых и сами оставались на поле. Командир полка запретил выбегать, решили оставить раненых до вечера. На крышу сарая послали двух гусар для наблюдения, оба они были ранены и сброшены с высокой крыши разорвавшейся шрапнелью. Появился Селихов с двумя орудиями, пользы от них не было, и они вскоре ушли. Полковник Рахманинов был контужен и тоже эвакуировался с очередной партией раненых. Мы с Виленкиным писали донесение и все время спорили, т. к. он запускал много поэзии, но все же мне помог.

Передышка была небольшая, с запада между Ласцененом и лесом показались длинные цепи немцев. Шли они в одних мундирах и очень быстрым шагом. Никто в них не стрелял, если не считать нашего слабого из-за далекого расстояния огня и вряд ли действительного. Мы уже начали беспокоиться за свою судьбу, как прискакал Генерал Нилов и огоршил нас вопросом: "Что вы здесь делаете?" Мы ответили, что воюем. Нилов приказал немедленно отходить, и во-время, т. к. сарай, прикрывавший нас от взоров и огня противника, наполовину сгорел, подожженный немецкими снарядами. Эскадрон за эскадронам под ружейным и артиллерийским огнем проскакивали открытое пространство между д. Юкнашен и опушкой леса.

В этот день был сильно контужен снарядом, свалившим его и его лошадь, Штабс-ротмистр Алферов. Алферов остался в

строю, контузия сказалась лишь через полгода — стал заикаться и лицо — подергиваться.

Оставив на лесных просеках заставы, расположились на ночлег в ближайших хуторках. Утром по собственному почину отошли еще версты на три, ибо стоять, имея пред собой лес, было рискованно“.

2-й эскадрон под командой штабс-ротмистра Говорова, принявшего эскадрон от раненого накануне ротмистра Маркова, был послан в начале боя у Лассденен в разведку Любонарского леса.

Штабс-ротмистр Говоров вспоминает: "Я был послан разведывательным эскадронам, имея задачу выйти севернее Лассденена. Благополучно пройдя лес, я занял его опушку и скоро обнаружил, что севернее меня находится разведывательный эскадрон 1-го уланского Петроградского полка ротмистра Ковалевского. Установил с ним связь. Около 12-ти часов дня с севера прямо на Лассденен заметили движение 3-х немецких полков. Мы открыли стрельбу с очень большой дистанции — шагов 2.000.

Два полка продолжали движение в походной колонне, а третий начал разворачиваться против нас. Немцы огня не открывали и шли на нас цепями. Подойдя к нам на 1200-1500 шагов, они начали нести потери, уланский пулемет работал без остановки. Цепи начали делать перебежки, но огня все же не открывали. Постепенно немцы заняли мертвое пространство — большой овраг. Так как овраг выходил нам во фланг и принимая во внимание неравенство сил, мы отошли и поздно вечером присоединились к полку“.

За бой у д. Лассденен Командир полка Полковник Гроген был награжден Георгиевским Оружием.

После боя у д. Лассденен полк простоял спокойно несколько дней в д. Словиках. Сюда прибыл представитель Земско-Городского Союза и от Имени Государыни Императрицы Александры Феодоровны привез в подарок полку походную церковь. По желанию Государыни церковь должна была быть передана полку на вражеской территории. Полк перешел границу и там в возможно торжественной обстановке церковь была вручена Командиру полка.

Привели в порядок эскадроны. Число рядов значительно сократилось, потери в людях превышали потери конского состава. Лишних лошадей отправили в конский запас. Пополнился офицерский состав. С обозом 1-го разряда прибыл полковник Рот и из командировки вернулись поручик Елизаров, корнет Малевинский и прапорщик Берг.

26 января Германская армия снова перешла в наступление. Утром 27-го со стороны застав, находящегося в сторожевом охранении 2-го эскадрона послышалась оживленная стрельба.

Командир эскадрона штабс-ротмистр Говоров доносил о наступлении значительных сил немцев и о том, что его посты, потеряв убитым одного и ранеными двух гусар, отошли на главную заставу.

При первых выстрелах, привезший церковь "Земгусар" (так называли служащих Земско-городского Союза), отказался от предложенного ему гостеприимства и от высказанного раньше желания посмотреть "как воюют" и поспешно уехал в тыл.

Немцы с устными цепями двигались из леса вдоль шоссе Лассденен-Шилинен. Шли в одних мундирах цепями, растянувшись на сколько хватал глаз. Поредевшие, после Лассденена, эскадроны спешились и, заняв линию хуторов, удерживались до последней возможности. Только когда немцы подходили почти вплотную, гусары, едва успев сесть на коней, скакали к следующему хутору, где снова занимали позицию. Немецкая артиллерия, находившаяся в лесу, сначала стреляла мало, но как только эскадроны были оттеснены от леса, открыла огонь, значительно превосходивший огонь нашей батареи. Упорный бой продолжался до вечера. Несмотря на превосходство сил, противник продвинулся за день всего на 6-8 верст.

Полк отошел на восток, заняв небольшие хуторки между рекой Шешупой и д. Синтовтами, откуда вел наблюдение за движением немецких колонн, по шоссе в направлении г. Владиславова. Попытки задержать противника ружейным и орудийным огнем и заставить его развернуться не приводили ни к чему. Немцы отделяли в сторону полка небольшие части в виде заслона и проходили дальше.

Боевые события в день 28 января разыгрались так: конница Генерала Леонтовича, сбитая накануне 31-й германской пехотной дивизией, потеряла связь со штабом Армии и отошла сначала к Синтовтам и далее в район Гришка-Буда. Вслед за ней продвигалась германская сводная уланская бригада. 10-я Германская армия, сбив к востоку конницу Генерала Леонтовича и загнув правый фланг русских войск, взяла направление на юг, нанеся удар правому флангу.

Эти дни шел непрерывный снег, нанесший колоссальные сугробы. Дороги стали невероятно тяжелыми. В снежных заносах тонули орудия, повозки, а начавшаяся с вечера 28-го января метель к полуночи превратилась в ураган. Песок, снег секли, жгли лица и руки, а страшный ветер сбивал в конец измотавшихся людей и лошадей.

29 января Генерал Леонтович решил войти в непосредственную связь с правым флангом армии и с утра двинул конницу из д. Гришка-Буда в направлении г. Владиславова. При подходе к д. Тупики конница Леонтовича была встречена огнем подвигавшей сюда через г. Ширвант 1-й германской кавалерийской

дивизии. Преследуя поставленную себе цель, Генерал Леонтович повернул на м. Пильвишки. Здесь он получил, наконец, нашедшее его приказание Штаба Армии занять промежуток между 3-м и 20-м армейскими корпусами. Это изменило его намерение, и, т. к. Вержболово было уже занято неприятелем, он двинулся на г. Мариамполь.

Сумский полк, бывший в отделе от дивизии, получил приказание следовать на м. Пильвишки и далее на г. Мариамполь; здесь полк получил приказание отходить на м. Олиту.

30 января конница Генерала Леонтовича отходила, чтобы занять Даукшенское и Сименское дефиле. Вместе с ней уходили и разрозненные остатки пехотных частей после боя под Вержболово и Вильковишки. Три германских корпуса продолжали свое движение к югу, обтекая с фланга и тыла русские войска.

Сумцы отходили к Олите. "Поход до Олиты по проселочным дорогам, при непрекращавшейся ни днем ни ночью метели, был очень труден", — вспоминает поручик Снежков. — "Отношение местного населения отличное, старались обогреть и накормить, но и у самих-то у них было очень немного. В одной деревне католический священник подарил чуть не на весь полк теплые печатки. В этот холод дар был неоценим. В Пильвишках, которые проходили уже в темноте, все еврейские лавчонки и дома были заперты. С трудом удалось мне раздобыть скверные леденцы, которыми я поделился с Гротеном и вестовыми, — все же перебивает голод. Тяжелые дороги не давали возможности подойти кухням, а интендантству подвезти хлеб, реквизиций у населения все же не производили. Фуража почти не было, ташили с крыш сараев солому, чтобы хоть чем-нибудь накормить лошадей.

К Олите подошли ночью в страшную метель и заняли избушку. Хозяевами ее оказались очень гостеприимные татары. Греться пришлось недолго, — каким-то чудом нас разыскал ординарец с приказанием штаба дивизии — идти в самую Олиту. Гусары, посылаемые с донесениями, обладали способностью почтовых голубей, что особенно сказалось в Восточной Пруссии; в чужой стране, без языка, из разъезда верст за 20-40 от дивизии, находили ее и передавали донесение, так и в данном случае: в бургу, метель — нашел и передал".

В Олите полк занял хорошо укрепленную позицию. Здесь находились тыловые пехотные части, которые вместе с отступившими на Олиту разбитыми частями 3-го армейского корпуса образовали пехотную группу. Сменная этой группой 1-я Кавалерийская дивизия получила назначение идти в район Сопоцкин-Липск.

К 3-му февраля положение нашей 10-й Армии представлялось следующим: 3-й Армейский корпус, понеся громадные потери, отошел на Ковно, Прены и Олиту. 20-й корпус отбивается

в Августовских лесах от окруживших его трех германских корпусов. 26-й и 3-й Сибирский отошли за линию реки Бобра, заняв позицию фронтом на север и уперев свои фланги в крепости Гродно и Осовец. Конница Генерала Леонтовича 2 февраля оттянута за Неман в район Меречь-Ротница. Задача ей дана: охранять линию реки Немана южнее Олиты до крепостного района Гродно.

Генерал Леонтович отставлен от командования за поспешный отход и потерю связи с армией.

Полк из Олиты, следуя в аррьергарде, двинулся на юг и к вечеру у д. Меречь догнал Штаб дивизии. 4 февраля дивизия прибыла в г. Гродно, но на следующий день дивизия должна была вернуться обратно на участок по линии р. Неман Наруны устье реки Меречанки, так как обнаружилась будто бы угроза немцев переправиться через реку у Друскеник.

Начальнику дивизии Генералу барону Майдель был подчинен пехотный батальон, занимавший окопы на восточном берегу Немана. Для усиления пехоты был выслан 6-й эскадрон штабс-ротмистра Слепцова, другие эскадроны расположились южнее. 1-й эскадрон при штабе полка — в небольшой деревне. На другой или третий день утром, еще в темноте, 2-й эскадрон штабс-ротмистра Говорова сменил 6-й. Штабс-ротмистр Слепцов только что сад на коня, как был тяжело ранен пулей в область сердца. По рассказам гусар, он успел только крикнуть в сторону немцев свое обычное ругательство "холера" и потерял сознание. Слепцов был отправлен в Царскосельский Госпиталь.

Штабс-ротмистр Говоров вспоминает: "Мне было приказано сменить 6-й эскадрон из-за сильного обстрела в темноте. Мы заняли какие-то окопчики, и я ждал рассвета, чтобы осмотреться и разобраться в обстановке. Когда начался рассвет, младший офицер моего эскадрона корнет Поляков спал, я же, приподнявшись из окопа, стал смотреть в бинокль на ту сторону Немана. Поляков проснулся и вылез на бруствер окопа. Я посоветовал ему быть осторожнее, человек он был храбрый, но упрямый и меня не слушал. Через несколько секунд с того берега просвистело несколько пуль, — немцы заметили мою, высунувшуюся из окопа голову и его, стоявшего во весь рост. Я крикнул ему: "Сойди сейчас же вниз". В это время он схватился за грудь и с криком "Ой, меня ранили", упал на мои руки. Уже падая, второй пулей, попавшей ему в сердце, он был убит. Весь день до темноты тело нельзя было вынести из окопа, тут же рядом лежал и убитый ранее бородач пехотинец".

Вечером на розвальнях тело корнета Полякова было доставлено в штаб полка и отправлено по железной дороге в Москву его матери.

8 февраля в районе д. д. Махорце-Серский Ляс погиб 20-й Армейский корпус Генерала Булгакова, окруженный тремя корпусами немцев. Лишь 1-й бригаде 29-й пехотной дивизии (113-й Старорусский и 114-й Новоторжский полки) удалось пробиться к Гродно.

К 10-му февраля части 10-й Армии занимали следующее положение: 13-й Армейский корпус (остатки) — Ковно, 3-й Армейский — Олиту. От Олиты до Друскеник — 1-я Кавалерийская дивизия соприкасаясь с правым флангом 15-го армейского корпуса. Далее на восточной опушке Августовского леса — 2-й Армейский корпус и затем вдоль реки Бобра 26-й и 3-й Сибирские корпуса. Немцы, дошедшие до Немана, перешли к обороне.

17 февраля 10-й Армии было приказано перейти в наступление на всем фронте и очистить от германцев район Сопецкин-Липск-Ястержембо.

Полк, перейдя по понтонному мосту р. Неман у д. Друскеники, направился в район д. Махорце-Сервы. Переход в метель и в лютый мороз был чрезвычайно тяжел, или медленно, ожидая встретить за каждым бугром и в каждом селении противника. В Сервы прибыли поздно вечером. Полк вышел на место гибели 20-го корпуса.

“Выйдя на шоссе Августов-Сейны”, — вспоминает поручик Снежков, — “мы увидели в поле цепи убитых русских и немцев, разбитые передки, уничтоженные повозки. Наконец в совершенной темноте вошли в деревню, вернее, в отдельные дома, т. к. деревня раскинулась на много верст вдоль озера, нося отдельные названия — Серский Ляс, Дальний Ляс.

В деревне нас поразил страшный запах чего-то гнилого. Избы оказались забитыми тяжело ранеными 20-го корпуса. От их загнивших ран и происходил этот запах. Для ухода за ними немцы оставили одного легко раненого. Улеглись спать на грязной, залитой кровью и гноем соломе. На другой день батальная картина продолжалась. Куда ни пойдешь, все раненые, смотревшие на нас с надеждой, как на избавителей. Прибыл транспорт с хлебом, на освобожденные повозки уложили и усадили раненых. Позже мы их встречали в Гродно. Как видишь — улыбается, рот до ушей, какой-нибудь раненый, значит нами спасенный.

Выслали разведку на шоссе Августов-Стрынковизна-Махорце и вошли в соприкосновение с противником. На другой день хоронили убитых 20-го корпуса. Возили на санях, как большие поленья . . . “

21 февраля к вечеру обнаружилось наступление немцев на д. Махорце. Не имея ни артиллерии, ни пулеметов, полк был вынужден отойти.

Отход по шоссе оказался невозможным, — шоссе было занято немцами. Единственный путь — это перейти озеро Сервы по льду. Переходили медленно на больших дистанциях. Ширина озера около версты. Изредка слышались словно выстрелы — лопался лёд, но не проваливался. В арбергарде шел 5-й эскадрон штабс-ротмистра Алферова. Расположились в деревнях на восточном берегу озера Сервы, откуда полк отошел сначала на Липск, а потом на Гродно. Мороз был зверский, офицеры и гусары, чтобы согреться, шли пешком.

23 февраля немцы, отбросив русские войска, начали отходить сами. 10-я Армия, быстро обнаружив это, перешла в наступление.

Полк, пробыв в Гродно два дня, направлен вместе с дивизией в район д. Колциово. Задача дивизии: связывать фланги Гродненской группы с 3-м Армейским корпусом.

25 февраля 21-й и 39-й германские корпуса перешли в наступление и, нзеся русским войскам короткий удар, приостановили наступление последних на фронте Кальвария-Августов.

Полк переходит в Красностокский монастырь. В монастыре полковой священник совершил общую исповедь полку, производшую на всех глубокое впечатление. После проповеди полк причастился Святых Тайн.

Велась усиленная разведка Августовского лага. Ввиду недостаточных сведений о противнике, Штаб Армии настойчиво требовал захвата пленных. Прикомандированный к штабу дивизии поручик Чесботарев вызвался добровольцем вместе с чинами штаба дивизии на разведку, но пленных ему захватить не удалось. Более удачной оказалась разведка корнета Дмитриева. Окружив немецкую застава, он частью поразил ее, а частью захватил в плен. За этот подвиг корнет Дмитриев был награжден Георгиевским Оружием.

28 февраля войска 10-й германской армии оттягиваются в исходное положение. 11-й резервный — по обе стороны Августова, 39-й — между озерами Вигры-Галадаус. Германская 1-я кавалерийская дивизия действовала в районе северо-западнее Колциова.

2 марта полк снова переходит Августовский канал. Под руководством Командира полка Полковника Гротена и Поручика Казакова построили через канал мост, для чего пришлось срубить вековые сосны. Коней переводили осторожно в поводу, чтобы не поломать ноги на круглых бревнах.

Полк получил задачу: заняв д. д. Сервы-Махорце, вести разведку по шоссе на Сувалки и Сейны. В деревне Сервы находилась рота пехоты небольшого состава, 80-90 штыков. Командовал ротой прапорщик, человек уже пожилой. За короткое время он вошел в гусарскую семью, и с ним делились всем, что Бог послал, в частности, спиртом. Через неделю рота ушла

в район Стренковизны, где начались активные действия против немцев, и нашему другу оторвало ногу. Полк ежедневно выходит на шоссе и ведет разведку в сторону противника. Частые бои с подходившими для рекогносцировки партиями немцев. За это время ранено несколько гусар, и убита лошадь под корнетом Леонтьевым.

22 марта в д. Мяхорце полк встречает Праздник Светлого Христова Воскресения. Заутрени служатся в лесу на еще не стаявшем снегу.

Произведены за боевые отличия трое старших командиров эскадрона из штабс-ротмистров в ротмистры: Говоров, Алферов и Слепцов.

Прибыл в полк переведенный из Николаевского Кавалерийского Училища Полковник Шибергсон. Для полка он был человек не новый, т. к. в мирное время он отбывал в полку ценз, командуя 2-м эскадроном. Косо смотрят в полках на переведенных старших офицеров, как на "садящихся на шею". Но Владимир Тюревич своим общительным характером быстро снискал расположение всех офицеров.

Полк переходит на более ответственный участок и занимает окопы у д. Стренковизна по линии реки Близна. Ведется усиленная разведка неприятельских позиций.

С наступлением весенней распутицы все болота, низины, берега рек превратились в трясины. Проселочные дороги становились с каждым днем все менее и менее проходимыми и постепенно совсем исчезли, слившись в сплошном густом месиве липкой глинистой грязи. К части интендантства надо сказать, что оно делало все возможное, но своевременная доставка продуктов и в особенности фуража, становилась с каждым днем все труднее.

После боя под Ласдененом эскадроны поределли и были сильно потрепаны. Положение с тех пор не улучшилось. Бригадный Командир Генерал Нилов давно ворчал, что полк нельзя назвать боеспособной частью. Конский состав, подорванный переходом от Ласденен до Олиты, пришел в очень плохое состояние. Эскадроны доходили до 30-40 шашек. Были разговоры о том, что надо свести два эскадрона в один. А сверху, не считаясь с положением, приходили приказания -- "отправить эскадрон", "назначить эскадрон".

Наконец, боевой состав дошел до такого минимума, что дивизия, признанная небоеспособной, была отправлена на отдых в Красное Село. На смену ей прибыла Кубанская Казачья дивизия.

В первых числах апреля полк, смененный кубанскими казаками, после месяца пребывания в вековом, покрытом снегом лесу, по хорошо знакомому шоссе направился в Гродно для погрузки.

Предположено было идти в два перехода. Полк подошел к месту, где по расчету времени, должны быть деревни, назначенные для ночлега. Навстречу ехал смущенный начальник квартирьеров корнет Аршаулов и доложил, что деревень нет: сожжены для улучшения обстрела со стороны крепости.

Сделав из-за этого большой переход, полк поздно ночью вошел в Гродно.

На станции Гродно полк погрузился в вагоны и по железной дороге доставлен был в г. Вильно.

ГЛАВА 3

ОТДЫХ В КРАСНОМ СЕЛЕ

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РИГО-МИТАВСКОМ РАЙОНЕ

Для приведения в порядок дивизия была предварительно задержана в г. Вильно на две недели.

Из воспоминаний полкового адъютанта: "Работа по приведению в порядок полка началась в Вильно в полковой и в эскадронных канцеляриях. Работа трудная, требующая усидчивости. Конь Чертополох по описи был вороной, без отметины, а на деле вовсе не подходил ни по масти, ни по вершкам. Несколько гусар, узнав, что полк идет на отдых, сбежали в пехоту. С одной стороны дезертиры, с другой — патриоты. Как поступить? Списались с пехотными частями и переслали им бумаги. Много было возни с людьми, с утерянными пиками, переметными сумами, вьюками. Актów своевременно поданных об утрате, конечно, не было. Командиры эскадронов мѣнялись да и до актов ли было. Поэтому Павел Павлович (командир полка) был вне себя".

Были заботы и тревоги другого характера. Начальник Конно-Пулеметной дивизионной команды штабс-ротмистр Швед вспоминает: "Боязнь занести в Петроград заразу сапа всполошила полковых ветеринаров — выводки, осмотры лошадиных храпков и проч. Выводка пулеметных лошадей, и о ужас! Ветеринарный полковой врач Борисов обнаруживает у 8-ми лошадей подозрение на сап. Пропал Петроград! Сделка: "Николай Михайлович, я этих лошадей уничтожу, а взамен их поставлю в строй 8 "благоприобретенных" в Восточной Пруссии. Сказано—сделано. На вторичной выводке все лошади оказались здоровыми. 8 лошадиных трупов были зарыты в монастырском лесу, возле которого была расквартирована пулеметная команда".

Вильно пришлось по душе всем — красивый, веселый город, к тому же и погода прекрасная.

После двухнедельного пребывания в Вильно, полк погрузился в эшелоны и 21 апреля, в дождливый холодный день, приехал в Красное Село. Стоянкой полка было назначено летнее расположение Улан Его Величества — деревни Каукузи и Кутузи.

Начались занятия мирного времени. По вечерам все свободные от наряда офицеры уезжали в Петроград.

Состоялись две полевые поездки. Первая в район Ревель-Фелин. Поездка велась под наблюдением полковника Шиббергсона. От каждого эскадрона было назначено по одному офицеру и шести гусар. Задача: обследование дорог и выбор позиций. Сборным пунктом был г. Фелин, где по окончании очередной разведки собирались разосланные во все стороны офицеры, и полковник Шиббергсон делал сводку собранных сведений.

В Фелине офицеры быстро познакомились с местным обществом, принявшим их с редким радушием. Приемы следовали один за другим, то гусары устраивали вечер в гостинице Шпрое, где квартировали, то обыватели чествовали их. По окончании поездки в проводах гусар приняли участие все их новые знакомые. Мобилизованы были все городские извозчики, и длинная процессия растянулась по дороге на вокзал. Не обошлось и без обильных возлияний. На станции пели сельские, и особенно растроганный местный воинский начальник плясал в grisядку под песни и аккомпанимент станционного колокола, на котором не без таланта "играл" прапорщик Щуровский.

Каково же было удивление участников поездки, когда через несколько дней по их возвращении, из Фелина пришел рапорт того же воинского начальника, обвинявшего гусар в разгульном поведении и особенно напивавшего на злополучный колокол, "звон которого вводил железнодорожных служащих в заблуждение". Потом выяснилось, что дама сердца воинского начальника предпочла кого-то из корнетов. Фелинский Отелло решил отомстить.

Адъютант принес рапорт на доклад командиру полка в собрание, когда офицеры еще сидели за столом. Полковник Гротен не спеша прочел и поднял глаза. Участники поездки вытянулись в струнку, ожидая грозы. Ее не последовало — Гротен усмехнулся, но ничего не сказал.

Вторая поездка в район г. Пернова имела целью собрать сведения о количестве фуража.

Инспекторский смотр, произведенный начальником дивизии генералом бароном Майдель, показал, что полк находится в блестящем состоянии.

Прошел слух, что Государь Император произведет смотр полков, для чего полки по очереди будут вызываться в Цар-

ское Село, где после парада г. г. офицеры будут приглашены на завтрак в Высочайшем присутствии. Действительно, был вызван 1-й лейб-драгунский Московский полк. Предполагалось, что полки будут вызываться с большими промежутками, так как до конца отдыха было еще далеко.

События на фронте изменили все. 14 апреля сосредоточенные в районе г. Тильзита три германских пехотных дивизии и три кавалерийских начали наступление на север от р. Неман. Русские слабые отряды постепенно отходили за р. Дубиссу. В конце апреля германцы заняли г. Шавли и кавалерия противника начала распространяться по всей Курляндии. В течение мая шли бои за обладание линией р. Дубиссы.

В конце мая из войск Риги-Шавльского района была образована новая 5-я Армия генерала от кавалерии Плеве. В состав ее вошли 3-й, 19-й, 37-й армейские корпуса и 7 кавалерийских дивизий.

1 июля значительная усиленная германская армия генерала Шольца перешла в решительное наступление в Рижском направлении на правый фланг 5-й Армии. Эти события заставили спешно отправить из Петрограда на фронт 1-ю Кавалерийскую дивизию.

Вместо вызова полков в Царское Село, Государь Император Сам прибыл в Красное Село для смотра всей дивизии.

Громким "ура" встретили полки Государя. За Ним в коляске следовали Великие Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна. Государыня Императрица Александра Феодоровна прибыть не могла из-за болезни Наследника и передала полку благословение — небольшую иконку в защитном чехле, которую, по Ее желанию, должен был носить на груди штандартный унтер-офицер.

На другой день после Высочайшего смотра полк погрузился на станции Красное Село в вагоны. Во взводах было по 16-ти рядов, настроение как у офицеров, так и у гусар было отличное.

По пути к Риге эшелоны на каждой станции встречались толпами жителей, забрасывавших вагоны цветами.

К 5 июля обстановка на фронте 5-й Армии была следующая: 1-я Кавалерийская дивизия вызвана на усиление 5-й Армии в Митаву.

Северное крыло Армии: 1) Отряд полковника князя Меликова (4-я Отдельная Кавалерийская бригада и три ополченских дружины полковника Жекулина) — вокруг г. Тукума.

2) 4-я Кавалерийская дивизия и Уссурийская Конная бригада в бою за район Ауцгоф; к ним подошла перекинутая с южного крыла 2-я Кавалерийская дивизия. Объединенные под командой ее начальника генерала князя Трубецкого все три дивизии заняли линию реки Тверть.

3) 7-й Сибирский корпус в деморализованном состоянии отходил под прикрытием 15-й Кавалерийской дивизии к Митавской укрепленной позиции.

Центр: 1) Генерал Долгов (командир 19-го Армейского корпуса): а) отряд графа Граббе — 4-я Донская казачья дивизия с 291-м пехотным полком и 18-м Стрелковым полком, собирается в наступление на д. Альт Ауц для содействия соседям справа, б) 1-я Кавказская стрелковая бригада с 292-м пехотным полком подтянута к м. Окмяны, в) 17-я и 38-я пехотные дивизии северо-западнее г. Шавли.

2) 3-й Армейский корпус генерала Зегелова (бригада 73-й пехотной дивизии и 5-я Стрелковая бригада) впереди Шавли;

3) 37-й Армейский корпус генерала Лисовского (79-я пехотная дивизия без 4-х батальонов, Отдельная пехотная бригада 13-го Армейского корпуса) — юго-западнее Шавли.

Сильная германская группа ведет упорное наступление на северное крыло 5-й Армии.

В ночь на 10 июля в Митаву прибыли 1-я Кавалерийская дивизия и 53-я пехотная.

1-й Кавалерийской дивизии с приданной ей бригадой 53-й пехотной дивизии приказано выдвинуться на линию Оглей-Чушле.

С германской стороны к линии Оглей-Мезотен подошла 8-я Кавалерийская дивизия, имея на своем правом фланге 41-ю пехотную дивизию. 8-й дивизии были приданы пять линейных и три самокатных роты.

Германские кавалерийские дивизии по своему составу были сильнее русских. Не безинтересно привести данные о наших постоянных противниках за время боев в Курляндии.

6-я Кавалерийская дивизия

28-я Кавалерийская бригада — 20-й л.йб-драгунский полк, 21-й драгунский полк.

33-я Кавалерийская бригада — 9-й и 13-й драгунские полки.

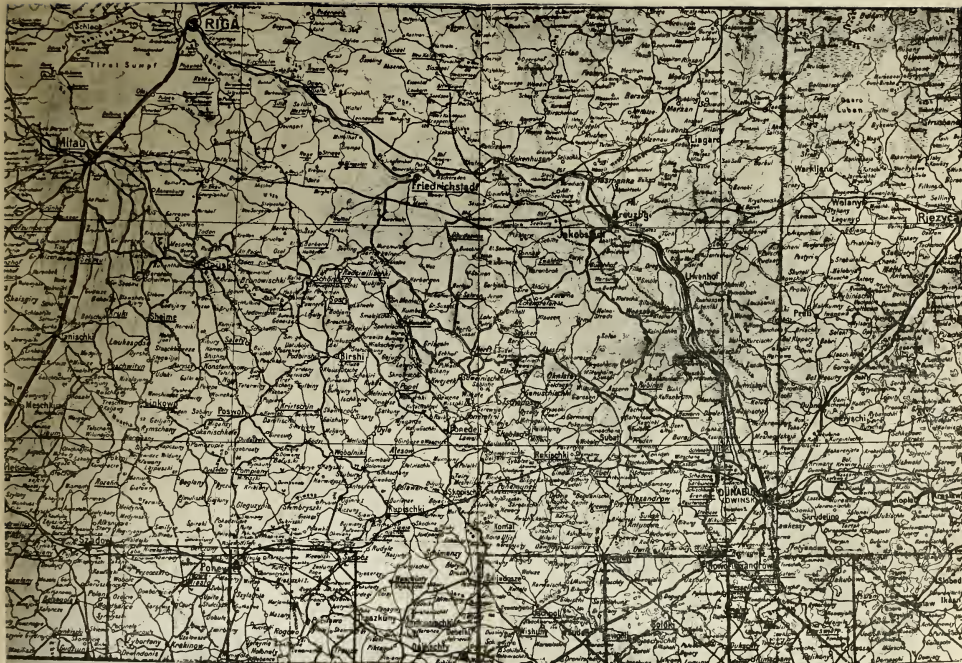
45-я Кавалерийская бригада — 13-й гусарский и 13-й конно-егерский полки.

8-й конно-артиллерийский дивизион, 6 пулеметных отрядов, эскадрон связи, конно-санитарный дивизион, две самокатных роты.

8-я Кавалерийская дивизия

23-я Кавалерийская бригада — Гвардейский Саксонский конный полк, 17-й уланский полк.

38-я Кавалерийская бригада — 2-й и 6-й конно-егерские полки.

40-я Кавалерийская бригада — Саксонский конно-карабинерный полк. 21-й уланский полк.

12-й конно-артиллерийский дивизион, 8 пулеметных отрядов, эскадрон связи, конно-саперный дивизион и три самокатных роты.

11 июля, рано утром, наша дивизия вышла на линию Оглей-Чушле, занятую полком 7-го Сибирского корпуса небольшого состава, изнуренного предыдущими непрерывными боями в течение долгого времени. Это было то ужасное время, когда у нашей пехоты не доставало винтовок, не было патронов, а у артиллерии снарядов.

Поддержанная дивизией, пехота в 9 утра перешла в наступление и к 11-ти часам потеснила немцев у д. Оглей. Противник, получив подкрепление, перешел в контр-атаку. Особенно ожесточенный бой завязался у кладбища Оглей. Интенсивный ружейный и артиллерийский огонь наступавших немцев сосредоточился по гребню, где вправо и влево от него расположились цепи пехоты. Большая часть гусарских эскадронов была разбросана на флангах. Штаб полка находился на кладбище вместе с наблюдательным пунктом нашей батареи. Уланский полк в резерве.

Вдруг послышался гул многих сотен голосов — пехота дрогнула и побежала. Уланам было приказано готовиться к атаке. Карьером вылетели дозоры, за ними развинулся Петроградский полк. Гусары, собрав эскадроны, должны были идти за уланами во второй линии 2-я Конная батарея открыла огонь по показавшимся на гребне немцам. Немцы сейчас же скрылись. Огонь противника затих, ни одного выстрела, ни орудийного, ни ружейного. Все замерло. Казалось, что одна только угроза конной атаки остановила наступавших немцев. Солнце садилось, уланы, а потом гусары пошли на ночлег.

12 июля бой возобновился, немцы заняли д. Оглей и кладбище, но дальше продвинуться не могли. 1-я Кавалерийская Дивизия удержалась на линии Фельдгоф-Чушле.

13 июля подошла бригада 53-й пехотной дивизии на смену частей 7-го Сибирского корпуса. В 10 часов утра бригада начала наступать, потеснив противника до д. Оглей. Имени и кладбище остались в немецких руках. Бой продолжался до часу ночи. Сумский полк с полком пехоты 53-й дивизии перешел р. Аа у Бауска для прикрытия промежутка между Митавской группой и конницей князя Трубецкого, отошедшей на линию р. Муши, в районе д. Салаты, — устье реки Татола.

14 июля бой продолжался; 15 июля 1-я Кавалерийская дивизия под натиском противника отошла за р. Аа в районе Ме-

зотан. Сумский полк вел бои южнее Бауска, выслав разъезды в сторону Салат для связи со 2-й Кавалерийской дивизией.

16 и 17 июля левое крыло 5-й Армии перешло в наступление. Завязывались встречные бои, известные под названием сражения под Купишками. Это не остановило левый фланг германской армии, где сосредоточились крупные силы (8-я Кавалерийская дивизия, 41-я пехотная дивизия, 6-я резервная пехотная дивизия, бригада Хомейер и Либавский отряд). Противник готовил концентрическую атаку Митава и Бауска.

18 июля полку было приказано присоединиться к дивизии, занимавшей позицию на опушке лесов, что западнее д. Цоден. С утра 18-го немцы повели наступление на всем фронте Митава-Бауск. Сумский полк держался, дав возможность пехоте, артиллерии и обозам переправиться через реку Аа у Бауска. 6-я германская резервная пехотная дивизия и бригада Хомейер переправились через Аа и в 3 часа дня заняли Бауск, защищаемый ополченскими дружинами. Противник, заняв Бауск, двинулся по обоим берегам Аа на Митаву. 8-я германская Кавалерийская дивизия направлена на Гросс Экау.

Сумский полк, огибая Бауск с востока, двигаясь по плохим лесным дорогам и уничтожая за собой мосты, догоняет дивизию в Гросс Экау. В направлении Риги громадным пламенем горели деревни, наша пехота сжигала их, подготавливая обстрел для новых позиций.

19 июля Митава была занята немцами. 1-я Кавалерийская дивизия отошла на линию Клейнау-Фридрихсгоф-Гросс Экау. Сумский полк, послан прикрыть отступление дивизии 7-го Сибирского корпуса, отходящего на Гросс Экау. Вся тяжесть боя легла на полк. Пехота спокойно перешла мост у Гросс Экау, а за нею поздно вечером перешли и гусары.

21 июля штаб 5-й Армии наметил план наступления: удар усиленным левофланговым 34-м корпусом с линии Коварск-Товтяны. 37-й армейский корпус перебрасывается в район действий конницы князя Трубецкого, т. е. по линии Шенеберг-Радзивилишки-Попель для совместных действий против конницы противника и прорыва в тыл германской Неманской армии.

Во исполнение приказа 1-я Кавалерийская дивизия, расположенная по реке Экау, сменяется Уссурийской Конной бригадой и частями ополчения и к 24 июля сосредотачивается в районе Курминг (4 километра от Радзивилишек).

25 июля по приказу штаба 5-й Армии 79-я пехотная дивизия выдвигается из района Якобштадт в Курминг на р. Нейменок.

26 июля после артиллерийской подготовки бригада 79-й пехотной дивизии перешла р. Нейменок и вошла в леса, что от нее к западу. С рассветом начальник 1-й Кавалерийской дивизи-

зи генерал барон Майдель направил один из полков дивизии на д. Медейки. Гусарский полк с двумя орудиями на Спальвишки, Порвинце, в общем направлении на местечко Биржа, драгунский полк несколько южнее.

Высланные вперед разъезды корнета Соколова и Головина Петра, присоединив к себе разъезд 1-го Донского Казачьего полка, с боем прошли лесное дефиле, отогнав заставу немецких самокатчиков и захватив 6 мотоциклеток. За ними прошел бывший в голове 6-й эскадрон ротмистра Слепцова. Пройдя версты четыре, Слепцов, встреченный ружейным огнем противника из фольварка Поравице, принужден был спешить эскадрон. Эскадрон продвигался медленно и по донесениям командира эскадрона сил его было недостаточно, чтобы выбить немцев. Командир полка приказал 1-му эскадрону штабс-ротмистра Петражкевича и двум орудиям поручика Рождественского поддерживать 6-й эскадрон, поручив общее руководство боем командиру 1-го эскадрона. Орудия заняли позицию и немедленно открыли огонь. Видя удачные попадания артиллерии, Петражкевич развернул эскадрон в лаву и с дистанции двух верст двинулся на ф. Поравице. Несмотря на артиллерийский и ружейный огонь 6-го эскадрона, немцы встретили атаку Петражкевича метким огнем. Эскадрон постепенно увеличивал аллюр. Приближаясь к цели, Петражкевич заметил, что впереди фольварка протекает ручей с крутыми берегами, шириною около двух саженей. Препятствие могло погубить эскадрон. Остановившись было поздно, и Петражкевич направил атаку на мост. Немцы усилили огонь. Пуля пробила луку седла и ранила командира эскадрона в руку. Несколько гусар и лошадей упало. Петражкевич с эскадронам быстро приближались к мосту. Рождественский уже прекратил стрельбу из-за боязни попадать по своим. Наступал решительный момент — либо не выдержат гусары, либо немцы. Не выдержали немцы.

Пользуясь заминкой эскадрона на овраге, кавалерия противника ускакала на северо-запад. Удаче атаки несомненно содействовал разъезд штабс-ротмистра Елизарова, высланный в начале боя в обход правого фланга противника. Елизаров переправился через ручей южнее Поравице и вышел немцам в тыл. После атаки по вспаханному полю эскадрон не был в состоянии преследовать противника. Разъезды, высланные 6-м эскадронам, неприятеля до темноты не обнаружили.

В 1-м эскадроне убито двое гусар, ранено пять. Убито и ранено несколько лошадей. Среди раненых гусар, тяжело ранен в живот первый вскочивший на мост доброволец гусар Левицкий. Несмотря на польскую фамилию, Левицкий был японец. В Японскую войну 1904-1905 г. г. генерал Левицкий подобрал сироту японца, усыновил и воспитал его, все же Левицкий с трудом говорил по-русски.

По немецким источникам фольварк Поравице был занят 2-м эскадронам Саксонского конно-карабинерного полка и ротой самокатчиков.

Дорога на Биржу была открыта. Туда немедленно пошел разъезд 2-го эскадрона под командой корнета Лопухина. Ночью по лесной дороге дошел Лопухин до Биржи. Биржа видимо считалась немцами глубоким тылом, войск там не было, было лишь несколько немецких солдат, организовавших для войск выпечку хлеба жителями. Двух из них Лопухин взял в плен и, отправив их одновременно с донесением в штаб полка, пошел с разъездом дальше.

Донесение это было получено поздно ночью. Крайняя усталость не дала возможности полку ночью же занять Биржу. Это имело печальное последствие: 27 июля противник исправил свою ошибку и занял Биржу сильным отрядом с артиллерией. 1-й Кавалерийской дивизии с батальоном 79 пехотной дивизии пришлось вести упорный бой за обладание местечком. По подошедшим близко цепям пехоты немецкая артиллерия порой стреляла в упор на картечь. 28-го бой продолжался. Гусарский полк, находившийся на левом фланге пехоты, из-за болотистой местности существенной поддержки оказать не мог. Вечером пехота окопалась перед Биржей.

28 июля 1-я Кавалерийская дивизия с бригадой 79-й пехотной дивизии занимала фронт от Шенберг до Биржи, южнее до д. Дирванки фронт занимала 2-я Кавалерийская дивизия и далее 15-я Кавалерийская.

Германцы для контрнаступления подтянули 36-ю резервную дивизию, правее ее развернулась 41-я пехотная дивизия, южнее озера Биржи — 6-я Кавалерийская, севернее — 8-я Кавалерийская дивизия.

30 июля под сильным давлением немцев 2-я и 15-я Кавалерийские дивизии отошли за реку Олошня. 1-я Кавалерийская дивизия заняла линию д. д. Медейка-Шакиры.

Бои продолжались неделю. Несмотря на превосходство сил и на приказание Германского командования 36-й и 41-й пехотным дивизиям — "сбить русскую кавалерию и неустанно ее преследовать возможно дальше на восток" — попытки немцев продвинуться дальше успеха не имели.

Насколько линия сопротивления с нашей стороны была тонка, можно судить по пререканию двух командиров эскадронов. Командир драгунского эскадрона доносил, что между его эскадронам и гусарским образовался прорыв и что гусары не хотят его заполнить. Запрошенный командир гусарского — ротмистр Панков ответил, что если этот промежуток считать прорывом, то его эскадрон "сам сплошной прорыв", намекая на чрезмерную растянутость фронта его эскадрона. Так и было передано в штаб дивизии.

Вследствие растянутости фронта выставленное на ночь сторожевое охранение являлось скорее не охранением, а наблюдением. После напряженного боя, продолжавшегося весь день, 2-му эскадрону было приказано выставить охранение в непосредственной близости к противнику. С рассветом немцы повели наступление и быстро оказались в тылу сторожевой линии. Эскадрон прорвался, потеряв один полевой караул младшего унтер-офицера Новожилова. Новожилов раненый попал в плен, судьба других неизвестна.

Сказывалось на людях сильное утомление — со дня выгрузки в Митаве, полк был в ежедневных боях и все время перебрасывался с одного участка на другой. Главным желанием всех было — выспаться.

Начальник команды связи корнет Литтауэр всю ночь ставил и проверял телефонную связь. Вернулся утром и сильно усталый лег спать. Только что заснул, как началось наступление немцев. Будучи разбужен по тревоге, произнес уверенным тоном: "Это демонстрация" и повернулся на другой бок. С большим трудом убедили его, что наступление настоящее и заставили покинуть только что занятую кровать.

Сумский полк, обеспечивая левый фланг дивизии, отошел на местечко Попель. Переночевав полк перешел в район д. Скорбишки, оставив в Попеле отряд под командой полковника Маркова в составе 2-го и 6-го эскадронов, двух рот пехоты и взвода 2-й Конной батареи поручика Тихомирова. Гусары вместе с пехотой всю ночь рыли окопы.

С рассветом после артиллерийской подготовки немцы повели наступление на Попель. Особенное внимание противника привлекала каменная ветряная мельница, избранная Тихомировым наблюдательным пунктом. Телефонные провода между батареями и наблюдательным пунктом постоянно рвались тяжелыми снарядами и сейчас же восстанавливались гусарами команды связи. Одним из снарядов был убит гусар команды связи Лезякин.

В тот же день полк в составе 4-х эскадронов вел бой в районе д. Кубиле. Подку было приказано выбить немцев из деревни и впереди лежащего хутора. Здесь противник успел вырыть окопы в рост.

В начале боя в командование дивизией вступил командир 1-й бригады генерал Лео, временно заменив уехавшего по болезни генерала барона Майдель.

4-й и 5-й эскадроны остались в резерве и в прикрытии к конноводам. Наступление спешенных 1-го и 3-го эскадронов немцы встретили сильным огнем. Цепи залегли на опушке леса в 200-300 шагах от немецких окопов. Генерал Лео по телефону требовал энергичного наступления, не считаясь с потерями. Полковник Гротен, в свою очередь, настаивал на обещанной ар-

тиллерийской поддержке. После долгих пререканий, нашей батареей было дано три выстрела, два снаряда не разорвались, третий зажег сараи. Противник ответил огнем тяжелой артиллерии.

Командир полка приказал 4-му эскадрону выбить немцев конной атакой. Одновременно с подходом к противнику конного эскадрона, предполагалось атаковать спешенными.

4-й эскадрон ротмистра Панкова развернулся в лаву и пошел галопом. Правым полуэскадронам командовал корнет Соколов, левым корнет Филиппьев. Правый полуэскадрон в начале атаки был скрыт от противника гребнем холма, левому же пришлось идти по открытому месту. Заметив атаку, немцы открыли бешеный ружейный и пулеметный огонь. Когда командир эскадрона с правым полуэскадронам достиг гребня, то увидел повсюду барахтающихся на земле лошадей, бегущих около них гусар и отдельных всадников левофлангового полуэскадрона. Первое впечатление было, что полуэскадрон скошен пулеметом. К счастью, опасения не подтвердились. Взводы попросту завязли в болоте, а немцы, напуганные атакой, взяли неверный прицел. В людях потерь не было, убито и ранено было несколько лошадей, в том числе и конь корнета Соколова. Его востовой гусар Кудлаш сейчас же соскочил со своего и дал его своему корнету. 4-й эскадрон отошел. Хутор с окопами немцы все же оставили.

С началом конной атаки противник усилил огонь и по спешенным эскадронам. Ружейной пулей был ранен стоявший в цепи командир полка Флигель-Адъютант полковник Гротен. Ранение командира и отход 4-го эскадрона заставили отказаться от атаки спешенными эскадронами.

Огонь немецкой артиллерии, в начале боя беспорядочный и мало действительный, стал более точным. Снарядами, попавшими в конвоедов, было убито два гусара и 11 лошадей. Стреляти и по лазаретной линейке, увозившей раненного командира. В командование полком вступил полковник Рот.

К 5 августа дивизия занимает фронт от Попель до Мемельгоф. В штабе Армии получены сведения, что немцы готовят удар в направлении Фридрихштадт в районе Шенсберг-Радзивилишки. Здесь сосредотачивается германский корпус Шметова (2-я, 6-я и 8-я кавалерийские дивизии и 41-я пехотная дивизия).

Московский, Петроградский и 1-й Донской полки уходят в район южнее и восточнее Радзивилишки. Сумский полк с 2-мя орудиями и 2-мя ротами пехоты (90 человек) заняв фронт Попель-Мемельгоф, остается заслоном на месте ушедшей дивизии. Наступает сравнительное затишье, действия сводятся к усиленной разведывательной службе.

10 августа полку приказано присоединиться к дивизии. Полк, посадив пехоту частью на повозки, частью на передки орудий, уходит, оставив на всем фронте, занятом раньше дивизией, 3-й эскадрон корнета Соколова. Действия эскадрона, растянутого на таком большом участке, свелись к наблюдению, о серьезном сопротивлении думать не приходилось.

10 августа, в 3 часа ночи, немцы начали наступление на всем фронте от Попель до Радзивилишки.

3-й эскадрон отходит за реку Нейменок и дальше за реку Суссей и, наконец, присоединяется к полку, ведущему вместе с дивизией бои на реке Черва впереди д. Латвеле.

После ряда жестоких боев дивизия 14 августа отходит в район Тартаркален-Муремуйша. Следуют лесные бои, в одном из них сильно контужен корнет Иванов, впоследствии потерявший слух.

Под натиском противника, прикрывая отход пехоты, 1-я и 2-я Кавалерийские дивизии отходят на Даудзевас. Сумский полк, следуя по лесным дорогам, выходит на шоссе Гросс Сальвен-Даудзевас. Полк с приданными ему 2-мя ротами пехоты прибыл в Даудзевас 17 августа. По дороге в небольшом хуторе Бушгоф оставлена застава под командой прапорщика Елизарова Андрея. Две роты пехоты заняли Даудзевас, южнее 2-й эскадрон, далее по опушке леса остальные эскадроны. 3-й эскадрон в резерве. Участок севернее Даудзеваса занимается полками 1-й бригады. Южнее Бушгоф заняла позицию 2-я Кавалерийская дивизия. Ее начальнику генералу князю Трубецкому подчинена 1-я Кавалерийская дивизия.

На место ушедшего начальника дивизии генерала барона Майдаль, назначается командир 1-го Донского казачьего полка генерал Греков, но так как Греков теперь становился начальником своего командира бригады генерала Нилова, то последний переведен в 5-ю Кавалерийскую дивизию. На место Нилова назначается 2-го лейб-уланского Курляндского полка полковник Великопольский, сразу завоевавший симпатии полка.

К вечеру из леса вышла неприятельская пехота, завязался огневой бой, не прекращавшийся ночью. Порой наши цепи стреляли с таким ожесточением, что обугливались ствольные накладки. Наша артиллерия, стоявшая на просеках, из-за густого леса была лишена возможности бить по противнику. Окопы в Даудзевас засыпались немецкими снарядами, были случаи, когда взводы пехоты бросали окопы и рассеивались по лесу. 3-й эскадрон водворял порядок и возвращал их обратно. Свист немецких пуль был похож на рой пчел.

"Мне было приказано", вспоминает командир 2-го эскадрона ротмистр Говоров, "18 августа занять эскадронами позицию у деревни южнее мызы Даудзевас. С утра начали рыть небольшие окопы. Около 10-ти утра прискакал казак и крик-

нул, что наступают немцы. Мы заняли окопы и действительно из леса показались цепи немецкой пехоты силою в батальон. Подпустив их приблизительно на 1200 шагов, мы открыли частую стрельбу из винтовок и одного пулемета. Повидимому, наш огонь произвел впечатление, ибо немцы залегли и сейчас же открыла огонь их батарея. В течение часа мы держались. Скоро стали появляться раненые, осколком снаряда ранен корнет Иванов, контужен корнет Димитрий Головин, ранено несколько гусар. Патроны начали подходить к концу. Попаданием снаряда выбросило из окопа наш пулемет. Я приказал поодиночке отходить и унести пулемет. За себя я не очень беспокоился, ибо в каменном сарае стояла моя "Нора" (вестового я раньше отправил с донесением, больше конных не было). Когда я вошел в сарай, в стене было два отверстия от гранаты и "Нора" с оборванным поводом металась по сараю. Я поймал ее, связал повод и сел верхом. Когда я вылезал из сарая и прижался к стене, огонь был еще довольно сильный. Люди уже ушли и пулемет унесли. Выждав разрыва очереди шрапнели, я пустился догонять эскадрон. Почти сейчас же меняхватило двумя пулями по левой руке и левому боку. Я усидел и благополучно доехал до перевязочного пункта".

Контуженный корнет Головин довел эскадрон до леса и занял позицию на правом фланге полка, отбивая атаки немцев, не дал им возможности распространиться в обход фланга. Головин оставался в строю до прибытия нового командира эскадрона. Эскадрон принял корнет граф Борх, а потом штабс-ротмистр Елизаров.

Брат его, младший Елизаров, во время всего боя продолжал оставаться в доме лесника, на хуторе Бушгоф. Дорога к полку была уже занята противником и он держал связь с полком по телефону, присоединенному к правительственному телеграфу. Лишь после приказа уходить, прапорщик Елизаров с большим трудом присоединился к полку.

В этих боях был ранен вольноопределяющийся Виленкин, награжденный к этому времени Георгиевской медалью и двумя Георгиевскими крестами.

19 августа бой продолжался с прежним ожесточением. К вечеру подошли части 73-й пехотной дивизии; их батареи по ошибке выпустили несколько шрапнелей по штабу нашего отряда, к счастью никого не ранив. Подошедшая пехота сменила измученных гусар и полк с двумя орудиями пошел на ночлег. Дорога лесная, болотистая, проросшая корнями. Особенно трудно было безропотным кашеварам с их походными кухнями. На ветхом мосту проваливается любимец 3-го эскадрона обозный конь "Мишка", битюг с пивоваренного завода, понариший в полк по конской повинности. Люди барахтаются

в воде, извлекая "Мишку" и кухню. В темноте ночи эскадроны с трудом разыскивают назначенные им для ночлега деревушки.

Моросит дождь, все стремятся поскорей попасть под крышу и отдохнуть после двухдневного боя. Тесно. Командир полка и адъютант спят в углу избы на лавках под образами, на полу вповалку сплошь лежат гусары. Ночью адъютанта позвали к телефону. Сступить некуда. Он пошел прямо по людям, ни один не пошевелился.

Получена новая боевая задача. Дивизии с баталионом 5-й Стрелковой бригады приказано для облегчения положения пехоты, ведущей бой на высоте Даудзеваса, наступать в западном направлении.

20 августа в 6 утра, люди уже "пообедали", коней накормили и полк вытянулся в походную колонну, направляясь по назначению. Отдыхали всего три-четыре часа. Утомление дошло до того, что люди засыпали днем, пользуясь каждой остановкой, кто спал, прислонясь спиной к дереву, кто в придорожной канаве, один заснул даже на муравейнике.

Наступление стрелков было успешно. Роты, сбивая спешенные части германской кавалерии (23-я кавалерийская бригада), быстро продвигались вперед. Батальон шел по полотну железной дороги, западнее станции Даудзевас. Дивизия, имея в авангарде казаков, продвигалась через лес, параллельно движению пехоты.

Пройдя половину леса, казаки были задержаны сопротивлением немцев, окопавшихся впереди деревни, расположенной на большой поляне. Орудие противника било по выходу из леса. Спешенные сотни не могли продвинуться. Дивизия, растянутая кишкой по узкой лесной дороге, оказалась в затруднительном положении. Артиллерия беспомощно стояла в лесу в колонне. На поддержку казакам были посланы 3-й и 6-й эскадроны. 3-й эскадрон корнета Соколова, спешившись, пошел по лесу в обход деревни. 6-й, прикрытый лесом, в конном строю стоял за цепями казаков. Казаки поднялись и с криком "ура" бросились на немцев. Видя это, командир эскадрона ротмистр Слепцов, развернув на ходу эскадрон в лаву, бросился в атаку. Гусары, опережая казаков, настигли начинающих бежать немцев. Часть была изрублена, часть взята в плен. Командир германского эскадрона был заколот пикой, два младших офицера сдались. Орудие, находившееся далеко за деревней, успело уйти. Взятые пленные были Гвардейского Саксонского Конного полка.

21 августа германская 6-я Кавалерийская дивизия безуспешно атаковала Даудзевас. Одновременно противник вел атаки против Фридрихштадта, обороняемого 3-й Стрелковой дивизией. Стрелки отошли на правый берег Западной Двины и сожгли мосты.

22 и 23 августа полк в составе дивизии занимает участок от ст. Даудзевас далее на юг до Бушгоф. Начался самый трудный период боев в Курляндии. Немецкая артиллерия совершенно подавляла нас, стреляя тяжелыми гранатами и шрапнелями не только по цепям, окопам и селениям, занятым нами, но и по отдельным всадникам и людям. На небольшом участке, занимаемом 1-й и 2-й Кавалерийскими дивизиями (1-я — Даудзевас—Бушгоф, 2-я далее на юг от реки Вессит до Клейн Сальвен), немцы сосредоточили 41-ю пехотную, 78-ю резервную пехотную, 6-ю и 8-ю кавалерийские дивизии.

К вечеру 23 августа немцы заняли линию Даудзевас-Вессит и продолжали теснить полки 1-й и 2-й дивизий. За 24 и 25 августа им удалось продвинуться на участке 1-й дивизии до Зоннакт и против 2-й дивизии до Гросс Сальвен. В болотистых лесах потерялась ориентировка, кто где.

26 августа немцы вновь атаковали полки 1-й дивизии у Вильдаваш. Цепи спешенных драгун занимали левый фланг, дальше шли гусары и казаки, уланы в резерве. Около 5 часов вечера в тылу драгун раздались выстрелы, оказалось, что небольшие немецкие части прорвались по лесным дорогам и вышли на драгунских коноводов, открыв по ним огонь. Об зумевшие лошади бросились в разные стороны. Долго, в наступившей темноте, драгуны ловили своих лошадей.

27 августа 37-й Армейский корпус занял участок между Двиной и озером Пикстерн. 1-я Кавалерийская дивизия, отступая на восток, заняла участок от озера Пикстерн до истоков реки Сальвен, южнее 2-я Кавалерийская дивизия.

Цепи спешенной немецкой кавалерии, 23-я бригада, с приданным ей батальоном, наступая, встретили с нашей стороны упорное и сильное сопротивление. В бой скоро втянулась и 8-я германская кавалерийская дивизия. С помощью подошедших двух рот 37-го корпуса 1-я Кавалерийская дивизия перешла в контратаку и отбросила немцев в болотистые, бездорожные леса.

28 августа дивизия продолжала наступление в направлении Клейн Зоннакт. 2-я Кавалерийская дивизия заняла Вильдаваш.

30 августа полк перешел реку Вишунку у д. Нерфт и занял гребень горы в 2-3 верстах западнее реки. Там уже находился уланский Петроградский полк; отрядом командовал командир бригады полковник Великопольский. Южнее находилась 15-я Кавалерийская дивизия, прикрывавшая правый фланг, отходившего на Двинск 19-го Армейского корпуса.

Наступление немцы в районе Нерфт не возобновили, ограничившись жестоким артиллерийским обстрелом оборонительных пунктов, занятых полком. Снарядов противник не жалел. Целый день пролежал полк под огнем тяжелой артилле-

рии. Лежали без окопов, рыть их не было времени, да и шанцевого инструмента в кавалерии не полагалось. Война приучила розить лопаты, но в обозе 1-го разряда и в ограниченном количестве. К вечеру деревня, занятая 1-м эскадронам, загорелась, пришлось менять позицию, освещенную заревом. Заметив это, немцы сосредоточили огонь по эскадрону. Поздно вечером полки были оттянуты к д. Екенграфен.

31 августа дивизия отбила наступление 8-й германской кавалерийской дивизии.

1 сентября сведений о 15-й дивизии и 19-м корпусе не было. Гусарскому полку было приказано занять м. Вессен для защиты шоссе на дороге Вессен-Ливенгоф. Лес в районе Вессен-Бушгоф трудно проходим из-за болот и редких дорог. К вечеру разъезды донесли о движении немецкой пехоты на восток и о выходе ее на шоссе Якобштадт-Вессен около Бушгоф. Сообщение с Якобштадтом было перерезано. Разведка выяснила, что впереди Вессен находится русская 15-я Кавалерийская дивизия, отходящая под напором противника на Ливенгоф. Вошли с ней в связь и вскоре от начальника 15-й дивизии полку пришло приказание присоединиться к его дивизии.

Полковник Рот, имея определенную задачу, не считал возможным выполнить приказание начальника 15-й дивизии, кроме того, Рот предвидел, что "чужой" полк будет использован для выполнения неприятных задач. Когда же выяснилось, что полк от своей дивизии отрезан, все-таки пришлось подчиниться.

2 сентября начался отход к Западной Двине. Сумский полк был назначен прикрывать отход 15-й дивизии с обычным приказанием "держаться во что бы то ни стало".

Полк держался, отбиваясь от наседающего противника. К вечеру немцы подошли настолько близко, что лежавшие в цепи гусары отчетливо слышали, как немецкий артиллерийский наблюдатель командовал своей батареей "Feuer, Feuer". Ночью полк начал отходить к Западной Двине.

Боевая обстановка была совершенно неизвестна. Связь со штабом своей дивизии была утеряна уже два дня. 15-я дивизия ушла за Двину и пыталась сжечь за собой мост, не считаясь с тем, что Сумский полк ведет зрельсгарный бой. Когда полк подошел к реке, сотня 3-го Уральского Казачьего полка начала уже поджигать мост, кругом пылали бочки с керосином. Пришлось проходить по начинавшему гореть мосту. Правый берег Двины занимали сполченцы, вооруженные берданками.

На другой день на левый берег был отправлен разведывательный эскадрон (3-й), а к вечеру по полусгоревшему мосту переправился обратно весь полк и, пройдя несколько верст на север, соединился у д. Арглан с своей дивизией.

К 5 сентября расположение войск 5-й Армии было следующее: 7-й Сибирский корпус впереди Риги от г. Шлок до Горозен. Далее по Западной Двине 37-й армейский корпус. 28-й корпус высаживается в Крейцбурге. 19-й и 3-й корпуса впереди Двинска.

Накануне 39-й германский корпус прорвал расположение 3-го Армейского корпуса впереди м. Имброды (северо-западнее г. Ново-Александровска). Штаб Армии спешно направил сюда бригаду из состава конницы генерала Казнакова, а на слабо обеспеченный фланг 3-го корпуса 1-ю Кавалерийскую дивизию, кроме того, на усиление 3-го корпуса подошла 20-я пехотная дивизия.

6 сентября 3-й корпус отошел на оборонительную линию Штензе-Смелина-станция Турмонт. Спешно переброшенная сюда 1-я Кавалерийская дивизия ведет арьергардные бои, отходя в район озера Дрисвяты, где 11 сентября сменяет части 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии.

Сумский полк занимает перешеек между озерами Дрисвяты и Скирно. Штаб полка в имении Скирно, в одной версте от окопов. Гусары улучшили окопы и поставили проволочное заграждение.

С отходом на Скирно закончился период маневренной войны, началась стабилизация фронта.

Всего два месяца назад полк в блестящем состоянии выгрузился в Митаве. "Настроение у всех приподнятое, дух бодрый", пока нас не замучили бесконечными переходами и недосыпанием. В штабах забывали, что нужно расседлать, завести под крышу и накормить коней. Люди обедали в 6-7 утра или в 10-12 ночи. На ночь приходили большей частью поздно, и часто деревни, предназначенные нам, были заняты другими частями. Помню, во время командования полком полковником Ротем, мы заняли фольварк, слышим шум, ругань и крики, глетает офицер. — Я, говорит, командир эскадрона Псковского драгунского полка, вот мое предписание; это моя деревня.— Мы ему показываем свое. Драгуны ушли, но такие случаи бывали и с нами и очень раздражали офицеров и гусар". (Воспоминания штабс-ротмистра Снежкова).

Как ни тяжелы были эти два месяца, но полк, как и вся конница, исполнил свой долг. Лучшей похвалой является оценка противника.

В своей книге "Die Deutsche Kavallerie in Litauen und Kurland" фон Позек пишет: "Русская конница была достойным противником. Ее состав был прекрасен. Особенно она отличалась в разведках. Ее дозоры появлялись повсюду и отличались умением применяться к местности. Русская конница умела отлично укрываться, умела незаметно для противника выйти из боя и маскировать свое отступление. Русская конница никог-

да не избегала ни конного, ни пешего боя. Русские часто бросались в атаку на наши пулеметы и орудия даже тогда, когда атака заранее была обречена на неудачу, не считаясь ни с силою нашего огня, ни с теми потерями, которые они несли“.

Такую же оценку действий русской кавалерии мы находим в истории германского 12-го уланского полка. На странице 142 Эрнест Циттфелд пишет: “Русская конница была храбра, с большим порывом и с сильно развитым чувством долга. Она особенно отличалась в умении применяться к местности и причиняла нашей разведке много затруднений. Охранение русской конницы сжимало наши разъезды в железные тиски, постоянно стремясь их отрезать, обойти, отогнать“.

ГЛАВА 4.

ПОЗИЦИОННАЯ ВОЙНА

С занятием окопов у озера Скирно, началась сравнительно "мирная жизнь". В прекрасном помещичьем доме — в собрании — собирались все офицеры эскадронов, находящихся в резерве, играли в преферанс. Полк был единственным в дивизии, сохранившим в течение всей войны полковое собрание. Это очень сближало офицеров. В полках, перешедших на, так называемые, "эскадронные собрания", офицеры разных эскадронов месяцами не видели друг друга.

Заведывал собранием сначала штабс-ротмистр Елизаров, потом ротмистр Панков, но в боевое время собранием фактически руководил гусар Колодейчук, прилагавший все старания, чтобы лучше накормить офицеров. В дни продовольственных затруднений на вопрос: "Что сегодня на обед?", Колодейчук с виноватой улыбкой отвечал: "Тюфтели".

За время сидения в окопах у о. Скирно в разведке ранен поручик Дмитриев.

К концу сентября ожидалось наше наступление. Подошли 4-й и 14-й Армейские корпуса. Корпуса были только по именованию: в 4-м корпусе было 14.000 штыков, а в 14-м — 4.000. В расположение 3-го эскадрона прибыли квартиреры Ярославского пехотного полка и просили эскадрон потесниться, чтобы дать квартиры их полку. На вопрос, как эскадрон может это сделать, когда в деревне всего с десяток домов, начальник квартиреров ответил: "Дайте нам один сарай: в полку всего 90 человек".

28-го сентября 4-й корпус повел наступление севернее озера Скирно. Сумский полк, смещенный в окопах Петроградскими улачами, стал в резерве 4-го корпуса. Под прикрытием густого тумана передовые окопы немцев были взяты нашей пехотой, но дальнейшего успеха развить не удалось. Наступление остановилось и полк вернулся в окопы у Скирно.

7-го октября в полк прибыли офицеры ускоренных выпусков: корнет Яцинский, прапорщики Раутсман, Петров I, Моравский, Завалишин, Роменский, Крейтер 2.

Штаб Армии приказал командировать на 10 дней ординарца в штаб Армии. Послали корнета графа Борх. Через день он вернулся — откомандировали за немецкую фамилию. Командующим Армией был генерал Плева и начальник штаба Армии — генерал Миллер. Послали ординарца с русской фамилией, корнета Соколова.

15 октября полк был сменен в окопах Кавалергардами, причем последние высказали неудовольствие на неглубокие окопы. Действительно, окопы были мелки для рослых гвардейцев.

Полк переходит на отдых в мызу Лассен, южнее Двинска. Здесь под руководством полковника Шиббергсона производится ежедневная сменная езда офицерам ускоренных выпусков.

Возвращаясь по выздоровлению от раны полковник Гротен. За несколько дней до приезда, он был отчислен в резерв, так как прошло три месяца отсутствия из полка. Адъютанту, встречавшему его на вокзале в Двинске, было тяжело сообщать эту неприятную для него и для полка новость. Впоследствии полковник Гротен, произведенный в генерал-майоры, принял Лейб-Гвардии Конно-Гренадерский полк. Через несколько дней служили напутственный молебен. Священник, о. Лепорский, произнес хорошее, теплое слово. Все были растроганы, прослезился, прощаясь с офицерами, и сам Гротен. На другой день прощание полка со своим бывшим командиром. Полковник Гротен уехал, оставив по себе на редкость добрую память.

Полк принял нового командира полка — Генерального Штаба полковник Леонтьев.

26 ноября отпраздновали полковой праздник. Новый командир даже прихворнул после славного обеда.

Командующий Армией генерал Плева произвел смотр дивизии, после чего выдали консервы, и полк перешел ближе к боевой линии. Ожидался прорыв неприятельских позиций. Тяжелая артиллерия старалась уничтожить проволочное заграждение и, так называемую, "пулеметную горку". Консервы съели в первый же день, но прорыв не удался, и полк вернулся в Лассен.

В первых числах декабря, в составе дивизии, полк переходит в район деревни Арглан и, сменив 2-й Лейб-гусарский Павлоградский полк, занимает позиции на западном берегу Двины в лесах. От Ливенгофа — 1-я бригада, и севернее — 2-я. Позицию полк занимал попеременно с 1-м Донским казачьим.

Участок, охраняемый полком, представлял собою лес, пересеченный вдоль и поперек просеками. На перекрестках просек построили блокгаузы — окопов из-за болотистой почвы рыть было нельзя. Расстояние от противника 5-7 верст. Лес

трудно проходим, двигаться можно только по просекам. Для поисков разведчиков местность благоприятная, но охранению, сидящему в блокгаузах, надо было держаться пачеку, т. к. ни обстрела, ни поля для обозрения не было.

Полк занял район деревень Арглан — лесничество Смола. Деревни небольшие, 3-5 домов. Люди расположены скученно. Для лошадей конюшни пришлось строить самим из словых восток и навоза. Сырые темные конюшни неблагоприятно отзывались на конском составе: заводились мокрецы и т. п.

Деревня Арглан представляла собою одну школу, в ней помещился штаб полка, 1-й эскадрон и конно-пулеметная команда.

Долгое монотонное сидение в Арглане прекрасно изобразил в стихах А. А. Виленкин:

"Грязные стены, измызганный пол,
Окна в бумаге, широкие щели.
Мебель — скамейки, из ящика стол,
И, как следки в боченке, — постели.
На ржавых гвоздях в беспорядке висят
Всюду фуражки, папахи, рубашки,
Бинокли, палетки, и тускло блещут
Средь краповых чакчир истертые шашки.
Вечер за вечером — много уж дней
Тут прозябают Сумские гусары.
"Пулька" царит в полумраке свечей,
Где Эрмитажи, Максимумы и Яры?
Тихо и скучно . . . Замёрзла Двина.
Спит все и будет спать вплоть до лета,
Пока снега исчезнет с полей пелена.
Будет войны тогда песня допета.
Вечер . . . Гитару берет Калачёв,
Тихо разносятся стоны гитары,
Звуки родные бесхитростных слов
Вмиг воскрешают московские чары.
В комнату тихо вползает туман,
Входят незримо знакомые лица,
Слышались песни московских цыган,
Нету Двины! Исчезает Арглан!
Здравствуй, родная столица!"

Пробывание в Арглане вдохновило того же Виленкина на сочинение оперетки — обозрения жизни полка, где с большим юмором изображались офицеры полка. Особенно досталось тем, кто под теми или иными предлогами ушли в тыл. Оперетка, размыгранная офицерами, имела шумный успех.

Стоянка в Арглане вначале носила спокойный характер, но, начиная с конца февраля, боевые действия оживились. Начало положили немцы, которые силами примерно до двух рот нео-

жиданно атаковали левый фланг полка и потеснили 1-й эскадрон. Через несколько времени эскадрон самостоятельно восстановил положение. После этого инициатива переходит к нам.

Около 1-го марта корнет Лопухин, произведя тщательную разведку, просит разрешения попытаться захватить в плен немецкого часового, пост которого он хорошо выяснил. С 5-ю гусарами 2-го эскадрона, в темноте, Лопухин уходит в сторону противника. Скоро после рассвета часовой блокгауза, занятого взводом 2-го эскадрона, поднимает тревогу — немцы наступают. Скоро тревога сменилась известием, что "наступающий немец" — это пленный, взятый Лопухиным. Часовой покровительственно протягивает подходящему немцу руку с словами: "Здорово, племянник!" Немец почтительно жмет ему руку.

В начале марта началось наступление 2-й и 5-й армий. Главный удар должен был наноситься: Северным фронтом из Якобштадта на Поневеж, Западным фронтом у озера Нарочь на Свенцеры. 2-я Армия начала бои 5 марта, 5-я Армия — 8-го. Бои у озера Нарочь, продолжавшиеся до 17 марта, и бои у Якобштадта успехом не увенчались.

В течение этих боев 1-й Кавалерийской дивизии была дана задача вести усиленную разведку, держа немцев в постоянном напряжении. Дивизии был придан батальон пехоты. Полку было приказано ежедневно высылать один спешенный эскадрон и тревожить немцев. Эскадроны по просеке доходили до линии немецкого расположения и, обстреляв его, возвращались обратно.

Первые два дня все шло благополучно, но когда очередь дошла до 2-го эскадрона, немцы приблизительно на 2/3 пути устроили около поляны засаду. По счастливой случайности, как раз у поляны эскадрон остановился, пропустив вперед дозоры. Дозоры прошли поляну беспрепятственно, немцы их не тронули, ожидая, видимо, приближения всего эскадрона. Видя, что эскадрон вперед не двигается, немцы не выдержали и открыли по нем огонь. Эскадрон рассыпался в цепь и стал отвечать. Тем дело и кончилось.

На другой день с той же задачей был послан 3-й эскадрон под командой поручика Дмитриева. Эскадрон попал в засаду. После ожесточенной рукопашной схватки Дмитриев, оглушенный и битый с ног прикладами, был взят немцами в плен. Прапорщику Таланову с большей частью эскадрона удалось проваться и через лес вернуться в наше расположение.

Последний раз очередь снова выпала 2-му эскадрону, которому приданы были полроты пехоты, снабженной большим количеством ручных гранат. Дело шло к весне, и отряду пришлось идти по сильно таяющему снегу. Подойдя к поляне, увидели ее превратившейся в озеро. Отряд дальше не продвинулся, нем-

цы себя не обнаруживали. После этого поиски прекратились, ибо лес стал почти непроходим.

Прибыл 4-й маршевый эскадрон. С ним прибыли 100 гусар, 150 лошадей и 60 седел.

5-го апреля полк покидает Арслан и, перейдя Западную Двину у Крейцбурга, походным порядком по непролазной грязи весенней распутицы переходит в район озера Дрисвяты. Здесь полк остается недолго и, числясь в армейском резерве, идет в г. Двинск, где располагается почти на два месяца в артиллерийских казармах на отдых.

Во время отдыха, в Двинск приехал на гастроли театр. Сумцы сразу становятся завсегдатаями и друзьями театра, артистов — в особенности. В течение двух месяцев первый ряд всегда был занят гусарами и ежедневно вся труппа после спектакля ехала ужинать в собрание.

Псевдонимы по сцене у артистов были необыкновенно звучные — г-жа Мюрат, г-жа Бернар и т. д. Гусары, желая почтить артисток, решили на устраиваемом дивизионном конкурсе и скачках назвать своих лошадей в честь артисток. Результат получился обратный: кобыла "Мюрат" и кобыла "Бернар" у артисток, носящих эти фамилии, восторга не вызвали.

Долго потом вспоминали гусары отдых в Двинске. А. А. Виленкин закончил сочиненную им пародию на популярную тогда песенку "Оружием на солнце сверкая" словами:

"И часто при свете ракеты
В молчании окопных кулис
Вспоминали лихие корнеты
Далеких и милых актрис".

Приезжала артистка Московского Камерного театра Ненашева, привезшая полку подарки от артистов Москвы.

При кавалерийских дивизиях формируются пешие стрелковые дивизионы, состоящие из трех эскадронов: драгунского, уланского и гусарского. Командиром Сумского эскадрона назначен штабс-ротмистр Ларюшкин, младшими офицерами корнеты Десницкий и Кичев. Командиром дивизиона назначается 1-го Уланского полка полковник Конради.

В начале июня полк уходит из Двинска и занимает окопы на левом берегу Западной Двины, против местечка Иллукст, на правом фланге 17-ой пехотной дивизии. Левый фланг полка соприкасается с Бородинским пехотным полком, занимающим окопы на, так называемом, "Фердинандовом носу" (Болгарский царь Фердинанд имел большой нос). Там немецкие и русские окопы сходились на десятки шагов. Участок полка был хорошо укреплен и снабжен противоштурмовыми орудиями. Вместе с полком в окопах находилась рота самокатчиков штаба дивизии под командой штабс-ротмистра Чеботарева.

Участок был расположен в длинном и узком лесу. Между нашими и немецкими окопами — ручей и болотистый луг. Позади окопов до самой Двины большой луг, через который шла дорога к единственному в этом участке мосту через Двину. Пространство это часто обстреливалось противником.

Пользуясь лунными ночами, предприимчивые командиры эскадронов и вахмистра выкосили луг. Через два дня получилось отличное сено. Но когда рано утром начали вывозить возы с сеном, немцы открыли артиллерийский огонь, и тяжелым взам пришлось спасаться в сторону леса и окопов. Сено все же вывезли, и эскадроны были надолго обеспечены хорошим фуражем.

Сменялись в окопах еженедельно, после чего отходили в деревни, расположенные вокруг озера Колуб. Ловили рыбу, иногда глушили ее ручными гранатами. Занимались и другим спортом. Так как много лошадей, прибывших с маршевыми эскадронами, были упряжного типа, устраивали состязания "рысью под седлом".

По распоряжению начальника дивизии молодые офицеры производили маршрутные съемки, вероятно, для проверки знаний и подготовки.

2-го июля началось наступление Западного фронта генерала Эверта у Барановичей. В зависимости от успеха, намечались активные действия войск и 5-й Армии. В связи с этим дивизия перебрасывается в район озера Дрисвяты. Несколько дней полк занимает окопы на уже знакомом участке у озера Скирно. Расстояние между нашими окопами и немецкими 500-600 шагов; местность покрыта редким лесом и кустарником.

11 июля 4-го эскадрона корнет Кулебякин с унтер-офицером Марковым и одним гусаром вышли из окопов снять кроки неприятельского расположения. Присутствие их было обнаружено и противник открыл огонь. Корнет Кулебякин был ранен, но кроки снять успел и вернулся в свое расположение.

Наступление войск генерала Эверта закончилось неудачей. Дивизия вернулась в район севернее Двинска и заняла окопы по Западной Двине. Сменялись по-бригадно. Участок полка д. д. Буйвеска—Самоголы—остров Царьград. Эскадронные участки — от полутора верст и больше.

Ротмистр Лопухин, переправившись через реку Двину у острова Глаудан, ворвался в немецкий окоп, захватил пленных и благополучно вернулся в свои линии. За этот подвиг ротмистр Лопухин награжден Георгиевским оружием.

Начальник дивизии генерал Греков, почему-то недолюбливавший полк, в один дождливый день прибыл неожиданно на участок 6-го эскадрона. Одет он был в непромокаемый плащ, без погон. Сразу начал экзаменовать часового, "какие деревни и другие местные предметы находятся в секторе его наблюде-

ния". Часовой отвечал как-то неохотно и не очень почтительно. Раздраженный начальник дивизии его спрашивает: "Да ты знаешь меня?" — и получает простодушный ответ: "Да личность будто знакомая — кажись, оружейный мастер".

Генерал Греков, уже не в духе, прошел прямо в офицерскую землянку. Часовой, принявший начальника дивизии за оружейного мастера, не предупредил командира эскадрона, и ротмистр Слепцов встретил начальника дивизии в нижнем белье. В этом не было ничего ненормального, так как ночью все бодрствовали и не раздевались, а спали днем. Грекова это взорвало окончательно и что бы он ни видел, — все вызывало нарекания: и каша, разносимая по взводам не в котелках, а в "цинках" (коробки от патрон), и мясо, выдаваемое не в порциях, а в виде "крошенки".

Объяснение командира эскадрона, что разносить кашу по ходам сообщения на участке в две версты в котелках трудно, что люди предпочитают брать сразу на целый взвод — не так остывает, и что злосчастную "крошенку" делают по желанию людей, не помогло. В приказе по дивизии последовал жестокий разнос.

Предшествующие придирки и последний разнос так подействовали на командира полка полковника Леонтьева, что он заболел и в полк не вернулся, получив другое назначение. Вряд ли когда бы то ни было полк имел такого корректного и деликатного командира.

Во временное командование полком вступил полковник Рот. В конце сентября дивизия отходит в Армейский резерв в район станции Рушоны—Вышки. Приводится в порядок обоз, вьюки, проверяются списки людей и лошадей. Пронесаются слухи, что дивизия будет отправлена на Румынский фронт, но неожиданно ночью дивизия вызывается и идет на смену 8-й Кавалерийской дивизии, уходящей в Румынию как имеющей в своем составе много бессарабцев. Дивизия входит в состав 1-го Конного корпуса генерала Орановского, взамен 8-й дивизии.

Опять знакомые места Буйвеска—Самоголы—остров Царьград. Сменяются по-бригадно. Драгун—казаки, гусар—уланы. Конюходы оставались на постоянных стоянках в деревнях вокруг д. Забудовки, верстах в 20-ти от окопов.

Из Штаба Армии приходили требования о захвате пленных. Одна из попыток выполнения приказа описана корнетом Кулебякиным:

"Начальник дивизии генерал Греков, обходя наши окопы, нашел, что против нашего участка (4-го эскадрона) есть удобное место для поиска с целью захвата "контрольных пленных". Через реку был виден неглубокий овраг, подходящий к самой реке, и в овраге обозначалось что-то вроде следов. Генерал Греков заключил, что, очевидно, немцы на ночь посылают сю-

да полевой караул или пост. Я предложил принять на себя этот лонск. Снарядили лодку и, чтобы по исполнению задачи скорее добраться обратно, привязали к ней проволоку, за которую нас должны были тянуть назад. В совершенно темную ночь отправились в путь. Проволока тормозила движение, а шум от весел был невероятный. Добрались до немецкого берега. Когда подошли к оврагу, то убедились, что то, что издали казалось следами, оказалось булыжниками. Двинулись по оврагу дальше. Со мной было три гусара, четвертый остался с лодкой. Когда мы вышли из сврага, раздался окрик: "Хальт, вер да?" и сразу последовали два выстрела. Мы бросили ручные гранаты и побежали вперед, но наткнулись на проволочные заграждения. Немцы начали пускать ракеты; стало светло, как днем. Оказалось, мы подошли к маленькой постройке, которая была видна из наших окопов. Здесь у немцев и был пост. По ровному месту, для сокращения пути, мы побежали обратно к берегу, сели в лодку и закричали "тащи". Стрельба поднялась страшная. Пули так и щелкали по воде. Лодку пробило пулями в нескольких местах, но никого не задело. Проволока помогла. Мы быстро добрались до нашего берега. Когда были уже в своих окопах, немецкая артиллерия открыла огонь. Наша стала отвечать. Стрельба с обеих сторон продолжалась более часа.

Через несколько дней адъютант прислал мне выписку из приказа по 5-й Армии, где было сказано: "На донесении о переправе корнета 1-го гусарского Сумского полка Кулебякина с 4-мя гусарами Командующий Армией наложил резолюцию: "Молодцы разведчики".

Вслед за Кулебякиным, штабс-ротмистр Лопухин делает свой четвертый поиск за пленными, на этот раз неудачный. С 5-ю гусарами он переправляется через Двину к месту, заранее выслеженного им неприятельского поста. Но удар наносится впустую. Пост или убежал или был немцами заранее снят. Поднялась тревога, и при обратной переправе один гусар был убит.

Вскоре после этого при 1-й Кавалерийской дивизии формируется партизанский отряд. Начальник дивизии без колебаний назначает начальником отряда штабс-ротмистра Лопухина. Полк с грустью расстается с доблестным офицером и чудным товарищем. Командир 2-го эскадрона, в рядах которого Лопухин провел вторую половину войны, высоко ценя его, делает ему своего рода подарок: разрешает взять с собой из людей, кого он пожелает. С ним уходят взводный унтер-офицер Соловьев, ставший вахмистром отряда, и четверо гусар, его сподвижники по взятию пленных.

В полку не сомневались, что "Миша" не только заработает белый крестик, но и пойдет по стопам легендарного партизана, донского казака есаула Чернецова, слава которого гремела на Северном фронте. Судьба рассудила иначе. Наступившая рево-

люция отразилась и на партизанской доблести. Воинский героизм уступил место политике. Партизаны уже умирать не хотели. Незадолго до большевистского переворота отряд был распущен, и Лопухин, со всем пылом своей души, отдается работе в антикоммунистических организациях, играя в них самую активную и ответственную роль. Весной 1918 года он один из первых попадает в лапы Чeka и в ее застенках находит свою смерть. Вот к кому вполне применимы слова из "Капитанской дочки" Пушкина:

"Не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие, не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника".

Стояние в окопах на Западной Двине имело свои особенности. Летом река представляла собою существенную преграду для всяких сюрпризов, а зимой, хотя река и была минирована, как преграда значительно теряла свою силу. В этот период ночь резко отличалась от дня. Ночью все приводилось в боевую готовность, освещались ракетами, перестрелка усиливалась. Кроме того, ночью производились работы по усилению обороны, как своими средствами, так и при помощи присылаемых из резерва ополченских рабочих частей. Проволочные заграждения -- рогатки заготавливались за линией окопов ополченской ротой. Ночью гусары высылались в прикрытие вперед проволочного заграждения, а ополченцы ставили рогатки.

Однажды немцы заметили производящиеся работы и, осветив участок ракетами и прожекторами, открыли по ним огонь. Рабочие, а след за ними и прикрытие, бросились назад. Только успели добежать до окопов, сзади послышался отчаянный крик. Кричал ополченец, видимо, раненый и застрявший в проволоке. Не взирая на стрельбу, без всякого понуждения, гусары кинулись его спасать и сняли с проволоки. "Раненый" добежал до окопов первым. Зацепившись полусрубком за проволоку, он не мог оторваться и кричал со страху, ранен он не был. Один из спасителей крепко стукнул "спасенного" по затылку -- "из-за тебя люди могли погибнуть".

Когда наступал рассвет, все успокаивалось и, оставив наблюдение, предавалось отдыху. Офицеры по очереди ходили друг к другу в гости или в штаб полка. Некоторые занимались охотой на зайцев. Бывало, что в пылу увлечения вылезали на открытое место и подвергались обстрелу немецких часовых. Гусары любили переругиваться с немцами, кричали: "Герман капут", на что немцы отвечали: "Русс капут".

Дневную идиллию нарушали частые приезды начальства. Здесь как бы элемент мирной жизни врывается в условия войны. Почти не проходило дня, чтобы кто-нибудь из начальства, до командира корпуса включительно, не посещал окопов. Связь с штабами была налажена, всюду были друзья, с утра трещал

телефон: "командир корпуса выехал на позиции" или "начальник дивизии направился в окопы Сумского полка". Начальствующие лица имели свои "коньки". Кто требовал абсолютную чистоту в окопах, кто придавал особое значение "обороне против газов". Все эти требования были вполне резонны, но докучали командирам эскадронов, и некоторые из них сильно ворчали, вспоминая свободу полевой войны.

Случались эпизоды и неприятного характера. Гусары любили копаться в неразорвавшихся немецких снарядах, из частей которых лили себе ложки. Это было строжайше запрещено. Но разве можно было уследить за всем на участке эскадрона в 1-1½ версты? Гусар 4-го эскадрона нашел неразорвавшуюся немецкую гранату. Решил приманить, как ему казалось, безопасный способ для разрядки. Перебросил ее через окоп и из бойницы стал стрелять в гранату из винтовки. При первом попадании граната разорвалась, осколок, попав в бойницу, убил стрелявшего. Во избежание неприятностей, командир эскадрона показал его убитым в перестрелке с неприятелем.

В армии начали наблюдаться перебежки на сторону немцев солдат-поляков, очевидно, среди них велась соответствующая пропаганда. Бежал во 2-м эскадроне один поляк, недавно прибывший с маршевым эскадром из Запасного полка. Дезертировал ночью, пройдя по льду в окопы немцев. Много неприятностей перенес потом командир эскадрона за "отсутствие наблюдения за эскадром".

26 ноября в д. Заблудовке полк отпраздновал свой последний полковой праздник.

А. А. Виленкин прочел свое стихотворение:

Когда в Москве на праздник наш
Семья собиралась полковая,
Ломился стол от пенных чаш,
Гремел хор полный, не смолкая.
Здесь все не так, взглянув кругом,
С тем согласится, верно, всякий:
Собрание наше — скромный дом,
А доломаны — цвета хаки.
Хоть тот же бодрый вид у всех,
Что и в Хамовниках бывало,
Грмит немолчно прежний смех,
Но много доблестных не стало.
Три тоста выпить я б желал:
За тех, кто смертию гусара
За Русь с врагом сражаясь, пал,
Сперва осушится пусть чара.
Живым — вторая, чрез год, иль два
Иль более, как придется,
Все, уцелевши средь невзгод,

В Москве на праздник пусть сбегутся.
А третий тост до дна всем пить
За те, чтоб нам, избывши беды,
Врага к ногам Руси склонить,
В Сумской Штандарт влетая нить
Омытой кровию победы.

"Но многих доблестных не стало..." Полк за три года войны потерял 6 убитых и 28 раненных офицеров. Состав полка сильно изменился. Старые офицеры, передав традиции и тот тон, что отличал полк, молодым, сошли со сцены. Убитые раненые и те, кто по летам не выдержали тяжести войны, уступили свое место более молодым. Полк омолодился. К концу войны, кроме старого Князя Трубецкого, самыми старшими по годам были Ю. Б. Алферов — 33 года и Б. Н. Говоров — 31.

Вахмистра, вышедшие на войну, сдали офицерские экзамены и произведенные в прапорщики, ушли в другие полки. Сильно изменился и состав нижних чинов. За войну в полк прибыло из 7-го Запасного Кавалерийского полка 5 маршевых эскадронов, в среднем численностью от 100 до 150 человек каждый.

Прибыл новый командир полка полковник Жуков. Не понял он полка, и сразу у него начались недоразумения с офицерами.

В Заблудовке встретили Новый 1917-й Год. На встречу Нового Года приехал командир корпуса генерал Орановский. Засиделись до утра и только офицеры успели добраться до своих деревень, как генерал Орановский вернулся в полк и устроил тревогу.

В конце января было приказано развернуть стрелковые дивизионы в стрелковые полки, спешив в каждом полку два эскадрона, а полкам перейти на 4-эскадронный состав. Потянули жребий — выпало спешиваться 2-му и 5-му эскадронам. Со спешившими эскадронами существовавший стрелковый дивизион развернулся в Стрелковый полк 1-й Кавалерийской дивизии, имея три дивизиона: драгунский, уланский и гусарский. На пополнение стрелкового полка из Тамбова прибыли первые 6-й и 7-й маршевые эскадроны.

Командиром гусарского дивизиона назначен подполковник Говоров, командирами стрелковых эскадронов: 1-го — штабс-ротмистр Ларюшкин, 2-го — штабс-ротмистр Соколов, 3-го — подполковник Алферов, 4-го — штабс-ротмистр Язвин. Младшие офицеры: поручик Головин Дмитрий, корнета Деницкий, Кичеев, Варенцов, Моравский, Пиловальщиков, Петров 2-й, прапорщик Язвин 2-й.

Тяжело было расставаться с полком. Сдали коней. Спешившие эскадроны выстроились у штаба полка. Вышли командир полка и все офицеры проститься. Подали розвальни, и, оторвав-

шись от родного полка, эскадроны отправились к месту своего назначения.

Стрелковый гусарский дивизион занял окопы на Западной Двине у острова Царьград.

Корнет Петров 2-й Николай переправился через Двину с острова Царьград, уничтожил немецкую заставу и захватил двух пленных. За этот подвиг корнет Петров 2-й награжден Георгиевским Оружием.

Одновременно с образованием стрелкового полка была расформирована дивизионная 8-пулеметная конно-пулеметная команда. В каждом полку сформировалась своя полковая конно-пулеметная команда, вооруженная 4-я пулеметами Максима.

ГЛАВА 5.

РЕВОЛЮЦИЯ

В самом начале марта 1917 года, полк должен был сменить в окопах 1-й Лейб-драгунский Московский полк; 3-го марта, вечером, из штаба дивизии получено неожиданное приказание: немедленно в один переход (90 верст), отправиться в г. Режицу для подавления возникших в тамошнем гарнизоне беспорядков. В Петрограде, по слухам, что-то происходило, не то уличные беспорядки, не то забастовки, толком никто ничего не знал. Всезнающие телефонисты передавали, что там "голодные бунты".

Перед самым выступлением из д. Заблудовки, командир бригады сообщил в штаб полка страшную весть об отречении Государя. Об этом полку тогда не объявили. Повел полк полковник Шибергсон. Командир полка, полковник Жуков, был вызван в Штаб Армии в г. Двинск за получением инструкций и уехал туда. Инструкция была короткая: "Навести порядок в Режице".

Выступили рано утром 3-го марта. Дорога оказалась невероятно тяжелой: глубокий снег, ветер и крепчайший мороз. В м. Прели полковник Шибергсон делает большой привал. Здесь с полком встретился штабс-ротмистр Калачев, находившийся в командировке в Ораниенбаумской пулеметной школе. Революция заставила его вернуться в полк. Калачев рассказал, что в Петрограде --- не беспорядки, а настоящая революция и что Государь отрекся от Престола.

В Режицу вошли утром 4-го марта буквально обледевшими. В городе встретили солдат местного гарнизона, чести не отдающих и держащих себя крайне дерзко и вызывающе. Гусары нескольких из них избили, других арестовали и повели к центру города между лошаадьми. Штаб полка занял гостиницу. Полк расположился в Режице, частью в казармах, частью по частным квартирам; конно-пулеметчики в ближайшей к городу деревне. Полковник Жуков, прибывший из Двинска почти одновременно с полком, приказом по Армии был назначен начальником гарнизона и связался с Штабом Армии прямым прово-

дом. Оба Режицкие вокзала, почта и другие государственные учреждения были заняты Сумскими караулами, по городу высланы конные патрули.

Порядок в городе как будто восстановился, солдаты подтянулись, начали отдавать честь, носить пояса и прочее. Одно появление дисциплинированной части успокоило революционные страсти 16-тысячного гарнизона. 5-го марта, т. е. на другой день вступления полка в Режицу, на Соборной площади весь гарнизон г. Режицы — тяжелая артиллерия, инженерные части, морская 12-дюймовая батарея и другие тыловые части — был выстроен и начальник гарнизона полковник Жуков прочел манифест об отречении Государя и Великого Князя Михаила Александровича. День 5 марта прошел спокойно. На следующий день к командиру полка пришла депутация учащихся с просьбой разрешить устроить шествие с красными флагами. Делегатов удалось уговорить, ввиду тревожного времени, манифестацию отложить. Командир 1-го эскадрона ротмистр Петражкевич, зайдя в расположение своего эскадрона — школу, застал там чужого солдата, читавшего и разъяснявшего гусарам, как оказалось, приказ № 1 Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Петражкевич ударил его стеклом и выгнал из эскадрона. Из окрестностей Режицы начали поступать от населения жалобы на грабежи — высланы разъезды. В городе с каждым днем настроение становилось революционнее. Поезда из Петрограда везли прокламации и различные воззвания, вносившие разложение. Становилось нехорошо и в полку. Полк заметно поддавался революционной пропаганде. Корнет Куборский развил энергичную агитацию и старался как можно больше и скорее революционировать полк. Кто этот корнет Куборский, надо сказать особо.

В начале 1917 г. в полк прибыл из 7-го Запасного Кавалерийского полка корнет Куборский, выпуска из училища 1915 года. Не в пример прочим, произведенным в этом году молодым офицерам, Куборский сумел задержаться в Тамбове два года войны. Вместе с ним из Запасного полка проникли слухи об его там поведении, говорилось, что он не то брал взятки вольноопределяющихся, не то торговал собственной женой. В Запасный полк был послан запрос, но революция помешала довести дознание до конца. Встречен Куборский в полку был более чем холодно.

В Режице Куборский открыто заявил: "В 1905 году меня били нагайками Сумские драгуны, я вышел в полк, чтобы отомстить" — что он и делал.

Полковник Жуков несколько раз телефонировал в Штаб Армии, прося разрешения увести полк из Режицы, но, бывший в не менее трудном положении, Штаб продолжал требовать наведения порядка. Какие меры нужно было принять, для наведе-

ния порядка, Штаб Армии не указывал, советуя лишь "не раздражать солдат"

8-го марта днем, мимо гостиницы, где находился штаб полка, прошел в полном порядке 1-й эскадрон в колонне по шести. У правого флангового винтовка на плече и на штыке маленький красный флажок. Впереди эскадрона корнет Куборский.

В тот же день, к вечеру, к штабу подошел в строю весь полк, кроме пулеметной команды и запоздавших трубачей. Во главе полка был опять Куборский. Гусары предложили офицерам принять участие в манифестации и пройти с полком по городу в знак признания совершившегося переворота. Офицеры, находившиеся в гостинице, вышли и с полковником Шибергсоном, стали у входа, ожидая решения командира полка, ушедшего на телеграф с адъютантом штабс-ротмистром Снежковым говорить по прямому проводу со Штабом Армии. Вокруг полка собралась толпа солдат и матросов гарнизона Режицы. Наступали сумерки. Из этой толпы стали раздаваться крики, угрожающие расправиться с командиром полка и его адъютантом. Вдруг в темноте раздалось несколько выстрелов, и кто-то крикнул: "Гусары, ваши офицеры стреляют". Крик этот приписывали Куборскому. При первых выстрелах полковник Шибергсон, инстинктивно, бросился в ворота гостиницы и во дворе был убит выстрелом неизвестного лица, видимо, принятый за командира полка полковника Жукова. Строй нарушился. Нервная, возбужденная толпа становилась опасной для офицеров. Штабс-ротмистр Литтауэр выскочил вперед и громким голосом крикнул: "Гусары, ко мне, слушать мою команду". Находившийся в гостинице Литтауэра сразу восстановил порядок. К этому времени подошли трубачи и полк с полковником Стронским во главе под старые марши двинулся по улицам города к обоим вокзалам, на которых были караулы от полка. Полковник Стронский снял караулы и приказал им присоединиться к полку. В полном порядке эскадроны разошлись по квартирам. В подавленном настроении вернулись офицеры в гостиницу.

Полковник Жуков, узнав о происшедшем, воспользовавшись темнотой, прямо с телеграфа, взяв с собой адъютанта, уехал в Двинск. Полк остался без командира. Штандарт с часовым находился в гостинице; офицеров, из боязни, что они его увезут, к штандарту не подпускали. Тут же лежало тело полковника Шибергсона. Возбужденная толпа не позволяла его похоронить. рядом в комнате нестерпимо выл фокстерьер Шибергсона "Пупс".

Возникли полковой и эскадронные комитеты, которые сразу отстранили от должностей, как "несознательных", ротмистра Слепцова, Петрашкевича и штабс-ротмистра Аршаулова. Сменены были некоторые вахмистра и старший писарь Петенко, пробывший таковым более 20-ти лет. Полк вышел из повиновения.

В полковом комитете "работал" корнет Куборский, противником ему был вольноопределяющийся Виленкин.

Спешно вызванному Штабом Армии из Стрелкового полка 1-й Кавалерийской дивизии подполковнику Говорову приказано немедленно выехать в Режицу, восстановить порядок в полку и вывести его на фронт.

Подполковник Говоров, старый Сумский офицер, пользовавшийся доверием и большим авторитетом у офицеров и гусар полка.

Дальнейшие события подполковник Говоров описывает так:

"Будучи в Стрелковом полку, 9 марта я был экстренно вызван в Штаб 1-го Кавалерийского корпуса. Командир корпуса генерал Орановский приказал мне немедленно ехать в Режицу и принять полк. На мой вопрос, что случилось, он мне сказал, что сам знает очень мало, но приказ о моем назначении исходит от Командующего Армией генерала Драгомирова (Абрама), который его информировал, что в Сумском полку беспорядки, подполковник Шибергсон убит, а командир полка полковник Жуков бросил полк. На мой вопрос, какая моя задача, ответил: успокоить полк и привести его обратно на позиции. Осветил общую обстановку, связанную с отречением Государя, и рассказал об общем неопределенном и тревожном положении.

Я немедленно отправился на станцию Рушоны и дал телеграмму в полк о моем приезде. Поезд пришел в Режицу рано утром. Когда я приехал в Штаб полка, весь полк был построен в пешем строю под командой полковника князя Трубецкого. Трубецкой подошел ко мне с рапортом.

Поздоровавшись с полком, я сказал несколько слов и хотел приступить к опросу претензий, но мне доложили, что в полку имеется полковой комитет и все претензии направлены туда. Я распустил полк и просил офицеров осведомить меня обо всем происшедшем.

Все, что было мне рассказано, потрясло меня. Впереди предстояли разговоры с комитетом. Я избрал политику, которая мне казалась наиболее целесообразной, — уступая в мелких вопросах, добиться двух главных: вывести полк из Режицы и увести отсюда тело полковника Шибергсона для воинских похорон.

Все последующие три дня происходила торговля с комитетом по этим вопросам. Блестящим помощником мне был Виленкин. Оппонентом всегда "злой гений" Куборский.

Я уступил: сменить нескольких каптанармусов и одного вахмистра, признать настоящий командный состав и, конечно, некоторые права комитета.

Настоял: полк согласился выступить на позиции через три дня, взяв с собой тело Шибергсона. Об этих вопросах сначала

большинство комитета и слышать не хотело, — "мы должны защищать революцию здесь, так как это крупный важный центр, а Шибергсон — контрреволюционер".

В назначенный день полк выступил, но накануне все чуть не сорвалось, ибо комитет, узнав, что в г. Люцине (около 60 верст от Режицы) местная власть не переходит на новый порядок, решил ее ликвидировать. Опять экстренное заседание, опять уговоры, что на фронте наше отсутствие заставляет другие полки занимать окопы сверх срока, а Люцин могут ликвидировать другие части. После долгих прений уход был решен.

На другой день полк построился, я вышел садиться на лошадь и вижу, что моя "Нора" с гривы до хвоста увешена красными лентами. Сесть и ехать в таком позорном виде я не мог, не сесть, — вся моя работа пропадет и полк за мной не пойдет. Успел лишь шепнуть председателю комитета Виленкину: "Александр Абрамович, выручай". Находчивый Виленкин громко обратился к вестовому так, чтобы было слышно ближайшим гусарам: "Ты что это эмблему свободы на лошадь нацепил? Завтра ты так и свинью разукрасишь?" Сконфуженный вестовой быстро снял ленты и опасный момент миновал.

На штандарте были прикреплены красные ленты, а почти весь полк, исключая офицеров, имел красные банты. На первом привале я и поручик Раусман срезали ленты на штандарте; прошло благополучно. На последней остановке я без всяких разговоров отдал приказ, ввиду прихода на фронтовую линию, все неуставные предметы должны быть сняты, — полк беспрекословно повиновался.

Пришли на старые места и у д. Заблудовки похоронили с воинскими почестями полковника Шибергсона. Вскоре заняли свои окопы.

Понемногу все вошло в свою колею, если не считать комитетов, но никаких острых вопросов не поднималось. Куборский же всегда находил повод поднять тот или другой опасный вопрос. У меня состоялось тайное собрание группы офицеров, мы решили Куборского уничтожить. Решение это пришлось отложить на неопределенное время, ибо из-за ледохода на Двине никаких перестрелок с немцами не было, и смерть его от пули показалась бы гусарам подозрительной.

В Армии начал ощущаться недостаток продовольствия. Армейский комитет решил послать делегатов с призывом к населению сдавать продукты питания. Виленкин, бывший на заседании армейского комитета, предложил послать в числе делегатов Куборского как "старого испытанного революционера". Предложение было принято, и полк от корнета Куборского избавился.

"Через несколько дней по возвращении из Режицы", продолжает Говоров, "я поехал в Штаб Армии. Генерал Драгоми-

ров меня принял со словами: "А ну-ка, покажитесь, какой вы такой есть", и благодарил меня за привод полка на позиции. На мой доклад о том, что мне пришлось идти на уступки новому порядку, только махнул рукой и сказал: "Ну, это теперь не считается. В других частях гораздо хуже". При прощании я его просил, ввиду того, что приказание я уже выполнил, назначить полку командира и сказал, что ручаюсь, что это пройдет в полку без всяких эксцессов. Драгомиров мне ответил, что он очень рад тому, что я так думаю, но считает этот вопрос пока преждевременным, и добавил: "Через месяц-два я вам пришлю хорошего командира".

Скоро после этого приехал в полк новый командир корпуса генерал князь Долгорукий и сделал полку смотр; в другой раз обошел окопы, сказал, что все в порядке и что он за полк теперь спокоен. В мае или в июне полк, отведенный в резерв на станцию Антонополь (первая к югу от Режицы), принял полковник Неслов. Умный, тактичный, обладающий даром слова человек, — при нем в полку жить стало легче.

В конце июня полк был поставлен на охрану узлов железной дороги. Штаб полка, 4-й эскадрон, конно-пулеметная команда в г. Пскове, 1-й эскадрон на ст. Дно, 2-й на ст. Порхов и 3-й на ст. Режица.

Полковник Неслов, чтобы поднять дух полка, выписывает из Москвы краповые чакчиры. Мера имела успех. Люди почувствовали себя гусарами, как-то выделились из общей серой солдатской массы. Красные чакчиры очевидно имели какую-то особую притягательную силу, даже ветеринарный врач Борисов, носивший чиновничью форму, просил разрешения одеть гусарские чакчиры. По случаю "завоеваний революции" дали и ему .

Временное Правительство обратилось к войскам с призывом жертвовать в фонд Отчества серебряные Георгиевские кресты и медали. Гусары откликнулись на призыв: был собран маляк крестов, и делегация во главе с унтер-офицером Максимовым отправилась в Петроград. Делегации пришлось принять участие в заседании Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов, пополненного делегатами с фронта. После многочисленных ораторов выступил Троцкий. В середине его речи унтер-офицер Максимов неожиданно встал и крикнул на весь зал: "Долой жиды". Поднялся шум, многие депутаты с угрожающим видом направились к Максимову. Последний не растерялся и со сжатыми кулаками ждал делегатов. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы председатель собрания не предложил Максимову извиниться. Тот не спеша подумал и, махнув рукой, сказал: "Извиняюсь".

После октябрьского переворота офицеры под тем или иным предлогом начали уезжать из полка и больше не возвращались.

В конце октября полк был снят с охраны железной дороги и отведен в резерв Армии в район г. Режицы.

Из района Режицы в декабре 1917 г. дивизия была переведена на стоянку в селеный район на Волгу в окрестности г. Рыбинска. Полк расположился на широких квартирах в селе Станилово, Рыбинского уезда, Ярославской губернии.

В Станилово с полком пришли: командир полка полковник Неелов, оба его помощника, по строевой части подполковник Говоров, по хозяйственной — подполковник Швед, и 5-6 офицеров, включая командиров эскадронов и их заместителей. 4-м эскадронном командовал выбранный гусарами унтер-офицер.

Из Станилово постепенно уехали и остальные офицеры. Гусары разъезжаться не желали; дезертиров почти не было.

К февралю 1918 года в полку осталось 4 офицера: командир полка, два его помощника и ротмистр Гуковский — председатель полкового комитета.

Отношение гусар к оставшимся офицерам было самое корректное, никаких выпадов против офицеров не было. Последние четыре офицера считали себя не вправе оставить гусар одних, как бы на произвол судьбы, а главное в полку оставался штандарт.

Октябрьский переворот не внес изменений в угасающую жизнь полка. Справедливо сказать, что полк в Режице, получив необыкновенно трудную задачу, один из первых принял на себя удар революции и перенес его крайне болезненно. Но так же справедливо сказать, что большевизма полк не воспринял и от начала до конца относился к нему отрицательно.

Некоторые факты это ясно подтверждают:

- 1) В полку большевиков не было и большевистская пропаганда успеха не имела.
- 2) Во время июльского восстания большевиков в Петрограде, подавленного пехотной бригадой и 1-м Донским Казачьим полком, полк посылает делегацию возложить венки на гроб убитых однобригадников.
- 3) В это же время Виленкин произносит в Совдепе патристическую речь.
- 4) Когда в августе идет движение Корниловских частей на Петроград, то караул на станции Псков, встречая эшелоны, кричит "ура". После провала движения, какая-то высшая инстанция делает запрос по этому поводу. Комитет никого не выдал и замаял дело.
- 5) Самый большевистский переворот в полку встречен несочувственно. Правда, во избежание эксцессов погони сняли, но никаких других перемен не было.
- 6) В бытность полковника Говорова в Двинске в декабре 1917 года и исполнявшего временно должность начальника штаба дивизии, ему удалось достать результаты

голосования полка в Учредительное собрание. 85% голосов было подано за партию социалистов-революционеров. Видимо, вся солдатская масса голосовала за "землю", обещанную программой социалистов-революционеров. 12% за кадетскую партию (конституционно-демократическую) — очевидно офицеры и отдельные солдаты. 3% — за разные партии. **Большевистский список не получил ни одного голоса.**

- 7) Во время стоянки полка в Станилово, когда было объявлено расформирование армии (постепенно по годам), одновременно пришло в комитет сообщение о формировании Красной Армии на новых началах. Когда комитет огласил призыв о записи в Красную Армию, то командир полка полковник Неелов сказал: "А у меня есть сведения, что генерал Алексеев на юге формирует Добровольческую Армию. Выясним подробно цели той и другой, и тогда кому какая по душе, тот туда и запишется". По тем временам один факт упоминания о Добровольческой Армии в полковом комитете, даже в таких нейтральных тонах, достаточно показателен. Сумский полк большевизмом не болел и Советскую власть не поддерживал.

Время шло. Бездейственное сидение в заброшенной деревушке становилось при всей создавшейся к этому времени обстановке в России бессмысленным. Российской Армии пришел конец, фронта не существовало.

И вот в офицерском собрании — последнее было до самого последнего дня существования полка — за стаканом чая, командиру пришла мысль заставить гусар разойтись по домам. Условились так: Гуковский даст эту мысль в полковом комитете. Говоров и Швед поговорят с гусарами тех эскадронов и команд, коими они в свое время командовали.

Мысль гусарам понравилась, и на первом же заседании полкового комитета вопрос этот был поднят. Комитет начал обсуждать, как сделать так, чтобы это было позаконней и чтобы никто не нес за роспуск полка ответственность. Офицеры отлично понимали, что в данное время никакой ответственности никто ни перед кем не несет, до гусар же это доходило тяжело. Долг и ответственность в простую солдатскую душу за их 6-7-летнюю службу вошли так глубоко, что им казалось, что самовольное расхождение полка недопустимо и они за это перед кем-то(?) ответят. Надо было придумать так, чтобы ответственность пала на кого-то другого. Этим другим был дивизионный комитет. Мысль эту полковник Неелов и втолковал комитету.

Полковой комитет решил составить соответствующую резолюцию для дивизионного комитета, но так как сами гусары

этого сделать не сумели, то просили председателя полкового комитета ротмистра Гуковского приготовить текст постановления. Вечером того же дня все 4 офицера составили резолюцию. Было пущено много красивых слов: "250-тилетняя служба полка Родине и народу" и пр. Ответственность же была свалена на дивизионный комитет тем, что в резолюции было оговорено, что, если дивизионный комитет не даст ответа к назначенному сроку, полк разойдется. Полковник Неелов учитывал, что в дивизионном комитете сидят такие же солдаты, как и наши, и что они одинаково боятся ответственности, и потому дал им срок для ответа. Срок прошел, ответа, как и ожидалось, не было.

Собрав комитет, полковник Неелов сказал, что раз ответа нет, расходитесь по домам, кто и как может.

Через два дня полк разошелся. Комплектовался полк главным образом из Московской, Владимирской и Ярославской губерний, так что и ехать было недалеко. Кто купил сани и запрет в них своего боевого коня, кто просто верхом, взяв с собой винтовки, отправились домой.

Полковник Неелов привез штандарт в Москву, предварительно отпилив его от древка.

Состоялось собрание офицеров, находившихся в Москве, для решения вопроса, где и как сохранить штандарт. Время было тревожное. Москва являлась центром антибольшевистских организаций и группировок. Почти все офицеры полка входили в них. Участились обыски и облавы. Хранить штандарт при таких условиях на квартирах офицеров было рискованно. После долгих поисков и обсуждений, нашли подходящее место. Отвезти туда штандарт было поручено подполковнику Говорову и штабс-ротмистру Соколову.

В назначенный день на квартире Виленкина, где проездом остановился командир полка, собрались офицеры проститься со своим штандартом. Бережно уложили его в простой деревянный ящик, и каждый по очереди вбивал в крышку гвоздь. Этот тяжелый и печальный обряд происходил в полном молчании, нарушавшимся лишь ударами молотка. Виленкин не выдержал, сквозь глухие ридания произнес: "Не могу слышать ударов молотка. Славу полка в гроб забивают", и, закрыв лицо руками, вышел из комнаты.

Забит последний гвоздь. Подполковник Говоров и штабс-ротмистр Соколов вынесли штандарт. Оставшиеся подошли к окну и провожали глазами свою полковую Святыню, немую свидетельницу былой славы Императорской России, которую на простом московском "ваньке" увозили для сохранения будущему поколению гусар.

Сумский гусарский полк прекратил свое существование.

ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ

Орден Св. Великомученика Георгия Победоносца 4-й степени

П о р у ч и к И в а н о в — "Русский Инвалид" № 60, от 3 марта 1916 года: "Государь Император в день 29 января 1916 года Всемилостивейше соизволил пожаловать орден Св. Великомученика Георгия Победоносца 4-й степени 1-го гусарского Сумского полка поручику Вячеславу Иванову за то, что, будучи послан с разъездом для наблюдения за шоссе Краснополь—Сейны, 11-го сентября 1914 года обнаружил движение большой колонны противника и продолжал наблюдение с 7 утра до 5 вечера, несмотря на то, что в его тылу показалась еще колонна противника и отрезала ему путь отхода, причем, окончив наблюдение, прорвался сквозь немецкое охранение, попутно обнаружив неприятельский бивак, и доставил ценные сведения о противнике, имевшие важное значение для успешного результата боя".

Георгиевское Оружие

Командир 2-й бригады 1-й Кавалерийской дивизии Г е н е р а л - М а й о р Н и л о в И в а н — за бой у д. Курьянки 18 сентября 1914 года.

Командир полка флигель-адъютант п о л к о в н и к Г р о т е н — "Новое Время" № 14124, от 7-го июля 1915 года: "Утверждается пожалование Командующим Армией за отличие в делах против неприятеля по удостоению Местной Думы из лиц, имеющих Георгиевское Оружие: Командиру 1-го гусарского Сумского генерала Сеславина полка флигель-адъютанту полковнику Павлу Гротену за то, что 21 января 1915 года, получив приказание произвести ночную атаку на деревню Нейгоф-Ласценден шестью эскадронами с пулеметами, лично довел спешенные цепи на прямой выстрел к окопам противника. Принужденный в виду численного превосходства неприятеля к отходу на д. Юкнашен, укрепился в названной

деревне и удерживал ее до получения приказа, несмотря на большие потери в офицерах и нижних чинах от ружейного и артиллерийского огня и обнаружившийся обход полка немецкой пехотой, чем обеспечил отход конного отряда“.

Штабс-ротмистр Петражкевич — “Русский Инвалид“ № 189, 1916 года: “Награждается Георгиевским Оружием 1-го гусарского Сумского генерала Сеславина полка штабс-ротмистр Федор Петражкевич за то, что 26 июля 1915 года, командуя дивизионом и получив приказание взять сильно укрепленный фольварк Поравице, он, выделив большие разъезды, во главе оставшихся у него трех взводов атаковал лавой названный фольварк и, несмотря на губительный огонь противника и полученную рану, продолжал идти впереди эскадрона, личным примером ободряя людей, храбростью и распорядительностью своими принудил противника поспешно очистить фольварк Поравице, не давши ему возможности уничтожить приготовленный к поджогу мост и тем чрезвычайно содействовал наступлению дивизии на местечко Биржа“.

Штабс-ротмистр Крейтер Владимир — за разведку д. Тракенен 24 октября 1914 года.

Корнет Соколов Владимир — за бой у д. Бладзен 13 января 1915 года.

Штабс-ротмистр Лопухин Михаил — за разведку с переправой через реку Западную Двину и с захватом пленных, июль 1916 года.

Корнет Дмитриев Владимир — за взятие пленных в Августовском лесу, март 1915 года.

Корнет Петров Николай — за взятие пленных у острова Царьград — март 1917 года.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОИНА

ГЛАВА 1

КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПОПЫТКА ОСВОБОЖДЕНИЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

В начале 1918 года 1-й гусарский Сумский полк, прибывший с фронта в Ярославскую губернию, был расформирован, офицеры и гусары разъехались по всей необъятной России.

Многие офицеры уже вскоре после Февральской, а особенно после Октябрьской революции стали покидать ряды полка, увидевши бессмысленность пребывания на фронте, и начали собираться в Москве, так или иначе связанные с ней, как с мирной стоянкой полка. Позднее в Москву приехали офицеры, бывшие в командировках и остававшиеся в полку до его расформирования. На новое амплу свободных граждан все офицеры-Сумцы смотрели как на кратковременный отпуск, за которым надо было что-то делать. Что делать? — Ясно, бороться с большевиками. Решением этого вопроса явилось вступление почти всех офицеров-Сумцов в контрреволюционные организации, росшие тогда в Москве как грибы.

Из крупных контрреволюционных организаций были: организация, возглавляемая известным социал-революционером Борисом Савинковым, в которую входили офицеры разных политических оттенков, от левых до монархистов. Эта организация после зарождения в Казани Армии Учредительного Собрания стала вербовать людей для нее и переправлять их в Казань; другая, тоже военная организация была чисто монархическая, возглавляемая генералом Довгерт, последним командиром Гренадерского корпуса. Организация имела целью борьбу с большевиками и свержение их в самой Москве. После образования на Юге России Добровольческой Армии, эта организация стала отправлять своих членов на Дон, в Новочер-

касск, где находился штаб формирования Добровольческой Армии.

Кроме этих военных организаций, были еще организации "штатского" характера, в которые входили лица свободных профессий, духовные лица, общественные и государственные деятели. Цель всех была одна — борьба с большевиками и их свержение.

После Октябрьского переворота в разных кругах и организациях Москвы стали создаваться планы освобождения Царской Семьи. Единственная реальная попытка спасения Государя и Его Семьи исходила из кругов одной гражданской организации, возглавляемой московским присяжным поверенным Полянским, монархистом по убеждению, горящим искренним желанием спасти Царскую Семью.

План Полянского, основанный на сведениях, полученных от агентов, посланных в Тобольск и его районы, заключался в следующем: Царскую Семью предполагалось вывезти в г. Троицк, занятый Оренбургскими казаками атамана генерала Дутова. Для разведки (настроение населения, подставы ямщиков, расположение отрядов большевиков и пр.) должны были быть командированы в район городов Екатеринбург, Тюмени, Троицка и Омска 30 человек под командой ротмистра Сумского полка Лопухина. Отряд, по освобождении Царской Семьи, должен стать Ее конвоем при проезде через Оренбургскую губернию. Для выполнения задачи самого освобождения Царственных Узников должны были прибыть в Тобольск 100 гардемарин под командой полковника Н., командира одного из пехотных полков, который на месте должен был возглавить всю экспедицию.

В отряд ротмистра Лопухина вошли Сумцы: штабс-ротмистр граф Борх, штабс-ротмистр Берг, штабс-ротмистр Яцинский, поручики Роменский, Водо и Яффа. Отряд должен был отправиться в назначенные города несколько позже отъезда первой разведывательной партии, назначенной в самый Тобольск. Эту разведывательную группу составили трое Сумцов: штабс-ротмистр Соколов, поручики Димитрий Головин и Моравский. Им было поручено: разведка дома Государя, вхождение в связь с местными монархическими организациями, выяснение численности и боеспособности их, численность охраны Царя, расположение постов, сведения о перевозочных средствах — подставы, настроение населения и выяснение вообще всех способов, нужных для успешного проведения плана освобождения Царя и Его Семьи.

Во исполнение задачи Соколов, Головин и Моравский выехали из Москвы 6 января и прибыли в Тобольск 14 января 1918 года. До Тюмени ехали по железной дороге, от Тюмени до Тобольска — 269 верст, на ямщицкой тройке. Ехали перео-

детые солдатами, заранее придав своим лицам и рукам соответствующий вид. Во время путешествия распределили между собой разведывательную работу. Соколов — разведка дома Государя, численность охраны и расположение постов. Головин — разведка телеграфа. Моравский — сведения о перевозочных средствах, места подстав.

По приезде в Тобольск Сумцы сразу приступили к исполнению своей задачи. Охрана Царской Семьи, посланная еще Временным Правительством, состояла из солдат Гвардейской Стрелковой дивизии, численностью в 300-350 человек, дисциплинированных, хорошо выправленных и одетых. Детально было изучено размещение караула в казармах, распорядок дня, число и место постов, выставляемых караулом. Кроме охраны, в городе была местная команда при воинском начальнике, состоявшая из 50-ти грязных, оборванных, постепенно разбежавшихся солдат, реальной силы из себя не представлявшая. Милиция частью из старых городских с комиссаром из бывших околоточных. В городе из вернувшихся с фронта солдат образовался "Союз фронтовиков", явно большевистского толка и настроенных против стрелков Гвардейской дивизии, "отожравших морду на народных хлебах", и против милиции, занявшей теплые места в ущерб фронтовикам. Желая укрепить свое положение и отвести от себя всякие подозрения, Соколов, Головин и Моравский завязали с "Союзом фронтовиков" близкие сношения и заслужили там полное доверие, чего нельзя сказать про охрану и милицию, с ними приходилось избегать разговаривать и стараться не попадаться на глаза.

Переход власти от Временного Правительства в Тобольске произошел безболезненно, комиссар последнего передал власть местному Совету Рабочих и Солдатских депутатов, состоявшему из социал-демократов меньшевиков, стоявших за созыв Учредительного Собрания. Большевистской власти в Тобольске в то время фактически не было.

Отношение населения Тобольска к Царю было не злобное. 6 декабря 1917 г. в местном соборе на молебствии диакон провозгласил многолетие Царскому Дому.

Местная монархическая организация состояла из бойскаутов не старше 17 лет и как боевая сила значения не имела.

Выяснили, что телеграф захватить легко, достаточно 5-6 человек. Можно было с уверенностью сказать, что захват телеграфа задержит тревогу на несколько дней, принимая во внимание дальнейшее расстояние Тобольска от железной дороги.

Перевозочные средства, маршрут ямщиков, количество лошадей у каждого в самом Тобольске и далее по пути до Тюмени и Ялотурска были детально изучены и сделана общая сводка всех сведений.

Дом, занимаемый Государем и его Семьей, двухэтажный, фасадом на улицу Свободы, окружен большим двором, огороженным забором. Двор выходит на угол улицы Свободы и в небольшой переулок без названия. Переулок составляет, с одной стороны, забор двора, за ним видна снежная горка для Детей, с другой стороны переулка горедской сад. Против дома Государя на другой стороне улицы Свободы — квартира офицеров охраны. Охрана выставляет четыре поста: два на улице Свободы на углах дома, один в переулке против снежной горки и один с тыловой стороны двора, недалеко от казарм охраны.

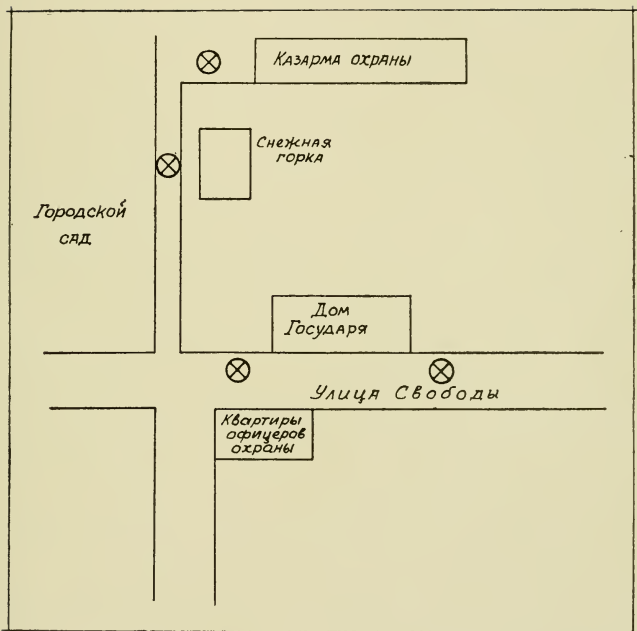
Проходя однажды по переулку, Сумцы заметили на снежной горке женскую фигуру.

В своих воспоминаниях по этому поводу, Соколов в журнале Гессена "Архив Русской Революции", том 17-й, пишет:

"В ней мы узнали Великую Княжну Татиану Николаевну. При нашем приближении, она быстро побежала вниз и вернулась в сопровождении Наследника и трех Сестер. Одеты Они были в серые спортивные фуфайки, Наследник в шинели с погонами. Мне приходилось раньше видеть всю Семью. Впечатление теперешней, неожиданной встречи, в присутствии караульного солдата, было иное и тяжелое. Трудно сказать, какие чувства овладели мной и моими друзьями. Молча дошли мы до своей квартиры и до самого вечера не обменялись ни словом. Перед сном Моравский не одеваясь вышел из, несмотря на мороз, пробыл на дворе более часа. Заснули мы лишь под утро, проворочавшись всю ночь. Много спустя, мы всегда как-то избегали говорить про наше "Святая Святых".

Разведка показала, что приведение плана в исполнение удобнее совершить ночью. Темнота, позволяющая подобраться к постам, сон большинства охраны, мороз, не позволяющий выйти полураздетыми, — давали большие преимущества нападающим.

Труднее обстояло дело с размещением гардемарин, при бытие которых ожидалось со дня на день. В самом Тобольске разместить их, конечно, было нельзя, надо было искать помещение в окрестности. Поиски были неудачны, т. к. вблизи Тобольска ничего подходящего не было. Во время этих поисков неожиданно был арестован поручик Головин, а вслед за ним штабс-ротмистр Соколов и поручик Моравский. Арест произведен по постановлению Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Им было предъявлено обвинение в попытке ограбления женского монастыря, находящегося недалеко от Тобольска, где они были за несколько дней до ареста, в поисках квартир для гардемарин. Как выяснилось впоследствии на допросе у начальника Сысского Отделения — дореволюционного чиновника, конфиденциально сообщившего им, что это обвинение было

предъявлено только как повод для ареста, в действительности арест произошел вследствие подозрений в сношении их с Государем.

После допроса все трое были отпущены; от них отобрали документы и взяли подписку о невыезде. Через некоторое время Сумцы были снова арестованы и просидели под арестом более месяца. Во время ареста у них возникла мысль произвести с помощью расположенного к ним "Сюза Фронтовиков" большевистский переворот и стать во главе его, что облегчило бы исполнение главной задачи — спасение Государя. Провести эту идею в жизнь не удалось, постановлением Совета Рабочих и Солдатских депутатов Сумцам было приказано немедленно покинуть Тобольск.

Отряд ротмистра Лопухина направился из Москвы в назначенный ему район Екатеринбург—Тюмень—Троицк—Омск. Отправлялись небольшими группами. Последняя группа прибыла на место 1 февраля. По прибытии в Челябинск первой группы, стало известно, что Троицк еще 25 декабря взят красными. Решено было ждать распоряжений из Москвы, разместившись по указанным районам. Местом назначения Сумцов были: Омск (штабс-ротмистр граф Борх, штабс-ротмистр Берг, штабс-ротмистр Яцинский), Екатеринбург (поручик Водо, поручик Роменский, корнет Яффа), в последнем находился и командир отряда ротмистр Лопухин.

Взятие Троицка красными и арест 3-х Сумцов в Тобольске нарушили первоначальные планы. На сношение с Москвой уходило много времени. Прибытие гардемарин и возглавитель всей операции полковника Н. откладывалось на неопределенное время. Пребывание в Тобольске и его районе значительного количества офицеров было не безопасно как для Царской Семьи, так и для самих участников экспедиции. Власть большевиков начала обосновываться в Сибири: приехали комиссары и 1-й Северо-карательный отряд, состоящий из матросов броненосца "Гангут". Расчет Полянского на получение денежных средств, нужных на окончательное приведение плана в исполнение — отpravку гардемарин, не оправдался, Полянский денег не получил. В конце февраля 1918 года было получено распоряжение из Москвы возвращаться обратно.

Один из участников попытки освобождения Царской Семьи ротмистр Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка князь Трубецкой в своих воспоминаниях (журнал "Часовой") говорит:

"Безрезультатна и бесплодна была наша поездка, но не наша тому вина. При основательной и правильной постановке, я и сейчас уверен, что спасение Царской Семьи было делом вполне осуществимым. Освобождение и вывоз из Тобольска представляли не самую трудную задачу. Главные трудности

заклучались, конечно, в том, как скрыть и охранить спасенных. Для этого нужна была, во всяком случае, более солидная организация и иной руководитель, а не легкомысленный Полянский, предпринявший покушение с негодными средствами, при преступной неосведомленности в обстановке. Нужна была большая подготовительная работа, хорошая осведомленность, а главное, как правильно указывает в заключении своей статьи К. Соколов ("Попытка спасения Царской Семьи", Архив Русской Революции, том 17), — "деньги, деньги и деньги". В рядовых исполнителях замысла недостатка не было. Наше дело было маленькое. Мы не могли и не должны были входить в критическую оценку плана. От непосредственного начальника — Лопухина мы получили задачу с сознанием важности конспирации, с доверием основательности постановки дела и данных нам директив. С верой в успех мы пустились в путь. С большим разочарованием мы вернулись, но ни тогда, ни теперь, много лет спустя, никто из нас не жалеет об участии в попытке спасти Царскую Семью. Осталось хорошее воспоминание о пережитом подъеме духа и сознание, что мы на деле проявили готовность послужить своему Государю и были верны данной Ему присяге".

По возвращении из Сибири офицеры-Сумцы вступили в военную контрреволюционную организацию, возглавляемую генералом Довгерт. В нее вошли, за малым исключением, все офицеры Сумского полка, бывшие в это время в Москве: подполковник Говоров, ротмистра Лопухин, Петражкевич, штаб-ротмистра Соколов, граф Борх, Иванов, Токмаков, Берг, Яшинский, Головин 2-й, поручики Крейтер 2-й, Роменский, Водо, князь Церетели, Моравский, Яффа, Седаков, Таланов. Большинству участников организации не были известны ее руководители. Организация делилась на десятки, пять десятков сводились в отряд. Каждый рядовой член знал только своего командира десятка, командиры десятков — своего начальника отряда. Боевой группой из шести отрядов командовал Сумского полка ротмистр Лопухин. Связь между всеми подразделениями велась через особо поставленных лиц, бывших в непосредственном подчинении ротмистра Лопухина. Начальником одного из отрядов был штаб-ротмистр Соколов. Начальниками десятков были Головин, Иванов, граф Борх, причём десяток последнего состоял исключительно из Сумцов. Назначенным группы был поручик Водо, подчинявшийся непосредственно ротмистру Лопухину. Все должны были быть готовы к выступлению против большевиков в любое время. Денежные средства организация получала частью от торгово-промышленных кругов Москвы и, главным образом, от генерала Довгерта, вывезшего с фронта всю казну Гренадерского корпуса. К сожалению, все же денег было мало.

Несмотря на то, что вступающие в организацию офицеры и солдаты были яркими противниками советской власти и принимались под поручительство, все же среди офицеров нашелся предатель, едва не погубивший всю группу. Это был поручик одного из уланских полков Гайдамакин, своевременно уличенный и ликвидированный. В ликвидации Гайдамакина приняли участие два Сумца, Л. и С.

В первое время после Октябрьского переворота большевики не проявляли большой активности в вылавливании контрреволюционных элементов. Все обыски и аресты производились, так сказать, самочинным порядком, отдельными лицами, отрядами матросов и солдат или партийными органами. Системы и организации сыска и расследования тогда не было и контрреволюционные организации жили довольно беззаботно, мало обращая внимание на конспирацию. Когда же была создана Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией (ЧеКа), под главенством Дзержинского, тогда обыски и аресты стали производиться систематически, и большинство арестов кончалось расстрелом. Среди Сумцов были произведены обыски у ротмистра Лопухина, графа Борх и Берг. Впоследствии были арестованы и расстреляны Лопухин, князь Меншиков, Петражкевич, Виленкин. В Петрограде — корнет Елизаров 2-й и Панков 2-й. В Екатеринбурге штабс-ротмистр Бибиков.

Весной 1918 года в Москву стали проникать сведения об образовании на Дону и Кубани Добровольческой Армии и Белой Армии в Казани, которые начали вооруженную борьбу с большевиками.

В июне 1918 года в Москву прибыл из Добровольческой Армии генерал Казанович для переговоров с местными общественными деятелями. Одновременно генерал Казанович предложил офицерам, входящим в контрреволюционные организации, отправиться в Добровольческую Армию, потому что, по сложившейся тогда обстановке, переворот в Москве был обречен на провал.

Офицеры покидали Москву по различным направлениям: на Курск, Воронеж, Харьков, Смоленск, Казань, Архангельск, Мурманск. Граница между Украиной, оккупированной немцами и Советами проходила тогда около Орши—Харькова—Нового Оскола, где были пропускные пункты. Большинство офицеров ехало нелегально с подложными документами, часто небрежно составленными, так, например, полковник Говоров Борис, направившийся в Сибирь, получил документы, что он уроженец Минской губернии, Нахичеванского (!) уезда.

Проезд совершался с невероятными трудностями, в пути производились обыски, проверки документов, приходилось пробираться через большевистские кордоны и фронты.

Судьба разбросала Сумцов по всем белым фронтам. Так, в Сибири оказались: Говоров Борис, Аршаулов, Литгауэр, Калачев, Бибииков, Язвин, Головин Петр, Яффа, Варенцов, Гуковский, Кулебякин, Вярвьильский. На Архангельском фронте: Снежков, Чеботарев, Завалишин. В Мурманске — Будзко. На Северо-Западном: Яцинский, Щуровский, Ипатьев.

На всех этих фронтах Сумские офицеры входили в воинские части, формировавшиеся там, и только в Добровольческой Армии Юга России был сформирован сначала эскадрон, а потом дивизион Сумского гусарского полка.

ГЛАВА 2

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ НА ЮГЕ РОССИИ

1. Офицеры-Сумцы в 1-м Черноморском полку Кубанского Казачьего Войска

На призыв генерала Казановича, первыми откликнулись офицеры-Сумцы: штабс-ротмистра Соколов, Иванов и поручик Крейтер 2-й. Ими был произведен набор желающих ехать в Добровольческую Армию. Был собран отряд из юнкеров и кадет, всего 19 человек. Начальником отряда был назначен штабс-ротмистр Соколов. Отряд с подложными документами с Курского вокзала направился в Харьков. Прибыв в распоряжение Добровольческой Армии, Соколов и Крейтер были отправлены в Запасный дивизион 1-го Конного полка в станицу Грушевскую, Донской области.

Для занятия г. Ставрополя, где в июле вспыхнуло противобольшевистское восстание, из Запасного дивизиона был выделен безлошадный эскадрон. Командиром эскадрона назначен штабс-ротмистр Соколов, вахмистром штабс-ротмистр Иванов и взводным 1-го взвода поручик Крейтер. После занятия Ставрополя эскадрон нес там гарнизонную службу. Вслед за эскадром в Ставрополь прибыл 1-й Черноморский полк. Командир полка предложил Сумцам (единственным кавалеристам в эскадроне) перейти к нему в полк, на что те и согласились. Один за другим они получили сотни. Соколов — пулеметную, Иванов — 1-ю и Крейтер — 2-ю.

Вокруг Ставрополя непрерывно велись бои. В одном из них Соколов с пулеметами занимал позицию в кукурузе. Левее его в цепи лежала сотня Иванова. Дальше в лаве стоял рассыпанный полк дивизии Шкуро. Конница большевиков атаковала полк Шкуро, казаки не выдержали и хлынули назад. Два эскадрона красных бросились во фланг пулеметам, спешенные казаки сотни Иванова дрогнули и бросились бежать к коноводам. Положение пулеметов стало критическим. Штабс-ротмистр Иванов заставил своих казаков остановиться, повернул

их назад и атаковал два эскадрона большевиков, обратив их в бегство, что и спасло пулеметы.

Впоследствии Ставрополь был занят частями Красной армии Сорокина. Кубанской казачьей дивизии генерала Врангеля было приказано выбить большевиков из города. В подчинение Врангелю входил и Черноморский полк, посланный в обход Ставрополя. Полк выбил большевиков из дема умалишенных, находящегося в версте от города. 1-я сотня штабс-ротмистра Иванова залегла вдоль каменной ограды. Иванов, производивший огромное впечатление на казаков тем, что никогда не ложился в цепи, стоял в воротах ограды без всякого укрытия. Здесь его настигла смертельная пуля (октябрь 1918 года).

После вторичного взятия Ставрополя, началось очищение Ставропольской губернии от большевиков. К декабрю дивизия генерала Улагая и входивший в ее подчинение Черноморский полк подошли к селу Дербетовка на реке Калаус, небольшой, но вязкой и трудно проходимой. 1-я сотня Черноморцев под командой штабс-ротмистра Соколова была переправлена через реку в с. Лиман для охраны правого фланга дивизии. 13 декабря утром большевики перешли в решительное наступление. Сотня Соколова, на которую наступал пехотный полк большевиков, была оттеснена сначала в с. Лиман, потом вытеснена из села. Соколов получает приказание держаться во что бы то ни стало до подхода к нему Полтавского казачьего полка. Большевики стали выходить из села разными улицами, чем строй их нарушился. Этим решил воспользоваться Соколов и повел сотню в конную атаку. Красные начали бросать винтовки и поднимать руки. Неожиданно из деревни выскочила тачанка с пулеметом и открыла огонь по сотне. Сотня отошла, но и большевики отошли обратно на околицу деревни. Укрыв сотню в овраге, Соколов вышел на пригорок, чтобы выбрать позицию, и был ранен в ногу. Соколов был эвакуирован в Екатеринодар, где ему ампутировали ногу.

Вскоре был ранен командир 2-й сотни поручик Крейтер. За боевые отличия штабс-ротмистр Соколов был произведен в ротмистра, а поручик Крейтер — в штабс-ротмистра. По выздоровлении Крейтер вернулся в полк. Вслед за ним в Черноморский полк прибывают штабс-ротмистр Токмаков и поручик Моравский. Моравский сразу же назначается полковым адъютантом. Во время конной атаки на Маняче Моравский был убит, а Токмаков ранен. После взятия Царицына Черноморский полк был переправлен на левый берег Волги, где в боях Крейтер был вторично ранен. Узнав о прибытии на Кубань Сумского эскадрона, несмотря на уговоры командира Черноморского полка, штабс-ротмистр Крейтер едет в свой Сумский эскадрон.

Командир Черноморского полка полковник Малышенко высоко ценил Сумцов. Вполне разделяя их тягу к своему эскадрону, предлагал начать формирование их полка (при Черноморском полку. То, что в пятисотенном полку (считая пулеметную) тремя сотнями командовали Сумцы и то, что адъютантом был тоже Сумец, показывает, на какой высоте стояли гусарские офицеры.

2. Формирование Сумского гусарского эскадрона в Одессе. Бои в Одесском районе. Отход в Румынию.

После зарождения Добровольческой Армии на Юге России, туда потянулись все, кто хотел принять активное участие в борьбе с большевиками. Поехали и Сумцы. Часть из них уезжала прямо в Добровольческую Армию, часть — в другие формирования, на Дон, Украину в общем туда, где начиналась борьба с большевиками.

К концу 1918 года Добровольческая Армия, преодолевая сопротивление на много сильнейшего врага освободила от большевиков Кубанскую и Терскую области, Ставропольскую и Черноморскую губернии и продолжала двигаться вперед. В Задонских степях большевики для обороны Маныча сосредоточили в районе Великокняжеской крупные силы. В камышном угольном Донском бассейне доблестные полки корпуса генерала Май-Маевского сдерживали атаки красных, стремившихся вытеснить добровольцев из столь им нужного Донского бассейна. Переговоры между генералом Деникиным и Донским Атаманом привели к соглашению. Генерал Деникин объединил командование Добровольческой и Донской армиями, приняв звание Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России. Генерал Врангель был назначен командующим Добровольческой Армией.

В Одессе, на пароходе Добровольного флота "Саратов", под командой генерала Гришина-Алмазова были наскоро сформированы части из офицеров, юнкеров и учащейся молодежи. 8 декабря 1918 года этими частями Одесса была освобождена от Петлюровцев. В числе отряда был офицер Сумского гусарского полка, подполковник Швед. При очищении Одессы ему была дана задача занять радиостанцию. С командой в 10 человек радиостанция была им взята. Эти 10 человек, с подполковником Шведом во главе, положили основание Сумского гусарского эскадрона.

Под прикрытием высадившихся в Одессе французских и греческих войск, начался период формирования частей Добровольческой Армии Одесского района.

Французское командование, поддерживая, с одной стороны, связь с Добровольческой Армией и не запрещая фактически

формирования Добровольческих частей, с другой стороны, вступало в сношение с различными политическими образованиями в Одессе, как-то: Совет Государственного Объединения, Союз Возрождения, Национальный Центр, представители Украинской Директории. Все эти организации осаждали ежедневно французский штаб, представляя французам свои проекты спасения России и Украины, и несомненно имели влияние на французов, не могущих как следует разобраться в решении Русской проблемы. Если принять во внимание, что большинство этих организаций недоброжелательно относилось к Добровольческой Армии, станет понятно, почему формирование шло неудачно.

В результате была сформирована только одна боеспособная часть — Стрелковая бригада с Сводно-Кавалерийским полком, численностью до 6.000 штыков и шашек.

Подполковник Швед, получивший от начальника формирования конных частей разрешение, энергично приступил к формированию Сумского эскадрона, под официальным наименованием "Эскадрон 1-го гусарского Сумского полка".

Через четыре дня после начала формирования 10 человек выросло в 60 (полуэскадрон). В первое время офицеров-Сумцов, кроме подполковника Швед, не было никого. Полуэскадрон состоял из офицеров различных родов оружия, юнкеров и невоенной молодежи. Но услышав о формировании эскадрона, в Одессу стали слетаться офицеры-Сумцы. Приехали подполковник Алферов, штабс-ротмистр граф Борх, штабс-ротмистр Берг, поручик Леман. Подполковник Алферов, как старший, вступил в командование эскадроном. Сумский эскадрон вошел 5-м эскадроном в Сводно-Кавалерийский полк.

Началась усиленная строевая и боевая подготовка эскадрона. В виду того, что в состав эскадрона входило много невоенной молодежи, не имевшей никакого представления о военной службе, занятия производились по группам. В 1-й группе — офицеры и старые солдаты, во 2-й невоенная молодежь. В наряды, караулы назначались люди из 1-й группы. Эскадрон был пеший, о пополнении конским составом лишь говорилось. Эскадроны Сводно-Кавалерийского полка должны были пополняться лошадьми по порядку номеров эскадронов, но, кроме того, каждый командир эскадрона старался раздобыть лошадей для своего эскадрона, так сказать в частном порядке. Главная же задержка посадки на коней была за седлами. Седла, как правило, не хватало во все время гражданской войны на Юге России.

6 марта 1919 года все сформированные в Одессе части вступили на фронт под Одессой. Сводно-Кавалерийский полк входил в состав Одесской бригады. Состав бригады: Сводно-Кавалерийский полк с 4-орудийной конной батареей и два Сводно-Стрелковых полка с артиллерией. Бригадой командовал генерал Тимановский, Сводно-Кавалерийским полком — пол-

ковник Самсонов. При выступлении из Одессы полк имел три эскадрона конных (Рижский, Чугуевский и Смоленский) и три пеших (Белорусский, Сумский и Елисаветградский).

Вся Одесская группа войск заняла фронт от Очакова до железной дороги Одесса—Николаев. Далее по линии Тирасполь—Буялык позиции занимали французские, греческие и польские войска.

Греческие войска, не утомленные войной, политически и морально были вполне устойчивы. Менее благоприятно было состояние французских войск. Мир, демобилизация на родине, стремление к своим семьям, от которых они были оторваны много лет, а главное, перспектива участия в новой, малопонятной им войне вызывали во французских солдатах сильнейшую реакцию. Воевать они больше не хотели. Большевицкая агитация, через издававшуюся в самой Одессе подпольную газету "Одесский Коммунист" на русском и французском языках, поддерживала это настроение. Неуверенность в своих войсках принудила французское командование сосредоточить свои силы у Одессы, ближе к транспортам, выставив на дальних подступах лишь ничтожные части. Это не представляло опасности, пока перед фронтом были Петлюровцы, державшиеся нейтрально, и разрозненные большевицкие банды. Когда же на фронте появились большевики (Атаман Григорьев), союзные части стали сдавать большевикам одну позицию за другой. Были оставлены Херсон, Николаев, в Вознесенском направлении ст. Березовка. И только Добровольческие части продолжали упорно оборонять район Очакова. 16 марта генерал Тимановский получил приказание очистить Очаков, отойдя на ближайшие подступы к Одессе.

Кончилось все неожиданно и трагично. 20 марта генерал д'Анзельм, вызвав генерала Шварца, объявил ему, что получен приказ Антанты эвакуировать Одессу, совместно со всеми союзными войсками. На подготовку эвакуации было дано 48 часов.

Принимая во внимание, что положение на фронте было еще вполне устойчиво, это была не эвакуация, а бегство, обрекавшее на гибель десятки тысяч людей. Все расчеты тоннажа были неверны. Французы захватили большинство судов для своих надобностей, и спастись могли, главным образом, лица, связанные со штабом генерала Шварца и правительством. О бригаде генерала Тимановского забыли.

Добровольцы отходили на Днестр, где инженерные части стали наводить понтонный мост между д. Белявкой и г. Маяки. В последний момент Румынские власти запретили пропуск добровольцев в Бессарабию. Добровольческим частям не оставалось ничего другого, как двигаться на юг, вдоль Лимана, на Ольвиополь и Бургас. Оттуда по косе спустились до Днепровских рукавов, которые перешли по железнодорожным мостам, и были размещены в окрестностях Аккермана. При переходе по же-

лезнодорожным мостам без настилов, отряд потерял рокалечеными много лошадей и бросил всю артиллерию.

30 марта Сводно-Кавалерийский полк был погружен на французский крейсер и перевезен в румынский город Тульчу.

При отходе от Одессы, полк понес небольшие потери, — большевики слабо преследовали отступающие части добровольцев. Но все же за время отхода в Румынию все части, в том числе и Сумский эскадрон, сильно уменьшились в своем составе. Все колебавшиеся, не знавшие, что их ждет впереди, не выдержали и разбежались.

В Тульче Сводно-Кавалерийский полк был размещен по частным квартирам. Румынские власти потребовали от добровольцев выдачи оружия. После долгих переговоров было достигнуто соглашение, по которому все оружие было сложено в городской ратуше, но охранялось караулом от добровольческих частей.

13 апреля было получено приказание грузиться на пароходы и идти в Новороссийск. Перед отправкой все оружие было возвращено.

3. Прибытие в Новороссийск. Перевод в Добровольческую Армию. Бои в Северной Таврии.

По прибытии в Новороссийск Сводно-Кавалерийский полк был размещен в Станичке — предместьи Новороссийска. Здесь полк получил английское обмундирование. За время стоянки в Новороссийске полк принимал участие в экспедициях против "зеленых" в горах за городом.

29 апреля полк был погружен в вагоны и отправлен в Ростов-на-Дону, где был выделен из состава бригады генерала Тимановского, переведен в Добровольческую Армию и переименован в 3-й Конный полк.

Полуэскадрон, под командой полковника Швед, был размещен на станции Аксай, неся охрану мостов через Дон, другой полуэскадрон, с полковником Алферовым, оставался в Ростове.

1-го мая все вооруженные силы Юга России были разделены на три армии: Добровольческую, во главе с генералом Маймаевским, Кавказскую, под командованием генерала Врангеля, и Донскую генерала Сидорина.

С мая 1919 года на всех направлениях началось наступление армий Юга России:

Войска Северного Кавказа выделили отряд для движения на Астрахань. Кавказской Армии была поставлена задача взять Царицын. Донской — разбить Донецкую группу противника и, наступая на линию Поворино—Лиски, очистить север области от большевиков и отрезать Царицын от Поворина. Добровольческой Армии — разбить силы противника на подступах к

Харькову. 3-й корпус с Акманайских позиций был двинут для освобождения Крыма.

В конце мая 3-й Конный полк выступил из Ростова в Бердянск, только что освобожденный от большевиков отрядом полковника Шкуро. В Бердянске полк вошел в отряд генерала Виноградова, общая задача которого была: выйти на железную дорогу Таганаш—Александровск, перерезать большевикам путь отступления из Крыма, и своим фланговым маршем облегчить 3-му корпусу, наступавшему с Акманайских позиций, уничтожение Крымской армии красных.

9-го июня полк получил приказание готовиться к выступлению, и в тот же день, к вечеру, погрузившись на транспорты и баржи, вышел в море под конвоем английских и русских военных кораблей в направлении на Геническ, для производства десанта. Эта операция имела важное значение: наши части, удерживающие Акманайские позиции вблизи Керчи, перешли в наступление и стали теснить красных в Крыму. Десант должен был оттянуть силы противника и, чтобы не дать большевикам возможность подвозить по железной дороге резервы и боевые припасы, взорвать железнодорожный мост на перегоне Таганаш—Александровск, у села Ново-Алексеевка.

Подойдя к Бирючьему Мысу под прикрытием огня боевых судов, все эскадроны полка высадились на мыс и, развернувшись цепями, пошли на д. Юзкуи, лежавшую в 4-х верстах от берега. Сумский эскадрон наступал в лоб деревни. Выбив большевиков из деревни, полк имел задачу прорваться в Юзкуях до тех пор, пока конный разъезд в 17 коней взорвет мост и вернется в деревню. Разъезду, благодаря его малочисленности, пробиться к железной дороге не удалось. Полк был посажен на суда и вернулся обратно в Бердянск. Операция не удалась.

13-го июня 3-й Конный полк выступил из Бердянска в направлении на станцию Федоровка, обходя г. Мелитополь с севера. Из полка был выделен отряд в составе Рижского драгунского и Сумского гусарского эскадронов и взвода пулеметов с направлением на Мелитополь, под командой полковника 11-го уланского Чугуевского полка Геништа.

К этому времени в эскадроне состояло 120 человек. Офицеров на командных и рядовых должностях числилось 43, старых солдат почти не было. Главную массу составляли юнкера, кадеты и невоенная молодежь. Как одно из характерных явлений гражданской войны, было постоянное изменение численного состава. Так, состав Сумского эскадрона, большой в Одессе, сильно уменьшился за время отхода в Румынию и опять пополнился в Тульче. В Бердянске эскадрон пополнился молодежью еще не нюхавшей пороха, как это было и в Одессе. Одет и вооружен эскадрон был хорошо, состоял он из трех стрелко-

вых и одного пул-метного взводов и имел уже 9 лошадей — основание будущего конного взвода.

Отряд генерала Виноградова на подводах по беспредельным Приазовским степям двинулся на Мелитополь. Население, болгаро-русское, всюду радостно встречало добровольцев. Цены на продукты питания и фураж обычно назначались сельскими управлениями и при этом баснословно низкие.

Впереди дозорами шли наши скромные конные части. Получен был приказ двигаться вперед как можно энергичней в виду того, что большевики отступали по всему фронту.

Шли весь день и всю ночь, имея два привала. По пятам отступавшего противника конный разъезд Сумского эскадрона занял деревню Астраханку, захватив 4-х красноармейцев и комиссара еврея, несколько винтовок и одну оставленную лошадь. В Астраханку пришли две роты пехоты с батареей, которые были подчинены командиру отряда полковнику Геништа — командиру Чугуевского эскадрона. Командиром кавалерийского дивизиона был назначен полковник Алферов.

К вечеру 14 июня сводный отряд получил приказание занять деревню Вознесенку, лежащую под Мелитополем. Когда Сумский эскадрон, рассыпавшись в цепь, подходил к деревне, большевики из Мелитополя открыли по деревне артиллерийский огонь. Вся деревню прошли под огнем, к счастью, без потерь для эскадрона. Не задерживаясь в Вознесенке, отряд продолжал наступать на Мелитополь. С мелитопольского моста через реку Молочную большевики открыли по наступающим эскадронам пулеметный огонь, но не выдержали и отступили, очистив Мелитополь, стали отходить на станцию Федоровка.

17 июня Сумский эскадрон вошел в Мелитополь. Городское население цветами и колокольным звоном встретило Добровольческие части. Радушию населения не было конца. Добровольцев встретили как избавителей.

В Мелитополе эскадрон еще пополнился добровольцами и брошенными большевиками лошадьми. В виду того, что в эскадроне было уже 25 лошадей, был сформирован конный взвод, командиром которого был назначен ротмистр граф Борх.

В то время 3-й Конный полк подходил к станции Федоровка. Отряд полковника Геништа был расформирован, и командир его полковник Геништа со своим штабом уехал на присоединение к полку. Командиром дивизиона остался полковник Алферов.

16 июня Крым был очищен от большевиков.

19 июня дивизион, на подводах, снова выступил в поход в направлении на село Большие Серогозы. На всем фронте большевики отходили, не принимая боя. Без боя были заняты де-

ревни Петровка, Калча. 20 июня к вечеру дивизион стал подходить к селу Большие Серогозы, которое по сведениям, полученным от жителей, было занято отрядом анархиста Зубкова, силою до 500 человек. Двигаясь по большому тракту Мелитополь—Каховка, дивизион дошел до перекрестка дорог, откуда ответвлялась дорога на Большие Серогозы. Дивизион остановился. Обстановка была не ясна. Ждали донесения от пехоты, которая должна была занять большое село Ивановку, левее Серогоз. Остановился дивизион потому, что оказался сильно выдвинутым вперед, и наш фланг и тыл были под угрозой обхода. Полковник Алферов выслал конный разъезд для связи с полком, который должен был подходить к Серогозам от ст. Федоровка. Разъезд своего назначения не выполнил и, не связавшись с полком, вернулся к дивизиону. Конный взвод под командой графа Борх был выслан для обеспечения нашего левого фланга. Дивизион двинулся вперед, выслав головную заставу. Верстах в двух от села, анархисты открыли пулеметный огонь по головной заставе. Пули стали свистать над сидящим в повозках на дороге дивизионом. Мужики-подводчики в панике стали заворачивать лошадей, налетая друг на друга. Получилась каша. Одна из несущихся подвод дышлом ударила в грудь полковника Алферова и тот потерял сознание. Лишившись руководства, дивизион замаялся. Сумский эскадрон рассыпался в цепь и залег вправо от дороги. Рижский эскадрон почему-то залег ему в затылок, бестолково стреляя через головы Сумцов. Принимая во внимание наступившую темноту и не зная сил противника, командир Рижского эскадрона, вступивший в командование дивизионом, приказал отойти. Конный взвод, видя, что дивизион отходит, тоже отошел лавой под огнем противника. Потери в эскадроне — только одна убитая лошадь под корнетом Секаловым. Отойдя на перекресток дорог, дивизион остановился и выставил сторожевое охранение.

Подошедший поздно вечером со стороны д. Верхние Серогозы 3-й Конный полк выбил противника из села. Утром на следующий день дивизион, сконфуженный вчерашней неудачей, вошел в Большие Серогозы и присоединился к полку.

21 июня 3-й Конный полк получил задачу взять д. Рубановку (в 25 верстах от Серогоз). Сумский эскадрон под командой ротмистра графа Борх наступал в голове полка. Верстах в четырех от Рубановки полк рассыпался в цепь поэскадронно. Впереди шел разъезд. С разъездом ехали полковые квартирмейстеры, так как местные жители сообщили, что Рубановка оставлена большевиками. Как только разъезд с квартирмейстерами подошел к деревне, большевики открыли огонь, убив трех человек из разъезда и двух квартирмейстеров. Полковник Самсонов развернул полк: вправо от дороги наступали все

пешие эскадроны, влево рассыпались в лаву конные. Конные эскадроны бросились в атаку на деревню с юга, захватили южную окраину деревни и спешившись открыли огонь по отходившим под натиском наших эскадронов большевикам. Смело шли Сумцы, атакуя деревню в лоб. Граф Борх, беспрестанно переходя от одного взвода к другому, лично руководил огнём пулеметов и быстро двигал эскадрон вперед. Подойдя на дистанцию 400-500 шагов, эскадрон, увлекаемый своим командиром, бросился в штыки. Большевики не выдержали атаки и побежали, оставив на месте своих раненых и убитых, побросав винтовки, пулеметы, снаряжение. Эскадрон цепью прошел деревню и остановился на северной околице. Потери эскадрон понес несколькими ранеными гусарами, и сделал то, что должны были сделать фланговые эскадроны, так как думалось, что Рубановку взять в лоб нельзя.

В этом бою командир взвода штабс-ротмистр Ралли, руководя огнем своего взвода и ведя беспрерывное наблюдение за позицией противника, заставил замолчать пулеметы красных на всем фронте наступающего эскадрона Сумцов.

Высланные после занятия Рубановки разъезды донесли, что в селе Лепетиха большевики переправляются на правый берег Днепра.

Перед вечером был получен приказ выступить на с. Лепетиху. Разъезды донесли, что Лепетиха очищена большевиками и от полка туда пошли квартирьеры. В Лепетихе нашли много брошенного большевиками скота и лошадей.

Полковник Алферов, оправившийся от полученного ушиба, снова вступил в командование эскадронам.

В Лепетихе эскадрон пополнился лошадьми и имел уже два конных взвода. Взводами командовали штабс-ротмистр Берг и штабс-ротмистр Головин. Полуэскадронам — ротмистр граф Борх.

К части эскадрона пополнение лошадьми шло, так сказать, легальным путем. Бралась лошадь, оставленная большевиками при отходе и почти не было случая отбирания лошадей у населения. Грабежей и реквизиций тоже не было.

Отсутствовал большой недостаток в седлах и холодном оружии. Холодное оружие было самое разнообразное: драгунские, казачьи, кавказские шашки, гусарские сабли, английские и французские палаша, был даже один старинный меч, найденный в брошенном, разграбленном имении.

Под стать холодному оружию были и седла самых разнообразных моделей до скаковых включительно, казачьи, кавказские, а то и просто одна подушка от казачьего седла, подтянутая через седельником с перекинутыми через нее стремянами. Интендантство седел не давало, а злой гений Добровольческой Армии, начальник штаба Главнокомандующего, генс-

рал Романовский, был противником формирования регулярной кавалерии (оказавшейся самой надежной в тяжелые дни осеннего отступления 1919 г. — бои под станицей Егорлыцкой с конницей Буденного) и отпускал на каждый кадр старого кавалерийского полка по 5.000 рублей для приобретения седел, на что можно было купить только два седла.

Вообще интендантское снабжение отсутствовало. Реализация военной добычи была единственным источником, дававшим возможность эскадронам продолжать формирование и развертывание в соединения, являющиеся приемниками старых славных полков Русской Императорской Конницы.

Полк простоял в Лепетихе дней пять. Регулярно два раза в день большевистская артиллерия из-за Днепра обстреливала село. Эскадрон от обстрела потерь не нес.

Наконец, на смегу пришла пехота и полк форсированным маршем, за два дня, возвратился в Мелитополь.

30 июня 3-й Конный полк был погружен в вагоны и отправлен на север в район г. Харькова.

1 июля полк выгрузился на станции Люботин и был расквартирован в д. Гиевка.

4. Общее наступление войск Юга России. "Московская" директива. Наступление на Бахмач. Формирование 2-го Сумского эскадрона

К концу июня армии Юга России, преследуя разбитого противника, вышли на фронт Царицын—Балашев—Белгород—Екатеринослав—Херсон, упираясь своими флангами в Волгу и Днепр.

20 июня, в г. Царицыне, Главнокомандующий генерал Деникин отдал армиям директиву, получившую в военных кругах наименование "Московской". Директива гласила:

"Имья конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов—Ртищево—Балашев. Сменить на этих направлениях Донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее Нижний Новгород, Владимир, Москву.

Теперь же направить отряды для связи с Уральской Армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин—Балашев. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуть-

ся на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав—Брянск

4. Генералу Добровольскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева. . .

6. Черноморскому флоту содействовать выполнению боевых задач. . . и блокировать порт Одессы“.

Главное командование Добровольческой Армии имело целью свести все регулярные конные части в одно целое, и местом сбора была выбрана Харьковская губерния. Таким образом был сформирован 5-й Кавалерийский корпус под командой генерал-лейтенанта Юзефовича в составе двух дивизий, 1-й — под командой полковника Барбовича с начальником штаба полковником Крейтер (бывший офицер Сумского полка) и 2-й дивизии — под командой полковника Миклашевского с начальником штаба полковником Иордан.

Состав 2-й дивизии: два Сводно-Гвардейских полка, 2-й Конный Дроздовский и 3-й Конный полки.

Время стоянки в д. Гиевка было использовано для производства занятий: манежной и полевой езды, владение холодным оружием и стрельбы. Пеший полуэскадрон производил свои занятия и не отставал от конного.

К этому времени полковник Алферов перешел на службу в штаб корпуса и сдал эскадрон полковнику Швед.

В виду того, что Сумский эскадрон имел два конных взвода и два пеших, боевая работа эскадрона во многих случаях шла раздельно.

20 июля 3-й Конный полк выступил из д. Гиевка и по железной дороге был перевезен до станции Искровка Полтавской губернии, где собралась вся 2-я Кавалерийская дивизия. Отсюда конные части дивизии пошли походным порядком, а пешие эскадроны, за невозможностью достать подводы, были перевезены по железной дороге до станции Кочубеевка и отсюда уже весь полк, конные и пешие эскадроны, последние на подводах, двинулся на Опашню, где ожидался бой, так как, по полученным сведениям, большевики укрепили берег Воркслы и вырыли окопы на возвышенностях этого села. Подойдя к Опашне, разъезды донесли, что окопы на противоположном берегу Воркслы не заняты противником. Дивизия вброд перешла реку и без выстрела заняла Опашню.

Опашня—огромное село, и в нем разместились все дивизия. Здесь дивизию смотрел генерал Юзефович.

Продолжая наступление, 2-я дивизия только в Миргородском уезде Полтавской губернии вошла в соприкосновение с противником. Дивизия расположилась в с. Березовая Лука. Отсюда конный полуэскадрон Сумского полка под командой рот-

мистра графа Борх вместе с эскадром Рижского драгунского полка и подрывной командой ходили в ночь на 3 августа взрывать железную дорогу, идущую на г. Хорол.

Заяв лежащий в глубокой котловине у железной дороги хутор и выставив вправо и влево заставы на железнодорожных будках, Сумцы взорвали железную дорогу. Утром большевики повели наступление на хутор, обстреливая его артиллерийским огнем. Понеся потери ранеными, отряд отошел в с. Березовая Лука.

К этому времени обстановка на юго-западном фронте Добровольческой Армии сложилась так: большевики под натиском добровольцев отходили на запад и северо-запад. Наступление Добровольческой Армии, на главном направлении Курск—Орел, шло с огромным порывом. Оно прикрывалось с запада 5-м Кавалерийским корпусом, направлением на Киев и 3-м отдельным корпусом генерала Шиллинга, направлением на Одессу.

1-я дивизия 5-го корпуса шла по шоссе через Зиньков, Гадяч, Ромны, Конотоп.

2-я дивизия наступала левее, проселочными дорогами, захватив на своем пути маленький заштатный город Глинск.

Севернее 5-го Кавалерийского корпуса, по линии железной дороги Богодухов—Ахтырка—Ворожба, наступал 1-й Армейский корпус генерала Кутепова. Южнее 5-го Кавалерийского корпуса наступали части генерала Бредова. Десант из Севастополя выбил большевиков из Одессы и гнал их на север.

Продолжая движение на Бахмач, 2-я Кавалерийская дивизия наступала двумя колоннами. В правой колонне шел 2-й Конный генерала Дроздовского полк, имевший самостоятельную задачу: в левой шли Гвардейская бригада и 3-й Конный полк. Разъезды доносили, что большевики занимают позиции по железной дороге Гадяч—Лохвицы, имея центром позиции деревню Владиславовку (в 1½ верстах от железнодорожной станции того же названия).

4 августа при подходе дивизии к железной дороге, большевики открыли артиллерийский огонь шрапнелью. Шедшие вперед конные части гвардии, получив отдельную задачу, ушли на рысях вперед и вправо от Владиславовки. Пешие части 3-го Конного корпуса, под артиллерийским обстрелом повели наступление на позицию большевиков у д. Владиславовки.

Пеший полуэскадрон Сумцов наступал на центр позиции красных в направлении между деревней и железнодорожной станцией. Левее Сумцов наступали Рижцы, в резерве находился Белорусский гусарский эскадрон. Наступали по нескатой гречихе, конопле и подсолнухам. Итти было тяжело. Люди стали выдыхаться. Пользуясь складками местности, командир эскадрона, полковник Швед, дает гусарам передохнуть и ободриться. П. ребежками Сумцы подошли к железной дороге и за

насыпью полуэскадрон залег, готовясь к атаке позиции противника. До окопов оставалось шагов 600-700. Впереди эскадрона лежало вспаханное поле, тянувшееся до самой деревни. Командир эскадрона видел, что фронт наступающего полуэскадрона был меньше фронта позиции и выслал вперед разведчиков для определения флангов позиции, находящейся перед Сумцами.

Во избежание обхода противником флангов эскадрона, полковник Швед стал передвигать цепь вправо к левому флангу позиции большевиков, дабы обеспечить один свой фланг от обхода.

Во время передвижения, из деревни появилась наступающая цепь красных, частью обходящая наш правый фланг и открывшая огонь по жидкой цепи Сумцов (в полуэскадроне было около 40 человек). Полуэскадрон остановился, залег и открыл беспорядочную стрельбу. Положение становилось критическим. Неприятельская цепь раз в 5-6 сильнее, левый фланг охвачен. Бросив на левый фланг звено пулеметов для отражения обходящих полуэскадрон большевиков, полковник Швед поднимается и с криком "Ура, Сумцы, за мной!", бросается вперед. Вся цепь, как один, поднимается за ним. Красные замедлили движение и вдруг вся цепь красных повернула назад и стала отходить, сначала в порядке, а потом, сбиваясь в кучки, бросилась бежать. На цепь красных, охватывающих левый фланг, пулеметчики, стреляя на ходу из ручных пулеметов "Люиса", тоже навели панику. На плечах бегущих большевиков полуэскадрон Сумцов ворвался в деревню и прошел ее, после чего был получен приказ от командира полка остановиться.

Одним из наиболее отличившихся в этом бою был младший унтер-офицер Рачек. Храбрый, всегда спокойный, доблестный гусар Рачек отличался силой и выносливостью. "Люис", весивший 25 фунтов, он носил на широком погонном ремне, как винтовку. Во время боя, он на ходу, как из обыкновенной винтовки, стрелял из пулемета. Красные под метким огнем Рачека валились как скошенная трава. Полуэскадрон понес большие потери. Большевики оставили на поле боя больше 50-ти человек убитыми и ранеными. Сумцами были захвачены пленные, полевая кухня, несколько лошадей, артельная повозка с провиантом и хлебом.

Приблизительно в то же время, когда наш полуэскадрон наступал на Владиславовку, конный полуэскадрон Сумцов, под командой ротмистра графа Борх, в конном строю атаковал под артиллерийским и ружейным огнем экономию, опорный пункт красных. Сумцы взяли несколько десятков пленных и два станковых пулемета.

Разгром батальона красных, занимавшего д. Владиславовку, и его бегство, явились поворотным пунктом всего боя дивизии и в большой мере способствовал общему успеху боя.

После того, как 2-я дивизия опрокинула красную пехоту, Сумский конный полуэскадрон до поздней ночи преследовал поспешно отходящего противника.

Этот тяжелый бой был выигран благодаря решимости полковника Швед и доблести всех участников.

После славной атаки пешего полуэскадрона, часа через три через поле боя проходил с разъездом корнет Секалов, который в своих воспоминаниях пишет: "Мы видели много убитых и раненых, брошенное оружие и снаряжение. Раненый в живот красный командир просил добить его, крича, чтобы обратить наше внимание, что он большевик. Я сказал ему, что мы не делаем так, как они и послал к нему наших санитаров".

За бой под Владиславовкой Сумцы получили исключительную благодарность начальника дивизии, а 7 гусар получили Георгиевские кресты и медали.

По иронии судьбы перед Сумцами "белыми" были Сумцы "красные". Как показали пленные, они принадлежали к Советскому Сумскому пехотному полку.

После боя под Владиславовкой 2-я дивизия продолжала наступление на Бахмач. Большевики почти повсюду отступали, не принимая боя. Только под Бахмачем красные оказали сильное сопротивление, но после упорных боев очистили и Бахмач и Бахмачский железнодорожный узел.

Взятием Бахмача закончился стремительный рейд 5-го Кавалерийского корпуса и на фронте наступило затишье, продолжавшееся около двух недель.

Большевики частью ушли за р. Сейм и Десну, частью удерживали в своих руках переправы через эти реки у Новые Млыны и Великое Устье.

2-я дивизия, оставаясь в Бахмаче и приводя себя в порядок, выставляла в сторону противника конные заставы. Конные взводы Сумцов несли тяжелую и утомительную работу охранения и разведки.

Главная забота всех командиров эскадронов была обзавестись седлами, чтобы скорее посадить пешие взводы на коней. Конский состав уже имелся в достаточном количестве, а вот седла достать было очень трудно. Всякими правдами и неправдами все старались заполучить это драгоценное для кавалериста снаряжение.

При взятии доброгольцами Киева было захвачено на складах известное количество седел. Узнав об этом, полковник Швед командировал туда корнета Оболенского с гусарами с задачей раздобыть седла. Миссия была выполнена удачно и весь эскадрон был посажен на коней. К этому времени начал формироваться 2-ой эскадрон Сумского полка, пока пеший,

под командой штабс-ротмистра Головина (Димитрия). Дивизионом командовал полковник Швед.

Оправившись от своих неудач, большевики в начале сентября крупными силами повели наступление на Бахмач и всею тяжестью навалились на 5-й Кавалерийский корпус, особенно на 2-ю дивизию, расположенную в Бахмачском районе, с целью снова овладеть Бахмачским железнодорожным узлом.

Части 3-го Конного полка, под натиском сильнейшего противника, стали с боем отходить от реки Сейм, очистив Бахмач и Бахмачский железнодорожный узел. 1-й Сумский эскадрон отходил в арьергарде. В д. Курень эскадрон получил приказание остановиться и выставить сторожевое охранение.

Большевики, заняв Бахмач, дальше не пошли. В течение двух недель 3-й Конный полк занимал д. Курень, производя все время боевую разведку Бахмача с целью выбить противника из разных занимаемых им пунктов. Иногда попытки были удачны и большевики очищали тот или иной участок фронта.

11 сентября началась атака Бахмачского железнодорожного узла. Большевики держались стойко и только 12 сентября наступил перелом. Дружным ударом своих частей 2-я Кавалерийская дивизия выбила из Бахмача большевиков и очистила от них весь район до Десны и Сейма. 3-й Конный полк, брошенный в преследование отступавшего противника вдоль железной дороги Бахмач—Макошин, достиг станции Дочь.

Со вторичного занятия Бахмача началась активная оборона всего Бахмачского плацдарма и его железнодорожного узла.

3-й Конный полк действовал в направлении Макошинской переправы на Десне, вдоль железной дороги Бахмач—Дочь—Макошин. Севернее Макошина находились наши пехотные части. Полк занимал фронт с. Высокое—Церковные хутора—Новые Млыны.

1-ый Сумский эскадрон, совместно с другими эскадронами полка, неоднократно высылался в сторону противника с задачей сбить большевиков, занимавших переправы на Десне. Несмотря на то, что попытки предпринимались значительными силами по 3-4 эскадрона с артиллерией, сбить большевиков не удалось. Красные упорно держали в своих руках несколько переправ.

После неудачного боя у д. Прачи, которую было приказано занять 1-му Сумскому и Рижскому эскадронам, и где эскадроны понесли значительные потери, Сумцы перешли в Церковные хутора. Некоторое время фронт оставался неподвижным, велась разведка на местечко Новые Млыны на реке Сейм. Через несколько дней, под давлением частей 5-го Кон-

ного корпуса, красные оставили Новые Млыны и отошли за Сейм. Отступая, большевики подожгли мост через Сейм.

Пеший взвод 2-го Сумского эскадрона занял местечко Новые Млыны и починил мост через Сейм в д. Шебалиново.

Подойдя вплотную к Десне, красные укрепились на правом берегу реки. На этом рубеже установился фронт 5-го Кавалерийского корпуса, соприкасаясь с нашей пехотой у Макошинской переправы.

В Новые Млыны пришел 1-й Сумский эскадрон для наблюдения за линией реки Десны в районе д. д. Круты, Шебалиново, Пекарево.

В начале октября подошла наша пехота и заняла м. Новые Млыны и Устье, а Сумский эскадрон был размещен в с. Шебалиново, где простоял несколько дней, имея стычки с неприятельскими разведчиками, переправлявшимися по ночам на наш берег. Такое положение продолжалось до 8 октября, когда 1-й Сумский эскадрон получил приказание перейти в г. Короп, верстах в 15-ти от с. Шебалиново, вверх по Десне. До конца месяца эскадрон простоял в Коропе, неся тяжелую разведывательную работу по реке Десне на фронте около 20-ти верст и в то же время ведя наблюдение за находившимися в ближайшем тылу деревнями, так как имелись сведения, что в них скрывались банды красных. Все время приходилось отражать нападения разведывательных партий большевиков то с одной, то с другой стороны города. От 2-го эскадрона на правом фланге полка была выставлена застава.

Состав 1-го Сумского эскадрона ко времени прихода в г. Короп был не велик, всего 45-50 гусар. Конному эскадрону придали взвод 2-го Сумского эскадрона, численностью 15 гусар. Эскадрон выставлял постоянно три заставы, на ночь добавлялась четвертая и высылались разъезды.

Красные несколько раз занимали с. Работин, лежащее в полуверсте от города и представляющее удобный подступ к Коропу с запада. Вследствие недостатка в людях, с. Работин не могло быть прочно занято эскадронами. Застава занимала село днем, ночью же отходила на окраину села, ближайшую к городу. Большевики ночью занимали Работин и на следующий день приходилось их выбивать из села, чтобы выставить заставу на прежнем месте. В последние дни пребывания в Коропе заставу в Работине пришлось совсем убрать, так как большевики начали обстреливать село артиллерией. Пытались красные нападать на город и с северной стороны, но нападения удачно отражались, благодаря энергии командующего эскадрона штабс-ротмистра Головина и штабс-ротмистра Расторгуева, всегда во-время спешавшего с резервом.

5. Наступление большевиков в октябре 1919 года. Отход Вооруженных Сил Юга России. Переход остатков армий в Крым.

Советское командование после неудачных августовских боев предприняло в середине октября новое общее наступление, нанося главный удар Добровольческой Армии, выдвинувшейся к Орлу. Этот удар имел целью разобщение Донской Армии от Добровольческой и разгром последней. На 500-верстном фронте от Бахмача до Задонска шли тяжелые бои Добровольческой Армии против втрое превосходящего противника.

В последних числах октября красные подвели к Десне свою конницу, ожидая заморзания Десны, чтобы перейти ее по льду. Ранние морозы благоприятствовали им и к 29 октября лед уже мог выдержать коня. В этот день, с рассветом, большевики повели наступление на Короп, на станцию железной дороги и с северной стороны, но были отбиты и отброшены к Десне, однако, удержались на нашем берегу. Оба эти удара были демонстрацией, главный же удар красные решили нанести с запада, т. е. от с. Работина. Их кавалерия, перейдя по льду Десну, ворвалась в Короп.

Последний резерв эскадрона — пеший взвод под командой штабс-ротмистра Токмакова — выбил красную конницу, которая отошла в с. Работин, заняв его окраину, обращенную к городу. Из-за малочисленности эскадрон не мог развить свой успех. Большую помощь оказал единственный в эскадроне пулемет "Максима". Корнет Кларк, командир пулеметного взвода, побывал на всех участках боя, пока не расстрелял все патроны. Остальные эскадроны 3-го Конного полка, бывшие правее Сумцов, были также атакованы противником и отступили еще утром 29 октября, связь с ними была потеряна. Командир эскадрона с наступлением темноты решил отойти и расположиться на ночлег в д. Былках. Красные ночью заняли г. Короп. На другой день, по восстановлению связи с полком, было получено приказание выбить большевиков из Коропа, но это оказалось не под силу Сумцам ввиду численного превосходства противника.

Одной из причин наших неудач были банды красных партизан, оперировавшие в нашем ближайшем тылу; для борьбы с ними приходилось отряжать значительные силы. Так, для борьбы с партизанами Шубы был выделен 2-й Сумский эскадрон.

Простояв в д. Былках день, 1-й Сумский эскадрон получил приказ выставить там заставу, а самому отойти в следующую деревню. Через два дня красные, узнав от жителей место расположения нашей заставы, ночью незаметно окружили ее и всю перекололи. После этого эскадрон отошел в г. Батурин на

р. Сейм. Большевики, подойдя к Сейму, пытались по мосту перейти на наш берег, но были отогнаны пулеметным огнем и заняли на противоположном берегу деревню против Батурина. В ожидании нападения противника, эскадрон выставил три заставы, из которых средняя, около моста через Сейм, была усилена пешим взводом 2-го Сумского эскадрона.

Перейдя ночью оба рукава Сейма, красные повели наступление на город, но были отбиты.

Одновременно противник, переправившись через реку незамеченным, повел наступление против правой заставы и заставил ее отступить. Находившийся между средней и правофланговой заставой, исторический Батуринский замок препятствовал держать связь по фронту между заставами. Командир эскадрона, узнав об отходе правофланговой заставы, приказал и двум другим заставам отойти. Средняя застава отошла беспрепятственно, а левофланговая чуть было не попала в плен к красным. Тем не менее эскадрон удалось собрать и он стал отходить на присоединение к полку, на ходу с тачанок отражая пулеметным огнем лаву противника. Высланный вперед в направлении к полку разъезд донес, что неприятельская конница, двигаясь параллельной дорогой, выйдя вперед, перерезала эскадрону путь на присоединение к полку и заставила тем Сумский эскадрон свернуть на Бахмач. Прибыв 4 ноября в Бахмач, командир эскадрона остановился в нем, чтобы дать людям и лошадям отдых и выставил заставу в сторону противника. Почти одновременно в Бахмач вошел незамеченным эскадрон конницы противника силою до 100 шашек и приблизительно такого же количества пехотная часть на санях.

Город был захвачен красными так неожиданно, что Сумцам был отрезан путь отступления и 1-му Сумскому эскадрону пришлось отходить на север, т. е. в сторону противника и затем обходить Бахмач с запада и дальше уже идти на юг. Двигаясь к станции Дочь, чтобы перейти железную дорогу, эскадрон увидел приближающийся поезд с отходившим под натиском противника от Макошинской переправы Олонецким пехотным полком. Остановив эшелон, командир Олонецкого полка обсудил с командиром эскадрона положение и решил выбить красных из Бахмача, действуя совместно. Красные от боя уклонились и отошли на Батурин.

1-й Сумский эскадрон двинулся по пятам отходившего противника и остановился на ночлег в деревне, недалеко от Батурина. Батурин был занят подошедшим Белорусским эскадром 3-го Конного полка. На другой день Белорусцы были вытеснены красными из Батурина. 1-й Сумский эскадрон присоединился к полку, пробыв в отделе около двух месяцев. Олонецкий пехотный полк в Бахмаче продержался недолго и был оттуда выбит.

Наступление большевиков, начавшееся в октябре 1919 года, вылилось в катастрофическое отступление Добровольческой Армии. Главная масса армии отходила на Ростов, другая, меньшая, действовавшая на Бахмачском и Киевском направлениях, начала отходить на Одессу, так как большевики врезавшись клином в армию между Полтавой и Харьковом, совершенно разъединили эти группы и связь со штабом Армии, отходившей на Ростов и частью армии, отходившей на Одессу, была прервана. Части под командой генерала Слащёва, действовавшие против банд Махно, и обозы многих частей отходили в Крым. Такова была в общих чертах обстановка к декабрю 1919 года.

Командир 3-го Конного полка решил дать 1-му Сумскому эскадрону отдых, как понесшему наибольшие потери в людях и лошадях и отправил его в г. Конотоп. К вечеру следующего дня в Конотопе собрался весь 3-й Конный полк со своей батареей. Вскоре был получен приказ в спешном порядке отходить на Ромны.

1-й Сумский эскадрон к этому времени имел только 40 человек, а 2-й около 50-ти пеших (пешие следовали на санях) и 10 конных. Командир Сумского дивизиона полковник Швед уехал из Конотопа в Ростов-на-Дону за седлами для 2-го эскадрона, которые были там заказаны. Конский состав имелся. В командование дивизионом вступил штабс-ротмистр Головин Дмитрий.

Ночью 8 ноября полк выступил из Конотопа и только через три дня, двигаясь очень медленно из-за плохой погоды, метелей и массы снега, прибыл в Ромны и занял ряд деревень севернее города, выставив охранение. На следующий день Сумскому дивизиону было приказано занять станцию Талалаевку, в направлении на Бахмач, верстах в 20-ти от Ромен и вести разведку противника. 2-й Сумский эскадрон был расположен на станции, а 1-й — верстах в двух от нее, на хуторах. Разведка в первый же день обнаружила близость противника, разъезды которого приходили в ближайшие деревни за фуражем.

17 ноября высланный рано утром разъезд наткнулся на неприятельскую заставу в одной версте от хутора со стороны г. Ромны. Вскоре началось наступление красных на хутор и станцию Талалаевку. Кавалерия большевиков пошла по шоссе на Ромны, пехота наступала севернее. Под сильным огнем, не причинявшим потерь только благодаря туману, Сумский дивизион начал отходить вдоль полотна железной дороги на Ромны. О том, что в Ромнах шел бой и что город оставлен нашими частями, командующему дивизионом штабс-ротмистру Головину не было известно. На полустанке между Талалаевкой и Ромнами, дивизион ожидала телеграмма командира полка с приказанием отходить в юго-западном направлении на д. Боц-

маны, где его будет ожидать полк, которому неприятельская кавалерия тоже отрезала путь отхода на юг, что имело в дальнейшем большие последствия. 3-й Конный полк был отрезан от всех других частей 2-й Кавалерийской дивизии, отступавших на юг, и должен был отходить в направлении на Одессу.

Полковой обоз, отходивший по Ромодановскому шоссе, был настигнут красными и только небольшой части удалось проскочить в Ромодан и избежать пленения.

18 ноября 3-й Конный полк, имея все время перестрелку с прорвавшимися небольшими частями неприятеля, пришел в Лохвицы и к вечеру расположился на станции Сенча. На другой день вечером полк начал отходить на юг, оставив в с. Юсковицы Сенчанские 2-й Сумский эскадрон с задачей задержать противника. Выполнив свою задачу, эскадрон присоединился к полку.

3-й Конный полк отошел к г. Лубны, где связался с нашей пехотой, отходившей вдоль железной дороги на Ромодан. Настигаемый более сильным противником, все время стремящимся охватить фланги полка, последний, не вступая в бой, отошел к Кременчугу.

Кабардинский пехотный полк, понесший большие потери в районе Лубны, был размещен на окраине города, а 3-й Конный полк был отведен за Днепр. На левом берегу реки, на главном пути неприятельского наступления, в с. Песчаны был оставлен 1-й Сумский эскадрон силою всего в 35 шашек. Правее, на железной дороге, в нескольких верстах стояла конная разведка Кабардинского пехотного полка. Первые два дня неприятель не проявлял активности. На рассвете 7 декабря от Сумского эскадрона были высланы два разъезда, которые натолкнулись на входившего в противоположный край села, растянувшегося версты на три, противника. Повидимому, имея точные сведения о силе и расположении выставленной эскадронной заставы, красные окружили ее и открыли по дому, где она находилась, огонь. В этот момент к дому подходили наши разъезды. На них бросилась конница противника и разъездам пришлось карьером по переулкам выскакать из села в поле и там присоединиться к эскадрону. На заставе погибло 8 гусар с юнкером, начальником заставы, и было оставлено 9 лошадей. Неожиданный захват заставы удался красным благодаря помощи жителей.

Выведенный из села эскадрон стал обстреливать село. Противник послал конную часть, силою до двух эскадронов, в обхват правого фланга Сумцов. Это заставило командира эскадрона отвести гусар на окраину Кременчуга, откуда началась перестрелка с наступающей от станции Песчаны по шоссе неприятельской пехотой. Тем временем конница красных успела войти в город и двигалась вдоль железной дороги к мосту через

Днепр с целью отрезать эскадрону путь к отступлению. Для того, чтобы проскочить к мосту, эскадрон должен был перейти в галоп, все же красные успели выйти ему наперерез и только открытый с тачанок на ходу пулеметный огонь заставил конницу красных повернуть и дал возможность Сумскому эскадрону выйти на мост, по которому отходил Кабардинский пехотный полк.

Еще два дня после оставления Кременчуга мост был в наших руках и только тогда, когда большевики перешли Днепр по льду, мост был оставлен добровольцами. Под давлением противника 3-й Конный полк отошел в г. Александрию и, не задерживаясь в нем, двинулся на юг.

В начале декабря положение на западном фронте Добровольческой Армии было таково: генерал Шиллинг после оставления Киева объединил командование войсками Киевской и Новороссийской группы, имея задачей прикрытие Новороссии и Крыма и скорейшую ликвидацию банд Махно. Во исполнение этого генерал Шиллинг двинул корпус генерала Слащева из Екатеринослава для непосредственного прикрытия Северной Таврии между Днепром и Азовским морем, на высоте Мелитополя. Корпус генерала Промтова и бывшие Киевские войска под начальством генерала Бредова были развернуты на линии Бирзула—Долинская—Никополь.

Отступая к югу от г. Александрии, добровольческие части попали в район широкого повстанческого движения. До сих пор бывали нападения партизан на одиночных солдат-фуражиров, квартирьеров. Были известны некоторые главари этих шаек: Шуба, Хмара, Серко и т. д. В одном из сел был найден отпечатанный на гектографе приказ "Южным повстанческим войскам", где говорилось о захваченных поездах, боях с добровольцами и пр. Видимо было стремление объединить действия отдельных партизанских отрядов.

Обстрел кавалерийского полка на походе, даже из пулеметов, стал постоянным явлением, в ответ приходилось открывать огонь из орудий, после чего партизаны освобождали путь, убегая в соседние села.

Кроме таких шаек, действовавших более активно, в каждом селе находились большевистски настроенные жители, у которых оружие было спрятано до подходящего случая и которых трудно было отличить от остальных жителей, благодаря чему бороться с ними было почти невозможно. Часто, выждав момент, когда полк выходил из деревни, эти люди обстреливали хвост колонны полка.

В одной из деревень южной части Александрийского уезда едва не погибла застава 1-го Сумского эскадрона, окруженная ночью красными. На этот раз гусары спаслись все, потеряв трех лошадей.

Продолжая отход, 3-й Конный полк подошел к г. Кривой Рог, расположившись на железнодорожной станции к северу от города, где простоял около недели, сдерживая натиск противника с северо-востока. Между тем красные, обойдя правый фланг полка, отрезали нам возможность войти в связь со стрелковой дивизией генерала Шевченко, 45-м Донским и 2-м Лабинским Кубанским казачьим полком.

Отбросив эти части и заставив их отступить к западу, за реку Ингул, красные повели наступление на 3-й Конный полк и принудили его отойти к югу от Кривого Рога. Полк стал на ночлег в деревне около железнодорожного полотна.

10 января 1920 года разъезд Сумского эскадрона за железной дорогой встретил наступающую на деревню неприятельскую пехоту. Командир полка приказал 1-му Сумскому эскадрону задержать пехоту красных и дать время вывести полк из деревни. Под командой штабс-ротмистра Головина, эскадрон численностью до 30 шашек лавой атаковал пехотную цепь противника, которая не выдержала удара и бросилась бежать, скрывшись в ближайшей деревне.

Продолжая отход, 3-й Конный полк подходил к с. Софиевке, где была переправа через реку Ингулец. Важно было подойти к Ингульцу раньше красных, что полку и удалось сделать. Но оказалось, что другие части красных уже достигли Софиевки и в селе стоял обоз одной из их частей. Обоз был захвачен. Захватили несколько пулеметов, провиант и было взято в плен человек сорок красноармейцев.

Ночью полк, переправившись через Ингулец, двинулся дальше на г. Вознесensk. 3-й Конный полк шел во главе колонны. Вслед за ним на подводах растянулся Кабардинский пехотный полк и еще другой пехотный, название которого забылось. Оба полка численностью до 300 штыков. За ними шел обоз. Когда вся колонна вытянулась по дороге на несколько верст, сзади послышались выстрелы. Оказалось, что на хвост обоза напали партизаны и захватили часть его, причем мы потеряли все, что было захвачено накануне, а также часть обоза Сумского дивизиона. Преследовать бандитов возможности не было, так как: откуда-то слева, по колонне был открыт артиллерийский огонь.

На следующий день, 11 января, 3-й Конный полк прибыл в г. Вознесensk, где стоял Осетинский Конный полк, тотчас же ушедший далее.

В Вознесенске 3-й Конный полк вошел в подчинение генералу Васильеву и получил приказание идти вдоль реки Буг, в направлении на Николаев. В Вознесенске из полка были выделены подводы с больными и ранеными и отправлены в Одессу, куда и прибыли 23 января. В это время в Одессе были уже остатки полкового обоза, прибывшие незадолго до этого из Ни-

колаева, а также хозяйственная часть полка, отступившая из Ромен на Сумы и погрузившаяся в Мариуполе на пароход.

Едва полк выступил из Вознесенска, как в подгородной деревне развед 1-го Сумского эскадрона был окружен конницей противника и пробился, потеряв одного гусара убитым. Вслед затем начался бой, продолжавшийся до поздней ночи, после которого полк отошел с большими потерями. Сумский дивизион в этом бою потерял убитыми и ранеными десять человек. Вознесенск был занят красными в ту же ночь.

Начиная с Полтавской губернии, в 3-м Конном полку начались заболевания тифом, были обмороженные; до станции Березовка их возили с собой, здесь их сдали в санитарный поезд, но большевики так неожиданно обрушились на бывшие там Добровольческие части, что после неудачного боя, в котором только что прибывший пехотный полк понес большие потери, санитарный поезд был захвачен красными. Среди больных и раненых были Сумские гусары.

15 января 3-й Конный полк прибыл в немецкую колонию Волково, она имела еще какое-то немецкое название. Здесь полк подвергся нападению красных, окруживших полк с трех сторон. Отрезанный от Одессы, полк прорвался на запад, потеряв два орудия из четырехорудийной батареи. Полку оставался только один путь отхода на Тирасполь на Днестре. В Тирасполе к полку присоединился обоз 2-го разряда, прибывший из Одессы.

К 19 января 1920 года, положение в Одесском районе было катастрофическое: фронт группы генерала Бредова был прорван красными. Связь с Одессой постоянно прерывалась красными партизанами. 2-й корпус генерала Промтова отходил к Одессе. Надежд на эвакуацию морем не было. Войскам Новороссии грозила бесславная гибель. Приняв на себя командование всеми войсками Новороссии, генерал Бредов сосредоточил свои главные силы в Тирасполе и 2-й корпус генерала Промтова у с. Маяки. Сам генерал Бредов находился в Тирасполе и вел переговоры с румынами о пропуске его войск в Румынию. Переговоры были неуспешны; тогда генерал Бредов решил прибавиться на Польшу и отдал приказ о выступлении.

Войска шли тремя колоннами: вдоль Днестра двигались обозы, правее шла пехота, еще правее кавалерия, которая прикрывала все войска.

Трудно сказать, какую силу представляла эта масса войск, говорили, что их было до 50-ти тысяч, но, вероятно, в это число входили и беженцы, уходившие вместе с добровольцами. Во всяком случае, пехота не представляла собою реальной силы, так как было много штабов, много полков, имевших по несколько десятков штыков. Единственно кавалерия могла оказывать серьезное сопротивление. Кавалерию составляли: 3-й Конный полк, 42-й Донской казачий, 2-й Лабинский Кубанского

Казачьего войска полк и очень малого состава Ост-инский Конный полк.

За с. Поповка были встречены отряды галичан Конювальца, большевистски настроенного и не нападавшего на добровольцев, только благодаря своей малочисленности.

До пересечения железной дороги Могилев—Каменец-Подольск, движение колонны шло беспрепятственно, но у станции Колбасная Лабинскому полку пришлось вести бой с красными, чтобы освободить путь. Красные были отброшены и колонна прошла благополучно опасное место.

Вскоре к отряду присоединились 2-й Конный Дроздовский полк с батареей, Терская пешая бригада и остатки Волчанского добровольческого партизанского отряда; последний был тотчас же расформирован генералом Бредовым и вошел частью в 3-й Конный полк.

По вступлении на территорию Подольской губернии вновь началась деятельность местных банд.

Между тем силы отряда генерала Бредова быстро шли на убыль из-за все увеличивавшегося числа больных сыпным и возвратным тифом. Так, 3-й Конный полк к моменту приближения к линии Польско-Советского фронта насчитывал около 175 шашек и огромный обоз с больными. Соответственно этому было и в других частях.

Боеспособность наших частей сильно упала, но все же, когда Добровольцы соединились с поляками, то последние, отведя в ближайший тыл обозы с больными, дали добровольцам участок фронта и добровольцы в течение двух недель успешно справлялись со своей задачей.

Характерно указать, что поляки довольствие, как частей, так и больных, предоставили производить собственными средствами и это — в местности, где не принимали добровольческие деньги и где жители уже были обобраны многочисленными реквизициями то большевиков, то поляков.

В марте 1920 года наши части были смены поляками, сняты с фронта и отведены в тыл в местечко Ярмолинце, где, согласно договору, заключенному между Польским командованием и генералом Бредовым, произошла передача лошадей и оружия. После этого части были расквартированы в г. Гусятине и окрестных селах. Больные были размещены по баракам в Гусятине почти без всякого ухода и за малым исключением были обобраны польскими санитарями. Отсюда больных распределили по лазаретам внутри страны. В лазаретах был уже сносный уход и питание, хотя и недостаточное для выздоравливающих после тифа.

В Гусятине Добровольческие части простояли до перевода в г. Стрый на распределительный пункт, а оттуда по разным лагерям.

Кормили добровольцев отвратительно, выдавая $\frac{1}{2}$ фунга горького хлеба, в котором был и ячмень и овес с отрубями, два раза в день отвар из поджаренного ячменя — "кофе", затем обед из полуразложившейся кислой капусты или жидкой мамалыги без жиров. Иногда к мамалыге давали немного повидла из свеклы, еще давали селедки.

В Сумском дивизионе за время отступления, остался больной тифом и, вероятно, умер, прикомандированный штабс-ротмистр Расторгуев, в Польше умер штабс-ротмистр Роменский. В начале отступления в Черниговской губернии ум-р от тифа штабс-ротмистр Крейтер. Скончалось много гусар.

Отношение поляков к размещенным по лагерям добровольцам постепенно ухудшалось. Чинилось много препятствий, притеснений, особенно с выдачей пропусков. Довольствие в лагерях было лучше, чем на распределительном пункте в г. Стрый.

Под влиянием тяжелых условий жизни в лагерях, многие, чтобы вырваться из лагерей, стали записываться в разные отряды, формируемые авантюристами, и когда, наконец, поляки разрешили вывоз армии генерала Бредова в Крым, выехало не больше $\frac{1}{3}$ того количества, которое пришло в Польшу.

Отправка эшелонов началась в первых числах августа и продолжалась до конца месяца. 3-й Конный полк был отправлен одним из первых, с ним и Сумский гусарский дивизион, который по прибытии в Крым вошел в состав 7-го Кавалерийского полка, где уже находился полуэскадрон Сумцов из собравшихся одиночных гусар и бывших в командировках и выздоровевших офицеров Сумцов.

6. Крымский период Март-Октябрь 1920 года. Новое формирование Сумского эскадрона. Бои в Северной Таврии. Наступление большевиков в сентябре 1920 года. Оставление Северной Таврии и Крыма. Гибель Сумского эскадрона.

В то время, когда Сумский гусарский дивизион отходил в Польшу в составе войск генерала Бредова, часть офицеров и гусар находилась в тылу. Одни по болезни (тиф), другие после ранений и, наконец, третьи, бывшие в командировках и отпусках.

В начале декабря 1919 г. в Ростове собралась группа из шести офицеров: ротмистр Соколов, ротмистр граф Борк, поручик Водо, корнеты Юргенс, Елагин и Леман. Как всегда в тылу, в Ростове ходили всевозможные слухи, которые обыкновенно бывали преувеличенными. Считая, что и теперь все не так серьезно, что отступление Добровольческих армий не носит катастрофического характера, офицеры-Сумцы решили ехать через Харьков на присоединение к своему дивизиону, отходящему по полученным сведениям на Ростов. О слухе Харькова в Ростове сведений еще не было. По приезде на станцию Синель-

никово, они узнали, что Харьков занят большевиками и что Добровольческая Армия стремительно отходит. На ст. Синельниково прибыл поезд Начальника лево-фланговой группы Добровольческой Армии, в состав которой входила 2-я Кавалерийская дивизия. Начальник штаба группы генерал Кусонский сообщил, что 2-я бригада 2-й Кавалерийской дивизии отрезана от других частей 5-го Кавалерийского корпуса и, по всей вероятности, отходит на Одессу. Тогда офицеры решили ехать через Крым в Одессу и уже оттуда пробираться к полку. В Синельниково к ним присоединился корнет Секалов, взявший с двумя гусарами 105 новых седел для Сумского дивизиона. Седла, с большим трудом и с почти непреодолимыми препятствиями, приобрел в Ростове полковник Швед. Заболев тифом, полковник Швед поручил доставить седла в полк корнету Секалову. По дороге, в свою очередь, заболел тифом корнет Секалов и был сдан в санитарный поезд.

С большими мятарствами добрались офицеры до Севастополя. После долгих хлопот удалось получить разрешение на въезд в Одессу, куда прибыли 8 января 1920 года, привезя седла. На том же пароходе перевозилась в Одессу хозяйственная часть 3-го Конного полка для присоединения к полку. С хозяйственной частью ехали бывшие в обозе Сумцы — корнет Мамонтов, военный чиновник Николаев и 5 гусар.

В Одессе, несмотря на все старания узнать что-либо определенное о 3-м Конном полку не удалось. В штабе генерала Шиллинга была полная неразбериха, все же, по сведениям штаба, войска генерала Бредова отходили на Одессу. Решили ждать полк в Одессе вместе с хозяйственной частью.

Так прожили Сумцы в Одессе до 25 января, когда под выстрелами большевиков пришлось грузиться на пароход "Анатолий Молчанов", побросав все седла и не дождавшись полка. Приехали обратно в Севастополь 27 января.

Генерал Слащев, которому генерал Шиллинг поручил оборону Крыма, отдал приказ, что все офицеры и солдаты, прибывающие в Крым одиночным порядком, поступают в его распоряжение и назначаются им в ту или другую часть. Прибывшие из Одессы Сумцы решили всячески избежать разъединения, собрать всех уцелевших Сумцов и восстановить эскадрон.

Графу Борх удалось устроить всех при Севастопольском сборном пункте. Начальником пункта был полковник Павлоградского гусарского полка Шпилевский. Ранее он взял к себе оставшуюся часть 2-го конного Дроздовского полка, и из Сумцов и Дроздовцев был составлен "Эскадрон Особого Назначения", название довольно туманное, думается, что и сам начальник пункта не определил бы точно смысл существования эскадрона. Главное его назначение было подавлять всякие, могущие быть выступления большевиков в городе. В те време-

на в Севастополе было очень беспокойно. Рабочие почти все были большевистски настроены, общественные круги состояли из социалистов или кадетствующих (Городская Дума), все еще продолжающих играть в свободу и революцию. Военных частей в городе почти не было и на эскадрон особого назначения, как на дисциплинированную и более или менее сплоченную часть, все начальство и комендант города возлагали свои надежды. Постоянно приходилось по ночам патрулировать по городу, в особенности в беспокойное время (как, например, казнь генералом Слащевым представителей рабочих), и выставлять заставы по улицам. Кроме того, несли караул на городской гауптвахте, ездили несколько раз в окрестности Севастополя ловить "зеленых". Служба беспокойная и утомительная.

В начале марта Дроздовцев отправили из Севастополя и в эскадроне остались одни Сумцы. Благодаря стоянке в Севастополе и, главное, потому, что эскадрон помещался на сборном пункте, через который проходили все прибывающие одиночным порядком люди, удалось собрать человек 60.

14 марта 1920 года последние Добровольческие части оставили Новороссийск и на маленький Крымский полуостров пришло все, что осталось от Вооруженных Сил Юга России — 35-40 тысяч бойцов, морально потрясенных. Корпус генерала Слащева, силою около 5.000, попрежнему прикрывал Крымские перешейки. Противник не проявлял достаточной энергии, силы его были невелики, а присутствие в его тылу партизан Махно сдерживало его наступательный порыв. Со стороны Таманского полуострова большевики активности не проявляли.

22 марта приказом генерала Деникина, генерал-лейтенант барон Врангель был назначен Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России.

Тяжелое экономическое положение не позволяло далее оставаться в Крыму. Выход в богатые южные уезды Северной Таврии был жизненной необходимостью.

Из Новороссийска в Севастополь приехали полковник Алферов, поручик Дмитриев, корнет Оболенский и 5 гусар. Таким образом Сумский эскадрон имел 80 человек офицеров и гусар. В эскадроне, кроме Сумцов, было еще несколько кавалерийских и пехотных офицеров, последние в пулеметной команде. Эскадроном командовал полковник Алферов, его помощником был ротмистр граф Борх. Эскадрон состоял из двух взводов. 1-м взводом командовал поручик Воло, 2-м ротмистр Жданко (Северского драгунского полка).

Эпидемия тифа продолжалась — заболели поручик Дмитриев, поручик Воло и корнет Оболенский.

В марте 1920 года эскадрон особого назначения был пе-

реименован в полуэскадрон Конвоя Главногокомандующего, куда перешли многие офицеры не Сумцы и человек 35 солдат, последние по приказанию. Оставшиеся офицеры, как Сумцы, так и других полков, в числе 15-ти, и 28 гусар составили эскадрон Сумского гусарского полка и были переведены во вновь сформированную кавалерийскую дивизию генерала Барбовича, расквартированную в окрестностях Симферополя. Там Сумский эскадрон был переименован в полвэскадрон и влит в 3-й Кавалерийский полк (Новая Крымская нумерация). Полк состоял из трех эскадронов бывшей 12-й Кавалерийской дивизии (Стародубовцы, Белгородцы, Ахтырцы).

Полковник Алферов, привезя Сумцов в дивизию, сейчас же уехал в Севастополь. Сказалась контузия, полученная во время Великой войны. Непроходящие головные боли не давали ему возможности продолжать службу в строю. Медицинской комиссией полковник Алферов по состоянию здоровья был зачислен в 4-ю категорию, т. е. для службы в тылу.

Ротмистр граф Борх, получив отпуск, уехал в Константинополь для свидания с сестрой, вырвавшейся из Петрограда.

Вернушемуся после выздоровления поручику Водо пришлось принимать полуэскадрон при незавидной обстановке. Старшим из офицеров был корнет Юргенс, молодой офицер, с которым начальство мало считалось и которому поэтому было очень трудно сделать что-либо для эскадрона. Кроме него, в полуэскадроне были: корнеты Елагин, Мамонтов, Сегалов, военные чиновники Николаев, Терлецкий, 25 гусар и 6 пехотных офицеров, составлявших пулеметную команду. Вначале полуэскадрон в строевом отношении представлял самостоятельную единицу, на довольствии же был при Ахтырском эскадроне. Гусары почти все были плохо одеты. Собственных ни денег, ни имущества не было, казенное обмундирование получить было очень трудно. Будь полуэскадрон еще в хозяйственном отношении самостоятельным, может быть, смогли бы что-нибудь и выкроить. Ахтырцы из своего имущества Сумцам ничего не давали. Командир полка, полковник Псел, что-либо сделать для Сумцов желания не проявлял.

В мае, после того как полк был сменен с позиций, приказом по полку, полуэскадрон Сумцов был соединен со Стародубовским эскадроном, который по составу был не больше Сумского полуэскадрона. Хотя полуэскадрон сохранил название Сумского и поручик Водо оставался его командиром, но самостоятельное существование было кончено и надежды на развитие полуэскадрона в эскадрон и на пополнение людьми уже не оставалось.

Приходилось искать путь для выделения Сумцов из 3-го Кавалерийского полка. Вскоре нашлась возможность. В 7-м Кавалерийском полку, бывшем в составе дивизии генерала Мо-

розова, находился дивизион Петроградских улан, однодивизиоников Сумцов по Императорской Армии. Офицеры-Сумцы решили обратиться к Петроградцам, высказав желание соединиться в одну часть. Поручик Водо написал письмо полковнику Лермонтову, командиру Петроградского дивизиона, прося его согласия к переводу. Письмо повез корнет Елагин. Полковник Лермонтов от лица всех офицеров Петроградцев, выражал свою искреннюю радость о желании Сумцов присоединиться к Петроградскому дивизиону. Полковник Псел, к которому обратился поручик Водо, прося его содействия к переводу Сумского полуэскадрона в 7-й Кавалерийский полк, сухо ответил, что это зависит от штаба дивизии. Начальник штаба дивизии полковник Крейтер, бывший офицер Сумского полка, обещал переговорить с полковником Псел и сказал, что со стороны штаба дивизии препятствий не будет. Вскоре перевод состоялся, но полковник Псел отпустил только тех офицеров и гусар, которые были в Сумском эскадроне до Крыма. А таких было 5 офицеров, 2 военных чиновника и 7 гусар, иначе говоря, это был в скрытой форме отказ к переходу Сумцов как полуэскадрона. Всякими правдами и неправдами удалось сделать Сумцами еще 8 человек, а остальных пришлось оставить в Стародубовском эскадроне. И вот, 20 мая отбыли из 3-го Кавалерийского полка поручик Водо, корнеты Юргенс, Елагин, Секалов, Мамонтов, военные чиновники Николаев, Терлецкий и 15 гусар.

В Петроградском дивизионе Сумцы числились полуэскадроном, хотя фактически представляли из себя только взвод. Офицеры решили приложить все усилия и довести число гусар хотя бы до 50 человек.

28 апреля генерал Врангель отдал приказ о наименовании впредь Армии "Русской Армией". Соответственно с этим корпуса должны были именоваться армейскими по номерам, казачьи по войску.

Перед началом вступления Русская Армия численно превосходила противника. Дух войск был превосходный.

Войска были сведены в четыре корпуса:

1-й Армейский корпус генерала Кутелова — Корниловская, Маркозская и Дроздовская пехотные дивизии, 1-я Кавалерийская и 2-я Конная (наполовину регулярная, наполовину из Донцов) дивизии.

2-й Армейский корпус генерала Слащева — 13-я и 34-я пехотные дивизии и Терско-Астраханская казачья бригада.

Сводный корпус генерала Писарева — Кубанская дивизия и 3-я Конная дивизия (туземцы и астраханцы).

Донской корпус генерала Абрамова — 2-я и 3-я Донские дивизии и Гвардейская Донская бригада.

Боевой состав армии 25.000 штыков и сабель. 2-я Конная дивизия и Терско-Астраханская бригада были посажены на коней.

В начале мая был окончательно разработан план летней кампании. Он сводился к следующему:

1. Выдвижение Русской Армии на линию Бердянск—Пологи—Александровск и Днепр.

2. Операции по овладению Таманским полуостровом с целью создать на Кубани новый очаг борьбы.

3. Выдвижение на линию Ростов—Таганрог—Донецкий каменноугольный район—станция Гришино—станция Синельниково.

4. Очищение от красных Дона и Кубани.

5. Бесперывное укрепление Крымских перешейков (ведение укреплений до крепостного типа).

6. Создание в Крыму базы для Вооруженных Сил Юга России.

На рассвете 25 мая Армия перешла в наступление на всем фронте.

Уланский дивизион выступил в составе 7-го Кавалерийского полка. Ввиду того, что дивизион был конный, а Сумцы пешие, полковник Лермонтов отправил Сумцов в базу Петроградского полка в д. Дорте, в распоряжение командира формируемого 3-го эскадрона Петроградских улан, штабс-ротмистра Маркова 1-го. В начале июня 3-й эскадрон Петроградцев выступил на фронт, где, временно до получения конского состава, должен был находиться при обозе 2-го разряда 7-го Кавалерийского полка. В эскадроне были три взвода Петроградцев, 4-й взвод составили Сумцы.

Войдя в Петроградский эскадрон, Сумцы только в строевом отношении подчинялись командиру Петроградского эскадрона. Все назначения во взводе делались его командиром. Все лишние, не полагающиеся по штату офицеры тоже числились при взводе. Таким образом, стремление офицеров сохранить ячейку полка осуществилось.

Обоз 7-го Кавалерийского полка стоял в д. Акимовка, эскадрон Петроградцев в с. Владимировка, в одной версте от Акимовки. Постепенно стали получать лошадей. Седла Сумцы получили от Петроградцев. Каждый день производились занятия пешие и сменная езда. Во Владимировку съехались почти все Сумские офицеры, не имевшие возможности сделать это раньше по различным причинам: полковник Швед, ротмистр граф Борх, штабс-ротмистр Леонтьев, поручик Вешняков, корнет Седаков, корнет Оболенский.

Для сохранения кадра, согласно распоряжению Штаба Главнокомандующего, в строевые части назначалось только то число офицеров которое не превышало штатного состава. Все

остальные оставались в резерве. В Сумском эскадроне полковник Швед назначал по порядку офицеров в строй и следил за сменой их.

В начале июля последовал приказ Главнокомандующего, по которому 6-й и 7-й Кавалерийские полки были переведены из дивизии генерала Морозова в дивизию генерала Барбовича, последняя была разбита в корпус в составе двух дивизий. 7-й Кавалерийский полк вошел во 2-ю дивизию, которой командовал генерал Выгран.

21 июля командир полка приказал 3-му Петроградскому эскадрону идти на пополнение первых двух эскадронов, понесших большие потери. Из Сумцов полковник Швед назначил поручика Воду и корнета Оболенского. Эскадрон повел поручик Вода, т. к. штабс-ротмистр Марков заболел. Эскадрон вышел в составе 60 шашек.

7-й Кавалерийский полк состоял тогда из двух эскадронов Петроградцев, одного Лубенцев и одного Новороссийцев. Полком командовал полковник Ковалинский, сравнительно молодой, в высшей степени храбрый и талантливый командир.

26 июля эскадрон прибыл в полк. Полковник Рубцов, командир Петроградского дивизиона, свел два первых эскадрона в один, а пришедший эскадрон был переименован во 2-й эскадрон. Первым эскадроном командовал улан штабс-ротмистр Марков 2-й, вторым — поручик Вода.

К июлю 1920 года фронт Русской Армии в Северной Таврии тянулся от с. Алешки по Днепру до с. Каховка, где фронт загибался на северо-восток, на этом участке был расположен 2-й Армейский корпус генерала Витковского, дальше участок фронта от Каховки по линии Дмитриевка—Рубановка—Верхний Рогачик занимал Кавалерийский корпус генерала Барбовича, вправо от него в направлении на Александровск находился 1-й Армейский корпус генерала Кутепова.

В общем, наш фронт шел по Днепру почти до Александровска, за исключением некоторых пунктов на нашем берегу, занятых большевиками (Каховка, Любимовка, Лепетиха). Артиллерии, как во 2-м Армейском корпусе, так и в Кавалерийском корпусе, было мало. Броневых машин было еще меньше.

2-я Кавалерийская дивизия действовала на Каховском направлении, в районе Каховка—Лепетиха. Полки стояли прямо в степи. Крупных боевых столкновений не было. Большевики все время то из Каховки, то из Лепетихи производили боевые разведки, иногда доводилось отгонять их в исходное положение. Собственные силы были не столь велики, чтобы предпринимать активные действия.

Период боев июнь-август был очень тяжелый не только по условиям несения службы, когда все время надо было быть

наческу, но и по климатическим условиям. Жара была невероятная, а как уже упоминалось, полки стояли в степи. Укрыться от жары и людям и лошадям было некуда. Колодцев было мало. Эскадроны водили на водопой лошадей по очереди и только ночью. До ближайшего колодца было верст десять. Люди спасались от жажды арбузами, которых кругом, к счастью, было изобилие. Лошадей тоже кормили арбузными корками. Так продолжалось до 8 августа, когда большевики повели наступление крупными силами пехоты и кавалерии Буденного, при значительном количестве артиллерии и броневиков. Наступление велось на левый фланг Кавалерийского корпуса, т. е. на 2-ю Кавалерийскую дивизию. Целью наступления было использовать прорыв, бывший между 2-м Армейским корпусом и Кавалерийским, выйти на железную дорогу у Ново-Алексеевки и отрезать от Крыма 1-й Армейский корпус, ведущий бон с красными на север.

Весь день 8 августа удерживала 2-я дивизия наступление большевиков, но когда к вечеру появились броневики, начавшие обстреливать фланги дивизии, командир корпуса приказал 2-й Кавалерийской дивизии отходить на Ново-Репьевку и Агайманы. 1-я Кавалерийская дивизия отошла на с. Торган, служа заслоном 1-му Армейскому корпусу.

7-й Кавалерийский полк находился у почтовой станции Антоновка и, стоя в лаве на правом фланге пехоты, до самой темноты находился под обстрелом противника и нес потери в особенности в конском составе. В эскадроне было убито 6 лошадей, а также лошадь под командиром эскадрона поручиком Водо, который, упав с убитым конем, сильно разбил руку и ногу и должен был сдать командование эскадроном поручику Гержабек (Петроградского полка). С наступлением темноты, наступление красных прекратилось и полк начал отходить к с. Агайманы, куда прибыл на рассвете 9 августа.

В Агайманах было получено приказание всей 2-й дивизии спешиться и передать лошадей в 1-ю дивизию, так как экстренно 2-я дивизия была вызвана идти в десант на Кубань. Сменить дивизию должны были пехота и Дроздовский Конный дивизион. Но 10 августа приказание об уходе в десант было отменено и 2-я дивизия в пешем строю пошла снова в бой. Во всей дивизии, состоящей из 2-го, 4-го и 7-го Кавалерийских полков, было не более 1.000 сабель.

В с. Агайманы прибыл из резерва Сумец ротмистр Леонтьев, который принял Петроградский дивизион от улана полковника Рубцова, уехавшего в обоз 2-го разряда.

12 августа утром, полки 2-й дивизии, Дроздовский Конный дивизион и конная батарея двинулись на с. Ново-Репьевку, занятую большевиками. Не доходя 2-х верст до села, оста-

повились, выставив охранение. Весь день шел артиллерийский бой, во время которого в полку выбыло из строя 3 офицера и 15 солдат. Простояв до вечера, дивизия ушла назад в Агайманы. Охранение занял Конный Дроздовский дивизион. То же повторилось и на следующий день. 14 августа по тревоге дивизия занимает бугры на севере от села. Красные повели наступление густыми цепями из с. Ново-Репьевка. В течение боя красные усилили цепи на своем левом фланге, стремясь обойти 4-й полк. Из Ново-Репьевки вылетела батарея красных и снялась с передков, но наша конная батарея двумя удачными попаданиями загнала батарею красных обратно в деревню. На участке 7-го Кавалерийского полка бой развивался благоприятно для нас. Под метким огнем эскадронов было видно, как редуют цепи большевиков и как движение их становится все нерешительнее. Но 4-й полк не выдержал натиска и отошел, открыв фланг 7-го полка. Начальник дивизии, чтобы выйти из-под флангового удара, приказал всей дивизии отходить форсированным маршем. Ночью дивизия собралась в с. Благодатном. 15 августа дивизия продолжала отход, имея задачей занять хутор Тимофеев (вornee, деревню дворов в 50). При приближении к хутору, была замечена на горизонте сильная колонна красной конницы, двигавшаяся на тот же хутор Тимофеев. Надо было, во что бы то ни стало, занять хутор раньше красных, так как в открытой степи оборона была бы невозможна и гибель дивизии была бы неизбежна.

На повозках карьером заскочили все полки дивизии на хутор, забаррикадировались телегами (можарами) на все четыре стороны. Петроградский дивизион занял позицию по западной стороне. Вскоре красные лавами пошли в атаку на хутор с южной и западной стороны. Огнем артиллерии, пулеметным и ружейным огнем всех эскадронов атака большевиков была отбита. Весь день большевики повторяли атаки, но под губительным огнем, лава красных поворачивала, не доходя до хутора. Бой прекратился поздно вечером. Далеко в поле выставили охранение. Дивизия отдыхала до полуночи, когда было получено приказание тихо отходить из хутора на с. Петровское. В с. Павловка, находящемся в 4-х верстах от Петровского, стоял Запасный батальон Корниловской дивизии. Ввиду угрожающего продвижения большевиков к железной дороге, на поддержку 2-й Кавалерийской дивизии были брошены эти части Корниловской дивизии. Соединившись с Корниловцами, дивизия перешла в наступление и заняла снова хутор Тимофеев, Агайманы, Ново-Репьевку, Дмитровку. Полковник Рубцов снова принимает Петроградский дивизион и ротмистр Леонтьев уезжает в Геничеськ, где сосредоточились обозы дивизии. В Петроградском дивизионе остается взвод Сумцов под командой корнета Оболенского.

К 25 августа положение было восстановлено и 2-я Кавалерийская дивизия была отведена в Крым для посадки на лошадей. 2-й полк стал в Старом Крыму, 4-й в Алуште и 7-й в Карасубазаре.

В августе прибыли из Польши части армии генерала Бредова, в том числе бывший 3-й Конный полк, в составе которого находился дивизион Сумцов. Приехали: штабс-ротмистр Токмаков, штабс-ротмистр Головин, поручик Новак, корнеты Малахов, Кларк и 65 гусар.

Прибывшие Сумцы вошли в 7-й Кавалерийский полк и вместе с бывшим там взводом составили Сумский эскадрон, командиром которого был назначен ротмистр граф Борх. Полковник Швед пришел дивизион того же 7-го полка (Петроградские уланы и Сумские гусары). Сумский эскадрон не пошел сразу в Карасубазар, а временно был оставлен в Симферополе в распоряжении Начальника Гарнизона, в виду недостатка воинских частей в городе и нес караульную службу на гарнизонной гауптвахте.

В середине сентября эскадрон был освобожден от гарнизонной службы и присоединился к полку в Карасубазаре.

В Симферополе полковнику Швед удалось хорошо одеть весь эскадрон, нашить всем гусарам красные погоны и петлички полка, так что получился даже щеголеватый вид. Численность эскадрона достигла 115 человек. В Симферополь приехал полковник Соколов, который несмотря на то, что был инвалид (без ноги), не пожелал оставаться в тылу, а хотел быть со своими однопольчанами.

Из Карасубазара эскадроны несколько раз ходили в горы в экспедиции на "зеленых". Сумский эскадрон выставлял заставу в горах, в которую посменно ходил один взвод.

В Карасубазаре 7-й Кавалерийский полк пополнился еще двумя эскадронами — Смоленского уланского полка и Крымского Конного полка. Таким образом в полк входили: 1-й эскадрон — Петроградские уланы, 2-й — Сумские гусары, 3-й — Новороссийские драгуны, 4-й — Смоленские уланы, 5-й — Лубенские гусары и 6-й — Крымцы.

2-ю Кавалерийскую дивизию получил генерал Шиффер-Маркович. Полк постепенно, по эскадронам, садился на лошадей. Сумский эскадрон должен был сесть на коней в последнюю очередь, что впоследствии сыграло для него роковую роль.

К началу октября большевики сосредоточили подавляющие силы против Русской Армии. План красного командования сводился к захвату в клещи в Сев.рн.ой Таврии Русской Армии и прорыву в Крым через перешейки. Части противника занимали фронт: от Азовского моря до плавней — 4-я и 8-я Советские армии; в Никопольском районе — 2-я Конная армия Миронова;

в районе Береславля — 1-я Конная армия Буденного, далее от Ново-Вороновки до Алешек и в Каховском эт-де-поне части 6-й Советской Армии. Красному Южному фронту была дана директива: 2-й Конной армии форсировать Днепр в Николаевском районе 13 сентября. Части 6-й Советской армии получили задачу расширить Каховский плацдарм и обеспечить за собой все нижнее течение Днепра до устья. Одновременно 4-я и 8-я Советские армии с севера и востока получили приказ выдвинуться на линию Ногайск—Большой Токмак—Васильевка. После этих подготовительных операций все части советского фронта совместно должны были нанести удар для разгрома Русской Армии и прорыва в Крым. Главный удар наносился из Каховского плацдарма частями 1-й Конной и 6-й Советской армией, причем, в то время как 6-я армия наступала на юг в общем направлении на Перекоп, 1-я Конная должна была бить по нашим главным силам в районе Серагоз, стремясь прорваться к Салькову и Геническому.

9 октября 2-я Кавалерийская дивизия со своих стоянок в Крыму была вызвана на фронт. Сумский эскадрон, как и часть Лубенского, не успевшие получить лошадей, были откомандированы в Стрелковый Кавалерийский полк полковника Аппель. Погрузились в вагоны в Симферополе и 10 октября, прибыв на станцию Акимовка, пошли в с. Торгаи, где стоял Стрелковый полк, несший сторожевое охранение.

В это время части 2-го Армейского корпуса, теснимые противником, продолжали отходить к Перекопу. Крупные массы конницы Буденного, обтекая правый фланг 2-го корпуса, быстро продвигались на восток в тыл Русской Армии. Сосредоточенная в районе Агайманы, 1-я Армия генерала Кутепова 18 октября стала отходить на линию Отрада—Рождественское, ведя бои сседавшим противником. Во время этих боев Сумский эскадрон находился в прикрытии артиллерии Конного корпуса. 19 октября Стрелковый Кавалерийский полк в составе Конного корпуса по Чонгарскому мосту вошел в Крым и согласно полученному приказанию занял позиции на Сивашах 23 октября Стрелковый полк пришел в деревню Мурза-Каяш и 24 октября Сумский эскадрон занял заставами Литовский полуостров. 25 октября Сумцы были смещены Иркутским эскадром и ушли в д. Каранки, где к этому времени был сосредоточен Стрелковый полк, занявший окопы к северо-западу от деревни. 27 октября, бывшие в сторожевом охранении Иркутский и Кавказский эскадроны тоже отошли в Каранки и заняли участок окопов для обеспечения левого фланга позиции, вследствие полученных сведений об отходе Конного корпуса от Карповой Балки.

Ввиду прорыва красными Перекопской позиции и угрозы обхода, к Карповой Балке для контрудара был подтянут

Кочный корпус генерала Барбовича, который 27-го успешной атакой отбросил красных к Чувашскому полуострову, но вследствие тяжелых потерь от мощного артиллерийского огня противника, развить успех не мог и красные вновь перешли в наступление. Конный корпус отошел на Юшунь. Во время этой атаки полковник Швед, командуя дивизионом 7-го Кавалерийского полка, был ранен. Ранение было исключительно-го характера. Полковник Швед, ведя дивизион в атаку, что-то кричал. Пуля прошла рот и вышла через шею, не задев ни языка, ни зубов, ни позвоночника и ни одной крупной артерии, но оставив его на всю жизнь с глухим, хриплым голосом.

29 октября на ближайших хуторах были замечены разезды красных. Поручик Новак, посланный на рассвете 30 октября для связи с Донским Офицерским полком, занимавшим позицию вправо от Стрелкового Кавалерийского полка, его не нашел. Оказалось, что Донской Офицерский полк отошел еще в ночь на 30 октября. Посланная от него связь, заблудилась и не дала своевременно знать об отходе. Поручик Новак нашел эту связь и вывел ее из Сивашских болот.

В 8 часов утра 30 октября Стрелковый Кавалерийский полк снялся с позиции и двинулся на станцию Джанкой, спустя 8 часов после отхода от Сивашей последней воинской части и на 14 часов позднее отхода на юг войск с Перекопского направления. Другими словами, остался один спешенный кавалерийский полк против всех рвущихся в Крым Советских армий.

Двигались под угрозой появления красной конницы, с твердым намерением пробиться на соединение со своими частями, отходящими вглубь Крыма. Порядок и дисциплина в полку были образцовые, дух бодрый. Все сознавали опасность положения, но верили в успех. Особенно выделялись своим порядком и дисциплиной Гвардейский, Сумский и Рижский эскадроны. Шли, минуя деревни и хутора. Во главе колонны шел командир полка полковник Аппель с конными всех эскадронов. Затем следовали эскадроны: Гвардейский, Рижский, Сумский, Кавказский, Иркутский и Клястицкий, пулеметы и повозки за своими эскадронами. К полудню 30 октября стали встречаться отставшие от других частей. Некоторые из них присоединились к полку. От них были получены сведения, что кругом в деревнях красные. Люди, не спавшие всю ночь, не евшие с вечера и томимые жаждой (не встретили со времени отхода с позиций ни одного колодца), начали подбиваться. Около двух часов дня пришли в немецкое имение в верстах 18 от Джанкоя, сделали привал. Хозяева радушно встретили полк, как могли, накормили хлебом и молоком.

Выступили с привала немного отдохнувшие, но вскоре появились отставшие. Повозок в эскадронах было мало. От-

ставших по очереди сажали на них. Часа в три дня появились с разных сторон разъезды красной конницы, а вскоре за ними эскадрон большевиков, который рассыпался в лаву и шел параллельно полку. Огня не открывала ни та, ни другая сторона. Срезу весь полк подтянулся, отсталых не стало. Настроение сосредоточенное, но спокойное, нервности не заметно. Командир полка на ходу перестроил полк. Впереди в нескольких верстах лежала деревня Мамут. Командир полка, видя, что в степи вести бой с появившейся конницей красных будет тяжело, решил занять деревню и оттуда отражать противника. Когда полк подошел к деревне шагов на 600-700, оттуда по нему был открыт сильный ружейный огонь. Полк залег и стал отвечать.

Один из офицеров Сумского эскадрона корнет Секалов, оставшийся в живых, так описывает конец этого боя:

"Открываем огонь залпами. Я ложусь на фланге взвода и стреляю из своей винтовки. Граф Борх и Головин стоят на коленях за эскадроном. Слышу уверенный голос графа: "эскадрон, пли!" Противник открыл сильнейший пулеметный и ружейный огонь, пристрелялся скоро и здорово. Кипит, как в котле. После нескольких залпов, слышу вправо крик, это во взводе Мамонтова ранен гусар Илли. Николаев встает и уводит раненого в "тыл". А тыл ровен, как стол, и обстреливается так же, как и мы, там стоят наши стреляющие с тачанок пулеметы. Николаев вел себя с выдающейся доблестью, под сильным огнем все время перевязывал раненых. Я успеваю выпустить четыре обоймы, вдруг чувствую сильный удар в спину (у меня пуля попала недалеко от головы, в левое плечо и вышла под лопаткой). Оборачиваюсь, чтобы сказать Мите (штабсротмистр Головин), что я ранен, пойду перевязываться и вернусь. Мне казалось, что мы сейчас атакуем деревню и пойдем дальше, почему я и боялся отстать, обессилевши от потери крови. В этот момент вижу, как граф, стоящий на колене и командующий, вскрикивает "ай" и хватается рукой за правый бок. Ярко запечатлелась в памяти фигура графа в его коротеньком защитном полубубке с галунными погонами. Я встаю и иду к повозкам, чтобы перевязаться, меня догоняет гусар Садовничий, которого, оказывается, послал Головин, чтобы он помог мне, если понадобится. Этот эпизод я привожу, как пример состояния духа и поведения наших гусар в последний момент безысходной и отчаянной борьбы, их можно было поднять под сильнейшим и действительным огнем простым приказанием. Противник положительно заливает нас свинцовым дождем. Поле боя имеет тяжелый гнетущий вид: резде валяются убитые, раненые, все лошади перебиты, большинство пулеметов уже бездействует. Слышу четкие залпы, это эскадрон под командой уже Головина еще отстреливается. Не-

ревязочного пункта я не нашел. Командира полка тоже нигде не было. Началась неразбериха... Пошел на правый фланг. Помню в степи скачущую разомкнутую шеренгу всадников на расположение Клястицев, встающую толпу Клястицких "красноармейцев" (бывшие пленные) с поднятыми руками, сзади них неуверенно стреляющий по кавалерии пулемет на тачанке, а за пулеметом сбившихся в кучу Клястицких офицеров верхом. Я со встретившимся мне Николаевым спешим к своему эскадрону, решив умирать лучше со своими. Кругом царит хаос. Все сдаются. Противник уже не стреляет. Наш эскадрон застаю поднявшимся и сбившимся в кучу к своим офицерам. Бросилась мне в глаза фигура Новака с наганом в руке. Сразу не сообразил, что он хочет делать; по его вызывающей позе я заключил, что он хочет отстреливаться. Это было совсем не целесообразно, так как кругом все сдалось. Я прошел по всему полю боя и ясно представлял себе обстановку и только хотел сказать ему об этом как он быстро и решительно поднес наган ко рту. Сухо шелкнул одинокий револьверный выстрел и Новак упал ничком, буквально к моим ногам... Ступил несколько шагов и вижу Головина тоже с револьвером. Хватаю его револьвер здоровой рукой и уговариваю бросить. Митя не дает... Наган в моей руке, и я бросаю его на землю. После, да еще и теперь мучит вопрос, хорошо ли сделал и нет ответа... Что делать? Сопrotивление бесполезно, сдались все эскадроны, кроме нас и Рижцев. Сдаемся и мы. Гусарам Головин говорит: "Можете снимать погоны". Начинается тяжелая сцена снятия погон, рвутся документы, некоторые под шумок портят оружие... Николаев начинает делать мне перевязку... Сгоняют в кучу пленных. "Где наш граф?" Кто-то говорит, что он убит, другой перебивает: "Застрелился". О командире полка говорят, что застрелился."

Взятые в плен офицеры штабс-ротмистр Головин, корнет Мамонтов и Кларк расстреляны. Раненый корнет Секалов был отправлен в госпиталь, как простой солдат. К чести гусар, никто не выдал, что он офицер. По выздоровлении корнет Секалов бежит в Румынию.

Этим трагическим боем закончилась борьба Сумских гусар за освобождение Родины от большевистского ига в рядах Русской Армии. Большие потери понесли Сумцы в неравной борьбе.

Запечатлеть и воевать должно тем, кто бестрепетно отдал свою кровь, страдания и самую жизнь, наш долг перед грядущим поколением.

ЭМИГРАЦИЯ

1919 - 1951

Борьба за Крым кончилась. Сумский гусарский эскадрон погиб. Армия генерала Врангеля отходила к портам, готовясь покинуть пределы России.

Бывшие в командировках, отпусках и больные Сумские офицеры и гусары грузились на пароходы разрозненно, в разных городах. Запасная часть эскадрона, как тогда называли "база", погрузилась 2 ноября 1920 года в г. Феодосии. Сюда же, в последний день погрузки, прибыл полковник Швед, раненный за три дня до этого в конной атаке 7-го Кавалерийского полка под Карповой Балкой у с. Юшунь.

На рейде Константинополя на транспорт "Корнилов", где находился полковник Швед с запасной частью эскадрона, собрались с других пароходов почти все оставшие Родину однопольчане. После 20-дневной стоянки около 50 Сумцов прибыли в Галлиполи, где с полуэскадром Лубенских гусар составили 3-й эскадрон 4-го Кавалерийского полка. Сумским полуэскадром командовал ротмистр Токмаков.

Прибывшие в Галлиполи дезорганизованные во время эвакуации и в пути части Русской Армии через какой-нибудь месяц стали первоклассными войсками. Насильно в Галлиполи никого не удерживали. Желающим предоставлено было право отправляться, куда они хотят, даже обратно в Советскую Россию. Из Сумского полуэскадрона туда уехало несколько гусар, мобилизованных в свое время и, по инерции, попавших со всеми в Галлиполи. Добровольцев и тем более офицеров не уехало туда ни одного. Во Францию, воспользовавшись этим правом, уехали штабс-ротмистр Леонтьев, поступивший в Иностраный Легион, и поручик Вешняков.

Сумцы жили жизнью Галлипольского корпуса: голодный французский паек, работа по украшению лагеря, строевые, стрелковые занятия, маневры и постоянные учебные тревоги. Быстроте сбора по тревоге придавалось большое значение, ввиду желания французских властей силой разружить

корпус. По лагерю ходили упорные слухи, что "союзники", французы и англичане, хотят арестовать генерала Врангеля, бывшего в то время в Константинополе. 30-тысячный корпус, вооруженный чем попало и как попало, но состоящий из людей, готовых на все, служил большим тому препятствием.

Жизнь текла своим чередом. Каждый Галлиполиец понимал, что вечно оставаться здесь невозможно, но верил, что Главнокомандующий что-то сделает и как-то устроит дальнейшее существование корпуса. Прошли слухи, что союзники хотят использовать корпус для подавления вспыхнувшего в Венгрии коммунистического восстания, но что Главнокомандующий от этой авантюры отказался.

Наконец, стало официально известно, что после переговоров с Югославским и Болгарским правительствами Корпус перейдет в эти страны. Кавалерия в Югославию, пехота в Болгарию. 4 полка Кавалерийской дивизии генерала Барбовича в полном составе принимаются на службу в сербскую пограничную стражу и становятся на охрану границ вновь образованного Королевства Югославия.

Сумцы в составе дивизии в сентябре 1921 года пароходом прибыли в Салоники и оттуда в пограничный сербский городок Гевгели, много пострадавший в только что минувшую войну.

В Гевгели приняли присягу на верность Королю Александру и переоделись в форму сербских пограничников. Офицерам, принятым на службу на офицерские должности, была оставлена русская форма, офицеры, принятые на унтер-офицерские должности, должны были носить на правом рукаве сербского мундира — погон-жетон своего Российского полка. Была произведена разбивка на "чете" — роты, причем русская организация не нарушалась, совмещая параллельно командование русское и сербское.

Сумцы, 35 человек — офицеров и гусар, 30 Кабардинцев и 5 сербских солдат образовали 19-ю чету Итальянской границы. Командиром четы был назначен "капетан 2-го класса", порусски штабс-капитан, Младен Младенович. Чета разбита на два взвода, одним взводом — кабардинцами командовал сербский "поручник" Радован Милосавлевич, другим — Сумским полковник Швед, которому по положению была оставлена русская, своя гусарская форма. Он же по русской линии являлся командиром вновь сформированного эскадрона (Сумские гусары и Кабардинцы), входящего по той же линии в состав 4-го Кавалерийского полка.

В октябре 1921 года дивизия из Гевгели была отправлена на место своей новой службы. Сумцы и Кабардинцы заняли участок итальянской границы в Словении, по линии сел Ракер-Планина—Горный Логатец—Хотедержица—Ровты—Жиры,

со штабом четы в Дольнем Логатце. Взводы разделились на сторожевые посты и разместились в горных хуторках, где офицерам и гусарам приходилось нередко жить в одном помещении с хозяевами-словенцами. Командирами постов были назначены офицеры старшие в чине, остальные несли службу наравне с гусарами, т. е. ходили по границе патрулями, сидели в засадах и пр. Несмотря на это, русская дисциплина оставалась прежняя. За все время пограничной службы не было случая нарушения гусарами чинопочитания в отношении своих офицеров или неисполнения их приказаний.

Условия жизни Сумцов — сербских пограничников были блестящи. Пограничник получал 350 динар в месяц, квартиру и обмундирование. Довольствовался на свой счет. Жалования не хватало даже на довольствие. Помогала захваченная контрабанда. В Италию нелегальным путем шло много съестных продуктов, мясо, масло, колбасы, а также табак и папиросы. Захвативший контрабанду получал 1/3 ее стоимости. Но захватить контрабанду было делом не легким. Покрытые густым лесом Словенские Альпы давали много преимуществ контрабандистам из местных жителей, знавшим все тропинки и легко ориентировавшимся даже ночью. Кроме того, хозяева тех домов, где были расположены пограничники, сейчас же сообщали своим односельчанам о выходе патруля.

Служба неслась добросовестно, что показывает приведенный ниже эпизод. В патруле были три гусара: старший унтер-офицер Ельсеев, ефрейтор Гайдук и гусар Елчанинов. Залегли в засаду, ожидая прохода контрабанды. Вместо контрабандистов они неожиданно увидели перешедшую сербскую границу и наступавшую прямо на них цепь итальянских регулярных войск силою в 150-200 штыков. Что делать? По закону пограничник имеет право стрелять после трехкратного оклика "стой". В противном случае он предается суду. Посоветались, время идет, цепь продолжает наступать, решили стрелять без окрика, нас трое, их двести. Открыли огонь, итальянцы остановились на секунду и бросились в панике назад, теряя на бегу шляпы, обмотки, плащи, фляжки и пр. Гусары, прекратив стрельбу, начали собирать "трофеи", набралось около трех мешков. Вернувшись, патруль отправился с докладом к командиру четы. "Капетан" Младенович схватился за голову: "что вы наделали, что будет со мною, учинили сте международни инцидент". Разругав в пух и прах, отгравил гусар в штаб дивизии в г. Любляны: "расправляйтесь сами, как знаете".

Подавленные отсутствием капитана, прибыли они в штаб дивизии. Ввиду исключительного случая, к ним вышел начальник штаба дивизии и по-русски расспросил их о подробностях инцидента. Начальник штаба оказался воспитанником

русской Академии Генерального Штаба. После доклада, сделанного им начальнику дивизии о происшедшем, он снова вышел к гусарам и передал, что начальник дивизии ими очень доволен, и от себя добавил, что их поведение лишней раз доказывает, насколько хорош русский солдат; и что в приказе будет отдана благодарность командиру "четы" и им за блестящее поведение и понимание своего долга. В радужном настроении вернулись гусары домой, переменил мнение о "международном инциденте" и капитан Младенович.

Пограничная стража просуществовала на итальянской границе всего лишь год. С 1923 года здесь была установлена "финансиска контрола". Организация полугражданская, полувосная. Офицерам и гусарам, привыкшим к воинской точности, стало служитья тяжелее. К этому прибавилось неприязненное отношение начальства и сослуживцев, уже не сербов, а словенцев. Русские на постах оказались в меньшинстве. Между гусарами и словенцами-сослуживцами возникали недоразумения и даже столкновения, следствием чего было то, что офицеры и гусары начали покидать службу добровольно, а иногда и по принуждению, рассеиваясь по Югославии. Связь с ними, как и с не служившими на границе Сумцами (Крейтер, Алферов, братья Слепцовы, Соколов, Водо, Елагин) — продолжала сохраняться. Некоторые приезжали на границу в день полкового праздника.

Передевшие ряды Сумцов пополнились молодежью. Во время службы в "финансиском контроле" из восстановленного на Юге России и эвакуированного в Югославию Николаевского Кавалерийского Училища были, после двухгодичного курса, произведены в корнеты и выпущены в 1-й гусарский Сумский полк 8 молодых офицеров: Мазаев, Адамов, Любоумров, Семенов, Чернов, Голдинский, Свеклей и Рклицкий.

В 1925 году эскадрон с итальянской границы был перебросен на венгерскую в район Мурской Субботы. Некоторые Сумцы оставались служить на границе до войны, т. е. до 1941 года, так, ротмистр Токмаков был ранен в одном из первых столкновений сербов с немцами.

В 1925 году началось объединение Сумцов в Париже. Возглавлял его полковник Муханов, душою же Объединения был полковник Никольский. В Объединение вошли: два брата Гарденины, граф Баранов, Спечинский, Соколов, Ветчинкин, Яцинский, Раутсман, Седаков, Кичеев, Завалишин, Петров 2-й и проживавшие вне Парижа — Снежков и Лебедев. Парижская группа связалась с Югословенской и взаимными усилиями была установлена связь со всеми Сумцами, разбросанными по разным странам: Будзко и Бахрушин — в Англии, Барон де Норман, Слепцов Василий, Пушкин, Мясников — в Бельгии, Гуковский и Секалов — в Румынии.

В 1926 году обеими группами был отпразднован 275-летний юбилей полка. Юбилей был отмечен поднесением в Русский Собор Александра Невского в Париже иконы Св. Великомученика Георгия и составлением полковой группы, для чего были собраны фотографии всех оставшихся в живых Сумцов.

Для более тесного единения, несмотря на тяжесть работы и скромные заработки, Парижская группа устраивала частые совместные обеды, также было приступлено к собиранию полкового музея. Для общей информации выпускались полковые бюллетени.

На Пасху 1939 года Парижская группа решила принести от лица всех Сумских гусар поздравление Великому Князю Владимиру Кирилловичу, проживавшему в это время в Сан-Бриаке. На запрос о приеме состоящий при Великом Князе адмирал Граф ответил благоприятно и 10 апреля 1939 года депутация в составе: Никольского, Ветчинкина, Соколова, Яцинского и Раутсмана прибыла в Сан-Бриак и в 11 часов утра была принята Великим Князем. Никольский представил Великому Князю участников делегации, указав, что среди нее находятся двое принимавших участие в попытке спасти Царскую Семью в Тобольске в 1918 году — Соколов и Яцинский. Выслушав подробный рассказ Соколова, Великий Князь сказал, что в память этого события Он зачисляет Себя в списки Сумского полка.

На Дальнем Востоке после гибели армии адмирала Колчака Сумцы объединились в Харбине, где собрались Говоров, Зеленков, Язвин, Аршаулов, Головин Петр, Колачев, Кулбьякиц, Яффа, Вярвьильский.

Вторая Великая война отразилась и на жизни Сумской семьи. За ее годы умер от туберкулеза Никольский, убит пошедший добровольцем в Иностранный легион Яцинский. Парижская группа все же продолжала существовать. Связь с Сумцами в Югославии и других странах была потеряна.

Более тяжелые испытания выпали на долю Сумцов в Сербии. С занятием страны немцами связь между Сумцами нарушилась. Встретились некоторые лишь в "Охранном Русском Корпусе", который был сформирован из русских эмигрантов. Русская эмиграция, как и миллионы русских людей, сдававшихся на германо-русском фронте в начале войны, видели в Гитлере спасителя и борца против большевистского владычества. Большинство русских эмигрантов Югославии и Болгарии, богатый, бедный, старый, молодой, видя в этой борьбе продолжение борьбы с большевиками на белых фронтах, шли в Русский Корпус. Пошли и Сумцы: Алферов, Швед, Водо, Ваккар, Забелин младший, сын старшего Забелина, гусары Ткаченко, Панин. Вместе собраться Сумцам не удалось, они

были разбиты по разным ротам и полкам. Вопреки обещанию немцев, Корпус не был отправлен на Советский фронт, а оставлен в Югославии для борьбы с местными коммунистами.

Выехавший из Сербии на работу в Германию Слепцов Сергей был убит во время воздушной бомбардировки г. Берлина.

Война для немцев кончилась неудачно. Сумцы, бывшие в Корпусе, а также те, кому удалось выбраться из Югославии, занятой Советскими войсками, оказались в беженских лагерях Австрии и Германии. Начались розыски друг друга. Связь восстановилась, "чувство стремени" и полковая спайка проявились, как никогда. Жившие уже давно в Америке Литтауэр, Вярвильский и приехавшие вскоре после Второй Мировой войны Соколов и Забелин старший протянули свои руки через океан Сумцам, находящимся в бедственном положении в лагерях. Ими были выписаны в Америку: Швед, Водо, младший Забелин, Кулебякин, Мазаев и гусар Ткаченко. Попытки выписать Алферова и Токмакова успехом не увенчались.

Таким образом, с сентября 1949 г. в Сан-Франциско образовалась новая группа Сумцов из 8-ми человек, ставшая руководящим центром Объединения Сумских гусар за границей. В группу входят: Швед, Водо, Вярвильский, Кулебякин, Забелин Николай, Мазаев и князь Ухтомский. В Аргентине оказались Говоров и Ваккар, в Венесуэле — Секалов, в Германии — Алферов, в Австрии — Токмаков, в Италии — Щуровский, в Индонезии — Язгин.

Ввиду неопределенности положения в Европе, из Парижа переслан в Сан Франциско полковой музей и помещен в Обществе Ветеранов Первой Мировой войны, для чего устроена особая витрина. Праздновались полковые праздники.

Время шло, приближалось 300-летие с основания полка. Задолго стали обсуждать, как отпраздновать и отметить этот исключительный юбилей. Сан-Францискская группа предложила в память этого дня издать книгу с описанием жизни полка за последние 50 лет — продолжение Истории Полка ротмистра Голодолодинского, выпущенной к 250-тилетнему юбилею в 1901 году и хранящейся в полковом музее. Предложение принято всеми. Началась трудная, кропотливая работа по восстановлению далекого славного прошлого.

Старейшие полки Русской конницы Сумский, Ахтырский, Изюмский и Харьковский из чувства кавалерийской солидарности решили праздновать общий юбилей одновременно и совместно. Днем празднования назначили 23 сентября 1951 года.

Как в Париже, так и в Сан Франциско, в этот день были отслужены молебны с провозглашением "Вечной Памяти" всем Российским Монархам и Сумцам, "за Веру, Царя и Отечество живот свой положившим, в смуте убиенным и в расее-

нии скончавшимся", и многолетия Главе Российского Императорского Дома Великому Князю Владимиру Кирилловичу и Сумцам, в рассеянии сущим. На последующие банкеты были приглашены представители всех воинских и национальных организаций Парижа и Сан Франциско.

В Париже молебен был отслужен непосредственно перед банкетом в собрании Лейб-Гвардии Казачьего полка священником о. Трубниковым, бывшим офицером Ахтырского гусарского полка. На молебен представители всех 4-х полков принесли иконы. Сумцами была принесена икона Св. равноапостольного Князя Владимира, работы офицера полка ротмистра Раутсмана.

После молебна были заслушаны доклады: профессора истории Беляева о формировании Слободских Казачьих полков: Сумского, Харьковского, Ахтырского и Изюмского, и профессора Ковалевского о личности Царя Алексея Михайловича, их основателя.

После доклада начался банкет, во время которого старшим офицером из этих полков была провозглашена здравица Главе Российского Императорского Дома Великому Князю Владимиру Кирилловичу. Присутствующий на банкете Великий Князь Гавриил Константинович поздравил юбиляров со днем 300-летия и провозгласил "ура" полкам, родоначальникам Русской Конницы. Банкет затянулся до ночи.

Глава Российского Императорского Дома Великий Князь Владимир Кириллович, желая отметить этот замечательный день в истории России и Российской Армии, утвердил:

1) Родовой жетон — право на ношение которого с гравировкой чина и фамилии имеют все Сумские офицеры и гусары, числящиеся в Объединении Сумского гусарского полка в день юбилея 23 сентября 1951 года, жетон переходит сыну, за неимением такового поступает на вечное хранение в музей полка. Право на ношение жетона имеют в будущем все Сумцы, вошедшие в списки полка, но без гравировки чина и фамилии.

2) Дарована грамота о пожаловании Сумскому гусарскому полку, за верную 300-летнюю службу, Вензеля Главы Императорского Дома с тем, чтобы в будущем Вензель был прикреплен к полковому Штандарту.

В Сан Франциско юбилей праздновали Сумцы и Изюмцы. Представителей Харьковцев и Ахтырцев не оказалось.

Утром 23 сентября в церкви Казанской Божьей Матери, памяти убиенной Царской Семьи, был отслужен молебен. Служивший о. Клярович сказал прекрасное слово о русском воинстве вообще и о Сумском и Изюмском полках, в частности.

Вечером в Обществе Ветеранов Первой Мировой войны состоялся обед. Первая здравица была провозглашена полковником Шведом Августейшему Однополчанину Великому Князю

Владимиру Кирилловичу. После произнесли речи Изюмцы, генерал Пучков, председатель Общества Ветеранов Первой Мировой войны, генерал Выгран, полковник Ивановский, полковник 1-го Донского Казачьего полка Поляков и др. Полковником Шведом была поднята здравица за всех отсутствующих Сумцов. После чего были прочитаны полученные, чуть ли не из всех стран света, поздравления от Сумцов и других лиц.

Последним было оглашено полученное из Аргентины письмо от старшего Сумца генерал-майора Бориса Николаевича Говорова:

"Поздравляю Вас с Днем 300-летнего юбилея нашего славного полка. Я хочу в кратких словах поделиться с Вами теми чувствами, которые я переживаю в столь знаменательный для нас день. 300 лет — это такой срок, что даже кратко проследить все его этапы является крайне трудной задачей. Я остановлюсь на эпохе последних десятков лет, когда на наши с Вами плечи перешла от наших предков обязанность поддержания старой славы и чести полка. Мы, друзья, родились в исключительно неудачное и тяжелое время. Когда предыдущие поколения впили лавры в лавровый венок полка, — нам достался венок терновый. Бог не судил нам победы ни в Первую Мировую войну, ни в Гражданскую, но тем не менее долг мы свой выполнили до конца.

Существует одна оценка доблести всякой воинской части. Она такова: "Доблесть воинской части определяется при успехе — количеством взятых трофеев, а при неуспехе — количеством потерянных пестер". Оценка жестокая и даже циничная, но она отчасти справедлива. И если не велико было число взятых нами трофеев, то крови мы, Сумцы последних поколений, пролили столько, сколько, может быть, наши предки не пролили за все время существования полка.

Когда произошла революция и началась гражданская война, не было такой контрреволюционной организации, где бы не было Сумского гусара, и не было такого фронта, где бы не дрались Сумцы. Сумская кровь обильно лилась, как в застенках Чека Москвы и Петрограда, так и на полях Кубани, Кавказа, Таврии, Волги, Сибири и других местах. И ценой этой крови мы поддержали честь полка и донесли ее незапятнанной до сегодняшнего юбилея. Мы не посрамили своих предков и оставим добрую память нашему потомству.

И верьте мне, друзья, что когда-нибудь воссоздастся полк, и молодое поколение Сумских гусар вспомнит и оценит нас. А потому сегодня мы имеем право со спокойной совестью и чистой душой, открыто смотря всем в глаза, достойно отпраздновать наш юбилей.

За славный Полк и за ваше здоровье, друзья, — Ура!"

КОМАНДИРЫ ПОЛКА

Полковник Петрово-Соловово	1902—1905 г.
Полковник Нилов	1905—1912 г.
Полковник Гротен	1912—1915 г.
Полковник Леонтьев	1915—1916 г.
Полковник Жуков	1916—1917 г.
Полковник Неслов	1917—1918 г.

С П И С О К

офицеров, прибывших в полк с 1903 года*)

1903 год.

1416. Корнет Струпов.

1417. Корнет Раевский.

1904 год.

1418. Корнет Зеленков.

1419. Корнет Малевинский.

1420. Корнет Говоров Константин.

1421. Корнет Соколов Аркадий.

1422. Корнет Хольд.

1423. Корнет Хоецкий.

1905 год.

1424. Корнет Соколовский.

1425. Корнет Никольский Сергей.

1906 год.

1426. Корнет Янковский-Русин.

1427. Корнет Спечинский.

1428. Корнет Говоров Борис.

1429. Корнет Слепцов Сергей.

1430. Корнет Марквардт.

1431. Корнет Алферов.

1432. Прапорщик Стратанович.

1433. Прапорщик Борисов.

1907 год.

1434. Корнет Коносевиц.

1435. Корнет Сметанников.

1436. Корнет Никольский Николай.

1437. Корнет Панков Пантелеймон.

1438. Корнет Захаров.

1439. Корнет Старынкевич.

1440. Корнет Колиев.

1441. Корнет Лебедев.

*) Продолжение общего списка офицеров полка со дня его основания и помещенного в Истории Полка ротмистра Голодолинского.

1908 год.

- 1442. Корнет Тархов.
- 1443. Корнет Кузнецов Андрей.
- 1444. Корнет Панов-Генке.
- 1445. Корнет Швед.
- 1446. Корнет Померанцев.
- 1447. Корнет Анненков Иван.
- 1448. Штабс-ротмистр Поляков Николай.

1909 год.

- 1449. Корнет Онгирский.
- 1450. Корнет Крейтер Владимир.
- 1451. Корнет Слэпцов Василий.
- 1452. Корнет Постольников.
- 1453. Корнет Князь Оболенский.

1910 год.

- 1454. Корнет Казаков.
- 1455. Корнет Петражкевич.
- 1456. Корнет Вешняков.
- 1457. Корнет Анненков Виктор.
- 1458. Корнет Старынкевич 2-й.
- 1459. Корнет Золотухин.
- 1460. Корнет де Маньян.
- 1461. Корнет фон Кеппен.
- 1462. Корнет барон Кистер.

1911 год.

- 1463. Корнет Снежков.
- 1464. Корнет Снегирев.
- 1465. Корнет Лефлер.
- 1466. Корнет барон де Норман.
- 1467. Корнет Чеботарев.
- 1468. Корнет Гуковский.
- 1469. Корнет Соколов Владимир.
- 1470. Корнет Елизаров Константин.
- 1471. Корнет Леонтьев.

1912 год.

- 1472. Корнет Ветчинкин.
- 1473. Корнет Дембицкий.
- 1474. Корнет Кузнецов.
- 1475. Корнет Аршаулов.
- 1476. Корнет Соколов Константин.
- 1477. Корнет Будзко.
- 1478. Поручик Ратиев.

1913 год.

- 1479. Корнет Литтауэр.
- 1480. Корнет Язвин Евгений.
- 1481. Корнет Иванов.
- 1482. Корнет Ларюшкин.
- 1483. Корнет граф Борх.
- 1484. Корнет Головин Петр.
- 1485. Корнет Поляков Михаил.
- 1486. Подпоручик Щуровский. (прикомандирован).

1914 год.

- 1487. Корнет Хоружинский.
- 1488. Корнет Филиппьев.
- 1489. Корнет Георгиади.
- 1490. Корнет Яцинский.
- 1491. Корнет Патаракин.
- 1492. Корнет Десницкий.
- 1493. Прапорщик Токмаков.
- 1494. Прапорщик Тоболин.
- 1495. Прапорщик Бибииков.
- 1496. Прапорщик Лопухин.
- 1497. Прапорщик Берг.
- 1498. Прапорщик Седаков.
- 1499. Прапорщик Калачев.
- 1500. Прапорщик барон Кноп.
- 1501. Прапорщик Леман.
- 1502. Прапорщик Головин Димитрий.
- 1503. Прапорщик Крэйтер Глеб.
- 1504. Прапорщик Елизаров 2-й Андрей.

1915 год.

- 1505. Прапорщик Панков 2-й Николай.
- 1506. Прапорщик Водо.
- 1507. Прапорщик граф Меллин.
- 1508. Прапорщик Пиловальщиков.
- 1509. Прапорщик Петров 1-й Владимир.
- 1510. Прапорщик Роменский.
- 1511. Прапорщик Кулэбякин.
- 1512. Прапорщик Кичеев.
- 1513. Прапорщик Щуровский Андрей.
- 1514. Корнет Церетли.
- 1515. Корнет Моравский.
- 1516. Корнет Раутсман.
- 1517. Корнет Яффа.
- 1518. Корнет Завалишин.
- 1519. Корнет Ипатьев.
- 1520. Корнет Дмитриев.
- 1521. Подковник Шибергсон.

1916 год.

- 1522. Корнет Петров 2-й Николай.
- 1523. Корнет Петрович.
- 1524. Корнет Шохин.
- 1525. Корнет Калитя.
- 1526. Корнет Варенцов.
- 1527. Корнет Шварц.
- 1528. Прапорщик Ваккар.
- 1529. Подполковник Стронский.

1917 год.

- 1530. Корнет Вярвьильский.
- 1531. Корнет Язвин 2-й.
- 1532. Корнет Морозов.
- 1533. Корнет Снитовский.
- 1534. Корнет Скосырев.

1918 год.

- 1535. Ротмистр Ралли.
- 1536. Корнет Секалов.
- 1537. Корнет Елагин.
- 1538. Корнет Юргенс.
- 1539. Поручик Новак.
- 1540. Прапорщик Кларк.
- 1541. Прапорщик Мамонтов.

1919 год.

- 1542. Ротмистр Забелин.

1922 год.

- 1543. Корнет Рклицкий.

1923 год.

- 1544. Корнет Мазаев.
- 1545. Корнет Адамов.
- 1546. Корнет Свеклей.

1924 год.

- 1547. Корнет Чернов.
- 1548. Корнет Голдинский.
- 1549. Корнет Любомудров.
- 1550. Корнет Семенов.

1939 год.

Его Императорское Высочество Великий Князь
Владимир Кириллович.

СПИСОК

офицеров, убитых в Великую Войну

1914—1917.

1. Ротмистр Лазарев.
2. Ротмистр Висс.
3. Штабс-ротмистр Поляков Николай
скончался от ран.
4. Корнет Соколов Владимир.
5. Корнет Поляков Михаил.
6. Корнет Хоружинский.
7. Корнет Язвин Валентин.
8. Поручик Старынкевич — распят курдами
на Кавказском фронте.

СПИСОК

офицеров, убитых в Гражданскую войну 1918—1920 и расстрелянных большевиками.

1. Ротмистр Иваров — убит.
2. Ротмистр граф Борх — убит.
3. Штабс-ротмистр Моравский — убит.
4. Корнет Мамонтов — убит.
5. Корнет Варенцов — убит.
6. Корнет Кларк — убит.
7. Полковник Шибергсон — убит революционной толпой.
8. Полковник Хольд — убит революционными солдатами в
Финляндии.
9. Ротмистр Светлейший Князь Меншиков-Корейша —
расстрелян.
10. Ротмистр Петражкевич — расстрелян.
11. Ротмистр Лебухин — расстрелян.
12. Штабс-ротмистр Головин Дмитрий — расстрелян.
13. Штабс-ротмистр Бибилов — расстрелян.
14. Поручик Говоров Константин — расстрелян.
15. Поручик Патаракин — расстрелян.
16. Корнет Едзгаров Андрей — расстрелян.
17. Корнет Панков Николай — расстрелян.
18. Прапорщик Виленкин — расстрелян.
19. Поручик Новак — покончил с собой, предпочтя смерть
плёну.

СПИСОК

г. г. офицеров и гусар, состоящих в Объединении 1 Гусарского
Сумского полка в 300-летнюю годовщину полка
27-го июня 1951 года.

1. Его Императорское Высочество Великий Князь Владимир Кириллович.
2. Павел Павлович Гротен.
3. Владимир Алексеевич граф Баранов.
4. Борис Николаевич Говоров.
5. Юрий Борисович Алферов.
6. Георгий Александрович Шв д.
7. Леонид Димитриевич Лебед в.
8. Василий Александрович Слепцов.
9. Николай Михайлович Сн жков.
10. Георгий Людвигович барон де Норман.
11. Владимир Владимирович В тчинкин.
12. Константин Владимирович Соколов.
13. Виктор Петрович Будзко.
14. Владимир Станиславович Литтауэр.
15. Евгений Феодорович Язвин.
16. Федер Константинович Водо.
17. Гавриил Феодорович Кулебякин.
18. Мстислав Владимирович Токмаков.
19. Николай Николаевич Седаков.
20. Георгий Николаевич Киче в.
21. Владимир Андреевич Раусман.
22. Андрей Владимирович Щуровский.
23. Борис Иванович Завалишин.
24. Петр Петрович Вярвильский.
25. Алексей Васильевич Ралли.
26. Николай Петрович Забелин.
27. Владимир Иванович Сёкалов.
28. Сергей Васильевич Ваккар.
29. Константин Павлович Мазаев.
30. Иоил Валерианович князь Ухтомский.
31. Михаил Димитриевич Бахрушин.
32. Николай Иванович Ткач нко.
33. Георгий Феодорович Петренко.
34. Святослав Николаевич Забелин.
35. Юрий Георгиевич Швед.
36. Александр Алексеевич Ралли.
37. Александр Васильевич Сл пнов.

Пропущено в списке г. г. офицеров и гусар, состоящих
в Объединении I-го Гусарского Сумского полка к 27 июня
1951 года, стр. 322:

40. Георгий Владимирович Леонтьев.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
Предисловие	21
Исторический очерк — 1651-1901	23
Жизнь полка в мирное время — 1901-1914	57
Глава 1. — Казармы, состав полка, комплектование	61
Глава 2. — Строковые занятия	70
Глава 3. — Командиры полка	86
Глава 4. — Штаб-офицеры и командиры эскадронов	105
Глава 5. — Уставы. Новые формирования. Годы перед Великой войной	115
Глава 6. — Полковое собрание. Праздники	124
Глава 7. — Торжества в Москве	135
Глава 8. — Жизнь офицера вне полка	145
Глава 9. — Спорт	154
Глава 10. — Мобилизация	161
Война 1914-1917 г. г.	169
Высочайший Манифест	169
Глава 1. — Сосредоточение на границе. Наступление на Восточную Пруссию	171
Глава 2. — Боевые действия полка в 10-й армии ..	194
Глава 3. — Отдых в Красном Селе. Боевые действия в Риго-Митавском районе	221
Глава 4. — Позиционная война	238
Глава 5. — Революция	250
Гражданская война	261
Глава 1. — Контрреволюционные организации. Попытки освобождения Царской Семьи ..	261
Глава 2. — Добровольческая Армия на Юге России	270
Эмиграция — 1919-1951	309

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

UA774
.S86
1954

